

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

А. М. ЩЕРБАК

ГРАММАТИКА
СТАРОУЗБЕКСКОГО
ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД

1 9 6 2

АННОТАЦИЯ

Книга содержит систематическое описание фонетики, морфологии и синтаксиса староузбекского языка. Анализируются также исторические обстоятельства формирования этого языка, дается обзор истории его изучения. Среди вспомогательных материалов имеется раздел о староузбекском стихосложении.

Издание рассчитано на научных работников — тюркологов.

Ответственный редактор
А. К. БОРОВКОВ

СОКРАЩЕНИЯ

I. ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ РУКОПИСЕЙ, НАДПИСЕЙ И Т. П.

- Абушқа — *ابوشقا* (Словарь джагатайско-турецкий. Изд. В. В. Вельяминов-Зернов. СПб., 1868).
- Б — Бабур: *رساله والديه و ديوان* (А. Н. Самойлович. Собрание стихотворений императора Бабура, ч. I. Текст. Пг., 1917).
- БА — Тāли' Херевй: *بدائع اللغت* (А. К. Боровков. Бадā'и' ал-лугат. Словарь Тāли' Ймāни Гератского. М., 1961).
- БН — Бабур: *بابر نامه* (Бабер-наме, или Записки султана Бабера. Изд. Н. И. Ильминского. Казань, 1857).
- М — *ميرآدم نامة* (Mirād-j-nāme. Traduit et annoté par A. Ravet de Courteille. Paris, 1882).
- МА — Нава'й: *ميزان الاوزان* (Алишер Навоий. Мезонул авзон. Критик текст тайёрловчи Иззат Султонов. Тошкент, 1949).
- Маҳ. — Нава'й: *محبوب القلوب* (Алишер Навои. Возлюбленный сердец. Изд. А. Н. Кононов. М.—Л., 1948).
- МЛ — Мехдй-хан: *مباني اللغت* (E. Denison Ross. The Mabāni' l-lughat being a grammar of the turki language in Persian by Mirzā Mehdi khān. Bibliotheca Indica. New Series. Nr. 1225. Calcutta, 1910).
- МН — Ҳорезмӣ: *مخدوم نامه* (А. М. Щербак. Огуз-наме. Мухаббат-наме. М., 1959).
- МХ — Мйр Ҳайдар: *مخزن الاسرار* Казань, 1858.
- Муҳ. — Нава'й: *محاکمه اللغتين* (Chrestomathie en turc oriental, par M. Quatremère, 1er fasc. Paris, 1841).
- ОШ — Ярлык 'Омар-Шейха (П. М. Мелиоранский. Документ уйгурского письма султана Омар-Шейха. ЗВО РАО, т. XVI, вып. I, 1904, стр. 01—012).
- Сан. — Sanglax. A Persian Guide to the Turkish Language, by Muhammed Mahdī Khān. Facsimile Text with an Introduction and Indices by Sir Gerard Clauson. London, 1960.
- ҲШ — Қутб: *خسرو و شیرین* (A. Zajączkowski. Naj-

- starsza wersja turecka Husrāv u Šīrīn Quṭba, część I. Tekst. Warszawa, 1958).
- ШН — Мухаммед Салих: **شېخىنى نامە** (Мухаммед Салих. Шейбани-наме (посмертное издание П. М. Мелиоранского, завершённое А. Н. Самойловичем). СПб., 1908).
- ЭД — Эмири: **ديوان** (А. Н. Самойлович. Из туюгов чагатайца Эмири. ДАН—В, Л., 1926, стр. 75—77).
- ЯА — Ярлык Абуса'йда (А. N. Kurat. Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait Yarlak ve bitikler. Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi yayınlarından, Tarih serisi, I, İstanbul, 1940, ss. 195—200).
- ЯТ и ЯТК — Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга (В. В. Радлов. Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга. ЭВО РАО, т. III, вып. I и II, 1888, стр. 1—40).
- ЯШ — Ярлык Шахруха (J. Deny. Un soyurgal du timouride Šahruḥ. JA, t. CCXLV, fasc. 3, 1957, pp. 253—266).

II. РУКОПИСИ И ФОТОКОПИИ РУКОПИСЕЙ

- А — Ата'и: **ديوان** (ИБ АН СССР, В. 2456).
- Ах — Ахмед: **اراسيندا مناظره و مباحثه** (Брит. Музей, Add. 7914/XI, лл. 3216—328; фотокопия ИБ АН СССР).
- ДН — Эмири: **ده نامە** (Брит. Музей, Add. 7914/VII, лл. 2286—272а; фотокопия ИБ АН СССР).
- Дж. — Джавхар: **قدردى** (Брит. Музей, Or. 8193; фотокопия ИЯ АН СССР).
- Қ — Қамбар оғлы: **قدردى** (Брит. Музей, Or. 8193; фотокопия ИЯ АН СССР).
- Қас. — Қасим: **قدردى** (Брит. Музей, Or. 8193; фотокопия ИЯ АН СССР).
- Л — Лутф: **ديوان** (Брит. Музей, Add. 7914/VI, лл. 158—227; фотокопия ИБ АН СССР).
- Л (I, II, III, IV) — Лутф: **قدردى** (Брит. Музей, Or. 8193; фотокопия ИЯ АН СССР).
- Мадж. — Нава'и: **مجالس النفايس** (ИБ АН СССР, В. 270).
- Мб — Мансур баши: **قدردى** (Брит. Музей, Or. 8193; фотокопия ИЯ АН СССР).
- Маc. — **قدردى - دجلو ن** (Брит. Музей, Or. 8193; фотокопия ИЯ АН СССР).
- НДж — Нава'и: **نظم الجواهر** (ИБ АН Уз.ССР, № 1743).

- НМ — Нава'и: **نسائم المحبة** (ИБ АН Уз.ССР, № 5420).
- РҚ — **راحت القلوب** (Брит. Музей, Or. 8193; фотокопия ИЯ АН СССР).
- С — Саккай: **ديوان** (Брит. Музей, Or. 2079; фотокопия ИБ АН СССР).
- СҚ — **ديوانى قديمى** (Брит. Музей, Or. 8193; фотокопия ИЯ АН СССР).
- СН — **سال نامە** (ИБ АН СССР, В. 721, лл. 2036—2066).
- ТМ — Нава'и: **تاريخ ملوك عجم** (ИБ АН СССР, А.109/II).
- ТН — Сиди Ахмед: **تعشيق نامە** (Брит. Музей, Add. 7914/VIII, лл. 2736—2896; фотокопия ИЯ АН СССР).
- ХМ — Нава'и: **خمس المتعيرين** (ИБ АН Уз.ССР, № 2242).
- ЧД — Нава'и: **چهار ديوان** (ИБ АН Уз.ССР, № 677).
- Э — Эмири: **بنكو جاجر اراسيندا مناظره** (Брит. Музей, Add. 7914/XII, лл. 3296—3376; фотокопия ИБ АН СССР).
- Я — Яқбӣ: **اوق ياي نينك مناظرهسى** (Брит. Музей, Add. 7914/X, лл. 3146—321а; фотокопия ИБ АН СССР).

III. ПРОЧИЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АН — Академия наук.
- ДАН—В — Доклады Академии наук СССР, серия В, М.—Л.
- ЭВО РАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества, СПб.
- Брит. — британский.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения, СПб.
- Зап. — записки.
- ЗКВ — Записки Коллегии востоковедов, Л.
- ИБ — Институт востоковедения.
- Изв. — известия.
- ИЯ — Институт языкознания.
- ОЛЯ — Отделение литературы и языка.
- Росс. — российская.
- Рукоп. — рукописный.
- СВ — Советское востоковедение, М.—Л.
- JA — Journal Asiatique, Paris.
- JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society, London.
- MS — manuscript.
- RO — Rocznik Orientalistyczny, Kraków.
- ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Leipzig.

„Когда я вступил в пору разумения и когда всевышний Аллах возбудил во мне склонность к необыкновенным вещам и сделал естественным стремление войти в понимание тонких и трудных предметов, появилась необходимость поразмыслить и о тюркской речи. И вот тут-то перед глазами обнаружился мир, превосходящий 18 000 миров; вдохновению открылась такая роскошная сфера, которая больше девяти небес; представилась здесь такая сокровищница достоинства и величия, жемчужины которой сверкают сильнее бриллиантов небесных светил; встретились лужайка, цветы которой раскрылись более, чем звезды“ (Нава'и. Мухакамат ал-лугатайн, стр. 21).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Грамматика староузбекского языка в том виде, в каком она написана нами, охватывает материалы определенного исторического периода (XIV—XVI вв.).¹ Она содержит описание и анализ фонетических особенностей, а также грамматических форм, встречающихся в текстах официального делопроизводства, исторической, религиозной и художественной литературы.

Учитывая, что грамматическое описание узбекского языка в принятом нами хронологическом плане постоянно связано с исследованием литературных источников указанного периода, мы предпосылаем фонетике и грамматическому очерку краткое текстологическое описание последних, а также характеристику их языка вообще и, в ряде случаев, частных языковых особенностей.

Данная работа, будучи грамматическим описанием узбекского языка периода XIV—XVI вв., должна дать некоторое представление и о том, что в современной лингвистической литературе вкладывается в понятие „язык писателя“ (ср. например, употребление архаических форм в поэзии Бабур и создание особого языкового колорита в произведениях поэтов-суфиев). Правда, это представление в любом случае будет очень ограниченным и бледным, однако общий уровень наших

¹ Настоящая работа является продолжением „Грамматического очерка языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана“. За ней последует описание следующего периода и далее очерк истории узбекского языка, который будет составлен на основе всестороннего сопоставления трех синхронных разрезов, относящихся к разным периодам времени, и результатов их исследования.

знаний о творчестве классиков староузбекской литературы, с одной стороны, и своеобразие самого языка, постоянно испытывавшего унифицирующее влияние книжного штампа, с другой, таковы, что не позволяют достичь большего.

По возможности в грамматике приведены и подчеркнуты факты диалектного разделения узбеков, но и в этом случае необходимо довольствоваться более чем скромными результатами, так как проникновение диалектизмов в произведения художественной, исторической и религиозной литературы носило случайный характер.

Хотя в нашем восприятии система форм и звуков узбекского языка в период с XIV по XVI в. выступает как определенная статическая данность и историзм работы определяется главным образом тем, что берется не современное, а одно из древних состояний языка, мы, однако, учитываем внутреннюю соотнесенность разных элементов, их продуктивность, постоянство или неустойчивость, степень употребления и т. д., т. е. все, что так или иначе характеризует язык в его развитии.

При изучении и толковании поэтических текстов, составляющих основную группу источников грамматики, необходимо знание стихотворных размеров и особенностей тюркской прозы. Поэтому в заключительной части работы помещен специальный раздел под названием „Система староузбекского стихосложения“.

Второй специальный раздел представляет собой краткий словарь тюркских, персидских и арабских грамматических терминов, встречающихся в староузбекских грамматиках, словарях и разного рода трактатах. Он составлен в основном по текстам Мабани' л-лугат Мехди-хана, Мухакамат ал-лугатайн Нава'и, по словарям Абушқа и Келюр-наме и по словарю Фатх 'Али-хана Каджарского.

К грамматике приложен морфологический указатель.

Все примеры, использованные в работе, взяты из текстов. Большая часть их сопровождается указанием на источник и соответствующую страницу или стих. В случаях, являющихся типичными для староузбекского языка, примеры даны без ссылок. Во всех случаях мы пользуемся радловской транскрипцией,

внося в нее лишь небольшие изменения. Для слов арабского и персидского происхождения, о действительном фонетическом облике которых в староузбекском языке пока трудно говорить со всей определенностью, введены особые знаки, отражающие их графическое своеобразие: *ç* (ح), *ʒ* (خ), *c* (ث), *m* (م), *ʒ* (ظ), *ʒ* (ز), *ā* (ا), *ū*, *ō*, *ǰ*, *ǒ* (و, او), *ī*, *ī̇* (ی), *ē* (ای), *ā* (آ). Таким образом, эта часть примеров транслитерируется.

ВВЕДЕНИЕ

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СТАРОУЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Изучение староузбекского языка имеет длительную традицию, которая зародилась в то время, когда в Средней Азии и за ее пределами стали широко известны произведения Навā'й.

Первые труды, посвященные староузбекскому языку (XVI—XVIII вв.), были филологическими и преследовали чисто практические цели: в них объяснялись отдельные слова из сочинений Навā'й и его предшественников и комментировались грамматические формы.¹

В прошлом столетии староузбекский язык привлек к себе внимание многих западных и русских тюркологов, исследовавших его с разных точек зрения и с разными целями.

Наиболее ранним описанием староузбекского языка в Европе является работа Г. Вамбери.² Однако автор ее, пользующийся наименованием „чагатайский язык“ и рассматривающий „чагатайский“ язык как непрерывную живую языковую традицию, существовавшую вплоть до времени написания работы, описывает главным образом современный ему узбекский язык и в значительно меньшей степени — староузбекский. Грамматический очерк в работе Г. Вамбери занимает 16 страниц, затем следует небольшой раздел, посвященный литературе, хрестоматия и словарь. Работа Г. Вамбери, особенно в ее грамматической части, сильно устарела и фактически утратила свою научную ценность. Г. Вамбери опубликовал также текст и перевод Шейбāн-наме.³

Почти одновременно с Г. Вамбери изучением староузбекского языка занимался Э. Катрмер, издавший хрестоматию по лите-

¹ См. ниже, раздел „Словари, грамматики, филологические трактаты“.

² H. Vámbéry. *Čagataische Sprachstudien*. Leipzig, 1867.

³ H. Vámbéry. *Die Scheibaniade. Ein özbegisches Heldengedicht in 76 Gesängen von Prinz Mohammed Salih aus Charezm. Text, Übersetzung und Noten*. Wien, 1885.

ратуре классического периода (на основе произведений Нава'й).⁴

Аналогичную работу в более широком масштабе проделал И. Н. Березин, первый том „Турецкой хрестоматии“ которого посвящен „чагатайскому“ языку и включает в себя отрывки из разных текстов.⁵ И. Н. Березин, кроме того, описал ряд староузбекских рукописей из хранилищ Петербурга⁶ и издал прозаический текст Шейбани-наме.⁷

Изучением староузбекских словарей продолжительное время занимался В. В. Вельяминов-Зернов — издатель „чагатайско-турецкого словаря „Абушқа“⁸ и автор очерка, содержащего характеристику многих лексикографических работ тюркских и персидских авторов.

Зачинателем исследования частных вопросов грамматики староузбекского языка явился Н. И. Ильминский,⁹ осуществивший также издание текста Бабура-наме по рукописи Г. Я. Кера.¹⁰

Особое место среди исследователей староузбекского языка занимает А. Паве-де-Куртей, издавший ряд текстов и переводов (Бабура-наме, Ми'радж-наме, Тазкира-и авлия)¹¹ и значительный по объему словарь.¹²

⁴ M. Quatremère. Chrestomathie en turk oriental contenant plusieurs ouvrages de l'emir Ali-Schir. Paris, 1841.

⁵ И. Н. Березин. Турецкая хрестоматия, т. I. Казань, 1857.

⁶ И. Н. Березин. Описание турецко-татарских рукописей, хранящихся в библиотеках С.-Петербурга. Статья вторая — ЖМНП, ч. LIV, отд. III. 1847, стр. 33—56; Статья третья — ЖМНП, ч. LIX, отд. III. 1848, стр. 1—24.

⁷ И. Н. Березин. Шейбаниада. История монголотюрков на джагатайском диалекте. Казань, 1849.

⁸ В. В. Вельяминов-Зернов. Словарь джагатайско-турецкий. СПб., 1868.

⁹ Н. И. Ильминский. Материалы для джагатайского спряжения из Бабер-наме. Казань, 1865.

¹⁰ Н. И. Ильминский. Бабер-наме, или Записки султана Бабура. Казань, 1857.

¹¹ A. Pavet de Courteille. 1) Mémoires de Baber, tt. I, II. Paris, 1871—1873; 2) Mirâdj-nâmeh. Publié pour la première fois d'après le manuscrit ouïgour de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1882; 3) Tezkereh-i Evlia. Paris, 1889.

¹² A. Pavet de Courteille. Dictionnaire turk-oriental destiné principalement à faciliter la lecture des ouvrages de Bâber, d'Aboul-Gâzi et de Mir-Ali-Chir Nevâi. Paris, 1870.

На протяжении последних трех-четырех десятилетий достижения в исследовании староузбекского языка в целом и в изучении отдельных источников были связаны главным образом с именами А. Н. Самойловича, А. К. Боровкова и К. Брокельмана. А. Н. Самойлович дал глубокую лингвистическую и текстологическую характеристику произведений Нава'й, Ата'й, Эмйр и др., написал несколько очерков по „среднеазиатской“ литературе¹³ и издал ряд текстов.¹⁴ Что касается А. К. Боровкова, то им проделана большая работа по изучению древнейших памятников староузбекского языка и подготовлен к изданию ряд староузбекско-персидских словарей, например словарь Бада'и' ал-лугат Та'ли' Херев и словарь Фатх 'Али-хана Каджарского. Несколько статей А. К. Боровкова посвящено творчеству Нава'й и других староузбекских поэтов.¹⁵ Наконец, в ряде статей рассматриваются частные вопросы фонетики и морфологии староузбекского языка.¹⁶

¹³ А. Н. Самойлович. Собрание стихотворений императора Бабура, ч. I. Текст. Пг., 1917; Мухаммед Салих. Шейбани-наме (посмертное издание П. М. Мелиоранского, завершено А. Н. Самойловичем). СПб., 1908.

¹⁴ А. Н. Самойлович. 1) Четверостишия-туйуги Неваи. Мусульманский мир, вып. I. Пг., 1917, стр. 3—15; 2) Из туюгов чагатайца Эмира. ДАН—В, 1926, стр. 75—77; 3) Чагатайские туюги Лютфи. ДАН—В, 1926, стр. 78—80; 4) Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе, IV. Чагатайский поэт XV века Атаи. ЭКВ, т. II, вып. 2, 1927, стр. 257—274; 5) Персидский тюрколог XVIII века Мирза Мехди-хан. Изв. Об-ва обследования и изучения Азербайджана, № 5, Баку, 1927, стр. 3—15; 6) Отрывок из „Та'ашшук-наме“ с игрою рифмующих слов. ДАН—В, 1927, стр. 36—38; 7) К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка. Сб. „Мир-Али-Шир“, Л., 1928, стр. 1—23.

¹⁵ А. К. Боровков. 1) Изучение жизни и творчества Алишера Навои. Сб. „Родоначальник узбекской литературы“, Ташкент, 1940, стр. 11—29; 2) Алишер Навои (к 500-летию со дня рождения). СВ, I, 1940, стр. 107—111.

¹⁶ А. К. Боровков. Ценный источник для истории узбекского языка. Изв. АН СССР, ОЛЯ, т. VIII, вып. 1, М.—Л., 1949, стр. 67—76; 2) Очерки истории узбекского языка, II. СВ, VI, 1949, стр. 24—51; 3) Из материалов для истории узбекского языка. Тюркологический сб., I, М., 1951, стр. 73—79; 4) К вопросам фонетического анализа стихов Навои. Илмий асарлар (Ученые труды). Низомий номидаги Тошкент Давлат педагогика институти, Тошкент, 1959, стр. 5—12; 5) Произношение в стихах Навои. Изв. АН СССР ОЛЯ, т. XIX, вып. 3, М., 1960, стр. 211—221.

К. Броккельманом написана „Грамматика языка мусульманской литературы Средней Азии“, источниками которой явились памятники XI—XIII вв. (Диван Махмуда Кашгарского, Кутадгу билиг, Хибат ал-хақъ'ик, Қысақ ал-анбий и т. д.), сочинения классиков староузбекской литературы и произведения поздней суфийской литературы — XVII—XIX вв.¹⁷

Хотя в общем составе источников, судя по приведенным примерам, староузбекская литература рассматриваемого периода (XIV—XVI вв.) в грамматике К. Броккельмана занимает небольшое место, все же можно сказать, что эта работа является в какой-то мере и грамматикой староузбекского языка. Она включает краткое описание источников, фонетику, морфологию и синтаксис.

Отдельные вопросы, связанные с изучением староузбекского языка, в последние годы получили освещение в работах А. Н. Кононова, К. К. Юдахина, Дж. Клосо́на, К. Менгеса, Я. Экмана, Э. Рустамова, Г. Ф. Благовой, А. Усманова, Х. Сулейманова, В. Д. Артамошиной, Ш. Шукурова и других.

Таким образом, написание данной грамматики было подготовлено и отчасти явилось итогом исследований, проводившихся в области староузбекского языка местными филологами, а также дореволюционными русскими, советскими и зарубежными специалистами на протяжении нескольких столетий.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА РАССМАТРИВАЕМОГО ПЕРИОДА

Узбекский язык рассматриваемого периода (XIV—XVI вв.) мы называем староузбекским.

Наименование „староузбекский“ является относительно новым. Старая тюркологическая традиция избегала его и пользовалась другим наименованием — „чагатайский“, особо подчеркивая при этом книжный, сугубо литературный характер последнего. О староузбекском языке, в отличие от „чагатайского“, говорили только в тех случаях, когда необходимо было противопоставить языку произведений узбекских классиков общий

¹⁷ C. Brockelmann. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatur-Sprachen Mittelasien. Leiden, 1954.

разговорный язык, язык „простого народа“ или язык кочевников Приаралья. Таким образом, в традиционном употреблении понятия „чагатайский“ и „староузбекский“, как правило, имели неодинаковое содержание и резко противопоставлялись одно другому.

Где и когда, т. е. на какой диалектной основе и в какое время, возник „чагатайский“ язык, установить довольно трудно. Обращает на себя внимание то, что в произведениях классиков староузбекской литературы, исключая предшественников Навā'й, формы и фонетические особенности с ярко выраженной диалектной принадлежностью почти не встречаются. Очевидно, в эпоху Навā'й „чагатайский“ язык имел уже большую историю и оторвался от той или иной конкретной диалектной базы. Во всяком случае в XV в. он существовал в том виде, какой принято называть классическим.

Вопрос о литературной норме „чагатайского“ языка никем не ставился. Своеобразным эталоном в этом отношении, начиная с XV в., служил язык Навā'й, а несколько позже и язык Бабур. Всякие же попытки поставить этот вопрос в конечном итоге выливались в борьбу за равноправие и простоту тюркской речи, глубоко отразившуюся у Навā'й (Мухāкамат ал-лугатайн, Лайли ва Маджнун и др.), в наставлениях Бабур своему сыну Хумāйуну, в „Шаджара-и тюрк“ Абу-л-ғāзй и т. д. При этом борьба за простоту литературного языка не шла дальше теоретического обоснования ее необходимости: использование оборотов, не свойственных народной тюркской речи, и широкое употребление арабо-персидской лексики остаются характерными для литературного языка на протяжении нескольких столетий.

Изысканность, обилие персидских и арабских заимствований, своеобразная препарация оборотов живой речи и наличие уйгуризмов дали повод некоторым крупным тюркологам считать „чагатайский“ язык искусственным. „Восточный тюркский, или джагатайский, язык, — пишет В. В. Радлов, — не есть язык Средней Азии, как нас уверяют султан Бабер и новейший исследователь его, Вамбери. Это такой же искусственный, литературный язык, как и литературный язык османский; образовавшийся вследствие исторических обстоятельств, он теперь

служит литературным языком восточных тюрков, говорящих очень различными наречиями. Основанием его служил литературный язык уйгуров, выработавшийся до влияния на них мусульманского образования и до нашествия на них монгольских племен".¹⁸

Для доказательства искусственности „чагатайского“ языка и резкого отличия его от языка народа в широком смысле этого слова обычно пользуются следующими высказываниями Абү-л-ғәзй, извлеченными из „Шаджара-и тюрк“ и „Шаджара-и таракима“: „Чтобы эту историю знали все плохие и все хорошие, я изложил ее на тюркском языке и по-тюркски говорил так, чтобы было понятно пятилетнему ребенку. Ни одного слова из чагатайского тюркй, из персидского и арабского языков я не добавляю (بر کليمه چغتای ترکی سینه دین و فارسیدین و عربی دین قوشمای)“¹⁹ и „Да будет известно всем, что те, кто слагали до нас историю тюрков, чтобы показать народу свой талант и искусство, примешивали арабские слова, а также добавляли персидские слова, а тюркскую речь превращали в рифмованную прозу. Мы не делали ничего подобного, ибо тот, кто будет читать или слушать (чтение) этой книги, конечно, будет тюрк, а с тюрком надо говорить по-тюркски, чтобы каждому было понятно“.²⁰

Однако, из высказываний Абү-л-ғәзй не следует, что „чагатайский“ язык был искусственным языком. Абү-л-ғәзй говорит только о лексике, отбор которой в большой степени зависел от лингвистических вкусов и симпатий отдельных авторов. С другой стороны, необходимо отметить, что сам Абү-л-ғәзй пользуется далеко не чистым тюркским языком и указание на отсутствие у него каких бы то ни было лексических элементов „чагатайского“ языка не соответствует действительности. При этом фраза „с тюрком надо говорить по-тюркски, чтобы каждому было понятно“ звучит странно, если учесть, что в оригинальном тексте она имеет — в части грамматической конструкции — явно выраженную персидскую окраску, ср.: *türk-lärä türkänä ajtmaq këräk tã ularnıñ barçası faxm kıl-*

¹⁸ В. В. Радлов. Языки Темир-Кутлуга и Токтамыша. ЗВО РАО, т. III, вып. 1—2, 1888, стр. 2.

¹⁹ *شجره ترکى* Рукоп. отдел ИВ АН СССР, В. 721, л. 236.

²⁰ А. Н. Кононов. Родословная туркмен. М.—Л., 1958, стр. 36.

байлар бизниң айтмак сөзімізні.²¹ Таким образом, и тот язык, который Абү-л-ғәзй с большой уверенностью считает общедоступным тюркским языком, содержит изрядное количество иноязычных элементов. И это не удивительно, если принять во внимание широкие масштабы взаимодействия тюркского и иранского населения в Средней Азии и весьма распространенное двуязычие тюрков, о котором Навā'й писал буквально следующее: „Тюрки от большого до малого, от нукера до бека владеют языком сартов в такой степени, что могут говорить на нем о делах, относящихся к их повседневной жизни, некоторые (при этом) говорят даже вполне литературно“.²²

Безусловно, некоторые формы проникали в классическую узбекскую литературу не из живой речи, а исключительно книжным путем. Нельзя, например, рассматривать деепричастие на -бан ~ -бйн у Навā'й или Бāбура как факт живой разговорной среды. По понятным причинам у последнего эта форма присутствует только в стихах и совсем не встречается в прозаическом тексте. То же самое можно сказать и о ряде других форм.

Несомненно также и то, что литературный (книжный) язык, в отличие от разговорного, характеризуется несколько индивидуализированным подбором лексики, с большим упором на арабские и персидские элементы и с использованием устоявшихся стилистических приемов.

В целом же староузбекский литературный язык не настолько отделен от разговорного языка, чтобы можно было провести между ними резкую и строго определенную границу. Нет, по существу, никаких оснований относиться с недоверием к сообщению Бāбура, подчеркивающего связь и сходство литературного (книжного) языка с языком народа.²³ И прав, конечно, Н. И. Ильминский — первый русский издатель мемуаров Бāбура, когда отмечает, что „Бабур, писавший без всякого притязания на литературное щегольство и имевший в виду сочинения Мир

²¹ Точный перевод фразы: 'С тюрками надо говорить по-тюркски, чтобы все они понимали сказанные нами слова'.

²² М. Quatremère. Chrestomathie en turc oriental. 1er fasc. Paris, 1841, p. 6.

²³ См.: Бобир-нома, I қ. Тошкент, 1948, б. 18.

Алишира, без сомнения, удержал в возможной чистоте язык родного ему Андижана".²⁴

Изложенное выше дает основание пользоваться одним наименованием — „староузбекский язык“. Охватывая последним всю совокупность проявлений живой узбекской речи в период с XIV в. по XVI в., мы, тем не менее, отдаем себе отчет в том, что уже в XVI—XVII вв. авторитет классиков староузбекской литературы способствовал консервации их литературного языка, который, не будучи изменяемым, стал производить впечатление частично омертвевшей языковой нормы.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ОБРАЗОВАНИЯ УЗБЕКСКОЙ НАРОДНОСТИ И ФОРМИРОВАНИЯ СТАРОУЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Разделение каганата караханидов в середине XI в. на два обособленных государства: восточное — со столицей в Баласагуне, а затем в Кашгаре, и западное — со столицей в Узген(де), позднее в Самарканде,²⁵ положило начало образованию двух центров консолидации восточнотуркестанских тюрок, в то время как монгольское нашествие усугубило различия, вызванные первоначальным разделением. Бывший в течение некоторого времени относительно единым Чагатайский улус уже в последней четверти XIII в. распался на две части: Мавераннахр — центральную область между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей, и Могилистан, включавший территорию Восточного Туркестана и Семиречья.

Государственное, политическое и экономическое обособление среднеазиатских центров к концу XIV в. становится настолько значительным, что почти всякие связи с Кашгаром утрачиваются.

Формирование узбекской народности и развитие староузбекского языка в этот период определяются обстоятельствами, вы-

²⁴ Бабер-намэ, стр. I.

²⁵ См.: O. Pritsak. Karachanidische Streitfragen, 1—4. Oriens, V. III, Nr. 2. Leiden, 1950, S. 228. — Бабур называет Узген столицей древней Ферганы, см. БН: ...*ва Узгенд кэ кадѣм Фарѣанѣнѣ пѣймахт ѝкѣндур* (128).

текающими из специфики исторического процесса на указанной территории. В данном случае выступает обычное для Востока взаимодействие кочевнической и оседлой части общества. „У всех восточных племен, — отмечает К. Маркс, — можно проследить с самого начала истории общее соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся кочевничеством другой части“.²⁶

Оседание кочевников в Мавераннахре, Шаше и Фергане происходило в течение нескольких столетий как мирным путем, так и в результате ожесточенной междоусобной борьбы и набегов. В легенде, которая приводится в анонимном сочинении под названием „Шаджарат ал-атра́к“ описан один из моментов передвижения кочевников в XIII—XIV вв. в Мавераннахр: „...а когда каждого из тех людей, которые вместе со святым Сейид-Ата и Султан-Мухаммед-Узбек-ханом выступили в поход и шли (в Мавераннахр), спрашивали, кто эти идущие, то они избирали (для ответа) имя предводителя и царя своего, которое было Узбек. По этой причине с того времени пришедшие люди стали называться узбеками...“.²⁷ Нас в данном случае не интересует вопрос, касающийся истинности этих истоков для последующего этнического наименования тюркского населения юго-восточной и центральной части Средней Азии. Важен тот факт, что для историков XV—XVI вв., писавших на персидском и тюркских языках, представлялось достоверным и очевидным продвижение кочевников в Мавераннахр еще в начале XIV в., так как годы правления Узбек-хана относятся к первой половине XIV в. (1312—1342 гг.).

Особую роль в усилении натиска кочевников на земли оседлых тюркских и иранских племен сыграло образование государства Абӯ-л-хайр-хана, завоевавшего в середине XV в. область нижнего течения Сыр-Дарьи с городами Сыгнаком, Узгендом и Сузаком.

О том, что этнический состав узбеков-кочевников и оседлых узбеков, называвшихся просто тюрками, частично совпадал,

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М., 1953, стр. 37.

²⁷ Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном. Сб. материалов, относящихся к истории Золотой Орды, II, М.—Л., 1941, стр. 206—207.

свидетельствует список племен, представители которых принимали участие в возведении Абу-л-хайра на ханский престол, ср. тангут, кунграт, дурмен, найман, хатай, уйгур, карлук, уйшун, мангыт и др.

Проникновение кочевников в оазисы в XIII—XIV в. и завоевательное движение Абу-л-хайра способствовали распространению в низовьях Сыр-Дарьи западнотюркских (кыпчакских) элементов. Следует сказать, что они изменили соотношение диалектных группировок, вызвали смешение некоторых диалектных явлений, однако не в такой степени, чтобы можно было говорить об их полном перераспределении. А. Ю. Якубовский справедливо отмечает: "...кочевники-узбеки застали, если не на всей территории современного Узбекистана, то во всяком случае на огромной ее части, густое тюркоязычное, т. е. тюркское и тюркизированное, население, которое долго жило здесь культурной жизнью и складывалось в процессе слияния с другими, более древними народами, жившими здесь со времен глубокой древности. Кочевники-узбеки вошли в это тюркоязычное население лишь как последнее слагаемое, передав ему свое имя".²⁸

Процесс проникновения в местный язык кыпчакских элементов был многосторонним и довольно длительным. При этом в разных местах он имел разную степень интенсивности: в некоторых районах указанный процесс привел к образованию смешанных, кыпчакизированных, говоров, в других местах кыпчаки оседали компактной массой, сохранявшей продолжительное время свою обособленность и не оказывавшей заметного влияния на местные диалекты.

В западной и северо-западной части Мавераннахра и особенно в южном Хорезме староузбекский язык подвергался сильному влиянию огузских племен, важная роль которых в образовании узбекской народности совершенно очевидна.

Таким образом, возникновение узбекской народности и староузбекского языка явилось результатом сложного взаимодействия местного тюркского населения Мавераннахра и Ферганы

²⁸ А. Ю. Якубовский. К вопросу об этногенезе узбекского народа. Ташкент, 1941, стр. 3.

с кочевниками Дешти-Кыпчака и населением Хорезма. При этом местное тюркское население само по себе смешалось с иранским и поглотило ряд монгольских племен, известных под общим названием чагатаев.

КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Основными источниками при написании грамматики староузбекского языка служили произведения художественной, исторической и религиозно-повествовательной литературы, письма, деловые документы, многочисленные "чагатайско"-персидские и другие двуязычные и толковые словари, а также специальные филологические сочинения, принадлежащие узбекским и не-узбекским авторам.

Приступая к характеристике названных групп источников, мы должны отметить еще раз то обстоятельство, что в развитии так наз. чагатайской литературы и чагатайского языка сыграли большую роль факты литературной преемственности и литературных связей.

Развитие староузбекского языка в его классической форме было подготовлено не только чисто внутренними моментами: усилением процесса формирования узбекской народности, осознанием единства тюркского населения Ферганы и Мавераннахра и т. д., но в известной мере также и внешними факторами, а именно: развитием литературного языка Кашгара и существованием на территории, прилегающей к Аральскому морю, золотоордынского языка, сочетавшего в себе блеск изысканной литературной речи с присутствием значительного количества диалектных элементов.

Восточнотуркестанский литературный язык Кашгара уже рассматривался нами в одной из предыдущих работ. Он имеет определенные хронологические границы, не совпадающие со временем расцвета староузбекской литературы и оформления староузбекского языка, занимает довольно обособленное положение в отношении последнего, несмотря на то, что оказал большое влияние на его развитие, и, естественно, не может быть объектом исследования в данной работе.

Что касается золотоордынского языка, то он, хотя и хронологически предшествует образованию классического староуз-

бекского языка и имеет несколько своеобразные истоки (смешанная кыпчакско-огузская диалектная база Приаралья), все же является разновидностью последнего и должен занять соответствующее место в нашем исследовании.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ И ИСТОРИКО-МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Наиболее крупными из произведений художественной и историко-мемуарной литературы являются поэтические сочинения Кутба, Хорезмий, Сиди Ахмеда, Лутфий, Ата'ий, Саккаки, Ходженди, Мир Хайдара (поэтическое прозвище „маджзуб“), Нава'ий, Бабура, Мухаммеда Салиха, также сочинения, написанные в прозе, Нава'ий и других авторов.

ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ЦИКЛ

Кутб. Никакими биографическими сведениями о Кутбе мы не располагаем. Можно лишь предположить, что он происходил из Хорезма и жил в первой половине XIV в.

Кутб известен как автор тюркской (золотоордынской) версии поэмы Низамий „Хосрав и Ширин“; поэма Кутба была написана в 1341—1342 гг. и посвящена Тиний-беку (Тини-беку),²⁹ старшему сыну Узбек-хана.

Единственный список сочинения Кутба хранится в Национальной Библиотеке Парижа.³⁰ Он составлен в 1383 г. Составителем списка является Берке, выходец из кыпчакских степей, живший в Египте.

Сочинение Кутба состоит из традиционных вступительных глав, глав, в которых прославляются Тиний-бек и хан Малыйк и объясняются причины написания книги, и основного раздела, в котором изложена история любви Хосрава и Ширин, а также Фархад и Ширин.³¹

²⁹ См.: P. Pelliot. Notes sur l'histoire de la Horde d'or. Paris, 1950, p. 96.

³⁰ См.: E. Blochet. Catalogue des manuscrits turcs. Bibliothèque Nationale, t. I. Paris, 1932, p. 133; A. Zajaczkowski. Zabytek językowy ze Złotej Ordy, Husrev u Şirin Qutba. RO, t. XIX, Warszawa, 1954, ss. 45—79.

³¹ Полный текст издан А. Зайончковским: A. Zajaczkowski. Najstarsza wersja turecka Husrev u Şirin Qutba, część I. Tekst. Warszawa, 1958.

В языковом отношении „Хосрав и Ширин“ отличается от других поэтических произведений золотоордынского цикла — таких, как, например, Мухаббат-наме и Та'ашшук-наме. Расхождения наблюдаются и в лексике, и в фонетике, и в морфологии. Можно смело сказать, что с языковой стороны данный вариант следует рассматривать и как памятник золотоордынского цикла и как произведение караханидской эпохи, стоящее в одном ряду с Кутадгу билиг и Хибат ал-хака'ийк (Atebetü' l-hakayik).

Укажем некоторые из фонетических и морфологических особенностей поэмы Кутба (ХШ):

широкое употребление межзубного *ð* — *bəðjək* 'высокий' (16), *idi* 'господин' (16), *kəðjrdi* 'одел (он)' (26), *əðjū* 'хороший' (4а), *adaκin* 'ногу' (4а), *kydyk* 'колодец' (5а), *kodup* 'положив' (5а), *kadbu* 'печаль' (216), *əðäplän* 'оседлав' (30а);

наличие формы повелительного наклонения 3-го лица единственного числа на *-су ~ -сij* — *kəlcij* 'пусть придет' (16), *jətcij* 'пусть достигнет' (66), *bolcu* 'пусть станет' (96), *kalmacu* 'пусть не останется' (41а);

широкое использование деепричастия на *-(j)y ~ -(j)ij* — *xāl kīlu bəp* 'реши' (16), *izdājij* 'ища' (2а);

многовариантность аффиксов, образующих формы предлательно-желательного наклонения 1-го лица единственного и множественного числа (*-īm ~ -im*, *-bajīm ~ -äjīm*, *-in ~ -in*, *-bajin ~ -äjīn*, *-līm ~ -lim*, *-balīm ~ -älīm*, *-līñ ~ -liñ*, *-balīñ ~ -äliñ*) — *jävralim* 'отвернем-ка' (36), *ajajīm* 'скажу-ка' (7а), *kīlalīñ* 'сделаем-ка' (96), *bakajīn* 'посмотрю-ка' (116), *kaçalīñ* 'убежим-ка' (16а), *ičäliñ* 'выпьем-ка' (16а), *kizlägājīn* 'спрячу-ка' (186), *izdäliñ* 'поищем-ка' (216), *jägälīm* 'поедим-ка' (296), *ojna-balīñ* 'поиграем-ка' (356);

употребление собирательных числительных на *-абу ~ -äij* и кратких форм порядковых числительных типа *bīrinč* — *tör-mägij* 'четверо' (56), *ikīnč* 'второй' (11а), *jūčij* 'третий' (116), *ikägij* 'двое' (296);

использование формы местного падежа в значении исходного — *анда соң* 'затем' (2а), *kətti əñdā alī* 'ушла с щек краской' (17а);

частичное сохранение полных личных форм условного наклонения — *табсаман* 'если найду' (76), *табмасаман* 'если не найду' (146).

Перечисленные особенности свидетельствуют о том, что поэма *Кутба* принадлежит к наиболее ранним из известных нам произведений золотоордынского цикла и что она является важным источником не только староузбекского, но и других среднеазиатских тюркских языков.

Хорезмий. Хорезмий — тахаллус (прозвище) поэта, жившего в XIV в.

Нам известно только одно произведение Хорезми — *Мухаббат-наме*, написанное в 1353 г. где-то на территории Хорезма или, шире, Приаралья, о чем говорит сам автор, см. Add. 7914, л. 311б: „Я произнес здесь слова *Мухаббат-наме*, всё я написал на берегах *Сыр-Дарьи*“.

Самый ранний список *Мухаббат-наме* — уйгурский (Or. 8193), хранящийся в Британском Музее. Он составлен в год мыши, 835 г. х., в начале месяца *раджаба* (1432 г.), в г. *Йезде*, по приказанию *Мир Джалал ад-дина*. Весь список располагается на 14 листах, из которых один или два последние перепутаны. Данный список ценен тем, что он появился всего лишь через 79 лет после написания оригинала.

Вторая рукопись *Мухаббат-наме*, написанная арабскими буквами, принадлежит также Британскому Музею (Add. 7914).³² Она датируется началом XVI в. (1508/1509 гг.). Рукопись занимает 24 листа (лл. 290—313), включает в себе 11 писем-посланий и отличается от первой главным образом размерами, наличием больших вставок персидского текста и в отдельных случаях иным порядком расположения полустиший и стихов.

Для *Мухаббат-наме* характерно наличие большого количества звуковых и морфологических особенностей, свойственных языкам западной и южной групп; ср., например, выпадение конечных заднеязычных в положении после узких гласных у существительных и прилагательных, непостоянство группы *лт*, присутствие формы дательного падежа на *-а ~ -ä* и формы винительного падежа на *-i ~ -i*, употребление деепричастия на *-бач ~ -äч*, послелога *ilä* (в качестве средства выражения орудно-комитативных значений), формы настоящего-будущего вре-

³² См.: Ch. Rieu. Catalogue of the Turkish Manuscripts in the British Museum. London, 1888, p. 290 (в дальнейшем: Rieu).

мени на *-īsar ~ -isär*, почти не встречающейся в староузбекских текстах.

В целом однако язык *Мухаббат-наме* почти не выходит за пределы норм, объединяющих литературные произведения Хорезма и Мавераннахра, так что нет оснований рассматривать его в связи с какой-либо другой литературно-языковой традицией, например, староосманской.

Мухаббат-наме получило широкое распространение в Средней Азии. Об этом свидетельствует, в частности, появление подражательных сочинений *Сиди Ахмеда* (*Та'ашшук-наме*) и *Ходженди* (*Латафат-наме*) и использование одного двустишия из *Мухаббат-наме* 'Али Шером Нава'и в *Мухаккамат ал-лугатайн*.³³

Сиди Ахмед. Сиди Ахмед — личность недостаточно определенная. В. В. Бартольд, ссылаясь на А. Н. Самойловича, указывает на возможность толкования одного места в *Та'ашшук-наме* в том смысле, что поэт называет себя сыном *Миран-шаха*, и отмечает вместе с тем, что в одном из сочинений Сиди Ахмед упоминается среди сыновей 'Омар-шейха.³⁴ Далее В. В. Бартольд приводит текст отрывка, описывающего события 1455—1456 гг., извлеченный из хроники 'Абд ар-Раззака, в котором Сиди Ахмед определенно назван сыном *Миран-шаха*: „султан Ахмед бен Сейид Ахмед бен мирза *Миран-шах*“.³⁵

По нашему мнению, выражение *ibn-i Miran-shāh*, встречающееся в тексте *Та'ашшук-наме* и относящееся к автору, дает основание считать, что упоминание его среди сыновей 'Омар-шейха было ошибочным.

Сиди Ахмед является автором *Та'ашшук-наме* — поэмы, написанной в подражание *Мухаббат-наме* в 1435 г. Единственный список этого сочинения, известный специалистам, хранится в Британском Музее, где он составляет часть большой рукописи (Add. 7914, лл. 273—289), описанной в каталоге Ш. Рье.³⁶ В указанную рукопись входят, кроме *Та'ашшук-наме*, *Мухаббат-наме*, *диван Лутфи* и другие произведения.

³³ M. Quatremère. Chrestomathie en turc oriental, p. 11.

³⁴ В. В. Бартольд. Улугбек и его время. Зап. Росс. АН, VIII-я серия, т. XIII, № 5, Пр., 1918, стр. 70.

³⁵ Там же, стр. 70.

³⁶ Rieu, pp. 289, 290.

Та'ашшук-наме состоит из вступления, десяти посланий, нескольких посвящений и заключительного текста. Почти каждое послание состоит из основной части, газели и заключения, в котором говорится о характере и смысле существования.

Язык Та'ашшук-наме не обнаруживает ничего, что могло бы образовать заметную границу между ним и классическим староузбекским языком XIV—XVI вв. Как и в других текстах золотоордынского цикла, в Та'ашшук-наме в основном отражены фонетические особенности языка населения центральных областей Средней Азии, причем количество признаков кыпчакского и огузского происхождения заметно сокращается. Особенно показательна в этом отношении морфология языка Та'ашшук-наме, в которой черты южной группы тюркских языков, в виде огузского вклада, занимают незначительное место. Так, форма винительного падежа на *-i* ~ *-i* (*-jī* ~ *-ji*) прослеживается не более четырех раз, форма дательного падежа на *-a* ~ *-ā* с различными вариантами для основ, имеющих притяжательное оформление — немногим больше, отрицательная частица *dəgijl* — один раз, причастие на *-aci* ~ *-āci* — два раза. Для лексики Та'ашшук-наме характерно наличие таких слов, которые обычны для любого староузбекского текста.

К литературным памятникам золотоордынского цикла отчасти примыкает один из списков Сал-наме, составленный в довольно позднее время. Он образует заключительную часть (В. 721, лл. 2036—2066) рукописи сочинения Абу-л-гази Шаджара-и тюрк, составленной в Бухаре в 1234 г. х. (1818/1819 гг.).

Бухарский список Шаджара-и тюрк и список Сал-наме составлены в одно время и одним и тем же лицом. Что касается оригинала Сал-наме, то, как справедливо заметил А. Н. Самойлович, есть „основания предположить, что оригинал сборника примет был написан в западном Туркестане в XIV—XV вв.“.³⁷ Место написания данного экземпляра — область между Сыр-Дарьей и Аму-Дарьей, примыкающая к Хорезму. На это указывает упоминание в тексте Сыр-Дарьи, а также наличие

³⁷ А. Н. Самойлович. К вопросу о двенадцатилетнем животном цикле у турецких народов. Сб. в честь С. Ф. Ольденбурга. Л., 1927, стр. 156.

своеобразных грамматических форм, например порядковых числительных на *-ланчи*, ср.: *токузланчи* 'девятый', *онланчи* 'десятый'.

Сборник состоит из двух частей. В первой повествуется о годах двенадцатилетнего „животного“ цикла и о связанных с ними приметах. Во второй части говорится, каким будет новый год в зависимости от того, на какой день недели выпадет навруз.

Из числа характерных языковых особенностей Сал-наме можно назвать своеобразную передачу звука *п* как в заимствованных, так и в собственно тюркских словах, ср.: *арфа* 'ячмень' (л. 2046), *pijāz* 'лук (растение)' (л. 205а), *фаліз* 'огород', 'бахча' (л. 206а), имеющую, по-видимому, хивинское происхождение.

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ НАВА'И

Промежуточное положение между литературой золотоордынского цикла и классической староузбекской литературой конца XV—начала XVI вв. в языковом отношении занимают поэтические произведения предшественников Нава'и:³⁸ Лутфй, Ата'и, Саккаки, Якыни, Эмирй, Ахмедй, Ходжендй, Мир Хай-дара, Мукимай, Гада'и и других.

Лутфй. Лутфй известен как крупный узбекский поэт конца XIV—начала и середины XV вв. Поэтическое искусство Лутфй было настолько высоким и совершенным, что 'Али Шер Нава'и находил возможным называть его „царем слова своего времени“ (*اوز زمانى نينك ملك الكلامى*) и утверждал, что равного ему в персидской и тюркской поэзии не было, хотя слава Лутфй как тюркского поэта несомненно значительнее (*اما تركى دا شهرتى*).³⁹ Умер Лутфй в 1492 г., на 99-м году жизни, в Герате.⁴⁰

Из произведений Лутфй хорошо известны его газели. Газели, касыды Лутфй, а также другие поэтические формы встречаются

³⁸ О предшественниках Нава'и см. статью: Э. Рустамов. Народные элементы в узбекской поэзии первой половины XV в. Сб. „Вопросы узбекской литературы“, Ташкент, 1959, стр. 371—414.

³⁹ *مجالس النفاثس* Рукоп. отдел ИВ АН СССР, В. 270 (а 281), л. 42а.

⁴⁰ *تذکره التوارىخ* Рукоп. отдел ИВ АН Уз.ССР, № 2093, л. 149а.

в собраниях многих рукописных хранилищ, чаще в составе поэтических антологий (غزلیت), реже в монографических сборниках — диванах. Один из ранних списков дивана (часть рукописи Add. 7914) принадлежит Британскому Музею.⁴¹ Относительно поздний список (А. 109) имеется в рукописном отделе Института востоковедения Академии наук СССР в Ленинграде.⁴² Значительная часть газелей Лутфй входит в рукописный сборник библиотеки Стамбульского университета (№ 2753), объединяющий под названием Мухаббат-наме диваны Нава'й, Эмйри и сочинение Мир Хайдара Махзан ал-асрар. Несколько списков дивана Лутфй находится в собрании восточных рукописей Академии наук Уз.ССР (121/V, 1431, 5023/I, 5024/I). Все они были составлены в XIX в. (время составления трех последних списков устанавливается предположительно).⁴³ Самый ранний из арабских списков, относимый к началу XVI в., хранится в Британском Музее.⁴⁴ Четыре газели Лутфй входят в сборник, написанный уйгурскими буквами в Йезде в 1432—1433 гг. (Брит. Музей. Or. 8193); несколько газелей и касыд имеется в составе рукописей №№ 2260/X, 4502 и др. (Рукоп. отдел ИВ АН Уз.ССР).

Кроме дивана, Лутфй принадлежит также поэма Гюлю Навруз, написанная в стихотворной форме месневи,⁴⁵ и стихотворный перевод Зафар-наме Шараф ад-дина Йездй (более двух тысяч двустиший), который не сохранился.

Язык Лутфй, как и других поэтов — предшественников Нава'й, обнаруживает ряд особенностей кыпчакского и огузского

⁴¹ Rieu, p. 286.

⁴² Институт востоковедения (Академия наук СССР) с 1960 г. носит наименование „Институт народов Азии“. В предлагаемой работе сохранено старое наименование, поскольку оно в сокращенном виде (ИВ) пока продолжает употребляться в каталогах, указателях и т. п.

⁴³ Собрание восточных рукописей АН Уз.ССР, т. II. Ташкент, 1954, стр. 170—173 (в дальнейшем: Собр. вост. рукописей).

⁴⁴ Rieu, p. 288 (Add. 7914/VI).

⁴⁵ Rieu, p. 285 (Add. 7914/III); G. Flügel. Die arabischen, persischen und türkischen Handschriften der Kaiserlich-Königlichen Hofbibliothek zu Wien, I. Wien, 1865, S. 614 (№ 649) (в дальнейшем: Flügel). Полное наименование у Г. Флюгеля: *کتاب کل نوروز لطیف اوستاد حضرت نواثی*. При этом автором назван Нава'й. См. также: H. Ethé. Catalogue of the Persian, Turkish, Hindūstānī and Pushtū Manuscripts in the Bodleian Library, Part II. Oxford, 1930, p. 1194 (в дальнейшем: Ethé).

происхождения: отпадение в некоторых случаях конечных заднеязычных после узких гласных, наличие специфических падежных форм и т. д.

Ата'й (Атайй). Об Ата'й в Маджалис ан-нафа'ис⁴⁶ сообщается следующее: он жил в Балхе; его отец Исма'ил-ата, как установил А. Н. Самойлович, являлся преемником Саййид-ата и последователем Ахмеда Есевй.⁴⁷ Некоторые сведения из биографии Ата'й сообщает Нава'й. Из этого сообщения следует, что Ата'й „был суфием, имел добрый и веселый нрав (درویشی)“, стихи сочинял по-тюркски (و خوش خلق و منبسط کیشی ایردی (تورکی کوی ایردی)). Нава'й приводит также одно из двустиший Ата'й и указывает на мелкую погрешность в рифме, ср.:

олтурур اولтурор

болур, болур,

замечая при этом, что Ата'й писал (букв.: говорил) по-тюркски и поэтому не заботился о рифме (اما مولانا تركانه ايتور ایردی قافیه) (اختیاطیغه مقید ایماس ایردی).⁴⁸

Газели Ата'й, собранные в диване, сохранились в одном списке, принадлежащем Рукописному отделу Института востоковедения в Ленинграде (В. 2456). Этот список состоит из 76 листов небольшого формата и включает в себе 260 газелей.⁴⁹ Есть основания считать его довольно ранним.

Сакка'й. Сакка'й, живший приблизительно в то же время, что и Ата'й, — житель Мавераннахра, о чем он сообщает сам в одной из газелей:

ماورالنهر ايجوا قالديم چون که ایکی یائیمه

کوزلاریم نینک بیر سیحون بیر سیحون ایلا دی

‘Я остался в Мавераннахре, так как
возле меня, с двух сторон,
один мой глаз образовал Сыр-Дарью, а
другой — Аму-Дарью’.⁵⁰

⁴⁶ *مجالس النفايس* Рукоп. отдел ИВ АН СССР, В. 270, лл. 43а—43б.

⁴⁷ А. Н. Самойлович. Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе, IV. Чагатайский поэт XV века Атаи, стр. 259.

⁴⁸ *مجالس النفايس* Рукоп. отдел ИВ АН СССР, В. 270, л. 43а.

⁴⁹ Полное описание рукописи см. у А. Н. Самойловича, ук. соч., стр. 257, 258.

⁵⁰ См.: دیوان سکاکی Брит. Музей, Or. 2079, л. 306 (по фотокопии).

Нава'й, говорящий о Сакка'и как о жителе Самарканда, пишет, что он пользовался большим доверием населения этого города. Репутация Сакка'и как поэта была чрезвычайно высока, и самаркандцы воздавали ему хвалу. Между тем сам Нава'й относит Сакка'и к числу второстепенных поэтов. Он сообщает далее, что пытался найти в Самарканде что-либо из произведений поэта, но что ничего заслуживающего похвалы не оказалось. В связи с этим Нава'й говорит о существовании молвы, утверждавшей, что все хорошие стихи Сакка'и присвоил и выдал за свои Лутф'и (اوغورلاب اوز آتیه قیلیب دور). По словам Нава'й, в действительности ничего подобного не было.⁵¹

Некоторые данные, например обращение Сакка'и в одной из касид к Халил-султану, правившему Самаркандом в 1404—1408 гг., позволяют считать, что он умер не раньше конца первого десятилетия XV в.

Диван Сакка'и известен в одном списке, принадлежащем Британскому Музею (Or. 2079).⁵² В нем 31 лист (лл. 36—33а). Несколько газелей Сакка'и включены в рукописный сборник № 4757, хранящийся в Ая-София (лл. 163—167).

Як'бин. Як'бин — один из малоизвестных предшественников Нава'й. В Маджалис ан-нафа'ис он назван сразу после Лутф'и.⁵³ Нава'й характеризует Як'бина как человека довольно энергичного и достойного уважения и отмечает, что он писал стихи на тюркском и персидском языках. В Рийаз аш-шу'ара (см. у Ш. Рье) Як'бин упоминается с дополнительной нисбой (Херев), указывающей на его гератское происхождение. Даты рождения и смерти Як'бина неизвестны. Однако можно предположить, что умер он не раньше сороковых годов XV в.

Из поэтических произведений Як'бина сохранились отдельные двустишия, часть из них приводится в его прозаическом сочинении, одно двустишие имеется в Маджалис ан-нафа'ис.

В прозе Як'бин увековечил свое имя как автор очень острого полемического произведения (منظره) — Оқ йайнинг муназарасы „Состязание лука и стрелы“. Единственный список этого мун-

⁵¹ مجالس النفايس Рукоп. отдел ИВ АН СССР, В. 270, лл. 44а—44б.

⁵² См.: Rieu, p. 284.

⁵³ مجالس النفايس Рукоп. отдел ИВ АН СССР, В. 270, л. 43а.

зара хранится в Британском Музее.⁵⁴ Он входит в состав рукописи Add. 7914 (лл. 314б—321а).

Излагая спор стрелы, символизирующей прямоу, правдивость, и лука, олицетворяющего ложь и лицемерие, Як'бин обильно цитирует персидских поэтов,⁵⁵ а также Ата'и (318а), Сакка'и (319б), Лутф'и (319б) и Гада'и (321а). Бесспорную ценность представляют отрывочные характеристики староузбекских поэтов, сопровождающие цитаты из их произведений (ср. ينه سكاى كيم توك شاعرلارنىمك مجتهدى دور: ينه مولانا لطفى كه طبع بيرله ظرفا). (اراسيندا مشهور ايرور).

Ахмед'и. Имеющиеся у нас сведения об Ахмед'и чрезвычайно скудны и недостаточны для того, чтобы определить его место среди староузбекских поэтов — предшественников Нава'й. Неясно также, в каком отношении к Ахмед'и находится автор Искандер-наме (тоже Ахмед'и),⁵⁶ живший во второй половине XIV в.

Ахмед'и — автор муназара, в котором в качестве спорящих сторон выступают танбур (طنبور) и разные музыкальные инструменты: 'уд (عود), чанг (چنگ), кобуз (قوبوز), ятуган (ياتوغان), рубаб (رباب), гыжжак (غيجك), кунгра (كونگره). Число основных глав соответствует количеству названных выше музыкальных инструментов, помноженному на два: после восхваления собственных достоинств каждого из инструментов и порицания танбура следует ответ последнего. Сочинение Ахмед'и написано в стихах (месневи).

Список муназара „Состязание музыкальных инструментов“ является частью рукописи Add. 7914 (XI, лл. 321б—328б).

Эм'ир'и. Эм'ир'и — придворный поэт Байсунгура Мирзы, сына Шахруха, умерший в годы юности Нава'й. Последний дает высокую оценку стихам Эм'ир'и (ترکجه شعری یخشى واقع بولوب تور).

⁵⁴ Rieu, pp. 290, 291 (Add. 7914/X). Текст муназара Як'бин издан, см.: Э. Рустамов. Муназарэ „Стрела и лук“ узбекского поэта XV в. Якини. СВ, № 4, 1957, стр. 90—106.

⁵⁵ Ср. муназара Асади (XI в.), имеющее такое же наименование, как и муназара Як'бин. См.: Е. Э. Бертельс. Избранные труды. История персидско-таджикской литературы. М., 1960, стр. 242.

⁵⁶ См.: Encyclopédie de l'islam, v. IV, p. 993.

однако отмечает, что он не снискал славы (شهرت تو تجمای دور) и, очевидно, пользовался репутацией второстепенного поэта.⁵⁷

Диван Эмирй, содержащий 24 четверостишия-туюга, является частью рукописи № 2753⁵⁸ библиотеки Стамбульского университета. 11 туюгов из дивана Эмирй были изданы А. Н. Самойловичем.⁵⁹

Эмирй также автор Дах-наме, эротической поэмы, которая по содержанию весьма близка к тюркским поэмам золотоордынского цикла — Мухаббат-наме и Та'ашшук-наме, а также к произведениям Ауахадй, 'Арифй, Хумам Тебрийй и Ибн 'Имадй,⁶⁰ написанным на персидском языке. В композиционном отношении Дах-наме несколько отличается от Мухаббат-наме и Та'ашшук-наме: каждое послание содержит не только обращение влюбленного к возлюбленной или наоборот, но и ответ того или другого. В целом структура послания такова: 1) обращение, 2) ответ, 3) газель, 4) фард. Различны и более мелкие детали композиции. Таким образом, почти несомненно, что Дах-наме является подражанием непосредственно персидским образцам, на которые ориентировался и автор Мухаббат-наме. Возможно, Эмирй был знаком с текстом Мухаббат-наме, тем не менее он не копировал его так, как Сиди Ахмед, написавший Та'ашшук-наме.

Дата написания Дах-наме 833 г. х. (1429/1430 г.; см. л. 271б: ایرور تاریخی اوجون ضبطی و اجب).

Список Дах-наме хранится в Британском Музее (Add. 7914/VII, лл. 228б—272а).

Мы считаем Эмирй и автора сочинения *بنک و جاغر اراسیندا*⁶¹ „Спор между бэнгом⁶² и вином“, примыкающего к циклу

⁵⁷ مجالس النفاثس Рукоп. отдел ИВ АН СССР, В. 270, лл. 14а, 14б. См. также محاکمة اللغتين, стр. 34.

⁵⁸ В настоящее время эта рукопись, очевидно, имеет другой шифр (Т. 5452).

⁵⁹ А. Н. Самойлович. Из туюгов чагатайца Эмири, стр. 75—77.

⁶⁰ См.: Rieu, p. 289.

⁶¹ Ср. поэму Фузули *بنک و جاغر*. См.: Л. В. Дмитриева. Тюркские рукописи Института востоковедения АН СССР. Проблемы Востоковедения, № 4, М., 1959, стр. 144; Я. С. Мищук. Рукопись дивана Физули Восточного факультета ЛГУ (рукопись, в ИЯ АН СССР).

⁶² Индийская конопля (род наркотика).

муназара, Юсуфа Эмирй, одним лицом. „Спор между бэнгом и вином“, так же как Дах-наме, входит в состав рукописи Add. 7914 (XII, лл. 329б—337б).

Мир Хайдар. К имени Мир Хайдара присоединяется поэтическое прозвище „маджзуб“ (ср. также Хайдар „тёлба“), означающее „экстатический, восторженный, помешанный“. Мир Хайдар занимал важное место среди старших современников или предшественников Нава'й. В этом отношении примечательны разные факты и прежде всего многократное цитирование его в „чагатайско“-турецком словаре Абушқа, где в основном приводятся отрывки из произведений Нава'й и Лутфй. Согласно сведениям, изложенным Нава'й в Маджалис ан-нафа'ис (лл. 23а—23б), Мир Хайдар был образованным человеком и хорошо познал светские науки (ظاهر علومین). Как и многие другие поэты того времени, он писал не только по-тюркски, но и по-персидски.⁶³

Возможно, что под именем Мир Хайдара выступали две исторические личности, с тахаллусами „тёлба“ („маджзуб“) и „сабухй“.

Сочинение Мир Хайдара „тёлба“ — Махзан ал-асрар, назидательно-религиозная поэма, написанная в подражание одноименному произведению Низамй и посвященная султану Искандеру Мирзе.

Текст поэмы (по списку Британского Музея) разделен на одиннадцать рассказов (حکایت). Кроме того, он включает в себя два особых раздела (سوز باشی و مقالت).⁶⁴

Хорошо сохранившийся список Махзан ал-асрар имеется в Британском Музее (Add. 7914/IV, лл. 115—141).⁶⁵ Второй, находящийся там же, список сочинения Мир Хайдара (Or. 3491) существенно отличается от первого и обнаруживает ряд лакун.⁶⁶

Третий список Махзан ал-асрар, состоящий из 26 листов, был приобретен в конце XVIII в. Королевской придворной библиотекой в Вене.⁶⁷

⁶³ مجالس النفاثس Рукоп. отдел ИВ АН УзССР, № 5289, л. 24б.

⁶⁴ Rieu, pp. 286, 287.

⁶⁵ Rieu, p. 286.

⁶⁶ Rieu, p. 298.

⁶⁷ Flügel, S. 612. См также: Gottwaldt, Aus Briefen an Prof. Fleischer. ZDMG, Bd. XIII, Leipzig, 1859, SS. 503, 504 (ср.: مخزن الاسرار Казань, 1858).

В предисловии к изданию Ми'радж-наме Паве-де-Куртей сообщает о приобретении в Тегеране четвертой, уйгурской рукописи Махзан ал-асрар. Тегеранская рукопись, по-видимому, древнейшая из всех известных рукописей этого сочинения. Она датируется XV в. и по характеру письма сходна с Ми'радж-наме. Объем рукописи — 55 листов небольшого формата. Данные, относящиеся к композиции текста, несколько отличаются от тех данных, которые приведены у Ш. Рье по первому списку Британского Музея. Вся поэма, — пишет Паве-де-Куртей, — содержит двадцать *مقاله*, включая повествовательную часть, предисловие (*ديباجة*) и заключение (*خاتمه*). Составителем уйгурского списка является 'Али-шах бахши.⁶⁸

Пятый список Махзан ал-асрар, как сообщает К. Броккельман⁶⁹ имеется в Берлине (?).

Ходженди. Ходженди — тахаллус неизвестного поэта, родившегося в Ходженде и пользовавшегося широкой известностью.

Основное сочинение Ходженди — Латафат-наме — написано на ту же тему, что и Мухаббат-наме, Та'ашшук-наме и Дах-наме. Поэма состоит из десяти посланий, имеющих обычную для данного цикла композицию.

Единственный список Латафат-наме находится в Британском Музее (Add. 7914/V, лл. 142—157).⁷⁰

Вполне вероятно, что Ходженди, автор Латафат-наме, и Камал Ходженди, видный поэт и известный шейх, составитель дивана персидских газелей, — одно и то же лицо.

Биография Камала Ходженди имеется в одном из списков его дивана.⁷¹ Он — сын одного из знатных лиц Ходженда, поселившийся после посещения Мекки в Тебризе (Иранский Азербайджан). После захвата Тебриза Токтамышем Камал Ходженди был направлен в г. Сарай (*بديار دشت قیچاق بشهر*) и находился там в течение четырех лет. Затем вернулся в Тебриз, где и умер, по одним данным — в 792 г. х. (1389/1390 гг.),

⁶⁸ См.: A. Pavet de Courteille. *Mirâdj-nâmeh*, pp. XXII—XXXI.

⁶⁹ C. Brockelmann. *Osttürkische Grammatik*, S. 21.

⁷⁰ Rieu, pp. 287, 288.

⁷¹ *ذکر شیخ کمال خجندی* Рукоп. отдел ИВ АН Уз.ССР, 159/X, л. 126а—133а.

по другим — в 808 г. х. (1405/1406 гг.), по третьим — в 803 г. х. (1400/1401 гг.). В хрониках, поэтических антологиях и прочих источниках Камал Ходженди выступает то как поэт, то как святой (*بعضی میگویند از شعراء است و بعضی میگویند از اولیاء است*).⁷²

Хусейни. Хусейни — поэтическое прозвище Абу-л-гази Хусейн Байкара, тимурида, покровителя 'Али Шера Нава'и. Он родился в 1438/1439 гг. и правил в Хорасане с 1469 по 1506 г.

Хусейни писал по-тюркски и по-персидски, главным образом газели. Сборник его газелей, написанных на староузбекском языке, сохранился в нескольких списках. Один из них, довольно поздний (Брит. Музей, Or. 3379),⁷³ содержит около 150 газелей, другой, более ранний, составленный в конце XVII в. (Брит. Музей, Add. 7926),⁷⁴ — около 140 газелей. В Британском Музее имеется также список, содержащий отдельные газели Хусейни (Or. 3493). Довольно ранний список дивана Хусейни (конец XVI в.) хранится в Институте востоковедения в Ленинграде (В. 284). Небольшая часть газелей дана в конце разных списков Маджалис ан-нафа'ис (см., например: Брит. Музей, Add. 7875, лл. 112—126; Рукоп. отдел ИВ АН СССР, В. 270, лл. 1206—144а и т. д.). Диван Хусейни включен также в состав парижской копии куллиата (Suppl. turc, № 108), написанной в Герате в 1523/1524—1526/1527 гг.⁷⁵ Один из списков дивана Хусейни принадлежит университетской библиотеке в Хельсинки.⁷⁶

Джавхари. Джавхари — малоизвестный поэт, упоминаемый в Маджалис ан-нафа'ис („самаркандец, надзиратель мыловарни, знающий 'аруз“).⁷⁷ Умер в первой половине XV в.

Одна из газелей, написанных Джавхари, включена в уйгурскую рукопись Британского Музея (Or. 8193).

⁷² Там же, лл. 130а—133а. Аналогичные данные приводятся у Давлат-шаха (см.: *The Tadhkiratu' sh-shu'arā of Dawlatshāh...* Ed. by Ed. G. Browne. London, 1901, pp. 325—331).

⁷³ Rieu, p. 299.

⁷⁴ Rieu, p. 256.

⁷⁵ См.: M. Bélin. *Notice biographique et littéraire sur Mir Ali-Chir-Néva'i*. JA, V^e série, vol. XVII, 1861, p. 176.

⁷⁶ См.: J. Aro. *Die arabischen, persischen und türkischen Handschriften der Universitätsbibliothek zu Helsinki*. StO, t. XXIII, Helsinki, 1958, S. 62.

⁷⁷ *مجالس النفايس* Рукоп. отдел ИВ АН СССР, В. 270, л. 40а.

3 А. М. Щербак

Поэт с тахаллусом Джавхарй фигурирует также в каталоге В. Перча,⁷⁸ где он назван автором поэтической обработки сочинения „Калила и Димна“, в староузбекском переводе.⁷⁹

Қамбар оғлы. Никакими биографическими сведениями о Қамбар оғлы мы не располагаем. Можно сказать определенно лишь о том, что он жил не позднее второй половины XV в. (рукопись Or. 8193 датирована 1432—1435 гг.). В Маджалис ан-нафа'ис упоминаются два поэта с этим именем: Қанбарй из Нишапура (л. 33а) и Қанбарй из Мешхеда (л. 64а). О последнем Нава'й отзывается весьма похвально (شعري یمان ایمانی).

Из поэтических произведений Қамбара оғлы сохранились три газели в составе рукописи Or. 8193.

Қасим. Полное имя Қасима — 'Али ибн Нафйр ибн Харун ибн Абу-л-Қасим ал-Хусейни ат-Тебризи. Он умер в 1431 или в 1433/1434 гг.

Қасиму принадлежит диван⁸⁰ и философское сочинение انیس العارفین („Друг познавших“), написанные на персидском языке.

Единственная имеющаяся в нашем распоряжении тюркская газель Қасима находится в рукописном сборнике Or. 8193.

Мансұр бахши. Мансұр бахши — переписчик рукописи Or. 8193, представитель уйгурской каллиграфической школы в Йезде. В упомянутом сборнике Мансұру бахши принадлежат четверостишия, изобилующие арабизмами и проникнутые духом мистицизма. Время жизни Мансұра бахши — конец XIV в. — первая половина XV вв.

Среди других поэтов, писавших на староузбекском языке, известны Мир Са'ид, дядя Мир 'Али Шёра Нава'й (قشيرغہ طغایی),⁸¹ Муқимй,⁸² Убайдй (Убайдулла-хан), сын Махмуд Султана,

⁷⁸ W. Pertsch. Die türkischen Handschriften der Herzoglichen Bibliothek zu Gotha. Wien, 1864, S. 38, № 26 (в дальнейшем: Pertsch).

⁷⁹ Pertsch, S. 168, № 189.

⁸⁰ دیوان قاسمی Рукоп. отдел ИВ АН Уз.ССР, 2286/1.

⁸¹ См.: مجالس المنقائیس Рукоп. отдел ИВ АН СССР, В. 270, л. 476. Отмечая большую склонность Мир Са'ида к сочинению стихов на староузбекском языке, Нава'й приводит один из его тугов.

⁸² Там же, л. 436. — У Нава'й имеется только рефрен одного таржи-банда Муқимй.

брата Шейбани-хана,⁸³ Амани,⁸⁴ Гарибй (шах Гариб Мирза), сын Хусейна Байқара,⁸⁵ Гада'й.⁸⁶

* * *

В языковом отношении поэтические произведения предшественников и ранних современников Нава'й несколько отходят от текстов золотоордынского цикла. В них в меньшей мере выступают особенности, характерные для кыпчакских диалектов Хорезма, зато намного увеличивается количество элементов южного (огузского) происхождения.

Огузские элементы проникали в язык староузбекской поэзии в основном непосредственно из соответствующих диалектов Мавераннахра. Вместе с тем нельзя отрицать и значение литературно-книжной преемственности: заметное влияние на развитие среднеазиатской литературы оказывали поэты-суфии Передней Азии. Именно этим обстоятельством обусловлено наличие в староузбекском литературном языке некоторых фонетических и морфологических особенностей, необъяснимых на основе материалов местных огузских диалектов.

С огузским типом язык предшественников Нава'й сближают специфические падежные формы и формы сопряженного состояния, ср.: *бојнума* 'к моей шее', *көңлүмә* 'моему сердцу', *jūzūmā* 'моему лицу', *xījr otīna* 'в огонь разлуки', *мухаббат бахрїна* 'в море любви', *xīttā-jī mā'mūrūmī* 'мой цветущий край', *ашкўмі* 'мои слезы' (вин. пад.), *jarūmuñ* 'моей возлюбленной', *бабрумїң* 'моей груди'; некоторые формы глагола, причастия и деепричастия, ср.: *kīlmīšam* 'я сделал', *болмīšam* 'я стал', *bītācī* 'закончится', 'будет законченным', *kīlan* 'делавший', *алан* 'взявший', *kōrān* 'видевший', *алман* 'не возьму', *кајтман* 'не вернусь', *dābān* 'сказав', *kojūban* 'поставив'; употребление глагола *бол* в форме *ол* и т. д.

Для языка упомянутых выше поэтов характерно также обилие арабских и персидских слов и, больше того, грамматических элементов и даже целых конструкций, усвоенных главным обра-

⁸³ Rieu, p. 300 (Брит. Музей, Add. 7907); Собр. вост. рукописей, II, стр. 244—248 (Рукоп. отдел ИВ АН Уз. ССР, №№ 8931, 54/IV, V).

⁸⁴ Rieu, p. 301 (Брит. Музей, Or. 2872).

⁸⁵ См.: Бобир-нома, б. 192.

⁸⁶ دیوان گدائی Национальная Библиотека в Париже, № 981, лл. 966—1616.

зом из персидского языка. И это вполне естественно: почти все староузбекские поэты были двуязычны; многие из них писали свои стихи как на староузбекском, так и на персидском языке.

НАВА'Й, БАБУР И ИХ СОВРЕМЕННИКИ

Нава'й. Особого внимания заслуживают произведения 'Али Шёра Нава'й, по праву считающегося основоположником и крупнейшим представителем классической узбекской литературы.

Творческий гений Нава'й сложился в условиях роста патристических тенденций среднеазиатских тюрок и способствовал пробуждению у них глубокого интереса к родному языку, к литературе и искусству. Хотя произведения Нава'й перегружены заимствованиями из арабского и персидского языков и изобилуют конструкциями, не свойственными тюркской речи, они тем не менее являются прекрасными образцами того среднеазиатского „тюрки“, который сыграл выдающуюся роль в последующем развитии литературных языков многих тюркских народностей.

Нава'й родился в 1441 г., в Герате, умер в 1501 г.⁸⁷

Количество сочинений, написанных 'Али Шёром Нава'й, колеблется от двадцати до тридцати. Фатх 'Али-хан Каджарский называет 21 сочинение.⁸⁸

А) В стихах:

1) غرائب الصغر Гара'иб ас-сыгар „Диковины детских лет“,	نوادر اربعه
или
چهار ديوان
2) نواذر الشباب Навадир аш-шабаб „Достопримечательности юношеской поры“,	
3) بککاتع الوسط Бад'а'и' ал-васат „Диковины среднего возраста“,	
4) فوائد الكبير Фава'ид ал-кибар „Полезные вещи старости“,	

⁸⁷ Имеется много специальных работ, содержащих биографические данные о Нава'й, см.: М. Bélin. Notice biographique et littéraire sur Mir Ali-Chir-Névaï, pp. 175—256, 281—357; А. К. Боровков. Изучение жизни и творчества Алишера Навои. Сб. „Родоначальник узбекской литературы“ Ташкент, 1940, стр. 11—29; Е. Э. Бертельс. Навои. Опыт творческой биографии. М.—Л., 1948. — См. также свидетельства его современников, например Бабура (Бобир-нома, б. 198).

⁸⁸ См.: А. А. Ромаскевич. Новый чагатайско-персидский словарь. Сб. „Мир-Али-Шир“, Л., 1928, стр. 88, 89.

5) حیرت الابرار Хайрат ал-абрар „Изумление праведных“,

6) فرهاد و شیرین Фархад ва Ширин,

7) لیلی و مجنون Лейли ва Маджнун,

8) سبعة سیاره (или داستان بهرام گور) Саб'а-и сай-йара „Семь планет“ (или „Повествование о Бахраме“),

9) سد سکندری Садд-и Сикандарй „Искандерова стена“,

10) داستان شیخ صنعان Дастан-и Шейх-и Сун'ан „Повествование о Шейхе Сун'ане“,

11) لسان الطیر или منطق الطیر Мантық ат-тайр (или Лисан ат-тайр) „Язык птиц“,

Б) В прозе:

12) تاریخ الملک Та'рих ал-мулук „Книга о царях“,

13) محبوب القلوب Махбуб ал-кулуб „Возлюбленный сердец“,

14) خمسة لمتخیرین Хамсат ал-мутахййирин „Пять изумленных“,

15) مجالس النفايس Маджалис ан-нафа'ис „Собрание редкостных [людей]“,

16) نسائم المحبة Нас'им ал-мухаббат... „Зефиры любви...“

17) منشآت Муншият „Письма“,

18) (نثر الآلى جناب مرتضى على) نظم الجواهر Назм ал-джава'хир „Нанизывание жемчугов“,

19) میزان الاوزان (عروض) Мизан ал-авзан „Весы стихотворных размеров“,

20) انشا (?),

21) وقفية اخلاصيه Вақфиййа-и Ихласиййа „Вакуфная запись (в пользу) Ихласия“.

В другой рукописи Фатх 'Али-хана Каджарского названы дополнительно:

22) تاريخ الانبياء Та'рих ал-анбия „История пророков“,

23) سراج المسلمين Сирадж ал-муслимин „Светильник праведных“,

24) چهل حديث Чил (чихил) ҳадис „Сорок хадисов“.

В списке, который приводит в своей статье М. Белен, на основе перечня в начале рукописи № 108 из Венской библиотеки и показаний других источников, находятся, кроме того:

خطبة دواوين *Хутба-и давайн* „Помолвка диванов“,
محاكمة اللغتين *Муҳакамат ал-лугатайн* „Спор двух языков“,
حالات بهلولان *Халат-и пахлавāн* (Муҳаммад) „Житие пахлавана (Мухаммеда)“,

مفردات در فن معما *Муфрадāt дар фан-и му’амма* „Элементы из науки составления шарад“.

Можно было бы назвать еще ряд более мелких и менее известных сочинений.

Часть произведений Нава’и издана, часть сохраняется в рукописях, составленных в разное время.⁸⁹

Чār (чахар) дивāн: Гарāиб ас-сығар, Навадир аш-шабāб, Бада’и’ ал-васат, Фавāид ал-кибар (всего около 24 тысяч стихов).⁹⁰ В Чār диване собраны газели, месневи, руба’и, мухаммасы, мусаддасы, мусамманы, туюги и т. д., написанные Нава’и в ранний период, в период юности, в зрелом возрасте и в последние годы жизни.

Стихи в диване расположены по рифмам, в соответствии с расположением букв в арабском алфавите.

⁸⁹ См.: А. А. Семенов. 1) Материалы к библиографическому указателю печатных произведений Алишера Навои и литературы о нем. Ташкент, 1940; 2) Описание рукописей произведений Навои, хранящихся в Государственной Публичной библиотеке Уз.ССР. Ташкент, 1940; С. А. Волин. Описание рукописей произведений Навои в ленинградских собраниях. Сб. „Алишер Навои“, Л., 1946, стр. 203—235 (в дальнейшем: Волин); Л. В. Дмитриева. Туркские рукописи Института востоковедения АН СССР, стр. 136—147.

⁹⁰ См.: Волин, стр. 214—225; Собр. вост. рукописей, II, стр. 207 и сл. (№ 677, 1280/I, 1315/I, 1486 и др.); Rieu, p. 294 и сл. (Or. 401, Or. 1374, Or. 1375, Add. 7910, Add. 7911 и др.). См. также: Х. Сулейман. Опыт изучения и составления критического текста рукописных диванов Алишера Навои. Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов. М., 1960. — Х. Сулейман подготовил к печати и издал критический текст Чār дивāна (Хазойинул-маоний, I—IV. Ташкент, 1959—1960). Так как количество рукописей разных произведений Нава’и чрезвычайно велико, мы не даем специального обзора их и ограничиваемся ссылками на каталоги и другие издания.

Хамса (Пандж гандж): Хайрат ал-абрār, Фархад ва Ширин, Лайл ва Маджнун, Саб’а-и саййāра, Садд-и Сикандарй (около 27 тысяч стихов). В некоторых списках расположение поэм несколько иное. Кроме того, четвертая поэма выступает иногда под наименованиями: Хафт пайкар, Дастāн-и Бахрām-гюр, Бахрām-наме или Бахрāму Дилārām, пятая — как Искандар-наме.

Поэмы, входящие в пятерицу, написаны в период с 1482 по 1485 г.

Количество известных списков достигает, по-видимому, нескольких десятков.⁹¹

При написании „Пятерицы“ Нава’и использовал традиционные сюжеты, однако придал им оригинальную направленность и разработал своеобразную поэтическую форму изложения. Образцами послужили: для первой поэмы Махзан ал-асрār Низāmй (во вступительной части Нава’и говорит о двух прототипах Махзан ал-асрār: Матла’ ал-анвар Хосрава Дехлевй и Тухфат ал-ахрār Джāmй), для второй — Хосраву Ширин (в числе предшественников, которым Нава’и воздает хвалу, названы Хосрав, Низāmй, Джāmй, Бадй’ аз-замāн), для третьей и четвертой — одноименные поэмы Низāmй, для пятой — поэма Низāmй Искандар-наме.

Лисāн ат-тайр — переработанный ‘Али Шером Нава’и перевод сочинения Фарид ад-дина ‘Аттāра, в котором в форме вопросов разных птиц к удоу и ответов на них излагаются основные положения суфизма.⁹² Закончен в 1498/1499 гг.

Та’рих-и мулӯк-и ‘аджам (иначе: Та’рих-и мулӯк, Та’рих ал-мулӯк, Тавārйх-и мулӯк) — свод легендарных и исторических сведений о персидских царях.⁹³ Время написания — 1488/1499 гг.

Махбуб ал-қулӯб — прозаическое сочинение с рифмующимися концами предложений, законченное в 1500/1501 гг. Состоит из

⁹¹ См.: Волин, стр. 209—214; Собр. вост. рукописей, II, стр. 195 и сл. (№ 5018, 1679/II, 1674 и т. д.); Rieu, p. 291 и сл. (Add. 7908, Or. 400, Add. 7909 и т. д.); Flügel, I, S. 613; K. V. Zettersteen. Die arabischen, persischen und türkischen Handschriften der Universitätsbibliothek zu Uppsala. Uppsala, 1930, № 571 (в дальнейшем: Zettersteen).

⁹² Волин, стр. 225—226; Собр. вост. рукописей, II, стр. 227 и сл. (№ 1679/I, 1689, 1209/III и т. д.).

⁹³ Волин, стр. 207—208; Собр. вост. рукописей, I, стр. 106 и сл. (№ 5411/I, 1859/I, 185/II, 4440/II, 691/I, 35/I).

трех частей: 1) характеристика (общественного) положения и занятий людей, 2) описание похвальных деяний и скверных свойств, 3) мелкие рассказы, афоризмы и поговорки.⁹⁴

Маджалис ан-нафа'ис — собрание сведений о поэтах — предшественниках и современниках Нава'и (1491/1492 гг.).⁹⁵ Состоит из восьми частей (маджлисов), каждая из которых, за исключением последней, охватывает определенную группу поэтов: 1) почитаемые лица, которых Нава'и застал в конце их жизни, но не видел, 2) лица, с которыми Нава'и удалось встретиться в детстве и беседовать в юношеские годы, 3) суфии-мистики, подражающие Джамий, 4) знатные лица, которые писали стихи, но не были поэтами, 5) знатные (самого высокого достоинства) поэты Хорасана, 6) ученые и набожные люди Хорасана, 7) султаны и их сыновья. Восьмая часть — восхваление султана Абул-гази Хусейн Бахадур-хана, везиром которого был Нава'и (далее следуют газели султана).

Хамсат ал-мутахаййирин — описание жизни Джамий (1492/1493 гг.).⁹⁶

Наса'им ал-мухаббат мин шам'им ал-футувват — жизнеописание суфиев — староузбекский вариант сочинения Джамий Нафахат ал-унс мин хазарат ал-қудс, дополненный Нава'и (1495 г.).⁹⁷

Муншият (иначе: Мунши'ат-и тюрки, Мактубат, Рақ'ат) — письма (1491/1492 гг.).⁹⁸

Назм ал-джавахир (другое название: نشر الالى جناب مرتضى على) — собрание изречений, приписываемых 'Али.⁹⁹ Закончено в 1485 г.

⁹⁴ Сводный текст Махбуб ал-қулуб по спискам, хранящимся в библиотеках Ленинграда и Ташкента, подготовил и издал А. Н. Кононов (см.: Алишер Навои. Возлюбленный сердец). О списках Махбуб ал-қулуб см.: Волин, стр. 227, 228; Собр. вост. рукописей, II, стр. 418 и сл.; Zettersteep, № 595; Rieu, p. 275 (Or. 2871).

⁹⁵ См.: Волин, стр. 226, 227; Собр. вост. рукописей I, стр. 127; Rieu, p. 273 (Add. 7875); Flügel, II, S. 373 (№ 1209).

⁹⁶ Волин, стр. 214; Собр. вост. рукописей, I, стр. 126, 127 (№ 693, 2242, 3902/VI).

⁹⁷ Волин, стр. 231; Собр. вост. рукописей, I, стр. 127, 128; III, стр. 290 (№ 5420); Rieu, p. 274 (Or. 402).

⁹⁸ Волин, стр. 229.

⁹⁹ Волин, стр. 230; Собр. вост. рукописей, II, стр. 230 (№ 1743/I).

Мизан ал-авзан — сочинение, посвященное 'арузу, арабо-персидской системе стихосложения и содержащее анализ некоторых типично тюркских поэтических форм (1491/1492 гг.).¹⁰⁰

Вақфийа-и Ихласийа (у Мехди-хана: Вақф-нама-и Мадраса-и Ихласийа) — вакуфная запись.¹⁰¹ Составлена в 1481/1482 гг.

Та'рих ал-анбия (другое название: Та'рих-и анбия ва ҳукамā) — история пророков и мудрецов (1498/1499 гг.).¹⁰²

Чил ҳадис (иначе: Арба'ина ҳадисан) — четверостишия, написанные в 1482 г. на сюжет сорока преданий о словах и поступках Мухаммеда.¹⁰³

О Мухакамат ал-луратайн см. ниже, в разделе о филологических трудах.

Бабу́р. Захир ад-дин Бабу́р — сын султана 'Омар-Шейха, внук Абуса'ида, последний выдающийся представитель династии тимуридов в Средней Азии.

Бабу́р родился в 1483 г., в период, когда с особенной силой развернулась ожесточенная борьба многочисленных претендентов на власть в Мавераннахре. Сам Бабу́р принял в этой борьбе активное участие, выступив в качестве основного противника предводителя кочевых узбекских племен Шейбани-хана. Попытки Бабу́ра воспрепятствовать проникновению Шейбани-хана в центральную часть Мавераннахра окончились неудачей. В конце концов он вынужден был покинуть пределы Средней Азии и уйти сначала в Афганистан (1504 г.), а затем в Индию. В середине тридцатых годов XVI ст. Бабу́р стал главой огромной империи, включавшей большую часть Афганистана и Индии и получившей в западно-европейской литературе название „империи великих моголов“.

Умер Бабу́р в 1530 г.

Бабу́ром написаны большое автобиографическое сочинение Бабу́р-наме, небольшой сборник стихотворений — Мубаййин ал-ислам, переведено на староузбекский язык сочинение Ходжи

¹⁰⁰ Волин, стр. 230.

¹⁰¹ Волин, стр. 231; Собр. вост. рукописей, II, стр. 420 (1315/II).

¹⁰² Волин, стр. 207, 208.

¹⁰³ Волин, стр. 208; Собр. вост. рукописей, II, стр. 231 (1315/VI, 3902/V).

Ахрара Рисаля-и валидия, с переложением в стихотворную форму, составлены трактаты об 'арузе, музыке, о почерке „Бабури“ и о военном искусстве. Последние не сохранились.

До 1900 г. были широко известны три тюркские рукописи Бабур-наме: 1) рукопись Британского Музея, 2) рукопись Индийского ведомства и 3) рукопись, которой пользовался и которую издал в 1857 г. Н. И. Ильминский. В последующее время благодаря настойчивым поискам А. Беверидж стали известны и другие рукописи. В 1900 и 1902 гг. А. Беверидж опубликовала пространный перечень списков Бабур-наме, составленный с учетом новых находок, осведомительских показаний и предположений. Ниже мы воспроизводим этот перечень:¹⁰⁴

- 1) Оригинал.
- 2) Рукопись Ходжи Килана.
- 3) Рукопись Хумайюна.
- 4) Рукопись Эльфинстоуна.
- 5) Рукопись Британского Музея.
- 6) Рукопись Индийского ведомства.
- 7) Рукопись Бенгальского восточного общества.
- 8) Mysore MS.
- 9) Bibliotheca Lindesiana MS.
- 10) Хайдерабадская рукопись.
- 11) Рукопись Университетской библиотеки Петербурга.¹⁰⁵
- 12) Рукопись Г. Я. Кера (министерство иностранных дел в Петербурге).
- 13) Рукопись Азиатского Музея в Петербурге.
- 14) Бухарская рукопись.
- 15) Рукопись Назар-бая Туркестанского (или „рукопись Сенковского“).

¹⁰⁴ A. S. Beveridge. 1) Notes on the MSS. of the Turkī-Text of Bābar's Memoires. JRAS, 1900, pp. 439—475; 2) Further Notes on the MSS. of the Turkī-Text of Bābar's Memoires. JRAS, 1902, pp. 653—659; 3) The Babar-nama. JRAS, 1908, pp. 97, 98.

¹⁰⁵ О рукописях Бабур-наме, находящихся в хранилищах Ленинграда и Ташкента, см.: Г. Ф. Благова. Характеристика грамматического строя староузбекского языка конца XV в. по „Бабури-наме“. Канд. дисс. (Рукопись, в Библиотеке им. Ленина в Москве, 1954).

Некоторые из названных выше рукописей, и в частности оригинал, обозначены предположительно, так как до настоящего времени не обнаружены.

С точки зрения полноты изложения, времени написания и близости к оригинальному тексту упомянутые рукописи далеко не равноценны.

Рукопись Эльфинстоуна содержит неполный текст и обнаруживает большое количество пробелов. Однако есть основания считать ее одной из наиболее ранних рукописей мемуаров Бабура. Так, по свидетельству В. Эрскина, на полях рукописи имеются две заметки, сделанные Хумайюном, сыном Бабура, которому, возможно, и принадлежал данный экземпляр.

Хайдерабадская рукопись (Tuzuk-i-Babari) не идет ни в какое сравнение с предыдущей, превосходит ее во всех отношениях и представляет вполне законченный текст. Рукопись состоит из 382 листов и написана насталиком. Эпизоды, которые в других рукописях изложены поверхностно, опущены, искажены или переданы по-персидски, в Хайдерабадской рукописи излагаются довольно пространно и притом на тюркском языке.

С текста Хайдерабадской рукописи было изготовлено в 1905 г. фототипическим способом факсимиле,¹⁰⁶ ставшее одним из авторитетнейших источников изучения записок Великого могола.

Очень ценной является также рукопись, составленная в 1737 г. Г. Я. Кером, которая долгое время хранилась в архиве министерства иностранных дел в Петербурге. При написании своей рукописи Г. Я. Кер пользовался списком из 420 листов. Этот список, как установила А. Беверидж,¹⁰⁷ представлял собой компиляцию муллы 'Абдул Ваххаба (так наз. бухарская рукопись), в которую вошло несколько подлинных документов и копия Бабур-наме, завершенная в 1709 г. Рукопись Г. Я. Кера имеет пробелы и значительные вставки персидского текста.

¹⁰⁶ A. S. Beveridge. The Babar-nama (Fac-simile). E. J. W. Gibb Memorial, V, I. Leiden and London, 1905.

¹⁰⁷ A. S. Beveridge. Further Notes on Baburiana. JRAS, 1923, pp. 75—77. — О рукописи Г. Я. Кера см.: A. S. Beveridge. The Babar-nama. JRAS, 1908, pp. 76—96. — В настоящее время рукопись Г. Я. Кера хранится в Институте востоковедения в Ленинграде (Д. 685).

Литографированное издание рукописи Г. Я. Кера было осуществлено в 1857 г. Н. И. Ильминским. Это издание послужило оригиналом для целого ряда новых списков,¹⁰⁸ не имеющих самостоятельного историко-филологического значения.

Сведения, изложенные в Бабур-наме, носят энциклопедический характер, они раскрывают довольно глубоко культурную жизнь Мавераннахра и Ферганы, дают представление о развитии литературы и искусства, знакомят с природой Средней Азии, географией, этническим составом населения и т. д.

Язык Бабур-наме богат: употребляется самая разнообразная лексика, встречается много интересных, с точки зрения истории языка, грамматических форм и синтаксических конструкций. Несмотря на широкое использование в тексте арабских и персидских слов, язык Бабур-наме весьма прост. Разумеется, подробную характеристику языка Бабур-наме на одной или нескольких страницах дать невозможно, да в этом и нет необходимости. Достаточно указать, что Бабур родился и провел свое детство недалеко от Андижана и что язык его мемуаров очень близок к городскому диалектному типу Ферганы.

Поэтические произведения Бабура размещены в нескольких рукописных сборниках, из которых самым ранним является сборник, изданный Э. Денисоном Россом.¹⁰⁹ Последний был найден в библиотеке рампурского наваба. Он состоит из 38 страниц, написанных насхом. Э. Д. Росс сообщает, что, по словам местных жителей, рукопись из библиотеки рампурского наваба является автографом Бабура. Однако, — указывает далее Э. Денисон Росс, — пометка Шах-Джехана свидетельствует о том, что собственноручно написаны Бабуром только две строки на краю последней страницы.

Сборник состоит из трех частей. Первая включает в себе стихотворный перевод *رسالة والديه* Ходжи Ахрара, законченный в 935 г. х. (1528 г.), и состоит из 241 стиха с рифмующимися

¹⁰⁸ См. рецензию А. Н. Самойловича (E. Denison Ross. A collection of poems by the Emperor Babur). ЗВО РАО, т. XX, вып. I, 1911, стр. 094; Собр. вост. рукописей, I, стр. 63.

¹⁰⁹ См. E. Denison Ross. A collection of poems by the Emperor Babur. Journal and proceedings of the Asiatic Society of Bengal, vol. VI, Calcutta, 1910. Рецензия на это издание написана А. Н. Самойловичем (ЗВО РАО, т. XX, вып. I, 1911, стр. 093 и сл.).

полустишиями-месневи (*مثنوی*). Вторая часть начинается с месневи, затем следует газель (*غزل*) и другие поэтические формы. Третья часть — месневи и рубаи (*رباعی*). Небольшое количество двустий и четверостий, входящих во вторую и третью части, написано на языках персидском и урду.

Как указывает А. Н. Самойлович,¹¹⁰ сборник, изданный Э. Денисоном Россом, содержит всего 379 новых, ранее неизвестных стихов Бабура, написание которых относится к индийскому периоду его жизни.

Другая рукопись стихотворений Бабура, относящихся ко времени пребывания его в Туркестане и Афганистане, хранится в Национальной Библиотеке Парижа (Suppl. turc. 1230).¹¹¹

Парижский сборник состоит из 224 стихотворений. Наименование сборника: *دیوان تری بابر پادشاه مع تصویر ایشان*. По мнению А. Н. Самойловича, впервые описавшего парижскую рукопись, составление ее можно отнести к XVI—XVII вв.

Многие стихи Бабура, входящие в состав указанных выше сборников, помещены также на страницах Бабур-наме и цитируются в „чагатайско“-турецком словаре, изданном Г. Вамбери и В. В. Вельяминовым-Зерновым („Абушқа“), а также в других словарях. Один из списков поэмы Бабура Мубайин принадлежит Рукописному отделу Института востоковедения Академии наук СССР (А. 104).

Мухаммед Салих. Мухаммед Салих, сын Нур Са'идбека — правителя Хивы, Кята и Хисара, родился во второй половине XV в.¹¹²

Основное сочинение Мухаммеда Салиха — Шейбани-наме — посвящено описанию походов и воинской доблести Шейбани-хана, при котором он состоял в качестве придворного поэта и сподвижника. Всё сочинение написано стихами и делится на 76 частей. Дата окончания его — 916 г. х. (1510 г.).

Рукопись Шейбани-наме является уникальной. До Первой

¹¹⁰ См. рецензию А. Н. Самойловича на издание Э. Денисона Росса (ЗВО РАО, т. XX, вып. I, 1911, стр. 093—0101).

¹¹¹ Описание рукописи дано в предисловии А. Н. Самойловича к изданию общего сборника стихотворений Бабура (А. Н. Самойлович. Собрание стихотворений императора Бабура, ч. I. Текст, стр. 7—10).

¹¹² См.: *مجالس النفاثین*. Рукоп. отдел ИВ АН СССР, л. 103а.

мировой войны она хранилась в Венской императорской библиотеке. В 1885 г. по этой рукописи было осуществлено первое издание сочинения Мухаммеда Салиха.¹¹³ В 1908 г. текст был опубликован вторично.¹¹⁴

В языке Шейбани-наме прослеживаются некоторые особенности хивинского диалекта.

Согласно сообщению А. Н. Самойловича, Мухаммеду Салиху принадлежат также две газели в одном рукописном персидско-тюркском сборнике стихов, хранившемся в библиотеке Петербургского университета.¹¹⁵

ПРОИЗВЕДЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ И ДИДАКТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К числу более или менее крупных произведений религиозной и дидактической литературы, написанных в период с XIV по XVI в., относятся Сирадж ал-кулуб, Ми'радж-наме, Тазкира-и авлия, Бахтийр-наме и др.

Религиозные сочинения, как правило, являются переводами арабских и персидских текстов, в той или иной степени канонизированных. Это обстоятельство обуславливает наличие в них своеобразных стилистических особенностей, стандартизацию синтаксических конструкций и предопределяет характер лексического состава (обилие арабских и персидских слов).

Сирадж ал-кулуб. Это крупное по размерам сочинение типа жития святых (ср., например, Кысас ал-анбийя, Тазкира-и авлия), размещенное на 128 листах. Начало рукописи отсутствует. В самом тексте обнаруживается некоторая непоследовательность или вследствие утраты отдельных листов или по причине невнимательного изготовления фотокопии.

Один из списков Сирадж ал-кулуб, так наз. уйгурский, составлен в месяце раджабе 835 г. х. (1432 г.) в г. Йезде Мансуром бахши. Он хранится в Британском Музее (Or. 8193).

¹¹³ Die Scheibaniade. Ein özbekisches Heldengedicht in 76 Gesängen von Prinz Mohammed Salih aus Charezm. Text, Übersetzung und Noten von H. Vámbéry. Wien, 1885.

¹¹⁴ Мухаммед Салих. Шейбани-наме. — В предисловии к этому изданию указаны источники, в которых упоминается имя Мухаммеда Салиха и приводятся биографические сведения (см. стр. I—VIII).

¹¹⁵ № 140, лл. 706 и 192а.

По содержанию и отчасти в языковом отношении текст использованного нами списка Сирадж ал-кулуб близок к одноименному произведению, напечатанному в типографии Казанского университета.¹¹⁶

Язык Сирадж ал-кулуб довольно прост: лексика, если не принимать во внимание арабизмы, общеупотребительна, в морфологии преобладают новейшие формы, диалектную принадлежность которых установить невозможно. Последние образуют как бы результат фильтрации многочисленных узбекских диалектов, с намеренным отбором только общих, объединяющих их элементов.

Ничем не отличаются от Сирадж ал-кулуб входящие в тот же рукописный сборник Масала китаби, Рахат ал-кулуб и др.

Все староузбекские тексты, написанные уйгурскими буквами, имеют в основном одинаковые орфографические особенности, которые позволяют отнести их к выделенной В. В. Радловым группе мусульмано-уйгурских источников (ср. у В. В. Радлова: „der mohammedanisch-uygurische Schrift-charakter“). Характерной чертой этой группы памятников является приспособление уйгурских букв, посредством введения разных диакритических знаков, для передачи несвойственных тюркским языкам арабских звуков.

Ми'радж-наме — повествование о вознесении Мухаммеда на небо и о знакомстве его с жизнью потустороннего мира.

История открытия рукописи Ми'радж-наме, хранящейся в Национальной Библиотеке, в Париже, подробно изложена в предисловии к соответствующему изданию А. Паве-де-Куртея.¹¹⁷ Продолжительное время текст рукописи оставался непрочитанным, так как уйгурский шрифт не был известен в Европе, а в самой Средней Азии, где он некогда имел широкое распространение, традиция уйгурского письма полностью утратилась, по-видимому, еще в XVI в. Первая удачная попытка прочесть текст рукописи принадлежит А. Ремюза.

Рукопись, принадлежащая Национальной Библиотеке, составлена в 840 г. х. (1436 г.) Маликом бахши Гератским. Она состоит из 264 листов (текст Ми'радж-наме занимает первые 69 листов).

¹¹⁶ См.: سراج القلوب Казань, 1875, стр. 2.

¹¹⁷ Mirâdj-nâmeh. Traduit et annoté par A. Pavet de Courteille.

Язык Ми'радж-наме сух и однообразен. Составитель, или, точнее, переводчик, пользовался самыми обычными формами. Фонетические особенности языка Ми'радж-наме в большей своей части непостижимы для нас в силу того обстоятельства, что текст его написан уйгурскими буквами, а в издании Паве-де-Куртея по техническим соображениям использован арабский алфавит и таким образом сделан еще один шаг в сторону отхода от реальных произносительных норм.

Тазкира-и авлий — теологическое сочинение (рассказы о святых), переведенное с персидского языка и частично переработанное. Оригинал для него послужило Пенд-наме Фарид ад-дина 'Аттара.

Текст Тазкира-и авлий, как указывалось выше, находится в одном рукописном сборнике с Ми'радж-наме. Весь сборник написан одним лицом, в одно и то же время, поэтому и в языковом отношении никаких существенных различий между ними не наблюдается.

Бахтияр-наме. Нам известны два списка этого сочинения (в староузбекском варианте). Один из них составлен в 1435 г. и находится в Оксфорде (9 I Ph, II, 324),¹¹⁸ второй — довольно поздний, бывший в конце прошлого столетия собственностью И. Н. Березина.¹¹⁹ В последнем списке язык заметно обновлен, и список не может быть использован в качестве источника исторической грамматики.

Говоря о Ми'радж-наме, Тазкира-и авлий, Бахтияр-наме и других религиозных текстах, нельзя не обратить внимания на то, что большинство из них написано уйгурскими буквами. Употребление уйгурского письма в XIV—XVI вв. стимулировалось необходимостью создания особой кастовой письменности, доступной лишь государственным чиновникам и духовной знати. По-видимому, только этим обстоятельством можно объяснить специфическое и ограниченное применение уйгурской графики:

¹¹⁸ См.: Ethé, II, p. 1181. См. также: A. Jaubert. Notice et extrait de la version turque du Bakhtiarnaméh. JA, t. X, 1821, pp. 146—167; W. Barthold. Littérature čaghataï. Encyclopédie de l'islam, IV. Paris, 1934, pp. 963—965.

¹¹⁹ См.: Турецкая хрестоматия. Составлена И. Березиным. Т. I. Казань, 1857, стр. 52—81.

преимущественно в канцелярской переписке и при размножении текстов религиозно-повествовательной литературы.

Существовали две большие школы уйгурских писцов: одна в Герате, другая в Йезде. С гератской школой связаны имена Малик бахши, 'Али-шах бахши и др. Из школы в Йезде известен Мансур бахши.

Распространение уйгурской письменности в центрах Мавераннахра в период расцвета староузбекской литературы лишний раз свидетельствует о довольно тесных связях последней с литературой Кашгара эпохи караханидов.

ПАМЯТНИКИ ДЕЛОВОГО ЯЗЫКА, ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ

Памятники делового языка, юридические документы, грамоты-ярлыки и эпиграфические тексты, относящиеся к периоду существования староузбекской книжности, сохранились в небольшом количестве.¹²⁰ Основные из них — ярлыки 'Омар-Шейха, Темир-Кутлуга, Абуса'ида, Токтамыша, Шахруха, так наз. надпись Тимура на камне и золотоордынская надпись на бересте.

Ярлык Абуса'ида, деда Бабура, написан двумя алфавитами: арабским и уйгурским, в Азербайджане, в 873 г. х. (1469 г.).

Язык ярлыка Абуса'ида близок к языку ярлыка 'Омар-Шейха.

Ярлык 'Омар-Шейха, отца Бабура, написан уйгурскими буквами. Ярлык не датирован. Как полагает П. М. Мелиоранский, он был составлен в 1469 г.¹²¹

Ярлык является дарственной грамотой, подтверждающей освобождение одного из знатных лиц Маргинаны Мир Са'ид Ахмеда от поземельных налогов и почтового сбора.

¹²⁰ Общий обзор см. в статье: С. Е. Малов. Изучение ярлыков и восточных грамот. Сб. в честь В. А. Гордлевского. М., 1953, стр. 187—195. — Изучению ярлыков и восточных грамот посвящены также работы И. Хаммера, Я. О. Ярдова, Г. Вамбери, И. Н. Березина, В. В. Вельяминова-Зернова, В. В. Радлова, В. Д. Смирнова, В. В. Григорьева и других. Полное издание ярлыков и грамот осуществлено А. Куратом (Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait Yarlık ve Bitikler. Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi yayınlarından. Tarih serisi, I, İstanbul, 1940.

¹²¹ П. М. Мелиоранский. Документ уйгурского письма султана Омар-Шейха. ЗВО РАО, т. XVI, вып. 1, 1904, стр. 01—012.

В языке ярлыка 'Омар-Шейха можно встретить древнеуйгурские слова, имевшие распространение в Восточном Туркестане в период после нашествия монголов, ср.: *јам* 'почтовый маршрут', 'почтовая станция', *тјшјмәл* 'чиновник', *јосун* 'закон', 'обычай', *сојурбал* 'пожалование'. Последние три слова заимствованы из монгольского языка, *јам*, по-видимому, — из китайского.

В морфологическом отношении язык ярлыка 'Омар-Шейха примечателен строгим соблюдением классических норм и отсутствием особенностей, характерных для какой-либо диалектной группы.

Подробные сведения о ярлыке Темир-Кутлуга приведены у В. В. Радлова.¹²² Ярлык написан уйгурскими буквами, однако под каждым словом уйгурского текста дается арабская транслитерация. Время составления ярлыка — 800 г. х. (1397 г.), место — Муджаваран, „на берегу Днепра“.

Содержание ярлыка — пожалование званием тархана и соответствующими привилегиями одного из землевладельцев.

В. В. Радлов отмечает, что составитель ярлыка был лицом, знавшим литературный чагатайский язык и „писавшим на книжном языке почти без влияния родной речи“.¹²³ Это утверждение, может быть, — слишком крайнее, обусловленное общими взглядами В. В. Радлова на природу и характер литературного староузбекского языка. Не правильнее ли считать, что родная речь составителя в грамматическом плане мало чем отличалась от литературного языка? Конечно, влияние языковых традиций при составлении деловых документов играло большую роль, все же независимо от этого в деловых документах отражались местные особенности и иногда в значительных размерах, ср. ярлык Токтамыша.

Специфических кыпчакских и огузских форм и звуковых особенностей в языке ярлыка Темир-Кутлуга нет.

Ярлык Токтамыша написан также уйгурскими буквами, однако манера письма, как отметил В. В. Радлов, резко отличается от того „мусульмано-уйгурского“ почерка, который можно

¹²² В. В. Радлов. Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга, 1888, стр. 17.

¹²³ Там же, стр. 40.

наблюдать в рукописях Кутадгу билига, Бахтияр-наме и. т. д.¹²⁴ Ярлык датирован 795 г. х. (1393 г.).

Адресуя ярлык Ягайлу Токтамыш извещает его об отправке послов для получения дани, взимаемой с народов, обитающих за Днепром.

В языке ярлыка Токтамыша обнаруживается небольшое количество фонетических особенностей кыпчакского типа: отсутствие конечных заднеязычных после узких гласных, ср.: *Кутлу-буза* (имя) вм. *Кутлуб-буза*, *Әдјүгү атлї кішіні* 'человека по имени Эдугу' вм. *Әдјүгү атлїб кішіні*, *Асан Түлу Хоја башлї әлчиләрні* 'послов, возглавляемых Хасаном и Түлу Ходжой' вм. *Асан Түлу Хоја башлїб әлчиләрні*, ср. вместе с тем: *алтун нїшанлїк* (или *нїшанлїб*) 'имеющие золотую печать'.

Ярлык Шәхруха, так же как и ярлык 'Омар-Шейха, является дарственной грамотой. Он написан уйгурскими буквами, причем почерк его, по словам Ж. Дени, совершенно идентичен почерку Ми'радж-наме и Тазкира-и авлия. Время составления — год быка, 825 г. х. (1422 г.).

В языковом отношении ярлык Шәхруха занимает место в одном ряду с ярлыками 'Омар-Шейха и Абуса'йда.

„Надпись Тимура“, выбитая на камне в 793 г. х. (1391 г.), была найдена лет 20 тому назад у горы Алтын-Чуку, около Карасакпайского рудника. Текст надписи содержит сообщение о походе Тимура с двумястами тысяч войска, предпринятом с целью разгрома Токтамыша.¹²⁵

Верхняя часть (3 строки) написана арабским алфавитом, нижняя (8 строк) — уйгурским.

Язык надписи имеет много общего с языком ярлыков 'Омар-Шейха, Абуса'йда и Темир-Кутлуга.

Золотоордынская рукопись на бересте¹²⁶ была обнаружена в 1930 г. на левом берегу Волги, недалеко от сел. Терновка. Рукопись, состоящая из нескольких фрагментов разной сохран-

¹²⁴ Там же, стр. 4.

¹²⁵ См.: Труды Отдела истории культуры и искусства Востока. Государственный Эрмитаж, т. II, Л., 1940, стр. 185—187; А. И. Пономарев, Поправки к чтению „Надписи Тимура“, СВ, III, 1945, стр. 222—224.

¹²⁶ Н. Н. Поппе. Золотоордынская рукопись на бересте. СВ, II, 1941, стр. 81—85.

ности, написана уйгурскими буквами, часть ее содержит монгольский текст.

Приблизительная дата написания рукописи — начало XIV в.

Отдельные тюркские слова и формы, сохранившиеся в тюркской части текста и приведенные в статье, посвященной данной рукописи, например: *Tüǵāl Kuttub Sāñıǵın Baj* — имя собственное, *ǵadıǵı* 'хороший', *bakıǵı* 'учитель', 'наставник', сближают ее в языковом отношении с памятниками староузбекской литературы.

СЛОВАРИ, ГРАММАТИКИ, ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАКТАТЫ

Наиболее ранним филологическим трудом о староузбекском языке и вместе с тем своеобразным манифестом, сформулировавшим необходимость обращения к нему как к языку, равному с персидским и обладающему всеми достоинствами последнего в смысле выражения тончайших оттенков мысли, явилось сочинение 'Али Шера Навā'и Мухāкамат ал-лугатайн "Спор двух языков".

Мухāкамат ал-лугатайн написано в 1499 г.

Оно начинается с краткого исторического экскурса, в котором автор говорит о значении арабского и персидского языков, о культурном и языковом возрождении тюрков, о лексическом богатстве староузбекского языка и необходимости его широкого использования.

В основной части своего сочинения Навā'и рассматривает в сопоставительном плане грамматические средства языка и его словообразовательные возможности. Он приводит также очень ценные данные по вопросу о составе гласных в староузбекском языке.¹²⁷

В Мухāкамат ал-лугатайн имеются некоторые автобиографические сведения, дан перечень написанных Навā'и произведений и указаны те персидские авторы, которым он подражал.¹²⁸

Небольшая часть трактата посвящена литературе тюркских народов. Из поэтов, писавших по-тюркски, в нем названы: Саккаки, Мир Хайдар, Ата'и, Яқини, Эмир и Гада'и.¹²⁹

¹²⁷ Мухāкамат ал-лугатайн (Chrestomathie en turc oriental), стр. 13, 14.

¹²⁸ Там же, стр. 22 и сл.

¹²⁹ Мухāкамат ал-лугатайн (Chrestomathie en turc oriental), стр. 34.

Литературные произведения, написанные 'Али Шером Навā'и и его выдающимися предшественниками и современниками, вызвали интерес к „чагатайскому“ языку у представителей разных народов Средней и Малой Азии.

Проявлением особого внимания к последнему становится создание словарей и грамматик, имевших значение пособий. В словарях и грамматиках сосредоточиваются богатые лексические и грамматические материалы, почерпнутые главным образом из сочинений Навā'и.

Среди филологических трудов, появившихся в связи с повышенным интересом к „чагатайскому“ языку в XV в. и в последующих столетиях, необходимо назвать словарь Та'ли' Херевй (Хорасан), словарь Абушқа (?), словарь Фазлулла-хана (Индия), словарь-справочник Келюр-наме (Индия), словарь Мухаммеда Ризā (Хорезм), словарь Сангльх Мехди-хана с грамматическим введением Мабāни' ал-лугат (Иран), словарь Фатх 'Али-хана Каджарского (Иран) и др.

Словарь Та'ли' Херевй. Название словаря — Бада'и' ал-лугат. Нисба „Херевй“ означает, что автор был уроженцем Герата — города, с которым связана биография самого Навā'и, а упоминание Та'ли' в Маджāлис ан-нафа'ис¹³⁰ позволяет считать его современником последнего. Правда, Та'ли' упомянут в первом маджлисе, в который в основном вошли поэты, жившие до Навā'и или умершие в годы его юности, но весьма вероятно, что Та'ли', будучи современником Навā'и, был намного старше его и по этой причине был отнесен к поэтам первой группы (Навā'и называет Та'ли' поэтом).

Словарь Бада'и' ал-лугат („чагатайско“-персидский) составлен в конце XV в. для пояснения слов в сочинениях Навā'и.

Список указанного словаря, относящийся к началу XVIII в., хранится в публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.¹³¹

Абушқа. „Чагатайско“-турецкий словарь, получивший условное наименование Абушқа по первому слову (ср. لغت ابو شقا).

¹³⁰ مجالس النفايس Рукоп. отдел ИВ АН СССР, В. 270, лл. 136, 19а.

¹³¹ Текст Бада'и' ал-лугат по этому списку издан: А. К. Боровков. Бада'и' ал-лугат. Словарь Та'ли' Ймāни Гератского. М., 1961.

(اللغة النواثية، الاستشهادات الچغتائية، حل لغات نواثی), в основном посвящен толкованию слов из сочинений Нава'и, перечень которых приводится на стр. 23, 24. Значительно меньшее место в словаре отведено толкованию слов из газелей и поэмы Гюлю Навруз Лутфй, из поэмы Мир Хайдара Махзан ал-асрар, из газелей 'Убайд-хана.

Как полагает Г. Флюгель, словарь составлен одним османским ученым, который увлекался чтением произведений Нава'и, вскоре после смерти последнего. Поскольку венский список относится к 1552 г., а список Британского Музея — к 1554 г., естественно предположить, что оригинал был закончен в период между смертью Нава'и и серединой XVI в.

Списки Абушқа имеются в Британском Музее, в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, в библиотеке Ленинградского университета, в рукописном отделе Института востоковедения Академии наук в Ленинграде, в Венской библиотеке и в других местах.¹³²

Абушқа содержит почти 2000 слов. Характерно, что составитель отобрал только те слова, которые не были понятны туркам или имели значения несколько иные, чем в турецком языке. При этом он не выделял основных словарных типов и выписывал в алфавитном порядке разные грамматические формы, см. стр. 66, 67: 'ایکاو، ایکالامینر' 'двое', 'двум', 'мы двое'; стр. 154: 'بولغونجا، بولغونجه، بولغوجا، بولغاجه' 'пока будет'; стр. 206: 'تورتا، تورتالا، تورتاولا، تورقالاسی' 'четверо (из них)' и т. д.

¹³² См.: Rieu, p. 263 (Add. 7886). Перечень рукописей, находившихся в Петербурге, дан у В. В. Вельяминова-Зернова (Словарь джагатайско-турецкий, стр. 7). Из пяти экземпляров, как указывает В. В. Вельяминов-Зернов, четыре — копии, снятые в довольно позднее время с экземпляра Публичной библиотеки. Текст последнего был издан В. В. Вельяминовым-Зерновым в 1868 г. Описание рукописи см.: Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Impériale Publique de St. Pétersbourg. SPb., 1852, pp. 532, 533. — Венская рукопись описана Г. Флюгелем и названа в его каталоге: کتاب اللغة في لسان چغتای (Flügel, I, S. 103, 104). Второй экземпляр Венской библиотеки — довольно поздний (1858 г.). Аналогичный по характеру и близкий по содержанию словарь в собрании ИВАН Уз.ССР носит наименование حل لغات نواثی (№№ 708, 427/I). Первый список был составлен в 1851 г., второй — в 1852 г.

По мнению А. К. Боровкова, „словарь Абушқа является переработкой словаря Бада'и' ал-лугат или близкой редакцией этого словаря и переводился с персидского языка“.¹³³

Словарь Фазлулла-хана. Данный словарь был составлен, по-видимому, также в конце XVII в., так как Фазлулла-хан называет себя двоюродным братом Сейф-хана, жившего во второй половине XVII в.

Рукопись словаря Фазлулла-хана хранится в Британском Музее.¹³⁴ В 1825 г. текст словаря по этой рукописи был издан в Калькутте.

Словарь Фазлулла-хана называется Лугати тюркй. Таким образом, он содержит разные словарные материалы, хотя господствующее положение в нем занимает лексика староузбекского языка.

Словарь состоит из трех глав. В первой главе дается перечень отглагольных имен с переводом на персидский язык (در بیان بعضی متصرفات از ماضی و مضارع و امر) (بیان مصادر). Во второй главе названы и описаны разные глагольные формы (در بیان بعضی متصرفات از ماضی و مضارع و امر): формы прошедшего времени (ماضی) (سیغهای ماضی): ср. kēldi, kēlindur, kēlār ēdi...), аориста (مضارع) (سیغهای مضارع), ср. kēladur, kēlūcidur...), повелительного наклонения (سیغهای امر) (سیغهای امر): ср. kēl, kēlāj, kēlīñiz, kēlcūn...), „запрета“ (نهی) (سیغهای نهی): ср. kēlmā, kēlmāñiz, kēlmācūn...), и др. Здесь же рассматриваются аффиксы именного словообразования. Третья глава представляет собой словарь именных частей речи (در بیان اسمای جوامد و جزآن).

В словаре Фазлулла-хана, как и в некоторых других словарях, дана относительно четкая характеристика произношения каждого слова, ср., например: „ata — с алифом, огласованным фатхой и имеющим мадду, с та, огласованным фатхой, и вторым алифом без мадды — 'отец'“. Однако, в нем отсутствует указание на источники и нет подтверждающих цитат. Некоторые

¹³³ А. К. Боровков. Лексикографическая традиция в словарях чагатайского языка. Лексикографический сб., вып. IV. М., 1960, стр. 156.

¹³⁴ См.: Rieu, p. 264 (Add. 6646). — Об этом и некоторых других словарях см.: В. В. Вельяминов-Зернов. Словарь джагатайско-турецкий, стр. 28—31. См. также только что упомянутую статью А. К. Боровкова.

толкования слов ошибочны или сомнительны, ср.: *курумсаз* — *курбан*.

Келюр-наме („Книга заприходования“). Келюр-наме — „чагатайско“-персидский словарь, составленный в конце XVII в. Мухаммедом Я'кубом Чингй.¹³⁵

Словарь задуман в качестве пособия для изучения староузбекского языка. Автор дает список ряда глаголов и сопровождает каждый из них длинным перечнем форм,¹³⁶ например:

باب اول	او قومایندور	او قومایندور
او قومایندور	او قومایندور	او قومایندور
او قومایندور	او قومایندور	او قومایندور
او قومایندور	او قومایندور	او قومایندور
او قومایندور	او قومایندور	او قومایندور
او قومایندور	او قومایندور	او قومایندور
او قومایندور	او قومایندور	او قومایندور
او قومایندور	او قومایندور	او قومایندور

В следующей части слова расположены и сгруппированы по тематическому принципу, например: „Небо“ (در بیان آسمان), „Земля“ (در بیان زمین) и т. д.¹³⁷

В одном сборнике вместе с Келюр-наме находится небольшой „Словарь избранных тюркских слов“ (منتخب لغات تюрکی).¹³⁸

Словарь Мухаммеда Ризā (منتخب اللغات). Данный словарь составлен в конце XVIII в. в Хиве, он содержит объяснение арабских, таджикских и некоторых узбекских слов, встречающихся в произведениях Навā'й.

Несколько довольно поздних списков этого словаря хранится в рукописном отделе Института востоковедения Академии наук Уз. ССР (№№ 427/II, 428/I, 4010) и в Институте востоковедения в Ленинграде (С. 1818).

Мабāни' л-лугат и Санглāх Мехдй-хана. Мехдй-хан — историограф Нāдир-шāха, живший в XVIII в. Свой филологический труд Мехдй-хан закончил в 1760 г.

Сочинение Мехдй-хана сохранилось в нескольких списках. Один из них принадлежит фонду Гибба, другой находится

¹³⁵ Список этого словаря, относящийся к XIX в., имеется в Рукоп. отделе ИВ АН УзССР, № 5052/I.

¹³⁶ Рукоп. отдел ИВ АН Уз. ССР, № 5052/I, л. 26.

¹³⁷ Там же, лл. 32а—356.

¹³⁸ Отдельный список этого словаря имеется в Рукоп. отделе ИВ АН СССР (С 1818).

в Британском Музее, третий — в Бодлеяне (Оксфорд). Копия сокращенного варианта Санглāх (Хулāса-и 'Аббāси в редакции Мухаммеда Хувейй) хранится в Национальной Библиотеке в Париже.¹³⁹

Мабāни' л-лугат¹⁴⁰ — грамматический очерк, предваряющий „чагатайско“-персидский словарь Санглāх. Полное название грамматического очерка: صرف و نحو لغت چغتای. Мабāни' л-лугат является грамматикой староузбекского („чагатайского“) языка,¹⁴¹ взятого в том виде, в каком он отразился в первую очередь в произведениях Навā'й.

В мукаддима к Мабāни' л-лугат Мехдй-хан перечисляет двенадцать поэтических и девять прозаических сочинений Навā'й, к которым он дает грамматические объяснения.

Грамматика Мехдй-хана состоит из шести разделов. В первом из них Мехдй-хан приводит образцы различных отглагольных имен и причастий, отмечая, что все они образуются от формы повелительного наклонения. Затем он рассматривает формы, осложненные дополнительными звуками, т. е. вторичные (залоговые) основы (متعدی، مفاعله، انفعال), форму прошедшего времени (فعل ماضی), форму настоящего-будущего времени, или „аорист“ (فعل مضارع), причастие действительного залога (اسم مفعول), причастие страдательного залога (اسم فاعل), повелительное наклонение (فعل امر), отрицательный аффикс формы

¹³⁹ См.: Rieu, p. 264 (Or. 2892).

¹⁴⁰ Эта часть издана Э. Денисоном Россом (The Mabāni' l-lughat being a grammar of the turki language in Persian, by Mirzā Mehdi Khān. Bibliotheca Indica. New Series, Nr. 1225, Calcutta, 1910) по рукописи Британского Музея (Or. 2892, лл. 3а—246). Факсимильное издание рукописи из фонда Гибба осуществлено Дж. Класоном. См.: Sanglax. A Persian Guide to the Turkish Language, by Muhammad Mahdi Khān. Facsimile Text with an Introduction and Indices by Sir Gerard Clauson. London, 1960.

¹⁴¹ О достоинствах и недостатках грамматики Мехдй-хана см.: А. Н. Самойлович. Персидский тюрколог XVIII века Мирза Мехди-хан. Отд. оттиск из „Изв. Об-ва обследования и изучения Азербайджана“, № 5, Баку, 1927; J. Eckmann. Mirzā Mehdi Darstellung der tschagataischen Sprache. Analecta Orientalia memoriae Al. Csoma de Kőrös dicata. Budapest, 1942—1947, SS. 156—220; K. H. Menges. Das Čağatajische in der persischen Darstellung von Mirzā Mahdi Khān. Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse, Nr. 9, Akademie der Wissenschaften und der Literatur, Mainz, 1956.

повелительного наклонения (نهی), отрицательную форму глагола (نفی), обстоятельство-наречие (حال), образованное путем сложения или удвоения деепричастий, и т. д. Во втором разделе излагаются некоторые обстоятельства образования форм, например зависимость фонетического оформления аффиксов от фонетических данных основы: огласовки и качества конечного согласного. Третий раздел посвящен описанию местоимений и указательных имен (ضمایر و اسماء اشاره), подразделяемых на отделенные, или самостоятельные (ضمایر منفصله), и примыкающие, т. е. используемые в качестве аффиксов (ضمایر متصله). В четвертом разделе дается перечень и характеристика частиц, которые сами по себе, без сложения с другими элементами, не выражают никаких значений. Речь идет главным образом о морфемах. В пятом разделе приведены слова, которые имеют свое значение, но употребляются в несобственном значении (вспомогательные глаголы). Шестой раздел содержит указания на правила орфографии и некоторые особенности орфографических написаний.

В заключительной части грамматики выделены персидские элементы, используемые в языке Нава'и.¹⁴²

Примечательно наличие в Мабани' л-лугат элементов сравнения, проявляющихся в указании на то, в каком виде те или иные формы выступают у „румийцев“ и „иранских тюрок“. При этом цитируются довольно часто произведения Фузули.¹⁴³

Наконец, нельзя не отметить попытки Мехди-хана произвести этимологический анализ некоторых многосложных слов, ср.: *ajd'n* 'лунная ночь' < *aj* 'луна' + *tj'n* 'ночь'; *ištan* 'нижнее белье' < *ič* 'внутренность' + *ton* 'халат'.¹⁴⁴

В грамматике Мехди-хан неоднократно упоминает других представителей местной филологической традиции: Насийри, Тали' Херев и полемизирует с ними,¹⁴⁵ ср. на стр. 27: طالع هروی گوید

¹⁴² См. издание Э. Денисона Росса, pp. 139, 140.

¹⁴³ Там же, pp. 21, 27, 30, 41, 60, 64, 75, 76, 100, 101, 123, 127.

¹⁴⁴ Там же, pp. 130, 131.

¹⁴⁵ Издание Э. Денисона Росса, pp. 36, 85, 100. О Сангляхе см.: J. Eckmann. *Mirza Mehdi'nin „Senglah“ adlı çağatayca sözlüğü. Türk Dil Kurultayında okunan Bilimsel Bildiriler 1957'den (ayrībasım). Ankara, 1960, ss. 37—40.*

در بیان معنی الغوچی که گاه بمعنی فاعل و گاه بمعنی مصدر می آید غلط کرده است غوچی و کوچی همان بمعنی فاعل وضع شده اند و افاده معنی دیگر نمی کنند

‘Тали’ Херевй говорит о содержании формы (типа) *албуи*, что она выступает то в значении причастия, то в значении имени действия — *масдара*... Это неверно. (Аффикс) *-бучи ~-tjči* всегда употребляется в значении причастия и других значений не выражает’.

Собственно словарная часть Сангляха содержит толкование на персидском языке большого количества староузбекских слов. Почти каждое объяснение сопровождается цитатами, извлеченными из сочинений Нава'и, Бабура, Лутфи, Мир Хайдара „тёлба“, Фузули. Помимо староузбекских, Санглях включает в себя турецкие и монгольские слова. В словаре приводятся также собственные имена и географические названия. В конце Сангляха дан перечень арабских и персидских слов и метафор, использованных Нава'и.

Словарь Фатх ‘Али-хана Каджарского. Фатх ‘Али-хан начал составление словаря в 1857—1858 гг. и работал над ним в течение четырех лет, до 1862 г.

Словарь Фатх ‘Али-хана дошел до нас в двух списках, один из которых в конце прошлого столетия принадлежал венгерскому тюркологу Ж. Тури, а другой был приобретен А. А. Ромаскевичем в Тегеране в 1914 г. и вошел в состав рукописей Ленинградского университета под № 1177.¹⁴⁶ Эти списки имеют разные названия, первый — *جملۃ اللغات*, второй — *فهرست کتاب لغت اثراکيه*.

Как сообщает А. А. Ромаскевич, словарь Фатх ‘Али-хана состоит из четырех частей: 1) предисловия автора (лл. 16—12а), 2) чагатайско-персидского словаря (лл. 136—404а), 3) объяснения двенадцати слов, оставшихся непонятными для автора Сангляха Мехди-хана (лл. 405а—407б), 4) словаря персидских слов, встречающихся в сочинениях Нава'и (лл. 407б—418б).

В предисловии к словарю Фатх ‘Али-хан излагает автобиографические данные, сведения о тюркских языках и о „чага-

¹⁴⁶ А. А. Ромаскевич. Новый чагатайско-персидский словарь. Сб. „Мир-Али-Шир“, Л., 1928, стр. 83—99.

тайском" языке, в частности приводит краткую биографию Нава'и и называет 27 имевшихся в распоряжении автора сочинений последнего. Здесь же высказываются критические замечания в адрес Сангляха Мехди-хана.

Во второй части дано около 8000 слов. Большое место занимают подтвердительные цитаты, причем сам Фатх 'Али-хан считает цитирование одним из самых важных достоинств всех словарей подобного рода. Наибольшее количество цитат, по подсчетам А. А. Ромаскевича, извлечено из четырех диванов Нава'и, и затем из Пятерицы. Из прозаических сочинений больше всего цитируются Махбуб ал-кулуб и Та'рих-и мулук-и 'аджам. Довольно часто составитель пользуется сочинениями других поэтов и писателей, писавших на староузбекском и старотурецком языках, например сочинениями Лутфи, Мир Хайдара, Бабура, Хусейна Байқара, Искандера Мирзы, Бенна'и, Камали, 'Убайд-хана, Фузули, Сақы. В ряде случаев он обращается к персидским источникам.

В словаре собраны ценные географические, исторические и этнографические данные.

Работу Фатх 'Али-хана Каджарского А. А. Ромаскевич называет одним из лучших словарей „чагатайского“ (староузбекского) языка.

Кроме упомянутых выше, существовали также „чагатайско“-персидские и „чагатайско“-турецкие словари Фарāғи, Назар 'Али, 'Абд ал-Джалил Насири, Ходжа Таййиб Бухари Нақшбенди и других авторов, многие из которых названы, в частности, у Мехди-хана.¹⁴⁷

* * *

Приведенный выше обзор не исчерпывает всего богатства источников староузбекского языка. Несомненно, что в дальнейшем в него будут включены и многие другие литературные памятники и эпиграфические тексты, еще не вошедшие в научный обиход или совсем неизвестные.

Из числа упомянутых нами источников некоторые — примерно десятая часть — оказались недоступными, и пришлось ограничиться их описанием (без использования самих материалов) на основе тех данных, которые имеются в специальной литературе.

¹⁴⁷ Издание Э. Денисона Расса, р. 6. См. также: Rieu, pp. 263—269.

О ПРИНЦИПАХ ОТБОРА ИСТОЧНИКОВ

Многие из памятников староузбекского языка сохранились в нескольких списках, относящихся к разным периодам времени и составленных разными переписчиками. При копировании в первоначальный текст вносились изменения, так что наряду с автором в этом тексте многосторонне проявлял себя и переписчик, а поскольку копирование нередко образовывало несколько последовательно расположенных ступеней, то конечный вариант мог совмещать в себе те или иные языковые особенности трех, четырех, пяти и даже шести лиц, т. е. особенности языка автора и нескольких переписчиков, разделенных промежутками времени от одного года до двух-трех столетий.

Данное обстоятельство делает необходимым отбор преимущественно ранних источников и допускает лишь осторожное и выборочное использование тех рукописей, составление которых выходит за пределы рассматриваемого периода (XIV—XVI вв.).

Сравнение разных списков позволяет установить, что изменения в основном охватывают лексику, отчасти содержание и фонетическую структуру слова и почти не касаются морфологии. При этом фонетические изменения, проявляющиеся при копировании текстов, однотипны и поддаются учету, ср., например, распространение нового типа соотношения гласных, замену глухих заднеязычных в конце слова звонкими или наоборот и т. д.

Чтобы показать размеры и характер указанных изменений мы приводим в качестве образца одну из газелей Лутфи по четырем спискам, составленным в XV, XVI и XIX вв.

Or. 8193, л. 176а (Брит. Музей); рукопись датирована (1432 г.):

*Aj ājāt-i raḫmat jūzūñjūz ša'nīda nāzīl
bolbaj качарің бірлә качан мәхр мукабіл.*

*Sizdīn kārāk ögrānsā pērī ādamlīknī
Jūsuf daḡī ta'līm kārāk alsa šamājīl.
Jalūz mēn ēmāsmān xavacīñ bīrlā ġirīftār
xusnuñba ərūr xūru mālāk jān bīrlā mājīl.*

Харұт көзүйң сiхрiнi көрдi хiјiл олдi
андiн јашунуб iхтiјар әттi јәх-i Бабiл.
Ол сачмудур җубха јакiн јәхүд узун тiјн
ја бәлијәдiн дiлү көңүлләргә саләсiл.

Јән муҗхафi сi пәрә болур кәјбуда хәрдам
хајкал әлигi бојнума тә болдi җамәјiл.
Хiјриңдә тiләр Лүтфi кулуң өз ајалiнi
сәнсiз кәчүрән 'өмүрдiн ај дөст нә хәсiл!

Ср. Add. 7914/VI, л. 1996 (Брит. Музей); рукопись относится приблизительно к началу XVI в.:

Ај ајәм-i раҳмат јүзүйңүз ша'нида нәзiл
болбај качарiң бiрлә качан мәхр мукабiл.

Сiздiн кәрәк өргәнсә пәрi адамiликнi
Јусуф дағi та'лим кәрәк алса шамәјiл.
Харұт көзүйң сiхрiнi көрдi хiјiл олдi
андiн јашунуб iхтiјар әттi јәх-i Бабiл.

Јалбуз мән әмәсмән хавасiң бiрлә iрiфтәр
хуснуңа турур хұру мәләк јән билә мәјiл
Ол сачмудур җубха јакiн јәхүд узун тiјн
ја бәлијәдiн дiлү көңүлләргә саләсiл.

..... муҗхафi сi пәрә болур кәјбуда хәрдам
хајкал әлигi бојнума тә болдi җамәјiл.
Хiјриңдә тiләр хәрдам ајал Лүтфi мәскiн
сәнсiз кәчүрән 'өмүрдiн ај дөст нә хәсiл!

Ср. 5023/I, л. 396, 120-я газель (Рукоп. отдел ИВ АН Уз. ССР); рукопись датирована 1218 г. х. (1803 г.):

Ај ајәм-i раҳмат јүзүйңиз ша'нида нәзiл
болбај чiкарiң бiрлә качан мәхр мукабiл.

Сiз(дiн) кәрәк өргәнсә пәрi адамiлiҗнi
Јусуф дағi та'лим кәрәк алса шамәјiл.
Харұт көзүйң сiхрiнi көрдi хiјiл олдi
андiн јашунуб болдi макәмiча мәјiл.

Јалбуз мән әмәсмән хавасiң бiрлә iрiфтәр
хуснуңа турур хұру мәләк јән билә мәјiл.
Ол сачмудур җубха јакiн јәхүд узун тiјн
ја бәлијәдiн дiлү көңүлләргә саләсiл.

Јән муҗхафi сi пәрә болур кәјбуда хәрдам
хајкал әлигi бојнума тә кiм болдi җамәјiл.

Ср. А. 109, л. 34а, 133-я газель (Рукоп. отдел ИВ АН СССР); рукопись датирована 1232 г. х. (1816 г.):

Ај ајәм-i раҳмат јүзүйңүз ша'нида нәзiл
болбај качарiң бiрлә качан мәхр мукабiл.

Сiздiн кәрәк өргәнсә пәрi адамiликнi
Јусуф дағi та'лим кәрәк алса шамәјiл.
Харұт көзүйң сiхрiнi көрдi хiјiл олдi
андiн јашунуб iхтiјар әттi јәх-i Бабiл.

Јалбуз мән әмәсмән хавасiң бiрлә iрiфтәр
хуснуңа турур хұру мәләк јән билә мәјiл
Ол сачмудур җубха јакiн јәхүд узун тiјн
ја бәлијәдiн дiлү көңүлләргә саләсiл.

Јән муҗхафi сi пәрә болур кәјбуда хәрдам
хајкал әлигi бојнума тә болдi җамәјiл.
Хiјриңдә тiләр хәрдам ајал Лүтфi мәскiн
сәнсiз кәчүрән 'өмүрдiн ај дөст нә хәсiл!

Глава I

ФОНЕТИКА

Арабские и уйгурские буквы, которыми пользовались авторы и переписчики староузбекских текстов, не дают четкого представления о фонетической системе староузбекского языка.

Насколько недостаточны графические средства арабского алфавита для передачи тюркских звуков вообще, можно судить хотя бы по тому обстоятельству, что в арабском алфавите существует только три знака для гласных, один знак для *к* и *г* и не всегда передается различие между *ч* и *й*, *п* и *б*.

Неприспособленным для передачи тюркских звуков является и уйгурский алфавит. Правда, имели место попытки дополнить уйгурский алфавит недостающими буквами посредством создания особых диакритических знаков, однако эти попытки не привели к реформе уйгурской письменности в целом и проявились в небольшом количестве текстов. Кроме того, они коснулись главным образом передачи некоторых несвойственных староузбекскому языку согласных, ср. СҚ: *خاڭ* *xār* 'каждый' (19а), *خاڭ* *ḫak* 'господин' (28а), *شافاۋات* *šafā'at* 'посредство' (286), *باركا* *barka* 'потонувший', 'погруженный' (446), *ساڭاۋات* *saḫāwat* 'щедрость' (1626).

Все изложенное показывает, что детальная реконструкция фонетической системы староузбекского языка является делом чрезвычайно сложным.

Оригинальную попытку определить звуковой состав староузбекского языка сделал К. К. Юдахин, исследовавший с этой целью соотношение различных слов в рифме. По его мнению, рифмующиеся слова в туюгах (четверостишиях) должны были произноситься одинаково. И если мы встречаем, например,

в одном из туюгов Эмйри игру слов *от* 'огонь', *от* 'трава' и *от*- 'пройти', то это означает, что все они, в соответствии с требованиями рифмы, читались в виде *от* и, следовательно, *о* и *ө* не различались. Если теперь взять в четверостишии Лутфи, — продолжает К. К. Юдахин, — игру слов *ташідін* 'из его камня', *ташідін* 'извне' и *ташī дін* (*ташī* 'его внешняя сторона', *дін* 'религия'), то необходимо будет признать, что узкий гласный в них, в последнем слоге, произносился единообразно, вероятнее всего, как *і* и противопоставление *і—ї* отсутствовало. На основании этих и других, изложенных в статье фактов К. К. Юдахин высказывает предположение, что важнейшие чагатайские поэты были представителями говоров не сингармонистичных, в которых насчитывалось только шесть гласных.¹

Способ определения состава гласных в староузбекском языке, предложенный К. К. Юдахиным, оригинален и остроумен, тем не менее он не может быть достаточно эффективным. Следует в связи с этим заметить, что подбор рифм в староузбекской поэзии не всегда достигал степени фонологического тождества рифмующихся слов, и поэтому знание фонемного состава одного слова или слога является недостаточным для определения соответствующего состава другого слова или слога. Ср., например, ШН:

کوردی <i>kördi</i>	بولماس <i>bolmas</i>
اولتوردی <i>olturdı</i> (77),	ایورولماس <i>ujurulmas</i> (130),
هرکز <i>ḫäriqä</i>	کیلدی <i>käldi</i>
عاجز <i>'ājiz</i> (131),	قیلدی <i>kıldi</i> (218),
اوتتی <i>ötmi</i>	اوروب <i>urup</i>
توتتی <i>tutmi</i> (222).	کوروب <i>körüp</i> (218),

О возможности использования в рифмах созвучных, но различных по произношению слов говорит с исчерпывающей ясностью Нава'й: „Для расширения (выразительных средств) и

¹ К. К. Юдахин. Материалы к вопросу о звуковом составе чагатайского языка. Культура и письменность Востока, кн. IV, Баку, 1929, стр. 67.

для облегчения выбора рифмы несколько букв (звуков, — А. Ц.) сближают друг с другом, в том числе *l* с *e*. Например, в конце рифмующихся слов может быть *l*, так что слово *arā* (ارا) рифмуют со словами *sarā* (سرا) и *darā* (درا), но вместе с тем его можно рифмовать с *sarā* (سره) и *darā* (دره). Другой пример: *jadā* (يدا) рифмуется с *ṣadā* (صدا) и наряду с этим с *bādā* (باده). Такого же рода сообщество образуют *o* и *u*. Например, *ṣrūr* (ايرو) можно рифмовать с *xur* (خُر) и *dur* (دُر) и вместе с тем с *burūr* (غور) и *zarūr* (زور). Так же обстоит дело и в отношении *y* с *ī*: *abīr* (آبیر) и *baṣīr* (باغیر) рифмуются с *ṣādr* (صادر) и *kādr* (قاد) и, равным образом, с *ta'xīr* (تأخیر) и *ta-bjīr* (تغیر).²

ГЛАСНЫЕ

Как уже указывалось выше, арабский алфавит у узбеков располагал тремя знаками, которые могли передавать 8—9 гласных: *a* (ا), *ī* (ی), *o* (و), *ö* (و), *u* (و), *ü* (و). Для передачи *ä*, *ī*, *i*, *o*, *ö*, *u*, *ü* в начале слова использовались сочетания соответствующих знаков с алифом (ا), так как без алифа последние обозначают и согласные звуки.

Приблизительно такие же возможности имел уйгурский алфавит. Особенность уйгурского алфавита в обозначении гласных, по сравнению с арабским алфавитом, заключается в наличии дополнительного средства для передачи мягкого ряда губных гласных — сочетания *a* с *h* (ه, ö, ü). Употребление алифа (ا) в уйгурском письме — явление менее характерное и распространенное, чем в арабском.

Некоторые данные о составе гласных староузбекского языка приводит Нава'й. „В рифмах ма'руф³ и маджхул⁴, на *o* и *y*, — пишет он, — в персидской поэзии не бывает более двух вариантов, например на *o*: *xōd* (خود) 'сам', 'свой', *dūd* (دود) 'дым', *zōr* (زور) 'сильный', *nūr* (نور) 'луч', 'свет'; на *y*: *pīr* (پیر) 'старец', 'религиозный старейшина', *šēr* (شیر) 'лев'. В тюркском (староузбекском, — А. Ц.) языке и на *o*, и на *y* имеется четыре

² Мухāкамат ал-луғатайн (Chrestomathie en turc oriental), стр. 14.

³ Яйи ма'руф — *ī(i)*, вāви ма'руф — *y(ü)*.

⁴ Яйи маджхул — *ä*, вāви маджхул — *o(ö)*.

варианта. Так, на *o*: *ot* (اوت) 'огонь', 'горящая вещь', *öt-* (اوت) 'проходить', *ut* (اوت) 'выиграй в азартной игре' (مقمرغه برد), *ūt-* (اوت), произносимое уже всех (باریدین ارق), в значении 'сморить голову животного, держа ее над огнем'; еще один пример: *tor* (تور) 'сеть', 'тенета', *tur* (تور), произносимое уже первого (اندین ذقیق ارق), в значении 'палка, жердь для сидения птиц', *tör* (تور), произносимое еще уже — 'передний угол дома' (اوی نینک توری) и *tūr* (تور), которое уже всех, — 'узор на занавесе или двери'.

Примеров на *y* — не более трех вариантов: *bēz* (بیز), что на языке сартов означает *kadud* 'желез', *bīz* (بیز), что значит (по-сартски) *mā* и (по-арабски) *naḥnu* 'мы' и *bīz* (بیز) — (по-сартски) *daraḥ* 'шило'. Еще один пример: *tār-* (تیر) 'собирать', *tār* (تیر), произносимое уже него и означающее на языке сартов *arak*, или *ḥvaj* 'пот', 'испарина' и *tīr* (تیر), произносимое уже всех, — 'стрела'⁵

Таким образом, Нава'й четко различает четыре варианта произношения буквы *o*, выделяемых по признаку твердого или мягкого ряда (*ot*, *ut/öt*, *ūt*) и по признаку широты или узости (*ot*, *öt/ut*, *ūt*). Это различие свидетельствует о том, что в языке Нава'й, по крайней мере в пределах губных, сохранялась общетюркская шкала вокализма и гармония гласных не была утрачена.

Труднее обстоит дело с вариантами произношения буквы *y*. Вначале Нава'й указывает, что их четыре, затем, несколько ниже, он ограничивает число вариантов тремя. Если сопоставить примеры, приведенные Нава'й, с учетом тех признаков сопоставления, которые использовались для вариантов произношения *o*, то прежде всего обнаружится отсутствие варианта с широким гласным твердого ряда, ср.:

(baz)	bēz	(map)	mār
bīz	bīz	(mīr)	mīr

Однако ясно, что этот вариант не был привлечен Нава'й потому, что он не выводим из произношения *y*. Что касается варианта с узким гласным твердого ряда, то в первой группе

⁵ Мухāкамат ал-луғатайн (Chrestomathie en turc oriental), стр. 13, 14.

можно допустить его существование, принимая во внимание возможность твердоядного произношения гласного в слове *biz* (*bīz*) 'мы'. Во второй группе такая возможность на первый взгляд исключена: в слове *təp* 'пот' гласный — мягкого ряда и всегда полуоткрытый. Может показаться, что в данном случае, а также и в предыдущем, сопоставление разных вариантов произношения *ی* не преследовало цели показать их различие по тем признакам, по которым были выделены варианты произношения *و*.⁶ И не случайно А. К. Боровков высказал мысль о том, что „Алишер Навои в *biz* (*biz*) 'мы' имел в виду выделить беглое *i*, в противоположность более долговому *i* в *biz* (*biz*) 'шило' и *e* в *bez* (*bez*) 'железѧ'".⁷ Однако содержание соответствующего раздела в сочинении Навā'й, как нам кажется, не дает повода сомневаться в описании им вариантов произношения *و* и *ی* на основе единого принципа. Сам порядок подачи вариантов является строго последовательным: сначала вāви маджхул твердоядный (*o*), затем мягкорядный (*ö*), далее вāви ма'руф твердоядный (*y*) и мягкорядный (*ü*). Такой же порядок соблюдается в отношении *ی*: сначала ййи маджхул мягкорядный (*э*; соответствующий твердоядный гласный, как указывалось выше, не выводим из произношения *ی*, он обозначался буквой *l*), затем ййи ма'руф твердоядный (*і*) и мягкорядный (*i*). Только в одном случае, а именно в случае со словом *təp* 'пот', схема Навā'й является несколько нарушенной.

Как же объяснить использование слова *təp* 'пот' в качестве примера на твердоядный вариант произношения ййи ма'руф? Сам Навā'й указывает, что *təp* в значении 'пот' произносится уже, чем *təp* 'собирать'. Следовательно, гласный в этом слове был довольно узким, закрытым. А предельно закрытый *э* в положении перед *p* подвержен большой редукции и акустически может быть воспринят как *і*.

Итак, есть достаточные основания считать, что Навā'й хорошо различал четыре варианта произношения *э* (*o*, *ö*, *y*, *ü*) и три варианта произношения *ی* (*э*, *і*, *i*), несмотря на то, что

⁶ См.: А. Усманов. Мухаккamat ал-Лугатайи Алишера Навои. Ташкент, 1948, стр. 119.

⁷ А. К. Боровков. Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка, стр. 106.

акустическое разграничение последних в некоторых позициях было затруднительным.

Особое значение имеет вопрос о судьбе общетюркского *a*. Можно ли говорить о наличии в староузбекском языке противопоставления *a* — *ä*, то есть, иначе говоря, о появлении в нем „ока-ния“? Определенных данных, позволяющих ответить на этот вопрос, пока нет. Все же бесполезно в данном случае обратиться к системе 'аруза, дающей некоторые косвенные указания относительно произношения *a*. Звук *a*, становящийся в современном узбекском языке открытым лабиализованным, (*ä*), в системе староузбекского стихосложения, опирающегося на количественный метр, выступает и с долготой и без долготы. Таким образом, подвести его под норму традиционного произношения долгих („окающие“) или кратких („акающие“) невозможно. С точки зрения этой нормы *a* может быть и „окающим“ и „акающим“, что, вообще говоря, в поэзии допустимо. Далее, следует обратить внимание на наличие рифм типа *şadā* (شاد) — *bādā* (باد), отмеченных самим Навā'й.⁸ Ясно, что присутствие *ö* в слове *باد* делает недопустимым „окающее“ произношение *l* в первом слове.

Трудно сказать определенно, на какой диалект староузбекского языка ориентировался Навā'й, когда пользовался приведенными выше примерами. Но мы вправе предположить, что диалект или группа диалектов, послужившие опорной языковой базой для Навā'й, занимали ведущее положение. В них так же, как и в диалекте, сыгравшем важную роль в формировании языка Бабур, было, по-видимому, восемь гласных: *a*, *o*, *y*, *і*, *э*, *ö*, *ü*, *i*, с четким разделением твердого и мягкого ряда в таком плане, в каком это проявлялось и проявляется в настоящее время в большинстве тюркских языков. Можно также говорить о близости диалекта Навā'й и диалекта Бабур. Характерно, что сам Бабур в своих мемуарах, в разделе, посвященном описанию родного ему Андижана, высказывается так: „Население его (т. е. Андижана, — А. Ш.) — тюрки. В городе и на базаре нет человека, который бы не знал тюркский язык (букв.: тюркі, — А. Ш.).“

⁸ См. выше, стр. 66. См. также: А. К. Боровков. К вопросам фонетического анализа стихов Навои. Уч. зап. Ташкентского педагогического института им. Низами, Ташкент, 1959, стр. 9—11.

Язык народа сходен с книжным языком, потому что сочинения Мир 'Али Шера Нав'и, хотя он родился и вырос в Герате, написаны на этом языке".⁹

Разумеется, не все, писавшие на староузбекском языке, являлись носителями диалектов Нав'и и Бабур и имели общую с ними фонетическую норму, с одинаковым составом гласных и согласных. Среди классиков староузбекской литературы были и жители Ферганы, и самаркандцы, и хорезмийцы, и выходцы из других мест. Однако совершенно очевидно, что диалекты Ферганы занимали господствующее положение среди диалектов староузбекского языка и оказывали на них нормализующее воздействие. Мало вероятно, чтобы в XIV—XVI вв. играли значительную роль диалекты Ташкента, Самарканда и Бухары. Ташкент еще не являлся в этот период крупным политическим центром и вокруг него располагались преимущественно кыпчакские племена, в Самарканде же и Бухаре преобладало иранское население и местный „тюрк“ имел небольшой удельный вес. Все сказанное позволяет нам при описании гласных и согласных говорить в основном об одной фонетической норме.

КРАТКИЕ ГЛАСНЫЕ

a — широкий гласный твердого ряда, имевший, возможно, уже в староузбекском языке XIV—XVI вв. незначительную лабиальную окраску, которая никак не отразилась на письме.

o и *y* — лабиализованные узкие гласные твердого ряда, графически не различавшиеся. Для различения *o* и *y* в староузбекском языке принято пользоваться данными сравнительной фонетики тюркских языков и материалами современного узбекского языка.

i — узкий гласный твердого ряда, имевший тенденцию совпасть или уже совпадавший в период существования староузбекского языка с соответствующим гласным мягкого ряда (*i*).

ö, по принципу велярно-палатальной гармонии, соответствует гласному *a* и в качественном отношении является промежуточным между *ä* и *i*, не совпадающим, однако, ни с первым, ни со вторым.

⁹ Бобир-нома, I к., б. 18.

ö и *y* — огубленные узкие гласные мягкого ряда, из которых второй — более закрытый.

i — узкий гласный мягкого ряда, самый „палатальный“ в узбекском языке и вообще в тюркских языках. Качественное своеобразие *i* обеспечивало ему положение особого гласного, регулировавшего взаимоотношения между гласными твердого и мягкого ряда и способствовавшего общему смещению шкалы староузбекского вокализма несколько вперед.

Схематически система гласных (фонем) староузбекского языка выглядит так:

	Неогубленные	Огубленные
Гласные твердого ряда	<i>a, ɪ</i>	<i>o, y</i>
„ мягкого „	<i>ä, i</i>	<i>ö, ü</i>

Что касается гласных вторых и третьих слогов основы и формальных наращений, то они по своему составу и в качественном отношении должны были отличаться от гласных первых слогов. Так, например, маловероятно присутствие в рассматриваемых позиционных условиях гласных *o* и *ö*, и, наоборот, допустимо наличие гласного, необычного для первых слогов, — *ä*. В качественном отношении гласные не-первых слогов выделяются некоторой неопределенностью и даже неустойчивостью, что объясняется действием такой структурно-фонетической закономерности, как гармония гласных. Неопределенность гласных не-первых слогов обусловлена еще и тем обстоятельством, что противопоставление их, как правило, не несет смысловозначительной нагрузки, то есть, иначе говоря, тем, что фонологически указанные гласные выступают как нечто единое, как один тип, ср.: *барар, барур, барір* 'идет'; *баріп, баруп, барап* 'пойдя'; *болуң, болің* 'будьте', 'станьте'; *андан, андін* 'от него'; *көкіс, көкіс* 'грудь'; *алтун, алтін* 'золото' (теоретически вполне допустима и третья разновидность — *алтан*); *көрдүм, көрдім* 'я видел'; *бојун, бојін* 'шея'; *ачуь, ачйь* 'открытый'; *көңлүңүз, көңліңіз* 'ваше сердце'; *үчүңчү, үчүнчі, үчінчі* 'третий'; *дўстлук, дўстлік* 'дружба'; *окуса, окіса* 'если прочитает'; *башумні, башімні* 'мою голову' и т. д.

Характер вокализации не-первых слогов в староузбекском языке, в плане отмеченных выше колебаний, определяется стремлением сделать универсальным тип *башім* 'моя голова' (ср. *башум*), *алтін* 'золото' (ср. *алтун*) и вытеснить или ограничить в употреблении тип с лабиализованным узким и нелабиализованным широким гласными. Проявление указанной тенденции находится в некоторой зависимости от структурных и других особенностей, например от закрытости или открытости слога, от степени унифицирующего воздействия преобладающего в каждой данной группе форм типа огласовки. Так, в открытом слоге употребление узкого гласного приобретает гораздо большие размеры, чем в закрытом слоге. С другой стороны, в закрытом слоге процесс изменения огласовки становится более интенсивным, если ряд грамматических форм, входящих в парадигму, имеет открытый слог с установившейся огласовкой посредством *-i ~ -i*.

ДОЛГИЕ ГЛАСНЫЕ

Долгие гласные в староузбекском языке образовывались в результате выпадения согласных и сопутствовавшего ему в ряде случаев слияния гласных (так наз. заместительная долгота). Однако отличие таких гласных в количественном отношении от обычных кратких гласных быстро сглаживалось.

Наряду с природной долготой существовала долгота просодическая, связанная с усвоением количественного метра арабо-персидской поэтики. Мерой просодической долготы для тюркского стиха в основном являлась открытость или закрытость слога, ср. (размер — *هزج مثنوی سالم*):

فلکدین گهر منگاهر لحظه یوز قایغو کیلور اوترو
اگر هر قایغودین سونگ بیر سیوونماک بار ایماس قایغو

'Если судьба посылает мне в каждое мгновение сотню печалей, печали нет, коль за каждой печалью будет следовать радость'.¹⁰

¹⁰ См.: Мабани' л-лугат, стр. 131.

ГАРМОНИЯ ГЛАСНЫХ

Гармонию гласных принято рассматривать как особый род соотношения гласных в слове, определяемый зависимостью одних из них от других, а именно — зависимостью гласных вторых и третьих слогов от гласных первого слога. Гармонию гласных можно с полным основанием назвать прогрессивной ассимиляцией гласных.

В староузбекском языке существовали два типа гармонии гласных. Первый тип объединял все случаи группировки гласных по признаку твердости-мягкости, второй — по наличию или отсутствию огубленности.

Примеры гармонии гласных первого типа: *бардук* 'мы пошли', *кәлдүк* 'мы пришли', *јолба* 'к дороге', *көзә* 'в глаз', *андін* 'от него', *көздін* 'из глаза', *јахшйрак* 'лучше', *кічйрак* 'моложе', *калсун* 'пусть останется', *білсүн* 'пусть знает', *кәлтүрмә* 'не приноси', *әскірүр* 'постареет', *карлубач* 'ласточка', *шункар* 'кречет', *тәңрідін* 'от бога'.

Глагольные основы *бар-* 'идти', *кал-* 'оставаться', с одной стороны, и *кәлтүр-* 'принести', *әскір-* 'стареть', *біл-* 'знать', с другой, а также именные основы, соответственно, *јол* 'дорога' и *көз* 'глаз', *тәңрі* 'бог' и т. д. в обобщенно-фонетическом плане отличаются друг от друга тем, что имеют разный тип вокализма — твердый или мягкий. В зависимости от этого морфологические элементы выступают в двух фонетических разновидностях, имеющих одинаковую фонологическую значимость.

Примеры гармонии гласных второго типа: *milim* 'мой язык', *көзүм* 'мой глаз', *барйң* 'идите', *барйп* 'отправившись', *көрүп* 'увидев', *көңлүңүз* 'ваше сердце', *әлтә албайман* 'смогу нести', *јанімдін* 'от моей души'. Двойственность огласовки в этом случае заключается в наличии или отсутствии огубленности.

Данных, позволяющих говорить о степени сохранности или устойчивости первого типа гармонии гласных в староузбекском языке, в нашем распоряжении почти нет. Мы можем отметить лишь несколько случаев нарушения палатально-велярной гармонии в некоторых собственно тюркских и заимствованных словах и непостоянство ее в разного рода композитах, ср. Б: *بیوفا لیغ* *бәвафәлйб* 'неверность' (148), *јәбүм кәлдүр* 'мне

хочется есть' (222); БН: مېنغا *məŋba* 'мне' (14); Л (А.109): *waḥācīzlarğa* 'неверным' (4, в рукоп. № 5023/I — *waḥācīzlärğa*, 5), *koñğüllärğa* 'сердцам' (120, см. рукоп. 5023/I), *adamlık* 'человечность' (133, в рукоп. 5023/I — *adamlıq*, 120), *təŋrılık* 'божество', 'то, что относится к богу' (192, см. рукоп. 5023/I); МЛ: *ikki jıl* 'двухлетний' (пример из *səskəndəri*), *bəgānālīg* и *bəgānālīg* 'чужбина', *kāmlīg* и *kāmlīg* (или *kāmlık* 'малость') (125); Мах: *tıtrāj dūrān* 'дрожащий', 'колеблющийся' (58), *kəladūrān* 'приходящий' (126, см. также в *səskəndəri*);¹¹ МН: *anḥāslık* 'с дыханием' (162а, уйгурский список) и *anḥāslık* (2936, арабский список); НДж: *kışıŋa* 'человеку' (27а); НМ: *bəralmadı* 'он не мог дать' (30) *kəladmadım* 'я не мог прийти' (42а), *kəçkurun* 'вечером' (145а), *itğa* 'собаке' (219а); ТМ: *bu sözlärğa* 'на эти слова' (147а); ШН: *xəç kımlik* 'никто' (101); ЭД: *jıjırmağlıq* 'скитания' (3).

Что касается второго типа гармонии, то его состояние может быть охарактеризовано вполне определенно. В целом этот тип предстает в неустойчивом виде, обнаруживая тенденцию к полному исчезновению.

Сохранение первоначального соотношения огубленных гласных, как мы уже отмечали выше, в староузбекском языке наблюдается главным образом в формах с закрытым слогом.

Губную огласовку сохраняют в абсолютном большинстве случаев:

1) глагольные формы 1-го и 2-го лиц единственного числа и одна из форм 1-го лица множественного числа: *kərdüm* 'я видел', *kərdün* 'ты видел', *kərdük* 'мы видели', *kərgüzdün* 'ты показал', *bolдум* 'я стал', (б)олдун 'ты стал', *tojдум* 'ты насытился', *turдум* 'я стоял', *tutдум* 'я держал', *кутулдум* 'ты освободился', *boјун сундум* 'я подчинился (букв.: я вытянул шею)', *jıjırdün* 'ты

¹¹ Формы типа *kəladūrān*, как указывает Мехдї-хан, встречаются в сочинениях Нава'и Махбуб ал-қулуб и Таслим ал-мухаббат, а также в Бабурийе. См.: Мабани' л-луғат, стр. 132.

ходил', *олтурбуздук* 'мы посадили', *өттүн* 'ты прошел', *јолуктум* 'я встретился', *сөктүн* 'ты ругал', *колдум* 'я попросил';

2) формы принадлежности 1-го и 2-го лиц единственного числа: *köñlüm* 'мое сердце', *өзüm* 'я сам', *өзүн* 'ты сам', *jüzüm* 'мое лицо', *boјnum* 'моя шея', *облуң* 'твой сын', *дөстлузум* 'моя дружба', *үјүм* 'мой дом', *окуң* 'твоя стрела', *kөзүн* 'твой глаз', *jүнјүм* 'мои перья';

3) вопросительная частица—аффикс: *kөрдүнјүмј* 'видели ли вы?';

4) форма повелительного наклонения 2-го лица множественного числа: *jүрүн* 'идите', *уруңуз* 'бейте', *којуң* (*којуңуз*) 'оставьте', *тутуң* (*тутуңуз*) 'держите', *болуңуз* 'будьте', *олтуруң* 'сидите';

5) деепричастие прошедшего времени: *kөріп* 'увидев', *јумуп* 'закрыв', 'зажмутив', *өтіп* 'перейдя', *олтуруп* 'сев', *олуп* 'став', *сунуп* 'вытянув', *bөліп* 'разделив', *болуп* 'став', *kөргүзүп* 'показав', *окуп* 'читав', *өліп* 'скончавшись', *тутуп* 'держав', *копуп* 'встав', 'поднявшись', *туруп* 'стояв', *коркуп* 'боясь', *толдуруп* 'наполнив', *бузуп* 'разрушив';

6) форма повелительного наклонения 3-го лица (так наз. косвенное повеление): *kөрсүн* 'пусть увидит', *болсун* 'пусть будет', *jүрјүсүн* 'пусть идет', *тутсун* 'пусть держит', *окусун* 'пусть читает', *олтурсун* 'пусть сидит', *өлтүрсүн* 'пусть убьет';

7) формы отвлеченных существительных и относительных прилагательных: *boјлук* 'рослый', *хублук* 'красота', *дөстлук* 'дружба', *куллук* 'благодарность', *улублук* 'величие', *јоклук* 'отсутствие', *tүрлүг* 'разные', *kөрклүг* 'красивый', *сөзлүг* 'словесный', *махбүблук* 'влюбленность', *өсрјүклүк* 'опьянение', *сусузлук* 'безводие', *булутлук* 'облачный', *јүклүк* 'нагруженный', *kүчлүк* 'сильный', *отлук* 'огненный', *муңлук* 'печальный', *сүңүклүк* 'сладость';

8) причастие настоящего-будущего времени: *болур* 'тот, который станет', *jүрјүрдү* 'при хождении', *kөргүзјүр* 'показывающий', *kөргүнјүр* 'показывающийся', *окур* 'читающий';

9) залоговые формы: *kүјдүрдүм* 'я сжег', *kөргүз* 'покажи', *кутулдү* 'он освободился', *өлтүрдүң* 'ты убил', *турбуздү* 'он поставил', *уруштү* 'он сражался', *kөргүндү* 'он показался', *кор-*

кутма 'не пугай', *сорулдѣ* 'спрашивалось', *уѣурулдум* 'я повернулся', *кѣрѣшті* 'он увиделся', *ѣчѣрдѣ* 'он погасил';

10) отглагольные имена: *коркунч* 'страх', *кѣрѣнѣш* 'встреча', *сѣкѣнч* 'брань';

11) порядковые числительные: *ѣчѣнчѣ* 'третий', *тѣртѣнчѣ* 'четвертый', *токузунчѣ* 'девятый', *онунчѣ* 'десятый' (исключение: *тѣртѣнч*, ШН, 161);

12) живые или омертвевшие формы именного словообразования: *бурун* 'нос', *боѣун* 'шея', *ѣчѣн* 'для, из-за', *ѣкѣш* 'много', *курув* 'высохший', *кѣндѣѣ* 'днем', *улув* 'большой', *ѣлѣѣ* 'мертвый', *куѣун* 'вихрь', *куѣрук* 'хвост', *туѣбун* 'пленник', *ѣткѣн* 'проходящий', *кѣпрѣк* 'мост', *отун* 'дрова', *сѣпѣрѣѣ* 'метла', *кѣзѣѣ* 'зеркало', *буѣрук* 'приказ', *бѣркѣт* 'беркут', *сундук* 'сундук', *ѣѣѣрѣѣ* 'беглый', 'быстрый', *сѣчѣѣ* 'сладкий', *ѣулдуз* 'звезда', *тѣѣѣн* 'дым';

13) предикативный показатель-связка: *болуптур* 'он стал', *болуптурур* 'он стал', 'он становится', *ѣктур* 'нет, отсутствует'.

К числу формальных показателей, проявляющих неустойчивость в огласовке, относятся:

— аффикс именной привативности („лишения“): *сусуз* 'без воды', *мунсѣз* 'без этого', *оксѣз* 'без стрел', *кѣзсѣѣ* 'слепой (букв.: без глаз)';

— показатель 2-го лица множественного числа личных глагольных форм и именных форм принадлежности: *кѣрдѣнѣѣ* и *кѣрдѣнѣѣ* (*кѣрдѣнѣѣ*) 'вы видели', *кѣнѣлѣнѣѣ* и *кѣнѣлѣнѣѣ* (*кѣнѣлѣнѣѣ*) 'ваши сердца', *сѣзѣнѣѣ* и *сѣзѣнѣѣ* (*сѣзѣнѣѣ*) 'ваши слова', *ѣѣѣнѣѣ* и *ѣѣѣнѣѣ* (*ѣѣѣнѣѣ*) 'ваши лица', *ѣзѣнѣѣ* и *ѣзѣнѣѣ* (*ѣзѣнѣѣ*) 'вы сами', *болдуѣѣ* и *болдуѣѣ* (*болдуѣѣ*) 'вы стали', *ѣулдузѣѣ* и *ѣулдузѣѣ* 'ваша звезда';

— аффикс принадлежности 3-го лица при наращении падежных форм и появлении „вставочного“ *н*: *ѣѣѣнѣѣ* 'ее лицу', *ѣѣѣнѣѣ* 'на ее лице', *ѣѣѣнѣѣ* 'ее лица', *кѣнѣнѣѣ* 'в день...', *буѣнѣнѣѣ* 'из его носа';

— аффикс формы сопряженного состояния: *кѣнѣлѣнѣѣ* и *кѣнѣлѣнѣѣ* 'моего сердца', *кѣзѣнѣѣ* и *кѣзѣнѣѣ* 'моего глаза', *мунѣѣ* и *мунѣѣ* 'этого', *кудуѣѣнѣѣ* и *кудуѣѣнѣѣ* 'колодца', *сѣзѣнѣѣ* и *сѣзѣнѣѣ* 'моего слова', *окуѣѣѣнѣѣ* и *окуѣѣѣнѣѣ* 'вашей стрелы', *кѣнѣлѣнѣѣѣнѣѣ* и *кѣнѣлѣнѣѣѣнѣѣ* 'вашего сердца'.

Неустойчивость огласовки второго или третьего слога наблюдается также в словах с нечленимой, застывшей морфологической структурой, ср.: *кѣмѣш* и *кѣмѣш* 'серебро'.

Не подчиняются губной гармонии в пределах данного структурного типа (закрытый слог):

1) показатель категорического императива: *сорѣл* 'спроси', *отурѣл* 'посиди', *кѣрѣл* 'смотри', *болѣл* 'будь', 'стань', *копѣл* 'встань', *ѣѣрѣл* 'иди', *унѣѣл* 'забудь', *урѣл* 'бей', *кѣрѣѣл* 'покажи', *туѣл* 'держи', *куѣѣл* 'освободись' (исключения, ср. ХШ: *болѣл* 'будь', 'стань', 116; МН: *кѣѣѣрѣл* 'прости' 173, обусловлены требованиями рифмы);

2) аффикс исходного падежа: *онѣн* 'справа', *солѣн* 'слева', *кѣнѣлѣнѣѣ* 'от моего сердца', *мунѣн* 'от этого', *кѣзѣнѣѣ* 'из глаз', *коркунѣнѣѣ* 'от страха', *ѣктѣнѣѣ* 'из ничего', *кѣктѣнѣѣ* 'с неба', *ѣѣѣнѣѣнѣѣ* 'с твоего лица';

3) причастие прошедшего времени (с перфективным значением): *болѣш* 'он стал (ставший)', *ѣлѣѣрѣш* 'он убил', *олѣѣѣрѣш* 'он сидел', *ѣѣрѣѣш* 'он шел', *кѣрѣш* 'он видел', *урѣш* 'он бил', *турѣш* 'он стоял';

4) стяженная форма винительного падежа от формы принадлежности: *кѣзѣнѣѣ* 'свой глаз', *окѣнѣѣ* 'ее стрелу', *ѣѣѣнѣѣ* 'ее лицо', *улуѣѣѣнѣѣ* 'его величину';

5) форма принадлежности 1-го лица множественного числа: *кѣнѣлѣѣѣ* 'наши сердца', *ѣзѣѣѣ* 'мы сами', *сѣзѣѣѣ* 'наше слово', *кѣзѣѣѣ* 'наши глаза', *кѣксѣѣѣ* 'наша грудь';

6) аффикс множественного числа: *кѣзлѣр* 'глаза', *кѣнлѣр* 'дни', *коллар* 'руки', *ѣлѣлѣр* 'мертвецы', *кушлар* 'птицы', *боѣунлар* 'шеи', *буѣлар* 'идолы';

7) аффикс уподобления: *мунѣнѣѣѣ* 'подобный этому';

8) некоторые аффиксы отглагольного образования имен и отыменного образования глаголов: *окумак* 'чтение', *кѣкѣрдѣ* 'он зазеленел';

9) разновидность деепричастия прошедшего времени: *кѣрѣѣѣнѣѣ* 'увидев', *окуѣѣѣнѣѣ* 'прочитав', 'читая', *соруѣѣѣнѣѣ* 'спросив', 'спрашивая'.

В аффиксах с открытым типом слога, кроме вопросительного аффикса (*-му ~ -мѣ*), аффикса одного из отглагольных имен (*-ѣу ~ -ѣѣ*) и некоторых других, гласный, как правило, —

негубной, ср.: *küldi* 'он засмеялся', *jürjüdi* 'он шел', *кутулдї* 'он освободился', *üçünci* 'третий', *törtünci* 'четвертый', *олтурттї* 'он посадил', *ölmürä* 'убивая', *колї* 'его рука', *бурнї* 'его нос', *sözi* 'его слово', *öblı* 'его сын', *jüzı* 'его лицо', *özi* 'он сам'.^г

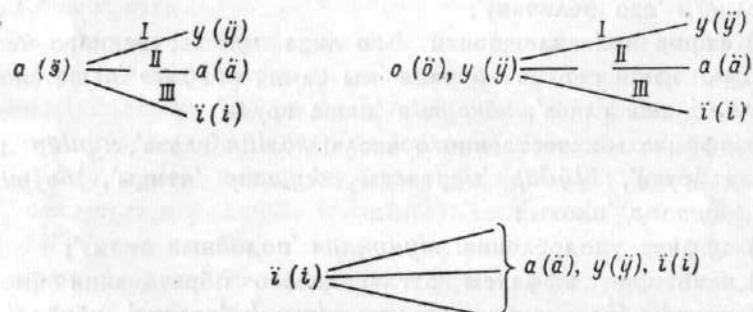
Следует особо отметить то обстоятельство, что нарушение гармонии гласных (в любых позиционных условиях) может приобретать большие или меньшие размеры в зависимости от диалектной принадлежности текста, ср. у Кутба — XIII: *коркїнч* 'страх' (2а), *умїнч* 'надежда' (2а), *умунчум* 'моя надежда' (24а).

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ГЛАСНЫХ

Под распределением гласных разумеется частота их употребления в основе и грамматических формах, в зависимости от характера огласовки первого слога, и в самом первом слоге.

Мы возьмем простейший структурный тип слова — сочетание односложной основы с односложным морфологическим элементом. Распределение гласных в нем будет таким:

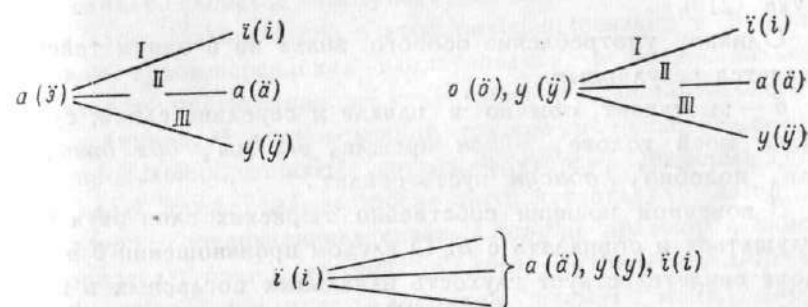
А) второй слог закрытый

В первом слоге чаще всего (приблизительно 35—40% односложных слов) встречается *a* (ä), ср.: *таш* 'камень', *баш* 'голова', *ат* 'лошадь', *ак* 'белый', *таб* 'гора', *сал* 'положи', *кал* 'останься', *кәл* 'приди', *кәт* 'уйди', *жә* 'ешь', *тап* 'найди', *ач* 'открой'; далее следуют *o* (ö) и *u* (ü) [вместе 45—50%], ср.: *кол* 'рука', *кул* 'раб', *көк* 'небо', *jüz* 'сто', *өт* 'пройди', *от* 'огонь', *бол* 'стань',

уч 'лети', *ок* 'стрела', *он* 'десять', *үч* 'три'; и затем *ı* (i) [10—20%], ср.: *кәл* 'делай', *біл* 'знай', *күрк* 'сорок', *ич* 'пей', *бімі* 'пиши', *јәл*

Б) второй слог открытый

год, *чәк* 'выходи', *күр* 'войди', *миң* 'тысяча', *біз* 'мы', *сиз* 'вы', *күчкүр* 'кричи', *иш* 'дело', *ит* 'собака', *тіргүз* 'оживи', *милә* 'желай', *бір* 'один', *иләрі* 'вперед'.

СОГЛАСНЫЕ

Наиболее трудным является установление качества мягкого (продвинутого вперед) ряда заднеязычных согласных, которые и в арабской и в уйгурской письменности обозначаются одинаково, без различия глухих и звонких.

В ряде случаев невозможно определить степень постоянства качественных данных при изменении позиционных условий, соотношение *ч* и *ж* и т. д.

ПРОСТЫЕ СОГЛАСНЫЕ

п — глухой губно-губной смычный.

В начале слов тюркского происхождения *п* встречается очень редко. В конечной позиции он занимает господствующее положение.

б — звонкий губной смычный.

Графически *б* и *п*, как правило, не различаются (ب). Только отдельные составители пользуются приемом разграничения *б* и *п*, вводя особый знак для *п* (پ), ср. Мадж: *کوپراک* *köpräk*

‘больше’ (53a); ЧД: قالپاق *каллак* ‘шапка’ (25a), تاپمان *тапман* ‘не найду’ (276), اوپماک *опмак* ‘целовать’ (54a); ШН: كوي نيند *көпінің* ‘многих (из них)’ (105), قويغیل *копгил* ‘встань’, ‘поднимись’ (192), تالپندی *талпінді* ‘порывалось’ (207), پشه *пашш* ‘муха’ (219).

Однако, употребление особого знака ни в одном тексте не является регулярным.

б — выступает обычно в начале и середине слова, ср.: *ба-шма* ‘моей голове’, *бурун* ‘прежде’, *біз* ‘мы’, *бёз* ‘бязь’, *кёбі* ‘как’, ‘подобно’, *кабасун* ‘пусть осадит’.

В конечной позиции собственно тюркских слов звук *б* мог оглушаться и совпадать с *п*. О глухом произношении *б* в конце слова свидетельствует глухость начальных согласных в примыкающих к нему аффиксах, см. ШН: بولوتور *болуптур* ‘он стал’, *көліптүр* *көліптүр* ‘он сделал’ (92). Весьма вероятно, что процесс оглушения *б* в указанных позиционных условиях охватывал не все диалекты, не был повсеместным. Не случайно у Бабур в сочетании с формой деепричастия прошедшего времени преобладает разновидность предикативной связки с начальным звонким, тогда как после явных глухих звонкий согласный заменяется глухим, см. Б: *көлібдүр* *көлібдүр* ‘он сделал’ (66), *көрібдүрбіз* *көрібдүрбіз* ‘мы видели’ (180), *кәлтүрүбдүр* *кәлтүрүбдүр* ‘я принес’ (185), *юктур* *юктур* ‘нет’ (140). Ср. там же: *көліптүр* *көліптүр* ‘он сделал’ (227). Иначе у Фазлулла-хана. В словаре последнего конечный *б*, особенно в деепричастных формах, передается обычно как глухой, ср.: *көліп* *көліп* ‘сделав’, *кәліпдүр* *кәліпдүр* ‘приходит’.¹²

т — глухой зубной смычный.

т широко представлен в любом положении, ср.: *miläräm* ‘желаю’, *алтү* ‘шесть’, *тапмадәм* ‘я не нашел’, *нәтәј* ‘что поделаю’, *көрсәтүр* ‘показывает’, *алтун* ‘золото’, *ат* ‘лошадь’, *ајт* ‘скажи’, *сабат* ‘корзина’.

Оказываясь между гласными, *т* обычно не изменяет своего качества. Возможно, что в некоторых словах в положении между гласными он становился геминированным.

¹² *لغة ترکی* Библиотека Восточного факультета Ленинградского университета, № 419, стр. 75, 250 (список, изготовленный с печатного калькутского издания).

д — звонкий зубной смычный.

Этот звук встречается главным образом в заимствованных словах, в составе аффиксов местного и исходного падежей, уподобительной формы, отглагольного имени и т. д.

В начале слова *д* выступает в предельно ограниченной группе слов. Наличие его в этой позиции связано с большим притоком арабо-персидских заимствований, а также является результатом перенесения на староузбекскую почву фонетических особенностей языков южной группы и отчасти — следствием проявления каких-то других факторов. Примеры: *дудак* ‘губы’, *дағи* ‘также’, *дәйи* ‘после того, как сказал’, *дәйү* ‘до’, *дур*, *дурур* — предикативная связка, *даруза* ‘правитель, наместник города’ (< монг.), *дәгінчә* ‘до’, *дәгүл* — отрицание, *дәлү* ‘безумный’, *далға* ~ *давулға* ~ *давулбан* ‘шлем’ (< монг.), *дабкур* ‘размещение войск кругом’.

Наличие *д* в середине и в конце слова может быть отмечено с теми же оговорками, которые были сделаны относительно возможности его употребления в начальной позиции, ср.: *орда*, *орду* ‘ставка’, ‘лагерь’ (< монг.), *садаб* ‘колчан’ (< *саб* + *даб*?), *дард* ‘боль’ (< перс.), *Хинд* ‘Индия’, *чїдап* ‘будучи в состоянии’ (*чїда* — < монг.), *эмді* ‘теперь’, ‘уже’, *судрап* ‘тащив’.

к, *к* — глухие смычные твердого и мягкого ряда. Первый — увулярный, второй — заднеязычный.

б, *г* — звонкие смычные (?) твердого и мягкого ряда. Первый — увулярный, второй — заднеязычный.

Одной из характерных особенностей позиционного распределения смычных увулярных и заднеязычных в староузбекском языке является невозможность присутствия *б* и *г*, исключая отдельные заимствования, в абсолютном начальном положении. В начале собственно тюркских слов *б* и *г* встречаются в текстах золотоордынского цикла, ср. ТН: *бан* ‘кровь’ (285 б). См. также Б: *баббабїңнї* ‘твой подбородок’ (202).

Характер соотношения глухих и звонких заднеязычных в конце слова, состоящего из нескольких слогов, неясен, часто в одном и том же тексте рядом оказываются и глухой и звонкий. Очевидно, звонкость конечных заднеязычных была факультативной. Ср. Мах: *савуғ* ‘холодный’ (4), *савук* (19), *ајак* ‘нога’ (55), *ајаб* (68), *јахшїлїб* ‘доброта’, ‘благо’ (145) и

jaḡiṣlāḡnī, jaḡiṣlāḡk (156); ШН: *улуб* 'большой', 'великий' (20), *савук* 'холод', 'холодный' (84).

Все же в некоторых произведениях, например, у Навā'й, употребление в конечной позиции глухих или звонких заднеязычных связано в какой-то мере с разграничением грамматических групп. Так, звонкие явно преобладают у прилагательных и отвлеченных существительных, глухие — у других имен, ср. Мах: *натавānlāḡ* 'немошь', *jaḡlāḡ* 'подобный', *савуḡ* 'холодный', *īcīḡ* 'горячий' (4), *ачīḡ* 'горький' (5), *joklūḡ* 'отсутствие', *барлūḡ* 'присутствие' (14), *ачlāḡ* 'голод', *јаланбачlāḡ* 'нагота' (19), *rāstlāḡ* 'истина' (41), *арīḡ* 'чистый' (63), *dōstlūḡ* 'дружба' (80), *сарīḡ* 'желтый' (86), *куруḡ* 'сухой', 'высохший' (118), *ачуḡ* 'открытый' (124), *јумшаḡ* 'мягкий' (125), *jaḡiṣlāḡ* 'доброта' (145), *вафālāḡ* 'верность' (146); Мадж: *астрабādāḡ* 'астрабадский' (186), *ашнālāḡ* 'знакомство' (306), *чйнабādāḡ* 'чинабадец' (73а); НМ: *bāḡdāḡ* 'непристойность' (11а), *баḡdāḡ* 'багдадец' (35а), *хамрāhlāḡ* 'сопутствие' (846), *ачlāḡ* 'голод' (846), *буḡārāḡ* 'бухарец', *шādāḡ* 'радость' (1176); ТМ: *бузуḡлūḡлар* 'разрушения', *абādāḡ* 'благоустройство' (94а), *пādīshāḡ* 'царствование' (1096); ЧД: *бузуḡлūḡ* 'порча' (16а), *мастlāḡ* 'пьянство' (216), *асānlāḡ* 'легкость' (89а). Ср. также Б: *јарlāḡ* 'милость' (24), *шādmanlāḡ* 'радость' (125), *ашнālāḡ* 'знакомство', *bāḡvafāḡ* 'неверность' (148).

Составитель словаря Абушқа всюду приводит два варианта, ср.: *атаklāḡ* и *атаḡlāḡ* 'знаменитый' (7), *алk* и *алlāḡ* 'взятие' (23), объясняя наличие разновидности со звонким согласным требованиями рифмы (بعضی معاهده غینله قافیہ و ردیف مصلحتی ایچون).¹³

Точно такое же объяснение неустойчивости передачи конечного заднеязычного (увулярного) дает Мехдй-хан, который приводит в связи с этим два двуступия из произведений Навā'й.¹⁴

ضعیف جسمیم ارا بیر بیرینینگ اوستیدا داغ
قوروغ یغاچ اوزه دور یافراغ اوستیگا یافراغ

¹³ Абушқа, стр. 7.

¹⁴ Мабāни 'а-лугат, стр. 101, 102, 103.

В моем слабом теле — боль на боли,
на засохшем дереве листья прикрывают друг друга.

باغ ایچره سنگا ساچتی گل آق و قیزیل یافراق
شاه باشیغه انداق کیم ایل آق و قیزیل یارماق

В саду розы сыпали на тебя белые и красные лепестки,
подобно тому как народ сыпал серебряные и золотые
монеты на голову шаха.

Мехдй-хан специально указывает на возможность смешения двух разновидностей аффикса отвлеченных существительных (-lāḡ и -lāḡk) и на возможность двойного написания следующих слов: *булаḡ* и *булак* 'ручей', *ајаḡ* и *ајак* 'нога', *куруḡ* и *курук* 'сухой', 'высохший', *сарīḡ* и *сарīk* 'желтый', *katīḡ* и *katīk* 'твердый', 'жесткий', *аḡ* и *ак* 'белый' и т. д. В формах повелительного наклонения — отмечает он — такая неустойчивость непозволительна. Ясно, что различие в них *k* и *ḡ* имеет семантическое задание, ср.: *јак* 'закги', *јаḡ* 'приди', *јīk* 'свали', *јīḡ* 'собери'. В формах типа *алдук*, *алмак*, *алсак* выступает всегда *k*. Этот *k* изменяется только перед гласным, но и здесь, по мнению Мехдй-хана, решающую роль играет рифма, ср.:

یاغین
ساالماغین.¹⁵

Неустойчивость в обозначении заднеязычных наблюдается и в интервокальном положении, особенно если это положение обусловлено изменением формы слова, ср. Б: *ајаḡlāḡ* 'мои ноги' (4); ТН: *дудабīḡ* 'твои губы' (2766), *ајакīḡ* 'твоих ног', *топраḡlāḡ* 'ее земля' (2786), *сукакīḡ* 'твоя улица', *јаңакīḡ* 'твоя щека' (2826), *каракīmdīn* 'из моих зрачков' (2856).

Все-таки в пределах имен намечается тенденция к сплошному озвончению конечных заднеязычных, оказывающихся в интервокальном положении.

В отличие от других тюркских языков, в староузбекском языке заднеязычные согласные в положении после узких согласных почти всегда сохраняются, ср. Б: *бојлук* 'рослый' (64), Мах: *īcīḡ* 'жаркий' (4); ТН: *јазуклук* 'грешный' (274а), *камук*.

¹⁵ Мабāни 'а-лугат, стр. 104.

'весь' (2786), *kipjyk* 'ресницы' (284а); ШН: *jajaɣ* 'пеший' (38), *atlık* 'всадник' (38), *katiɣ* 'крепкий' (81). Выпадение заднеязычных или их переход в *в(у)* ограничены единичными случаями, которые можно объяснить как результат влияния кыпчакских диалектов, бывших для авторов ряда староузбекских текстов родной языковой стихией. Примеры. Б: *birāv* 'некто' (< *biräj*; 198), *kavun* 'дыня' (< *kaɣun*; 256); Дж: *nə jaɣlu* 'каким образом' (< *nə jaɣlıɣ*; I); Қ: *akıllı* 'умный' (< *akıllıɣ*; II); Л: *arı* 'чистый' (< *arıɣ*; III); Мах: *tavuk* 'курица' (< *taɣuk*; 60); ШН: *kavun* 'дыня' (< *kaɣun*; 59), *ikäj||ikäv* 'двое' (< *ikäj*; 62), *kapu* 'ворота' (< *kaɣuɣ*; 68), *savuk* 'холодный' (< *saɣuk*; 84).

ɣ — глухой заднеязычный (увулярный) спирант.

О существовании *ɣ* следует говорить условно, так как этот звук прослеживается только или почти только в заимствованных словах, полностью сохраняющих орфографические нормы тех языков, из которых они были заимствованы. Собственно тюркских слов со звуком *ɣ* в староузбекском языке не больше пяти-шести, см. Б: *jaɣıı* 'хорошо' (55), *saɣlar* 'бережет' (90), Мах: *oɣshar* 'походит' (106); ТМ: *ɣakan* 'каган' (1256); ШН: *aɣtarurbız* 'поищем' (114).

То же самое относится и к придыхательному *х*.

ɸ — глухой губно-губной спирант.

Появление *ɸ* — результат воздействия внешних факторов. Продолжительное время *ɸ* существовал только в пределах орфографических написаний заимствованных слов и не имел распространения в разговорном языке. Случаи, когда *ɸ* оказывается в собственно тюркском слове, для староузбекского языка единичны, см. Л (5023/I): *чулфан* 'Венера' (115); Мах: *jaɣraɣ* 'лист' (87); СН: *арфа* 'ячмень' (2046); ЧД: *тофраɣ* 'почва' (70а); ШН: *jaɣrak* 'лист' (114), *ıɣkälärman* 'разгневаюсь' (224).

в — звонкий губно-губной щелевой.

Для всех тюркских языков звук *в* является вторичным и относительно поздним. Его появление в староузбекском языке связано с заимствованием большого количества слов арабского и персидского происхождения, а также с преобразованием в определенных позиционных условиях других звуков, напри-

мер *б*, *г* и *б*, ср. М: *сув* 'вода' (< *сув?*; 4); ШН: *ikäj||ikäv* 'двое' (< *ikäj*; 62), *куңрав* — музыкальный инструмент (< **куңраɣ*; 198).

с — глухой зубной щелевой (свистящий).

с возможен в любой позиции, хотя в конце слова он, по видимому, не является этимологическим звуком и восходит к *з*. Примеры: *сачıң* 'твои волосы', *олса* 'если будет', *асıɣ* 'польза', *болмас* 'не будет', 'не станет', *саткучı* 'торговец', *ajsa* 'если скажет', *эмäs* 'не', *эскірүр* 'постареет'.

з — звонкий зубной щелевой (свистящий).

Подобно звонким заднеязычным и звуку *д*, *з* в начале собственно тюркских слов отсутствует. В середине и в конце слова *з* выступает довольно часто. Примеры: *кобуз* — музыкальный инструмент, *бöz* 'ситец', *тоңуз* 'свинья', *көрүјүзүр эрді* 'он показывал', *күндүз* 'днем', *өзүңни* 'самого себя (ты)', *јүзүмні* 'мое лицо', *бузулмагај* 'не разрушится', *јүзä* 'на', 'над', *узун* 'длинный', *аз* 'мало'.

ш — глухой альвеолярный щелевой (шипящий).

ш типичен для любой позиции. Примеры: *каш* 'брови', *баш* 'голова', *jaɣıı* 'хороший', *jaɣurduɣ* 'ты скрыл', *kiši* 'человек', *шункар* 'сокол', *јүкүш* 'много'.

Перед гласными *ш* не озвончается.

ж — звонкий альвеолярный щелевой.

ж встречается в двух-трех заимствованных словах, ср. А: *اَجْوَدا* *ажүнда* 'в мире' (105); ТН: *اَجْدَا* *аждаха* 'дракон' (2866; см. также ЧД, 916).

ч — глухая переднеязычная аффриката.

Никаких позиционных ограничений для *ч* нет, ср.: *kıckırurman* 'кричу', *сачıң* 'твои волосы', *чаң*, *чагана* 'музыкальные инструменты', *чїкті* 'он вышел', *олгач* 'после того, как стал'.

ч устойчив в качественном отношении: сохраняет глухость перед гласными и не переходит в *ш*.

ј — звонкая переднеязычная аффриката.

Этот звук прослеживается только в заимствованных словах, ср.: *jān* 'душа', *xijr* 'разлука', *mäsjiđ* 'мечеть', *bijjak* — музыкальный инструмент, *jəbä* 'панцирь', *кольчуга* для лошадей, *nārunj* 'апельсин'.

р — сонорный переднеязычный дрожащий.

В начале собственно тюркских слов *p* отсутствует. Что касается заимствований, то в них присутствие *p* в начальном положении является лишь фактом письменной традиции, требовавшей строгого соблюдения орфографических норм оригинальных источников.

л — сонорный переднеязычный двустороннещелевой.

Употребление *л* в слове характеризуется теми же особенностями, что и употребление *p*. На вопрос о возможности различения в староузбекском языке *л* и *l* (твердого и мягкого ряда) ответить трудно, так как никаких данных, указывающих на подобное различие, нет. Условно мы сохраняем традиционную раздельность написания *л* в словах с твердым типом вокализма и в словах с гласными мягкого ряда.

м — звонкий губно-губной смычный, носовой.

Количество тюркских слов, в которых *м* выступает в качестве начального звука, в староузбекском языке невелико. Однако и в этих словах *м* не является первичным: он восходит к *б*. Примеры: *мінді* 'он взобрался' (< *бинді*), *мунба* 'этому' (< *бунба*), *мундак* 'этакий, такой' (< *бундак*), *мәңйү* 'вечный' (< *бәңйү*), *миң* 'тысяча' (< *биң*), *муң* 'печаль' (< *буң*), *мән* 'я' (< *бән*). Изменение *б* в *м* — следствие чрезвычайно сильного ассимилятивного воздействия *н* и *ң*.

В середине и в конце слова *м* вполне обычен, ср.: *ким* 'кто', *нәмә* 'что', *иситмә* 'горячка', *тамір* 'жила', *көрдүм* 'я видел', *јаман* 'плохой', *башима* 'на мою голову', *тамак* 'горло', *күмјүш* 'серебро'.

н — звонкий зубной смычный, носовой.

В начале слова, если не считать заимствований, *н* прослеживается только в вопросительных местоимениях, в глаголах, числительных и наречиях, образованных от них, а также в одном из послелогов-наречий, ср.: *нә* 'что', *нәңйүк* 'как', *нәтәј*, *нәләјін* 'что поделаю', *нәчә* 'сколько', *нарі* 'с', 'от', 'с той стороны', 'туда', 'прочь' (ср. ЭД: *нарі бар* 'иди прочь', 4).

Примеры употребления *н* в других позициях: *кан* 'кровь', *ані* 'его', *ана* 'мать', *канат* 'крыло', *сан* 'число', *јан* 'сторона', 'бок', *сун-* 'протянуть', *күн* 'день'.

ң — звонкий заднеязычный (увулярный) смычный, носовой.

Подобно всем сонорным, в начальном положении *ң* отсутствует. То, что в середине слова *ң* нередко разлагается на *н* и *т* (б), свидетельствует о возможности его довольно позднего происхождения в этой позиции, ср.: *мәңйү* 'вечный'.

Конечный *ң*, особенно в звукоподражательной и образной лексике, является одним из древнейших согласных.

ј — звонкий среднеязычный щелевой.¹

ј выступает в любом положении, ср.: *jok* 'нет', *aj* 'луна', *kaj* 'какой', *kajm* 'вернись', *ajaб* 'нога', *jör* 'земля', *jüz* 'лицо', *ajläzil* 'сделай', *koj* 'поставь', 'пусти'. В староузбекском языке, как можно предположить, *ј* оказывал в небольших размерах палатализирующее воздействие на соседние звуки и на характер или тип вокализма в целом.

* * *

Восстановление фонологической системы согласных староузбекского языка представляется задачей чрезвычайно трудной. В так называемых средних тюркских языках, к которым относится и староузбекский, происходила замена одних дифференциальных признаков другими. Вследствие этого на протяжении какого-то периода времени существовала смешанная система или, по крайней мере, создавалась видимость смешанной системы фонем. В этой смешанной системе совмещались два типа — исконный древнетюркский, ср.:

<i>п</i>	<i>м</i>
<i>т</i>	<i>н</i>
<i>k</i> (к)	<i>ң</i>
<i>с</i>	<i>р</i>
<i>ш</i>	<i>л</i>
<i>ч</i>	?
* <i>т'</i>	* <i>ј</i> ,

с противопоставлением согласных по месту и способу образования и по силе — слабости,¹⁶ а также с их позиционным распределением по последнему признаку (согласные *м*, *н*, *ң*, *р*, *л*,

¹⁶ Мысль о первоначальном делении тюркских согласных на сильные и слабые впервые была высказана устно В. М. Наделяевым.

j, *б*, *д*, *з*, *б*, *j*, *в* в начальной позиции не употреблялись), и новый тип, ср.:

<i>п</i>	<i>б</i>	<i>м</i>
<i>т</i>	<i>д</i>	<i>н</i>
<i>к</i> (<i>k x</i>)	<i>з</i> (<i>б</i>)	<i>ң</i>
<i>с</i>	<i>з</i>	<i>р</i>
<i>ш</i>	(<i>ж?</i>)	<i>л</i>
<i>ч</i>	<i>j</i>	<i>?</i>
<i>j</i> (<i>< *m'</i>)	<i>j</i>	<i>j</i> (<i>< *j</i>)
<i>ф</i>	<i>в</i>	—
<i>х</i>	—	—

в котором приобретает определенное (может быть, очень небольшое) дифференцирующее значение признак глухости — звонкости.

Приведенная схема весьма приблизительна и нуждается в уточнениях, возможных только при условии глубокой разработки фонологической системы общетюркского или пратюркского языка.

ДОЛГИЕ, ИЛИ УДВОЕННЫЕ, СОГЛАСНЫЕ

Удвоенное произношение или написание согласных в старом узбекском языке могло быть как постоянным, так и факультативным.

Постоянное удвоение имеет место в словах арабского происхождения (согласный под тешдидом), ср.: *محببت* мухаббат 'любовь', *ايجار* 'ajjār 'плут', *عشاق* 'ušiāk 'влюбленные', а также на границе живых или омертвевших морфологических элементов слова, ср.: *көрккәбај* 'красавица', *савукка* 'к холоду', *этти* 'он сделал', *бәхшүттәк* 'словно рай', *көңүлләр* 'сердца', *чәккәл* 'выйди'.

Факультативное удвоение, неопределенное по своему происхождению, наблюдается у некоторых числительных, см. Мадж: *اوْتُوْز* оттуз 'тридцать' (63а): ШН: *ايليكچه* illikčä 'около пятидесяти' (207), *ايككى* ikki 'два' (158), *ايسغ كۆل* issiğ köl — наименование озера (136).

Особый вид факультативного удвоения встречается в поэтических произведениях, он обусловлен требованиями просодии:

удвоенное произношение согласных дает возможность закрыть открытый слог и таким образом делает его долгим, см. МН: *шәкәр* 'сахар' (1646, 1666) и *шәккәр* (164а, 166а), *каддә* 'есть стан' (1686). Например:

<i>шәкәр</i>	<i>ирнә</i>	<i>набат-и</i>	<i>мәсра</i>	<i>ошар</i>	(л. 1646)
<i>табассум</i>	<i>кәлсәңиз</i>	<i>шәккәр</i>	<i>ујалур</i>		(л. 164а)

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СОГЛАСНЫХ

Распределение согласных, как и распределение гласных, включает в себе два момента: характер их сочетаемости и степень употребления отдельных звуков.

Известно, что сочетание любых согласных в начале или конце слова является необычным для тюркских языков вообще, поэтому и в староузбекском языке действует соответствующая структурная норма. И если в последнем встречается большое количество заимствованных слов, идущих как будто вразрез с указанной нормой, то следует заметить, что в таких словах допускалась интродукция гласного (см. ниже, стр. 95).

На границе разных морфологических элементов, включая и омертвевшие, и разных слогов возможны любые сочетания согласных, ср.: *ösrük* 'пьяный' (ср), *кашдін* 'от бровей' (шд), *болдә* 'он стал' (лд), *сачиңи* 'твои волосы' (ңи), *ачтә* 'он открыл' (чт), *баши́мда* 'на моей голове' (мд), *әгмә* 'изогнутый' (гм), *болмасун* 'пусть не будет' (лм), *көрүңдә* 'он показался' (нд), *ичәрсән* 'выпьешь' (рс), *биздін* 'от нас' (зд), *ағзә* 'в его рот' (зә), *болбуси* 'будет' (лб), *күчкүрүрман* 'кричу' (чк, рм), *болса* 'если будет' (лс), *бірлә* 'с' (рл), *мунча* 'так, настолько' (нч), *истәрам* 'хочу, желаю' (ст) *кәлпсан* 'ты сделал' (пс), *бизә* 'нам' (зә), *асру* 'очень' (ср), *кәлтүргүдәк* 'будто принесет' (лт, рг), *јаңлә* 'подобный' (ңл), *ошбу* 'вот этот' (шб), *јахши* 'хорошо' (хш), *барча* 'все' (рч), *алптур* 'он взял' (пт), *коркутасан* 'пугаешь' (рк), *дәгү* 'до' (зр), *коркунч* 'страх' (рк, нч), *кујаштәк* 'как солнце' (шт), *көңләк* 'рубашка' (ңл), *көрсәтсәм* 'если покажу' (рс, тс), *күңдә* 'днем' (нд), *тапшуруп* 'передав' (пш), *күрпәк* 'ресницы' (рп), *бојнуңа* 'на твою шею' (јн, ңб) и т. д.

Характерно, что в тех случаях, когда основа оканчивается на сонант (*р, л, м, ң, j*), смычный в начале аффиксального элемента, как правило, бывает звонким. Таким образом, на границе разных морфологических частей слова мы имеем только сочетания *рл, рб, рг, лд, лб, lg, мл, мб, мг, нд, нб, нг, ңд, ңб, jд, jб, jг*, ср.: *аларда* 'у них', *аларба* 'им', *андін* 'от него', *којїлдї* 'он был поставлен', *јолба* 'в дорогу', *кїлїндї* 'он был сделан', *мїндїк* 'как я', *кајда* 'где', *тамда* 'на крыше' (исключение: *бїртї* 'один', см. Мах., 112). Наоборот, начальные проточные — всегда глухие: *рс, рч, лс, лч, нс, нч* и т. д., ср.: *урса* 'если ударит', *болсун* 'пусть будет', *мунча* 'этак', 'столько', *кїлса* 'если сделает', *мїлїнчї* 'нищий', 'попрошайка'.

В связи с этим намечается унификация аффиксов, начинающихся смычными, по звонкому типу и аффиксов, начинающихся щелевыми, по глухому типу независимо от того, какие звуки выступают в конце основы, например: *накїрїчїлїкба* 'в отношении занятия барабанщика', *јїхїллїкдїн* 'от невежества', *азфурсатда* 'в небольшой промежуток времени', *тїңрїдїн* 'от бога', *кујрубїдїн* 'от его хвоста', *атда* 'на лошади', *калсун* 'пусть останется', *кїтдї* 'он ушел', *сатсун* 'пусть продаст'. Все же, как справедливо отмечает Мехдї-хан, при наличии в конце основы глухих возможны колебания, ср.: *ашдї* и *аштї* 'он взобрался', *їпдї* и *їптї* 'он поцеловал', *їтдї* и *їттї* 'он прошел', *учдї* и *учтї* 'он полетел'.¹⁷

Внутри основы сонанты выступают преимущественно в сочетании с глухими смычными и очень редко со звонкими, ср.: *алтун* 'золото', *јїлпїгїч* 'веер', *арпа* 'ячмень'.

Что касается степени употребления отдельных согласных, то в односложных словах типа СГС, являющихся наиболее удобными для соответствующего анализа, обнаруживается такое соотношение (без учета арабских, персидских и монгольских заимствований): начальными бывают чаще всего *к, қ, б, с, т, j*, реже *ш* и *ч*; в единичных случаях — *б, г, п, д, м, н*; совершенно исключены — *з, р, л, ң*. Конечными для типа СГС могут быть все согласные без исключения. При этом самое значительное место в конечной позиции занимают заднеязычные

и увулярные, самым минимальным является употребление *д*. Согласные *ф, х* и *х* мы вообще не принимаем в расчет, так как количество слов, в которых они выступают, в староузбекском языке не превышает десяти.

Морфологические показатели, имеющие аналогичную фонетическую структуру, могут начинаться любыми согласными, кроме *з, ң* и *j* (последний выступает в начале морфологического показателя только в качестве так наз. вставочного звука, ср.: *саклајур* 'охраняет', *ајајїн* 'скажу-ка', *Хїјїр сујїн* 'воду Хызра').

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ГЛАСНЫХ И СОГЛАСНЫХ

А) Выпадение *л* перед *т* в некоторых глагольных формах. Ср. Б: *кїтїр* 'принеси' (< *кїлтїр*; 69), *кїтїрмїң* 'не подносите' (222); ТН: *кїтїр* 'принеси' (2766), *олтурсаң* 'если сядешь' (< *олтурсаң*; 2826); ШН: *олтурбїл* 'посиди' (114), *кїтїрдїлїр* 'они привели' (154).

Эта особенность не характерна для староузбекского языка в целом. Наличие ее в Та'ашшук-наме и в некоторых других текстах следует рассматривать как результат кыпчакского влияния. В абсолютном большинстве источников *л* не выпадает: более того, употребление *л* остается преобладающим и в тех текстах, которые содержат то или иное количество случаев его утраты, ср. Б: *кїлтїргїч* 'после того, как принес' (56), *олтуруп* *їрдї* 'он сидел' (88); М: *олтурмїш* *їрдї* 'он сидел' (11); Мах: *кїлтїрмїсїн* 'пусть не приносит' (14), *кїлтїрмї* 'не приносит' (163); НМ: *кїлтїрмїктїдурмїн* 'приношу' (200а); РҚ: *кїлтїрїң* 'принесите' (1386); СҚ: *олтуруп* *їрдї* 'он сидел' (5а), *кїлтїрїңїз* 'приведите' (53а), *їлтїрмїш* *їрдїм* 'я убил' (62а), *кїлтїрдїлїр* 'они принесли' (88а), *їлтїрдїң* 'ты убил' (946); ТН: *олтурсаң* 'если сядешь', *олтурбусї* 'сядет', 'утихнет' (2826); ЧД: *кїтїр* 'принеси' (246); ШН: *олтурбуздї* 'он посадил' (31), *кїлтїрдїк* 'мы привели' (51), *олтурдїлар* 'они сели', *кїлтїрїп* 'приведя' (58).

Б) Выпадение гласного при изменении грамматической формы (при наращении притяжательных аффиксов), например, Б: *кїңлїм*

¹⁷ См.: Мабїни' *л*-лугат, стр. 128.

‘мое сердце’ (*köñil*; 1), *abzıba* ‘в его рот’ (*abız*; 7), *irni* ‘ее губы’ (*irən*; 19), *ömrün* ‘твоя жизнь’ (*ömr*; 20), *älümđin* ‘из моих рук’ (*älük*; 53), *bozuma* ‘моему горлу’ (*bozuz*; 88); СҚ: *bojnumni* ‘мою шею’ (*bojun*; 416), *burñindin* ‘из его носа’ (*burun*; 426), *karñmda* ‘в моем чреве’ (*karin*; 84а), *obluñ* ‘твой сын’ (*obul*; 986); ЧД: *köksümä* ‘моей груди’ (*kökijs*; 31а); ШН: *tägräsida* ‘вокруг него’ (*tägrä*; 39), *orniđa* ‘на его месте’ (*orin* ~ *orun*; 86).¹⁸

Нетрудно заметить, что обусловленное изменением грамматической формы выпадение гласного происходит обычно во втором слоге двухсложных и трехсложных слов, оканчивающихся проточными согласными или сонорными.

В) Утрата гласного, не обусловленная изменением грамматической формы (главным образом в глагольных основах), ср. А: *sorβıl* ‘спроси’ (45); Б: *sorβıl* ‘спроси’ (137); СҚ: *sordum* ‘я спросил’ (5а), *sorađı* ‘он спросил’ (806).

Г) Выпадение *p* в глаголе *əp-* ‘быть’, например, Б: *ərdim* (4), *jok əsa* (24), *ədim* (33), *ərmäs* (40), *ərijr* (58), *əmiš* (90), *ərmäs* (109); Мах: *əmäc* (92); СҚ: *ərdi* (3а), *ərcä* (146), *ərdim* (62а), *ərkändä* (84а), *ərkän* (93а); ШН: *ədi* (9), *ərdi* (72), *əmäc ərdi* (85); Я: *əgäc* (3146). Исчезновение *p* не связано с особым характером позиционных условий, однако сохранение его в ряде случаев можно объяснить только позиционными факторами, ср.: *ərijr*.

Данные, которые могли бы свидетельствовать о большей распространенности процесса выпадения *p* в староузбекском языке (не только в глаголе *əp-*), отсутствуют.

Д) Выпадение конечного *l* у местоимений, ср. ШН: *ol* ‘он’ (50), *u* ‘тот’ (164), *шул* ‘тот’ (204).

Е) Упрощение групп согласных, см. РҚ: *jumurka* ‘яйцо’ (145а); СҚ: *jumurtka* (266).

Ж) Чередование *n ~ j*, ср. А: *kandın* ‘откуда’ (*kan*; 19); *kajcı* ‘какой’ (*kaj*; 161), *xär kajan* ‘куда ни’ (*kaj*; 64); М: *kaju* ‘какой’ (*kaj*; 36); Мадж: *kajda* ‘где’ (*kaj*; 57а); Мах: *kanda* ‘где’ (*kan*; 52), *kajdın* ‘откуда’ (*kaj*; 90), *kajcı* ‘какой’ (*kaj*; 90), *kajan* ‘куда’ (*kaj*; 133); ШН: *kajda* ‘где’ (*kaj*; 5, 32), *kaju* ‘какой’ (*kaj*; 7).

¹⁸ О позиционном выпадении гласных см.: Мабани’ л-луғат, стр. 129.

Чередование *n ~ j* имеет сравнительно древние истоки и является следствием неодинакового отражения в разных тюркских языках общетюркского **j* (носовой *j*). В языках огузской группы **j* в основном отразился как *n*, в языках карлукско-уйгурской группы — как *n* и *j*, в кыпчакских языках — как *j*. Наличие в староузбекском языке и той и другой разновидности объясняется особенностями его формирования, и главным образом смешением в нем нескольких языковых и диалектных типов.

З) Изменение (выпадение) заднеязычных и увулярных в положении после узких гласных [и перед ними, см. Л (А. 109): *arı* ‘чистый’ (< *arız* ~ *aruz*; 35), *bojlı* ‘рослый’ (< *bojlız* ~ *bojluz*; 137); Мух: *üçäv* ‘трое’ (< *üçäz*; 5); МХ: *sap-sarı* ‘совершенно желтый’ (< *sap-sarız*; 21); ТМ: *ikäv* ‘двое’ (< *ikäz*; 98а); ШН: *kapu* ‘ворота’, *köprü* ‘мост’ (< *köpür*; 119).

И) Появление и выпадение так наз. „вставочного“ *n*, ср. Б: *jüzidä*, *jüzindä* ‘на ее лице’ (15), *xijr otı kashında* ‘перед огнем разлуки’ (33), *jüzün kashında* ‘перед твоим ликом’ (60), *suman üstidä* ‘над жасмином’ (64), *kujaş kashıba* ‘к солнцу’ (200); М: *mırāj tünindä* ‘в ночь вознесения’ (2), *anıñ kashında* ‘при нем’ (13), *jıbachnıñ tıjbındä* ‘у основания дерева’ (34); Мах: *jaşılлар арасідін* ‘из среды хороших, добрых’ (171); НДж: *алар kashında* ‘при них’ (586); НМ: *шәјх орнıба* ‘на место шейха’ (716), *казан тәгрәсидä* ‘вокруг казана’ (72а), *машәјіх арасідä* ‘среди шейхов’ (1176); СҚ: *şliğindä* ‘в его руке’ (5а), *astında* ‘находящийся под...’ (346), *köñlindä* ‘в его сердце’ (566); ХМ: *at üstidä* ‘на лошади’ (326); ШН: *хан katıda* ‘при хане’ (17), *шахар içigä* ‘в город’ (32), *jol başında* ‘в начале дороги’ (35), *anıñ katıdın* ‘от него’ (36), *kış içindä* ‘в зиму’ (85), *jəxānır kashında* ‘при Джехангире’ (117); ЭД: *anı kashıdın* ‘от него’ (2), *xijrın otıda* ‘в огне разлуки с тобой’ (7).

Приведенные примеры показывают, что никакой регулярности в отношении употребления так называемого „вставочного“ *n* в староузбекском языке обнаружить не удастся. Тем не менее очевидна тенденция к повсеместному сокращению размеров его использования (в произведениях Лутфй, Навāй и некоторых других поэтов „вставочный“ *n* почти не встречается).

К) Выпадение начального б, ср. Қ: *олур* 'становится', 'является' (I), *олдї* 'он стал' (II); Қас: *олдум* 'я стал' (I); ШН: *олдун* 'ты стал' (185), *болбїл* 'будь, стань' (191). Для староузбекского языка этот процесс не характерен.

Л) Переход б в м в местоименных окончаниях личных глагольных, именных и притяжательных именных форм, см. БН: *мурўрїмїз* 'наш переход' (147), *алїмїздїн* 'из положения перед нами' (197); СҚ: *алурбїз* 'возьмем' (21а); ШН: *тутабїз* 'мы держим' (132), *ач болуббїз* 'мы голодны' (218). Сохранение б наблюдается в личных глагольных и именных (предикативных) формах, в тех же случаях, когда местоименный элемент выступает в качестве аффикса принадлежности, б всегда переходит в м.

М) Ассимилятивное изменение с в ч, см. А: *сўчўк* 'сладкий' (179); Мах: *чўчўк* 'сладкий' (5); МН: *чїчкан* 'мышь' (1736).

Н) Подстановка протетического j(j), см. Л: *язбурдї* 'он сбил с дороги' (21, см. 5023/I), *азбурдї* (21, см. А. 109); МН: *јавўрмән* 'не отверну' (1706), *авўрмән* (1726); СҚ: *јасїр* 'пленник' (736; < араб. أسير).

О) Появление инкурсивного х, см. БЛ: *харїкан* 'уставший' (248), *хўр-* 'лаять' (249); МН: *ўзәрләр* 'плавают' (1636), *хўзгў* 'будет плавать' (1706), *хур* 'бей' (1736).

П) Особого внимания заслуживают случаи сохранения в староузбекском языке XIV—XVI вв. межзубного *δ в виде д или з (без перехода в j), см. А: *адак* 'нога' (27), *эдгў* 'добрый', 'благочестивый' (123); МН: *эдгў* 'хороший' (1636, см. Ог. 8193), *эјгў* (295а, см. Add. 7914), *адакїңка* 'к твоей ноге' (295а, см. Add. 7914), *ајакїңга* (164а, см. Ог. 8193); С: *азакїн* 'его ногу' (19а); ЯШ: *ул јїл(ї)* 'год быка' (255). Почти сплошь δ сохранился в поэме Қутба „Ҳосрав и Шїрїн“, см. ХШ: *эдгў* 'хороший' (4а), *кудук* 'колодезь' (5а), *кадбу* 'печаль' (216), *адак* 'нога' (82а).

Р) Выпадение начального j, см. Абушқа: *ўз* 'сто' (105).

С) Переход а в ї, см. МЛ: *ал-~їл-* 'брать', *јар-~јїр-* 'расколоть' (142).

Т) Озвончение к в положении перед гласным, см. БН: *авлазї* 'его охотничьи уголья' (*авлак* 'охотничьи уголья'; 5),

кушлазї 'его уголья, избыливающие дичью' (*кушлак* 'уголья, избыливающие дичью'; 5).

У) Переход δ в з, частично выходящий за пределы рассматриваемого периода (XIV—XVI вв), ср.: *эғд* 'господин' (< *эдї*), *эғр* 'седло' (< *эдәр*), *кїгїз* 'войлок' (< *кїдїз*).¹⁹

ФОНЕТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОГА И СЛОВА

В староузбекском языке широко представлены и закрытый и открытый типы слога. Слоги, закрытые двумя согласными, довольно редки, что же касается слогов с двумя начальными согласными, то их вообще нет. Примеры:

Г, ГС, СГ (гласный, гласный+согласный, согласный+гласный)

бу 'этот', *эрдїлар* 'были' (*эр-дї-ләр*), *өз* 'сам', *ал* 'возьми', *ак* 'белый', *ок* 'стрела', *їч* 'три', *їт* 'собака', *эт* 'делай', *эв* 'дом', *ат* 'лошадь', *дэ* 'скажи', *јэ* 'ешь', *су* 'вода', *їш* 'дело', *эл* 'народ', *дэді* 'сказал' (*дэ-дї*), *улуб* 'большой' (*у-луб*), *ошул* 'вон тот' (*о-шул*).

СГС, ГСС

сэң 'ты', *мэн* 'я', *ајт* 'скажи', *ант* 'клятва'.

СГСС

кајт 'возвращайся', *дбст* 'друг', *хамд* 'хвала', *арш* 'престол', *васл* 'встреча, соединение'.

К последнему типу относятся главным образом заимствованные слова, причем как заимствованные, так и собственно тюркские слова, имеющие соответствующую фонетическую структуру, нередко допускают интродукцию гласного (для собственно тюркских слов этот гласный может быть этимологическим), ср. МН: *Мїсїр* (~ *Мїср*) 'Египет' (1606), *өмїр* (~ *өмр*) 'жизнь' (1706), *Хїзїр* (~ *Хїзр*) — имя (1716), *хусун* (~ *хусн*) 'красота' (1726); СҚ: *сабур* (~ *сабр*) 'терпение' (606, 83а), *зулум* (~ *зулм*) 'насилие' (79а), *шіжїр* (~ *шіжр*) 'благодарность' (836).

¹⁹ К. Н. Menges. Das Čağatajische in der persischen Darstellung von Mirza Mahdī Xān, S. 662.

Особенности соединения разных слогов в составе слова предопределены их фонетическими данными. Если из двух слогов первый оканчивается, а второй начинается согласным, никаких фонетических изменений не происходит. Если же первый слог оканчивается согласным, а второй начинается гласным, или наоборот, может иметь место озвончение согласного, находящегося на границе двух слогов. Когда и в конце первого и в начале второго слога оказывается гласный, возникает необходимость использования „вставочных“ звуков, с целью предотвращения совершенно необычного и нетерпимого в тюркских языках зияния.

В староузбекском языке более или менее широко используются три „вставочных“ согласных, если не считать *н*, условия употребления которого совершенно особые. Эти три звука — *ј*, *с*, *р*. Первый встречается в деепричастиях, причастиях и некоторых других формах, ср.: *okijur* (*okij-ur*) 'читает', *tit-räju* (*titrä-j-ü*) 'дрожа'; второй — в формах принадлежности 3-го лица, ср.: *kitāb* (*kitāb-ī*) 'его книга', но *anasī* (*ana-s-ī*) 'его мать'. Звук *р* в качестве „вставочного“ согласного выступает при образовании разделительных числительных, например *ikkirär* (*ikkir-p-är*) 'по два'.

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ

Строгое следование письменной традиции сделало нормой сохранение в староузбекских источниках оригинального написания арабских и персидских заимствований. Поэтому трудно представить себе, как происходил процесс адаптации необычных для староузбекского языка звуков. Если же иметь в виду конечные результаты, то необходимо отметить, что для носителей современного узбекского языка характерно почти полное усвоение нескольких таких звуков.

В связи с наплывом арабо-персидской лексики и взаимодействием иранского субстрата в староузбекском языке появляются звуки *х*, *х* (*х* и *х*, очевидно, различались только графически), *ф* и другие, ср.: *хабар* 'весть', *хафта* 'неделя', *фалән* 'такой-то', *хајрән* 'удивленный', *ајаб* 'удивительный', *таъаввур* 'представление', *фахм* 'понимание', *дўзах* 'ад'; расши-

ряется количество слов с такими согласными в начальной позиции, которые в староузбекском языке в этом положении являлись исключением или вообще не встречались, ср.: *јаваб* 'ответ', *фйравн* 'фараон', *писта* 'земляной орех', *ајаб* 'удивительный', *бурбат* 'чужбина'.

Изменения, которые имели место при освоении арабо-персидских заимствований и которые доступны для наблюдения, заключаются в своеобразной фонетической интерпретации межзубного арабского *з* (*зāl*) и так наз. эмфатических звуков.

Староузбекский язык воспринял большое количество и монгольских слов. В отличие от арабской и, частично, от персидской лексики, последние проникали не книжным путем, а исключительно через непосредственные контакты. Поэтому в староузбекском литературном языке отразилось их фактическое произношение.

Анализ монгольских заимствований показывает, что в староузбекском языке они закрепились в основном без каких-либо изменений, как в собственно-фонетическом отношении, так и в структурном плане. Ср.: *орду* 'ставка', 'лагерь', *даруза* 'правитель города', *нйкар* 'солдат', *давулба* 'шлем', *коналба* 'место, где садятся птицы', *јэбә* 'панцирь'.

Монгольские заимствования расширили группу слов с нетипичными для староузбекского языка начальными *д*, *н*, *м*, *ј*.

МОРФОЛОГИЯ

В староузбекском языке три части речи (имя, глагол, наречие) и три частицы речи (последологи, собственно частицы, союзы).

Выделение частей и частиц речи производится нами на основе чисто формального признака — способности или неспособности одних языковых единиц сочетаться с другими языковыми единицами того же самого или иного уровня.

Части речи — слова, присоединяющие к себе морфологические элементы и сочетающиеся в той или иной связи между собой. В отличие от них частицы не сочетаются ни между собой, ни с какими-либо аффиксами, исключая тот случай, когда в составе их (частиц) оказываются омертвевшие формы.

Различия между отдельными частями речи определяются составом морфологических показателей. Имя присоединяет к себе падежные аффиксы, для глагола характерно образование форм полной (*Verbum finitum*) и неполной (деепричастия) вербальности, наречие же выделяется отсутствием собственных форм словоизменения.

Внутри частей речи прослеживаются подгруппы, не имеющие полной морфологической автономности, но отличающиеся одна от другой каким-либо частным морфологическим признаком или особенностями образования так называемых вторичных основ. Подгруппами имени являются: собственно имена (существительное, прилагательное, местоимение, числительное) и отглагольные имена (субстантивные отглагольные имена, причастия). Подгруппы наречия — обстоятельственные и экспрессивно-изобразительные слова.

Деление частиц на последологи, собственно частицы и союзы, обусловлено различием в характере их назначения: последологи обслуживают слово, собственно частицы — и слово и предложение, союзы же выступают в качестве средства соединения слов, словосочетаний и целых предложений.

Морфологическая структура каждой части речи довольно проста. У имени и глагола имеется два основных структурных компонента — основа-корень, или первичная основа, и окончание, у наречия один структурный элемент — словоформа.

Основа — лексический стержень слова, воспринимаемый сквозь призму существующего в языке грамматического распределения слов, ср. именная основа, глагольная основа. Все основы внешне совпадают с грамматически значимыми нулевыми формами. Нулевая форма имени — форма основного, или именительного, падежа, нулевая форма глагола — форма повелительного наклонения 2-го лица единственного числа.

Окончание представляет собой один однозначный морфологический элемент или совокупность однозначных морфологических элементов — аффиксов, присоединяемых к основе последовательно, в строго определенном порядке (префиксы в староузбекском языке, как и вообще в тюркских языках, фактически отсутствуют).

Таким образом, понятия основы и окончания в староузбекской (resp. тюркской) грамматике наполнены своеобразным содержанием. Если говорить о соотношении с грамматикой флективных языков, то можно отметить, что в общих чертах понятию староузбекской основы в них соответствуют понятия основы и корня, а понятию староузбекского окончания — понятия окончания и суффикса.

Частицы речи все имеют одинаковую структуру, подобную структуре наречия. Правда, термин „словоформа“ в том значении, в каком он был применен в отношении наречий, для частиц не подходит, так как последние не являются полноценными и самостоятельными лексическими единицами.

ЧАСТИ РЕЧИ**И М Я****СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ ИМЕНИ**

Схематически аффиксы, присоединяемые к именной основе, располагаются в следующем порядке:

основа (первичная или вторичная) + аффикс множественного числа + аффикс лица-принадлежности или аффикс формы сопряженного состояния + аффикс падежа.

Формы падежа

В староузбекском языке семь падежей, включая основной, или именительный, форма которого является нулевой: основной, вокативный, винительный, дательный, местно-временной, исходный, предельный.

Прежде, чем перейти к характеристике падежных форм, необходимо отметить то обстоятельство, что почти все они выступают в трех семантико-функциональных разновидностях: 1) как формы сочетания со служебными словами, например, с послелогоми, утратившие определенное грамматическое значение, ср.: *kīška tšūnčā* 'до зимы', *bīzān burna* 'до нас', 'перед нами', *bīzā utru* 'нам навстречу', *душманларға қаршӣ* 'против врагов', *kīšilārdān соңра* 'после людей'; 2) как словоизменительные формы с разнообразным грамматическим содержанием, раскрывающимся в сочетании одних знаменательных слов с другими; 3) как словообразовательные формы или омертвевшие морфологические элементы, связанные с выражением синтаксических отношений только этимологически, ср.: *ошбунча* 'вот такой', *мобулча* 'монгольский', *канда* 'где', *кўндўзўн* 'днем', *анда* 'там', *ўзг* 'другой' и т. д.

Материалы, приводимые ниже, относятся к области активного употребления падежных форм (первый и второй случаи).

Основной падеж. Морфологически основной падеж противопоставлен всем другим падежам отсутствием выделяющего его показателя, в синтаксическом плане — как падеж подлежащего, так как подлежащее выступает только в основном падеже.

Основной падеж употребляется:

— при назывании лиц или предметов, когда никакая другая форма невозможна, ср.: Б: *сәни јән дәрләр* 'тебя называют „душа“' (34); БН: *јана бір јінс өрүк болур кім... субхәні дәрләр* 'еще есть один сорт урюка... который называют „субхәни“' (4), *бір нав кавундур кім Мір Тәмүрі дәрләр* 'есть сорт дыни, который называют (сорт) „эмир Тимур“' (6), ... *кітәбларда Шаш бітіпләр* '... в книгах пишут „Шаш“' (7); Л: *јүзін кујаш дәдәм* 'ее лицо я назвал солнцем' (1846); М: *Нахј ул-фарәдїс атлїк кітәбдін* 'из книги, называемой „Нахдж ал-

фарадис" (1); Мах: *аңа Махбүб ул-кулүб ат којїлдї* 'ей было дано имя „Махбуб ул-кулуб“' (8); Мух: *јәфәснї кә тавәрїх ахлї Абү-л-түрк бітіпләр* 'Яфес(а), которого историки называют „Абу-л-тюрк“ (т. е. отцом тюрка...)' (4); ШН: *Ахсї дәйн кур-банға* 'в крепость, называемую Ахсы' (125);

— при сочетании двух имен — как форма определительного члена конструкций тюркского изафета 1-го и 2-го типов и персидского изафета, а также как падеж определяемого в арабской *Status constructus*, ср.:

а) тюркский изафет, — А: *Салсабіл абїна* 'к воде райского источника Салсабиля' (78); Б: *көңлүм дәрдіға* 'болям моего сердца' (195); БН: *Арс сујїні* 'реку Арс' (10), *Балх вїләјатїні* 'вилайет Балха' (11), *Мухаммад тарханні* 'Мухаммед-тархана' (46), *авлук јәпләр* 'места для охоты' (87); М: *алтун ајаб* 'золотая чаша' (3); Мах: *түлкү кујрубїдін* 'из хвоста лисицы' (60), *арпа јамїн* 'заботу о ячмене' (169); Мух: *түрк алфәзїға* 'тюркской речи' (21); СҚ: *Јәјхүн дәрјасї* 'река Джейхун' (24а), *ајсір ат* 'жеребец' (31а), *арпа өтмәк* 'ячменный хлеб' (356); ШН: *чагат-ај әл* 'чагатайский народ' (75), *сулх сөзін* 'слово о мире' (125), *Ташкәнд өшіні* 'ворота Ташкента' (148);

б) персидский изафет — Б: *әвәрә-јї іккі јахән* 'скиталец двух миров' (*іккі јахән* 'два мира'; 10); БН: *андїшә-јї фәсїд* 'дурные намерения' (*фәсїд* 'скверный'; 31), *вїләјат-ї Маварәннахр* 'вилайет Мавераннахра' (55), *сәхїб-ї Хїдәјә* 'автор Хидая (мусульманского трактата)' (56); ТН: *нәсл-ї адам* 'род человеческий' (букв.: род Адама) (2736), *чәшм-ї бад* 'дурной глаз' (*бад* 'плохой'; 2756), *хүршід-ї тәбән* 'сверкающее солнце' (*тәбән* 'сверкающий'; 276а); ШН: 'азм-ї Самарканд' 'в направлении Самарканда' (121), *дашт-ї Хөрәзм* 'хорезмская степь' (205);

в) *Status constructus* — Мах: *Махбүб ул-кулүб* '„Возлюбленный сердец“' (*кулүб* 'сердца'; 8); Мух: *Абү-л-түрк* '„Отец тюрка“' (*түрк* 'тюрк'; 4).

— при сочетании личных и некоторых других местоимений с существительными, прилагательными и числительными, выступающими в качестве аппозитивных членов, как форма определяемого, см. Қ: *мән заїфї* 'меня слабого' (II); ШН: *мән бәчә-рәні* 'меня бедного' (*мән* 'я'), *мән әвәрәні* 'меня скитальца' (180);

— при перечислении, когда в ряду сопологающихся имен специальное падежное оформление получает только последнее имя,¹ см. А: *kojbıl Ataı jı mǎdrǎsǎ va xǎnakaхnı* 'оставь Атаи медресе и келью' (100); БН: *Tashkǎnd va Шахрухı jǎ va Сайрамı* *alıp ǎdı* 'он взял Ташкент, Шахрухию и Сайрам' (24); Мах: *ıchmǎk va jǎmǎk va ujkuba хурсанд* 'рады попить, поесть и поспать' (58), *баш ајабıдın тартıp* 'таща за голову и ноги' (79), *јаман јахшıнı тǎнрıдın аңлабıl* 'плохое и хорошее разумеи от бога' (137);

— как падеж прямого дополнения, выраженного отглагольным именем и управляющего винительным падежом другого имени, см. А: *ǎǎr kǎnıjıñ tilǎr jǎnımnı алмак...* 'если твое сердце хочет покорить мою душу...' (98);

— в качестве формы прямого приглагольного дополнения свободного и частично связанного типов, ср. Б: *kǎrsǎtjır gǎx tıb va gǎx ok* 'показывает то меч, то стрелу' (2), *јарлıb ǎmıl* 'окажи милость' (24); БН: *jıch masǎf uruıı kılıp ǎdı* 'он провел три сражения' (9), *пайдǎ kılıптur* 'он обрел, выявил' (14), *хїзмат kılur ǎрdı* 'он служил' (19), *чавїр ічǎр ǎdı* 'он пил вино' (25); Мах: *бојун сунуб* 'вытянув шею' (подчинившись) (46), *ашкǎр ǎttı* 'он раскрыл, сделал явным' (85); С: *aj fǎlǎk чарх урбıl* 'о небо, вращайся' (17а), *касд ǎtmǎ axır jǎnıma* 'не замышляй же против моей души' (21а); СҚ: *хабар kılбıl* 'сообща' (26, 73а); ШН: *ok atısha турдїлар* 'они перебрасывались стрелами' (216); ЭД: *назǎрǎ kıl* 'обрати внимание' (10), *jıj ıjıñdın пǎрдǎ ал* 'сними завесу с твоего лица' (1);

— в качестве формы разных косвенных дополнений, когда допустимо использование показателей местно-временного, исходного, предельного или дательного падежей, ср. Б: *Хинддın Гǎрм бардїнїз* 'вы отправились из Индии в Гарм' (228); БН: *курбандїн дар'ја бір ok atımı болбај* 'от крепости до реки расстояние в один выстрел' (5), *чавїр ічmǎс kıjnłarı наштнı кǎзǎр ǎdı* 'в дни, когда не пил вина, он употреблял наркотические средства'

¹ Это не означает, что параллельное оформление однородных членов совершенно исключено, см. СҚ: 'Абдулла ǎttı кїм тǎнрı та'алǎ олду кїм јǎрнı кǎкнı кїннı ǎjnı јулдузларнı кǎчнı кїндїзнı... јаратıp турур' 'Абдулла сказал: всевышний бог тот, кто создал землю, небо, солнце, луну, звезды, ночь и день...' (946).

(24), *Бухǎрǎ бардї* 'он отправился в Бухару' (46), *мǎн бу та-раф кǎлдım* 'я пришел сюда' (47); Мах: *баштın ǎjak* 'с головы до ног' (55); МХ: *ǎjakдın баш* 'с ног до головы' (3); ШН: *Хорǎсǎн jǎttı* 'он прибыл в Хорасан' (203), *Хǎрǎ бардїлар* 'они отправились в Герат' (204).

Особый случай употребления формы основного падежа связан с постановкой ее при прямом дополнении в винительном падеже, см. Б: *jǎnımnı kılıбdur су* 'душу мою она растворила (букв.: 'сделала' водой, су 'вода'; 66); БН: *munı пǎјтахт kılıп ǎdı* 'он сделал этот (город) столицей' (*пǎјтахт* 'столица'; 6), *munı ǎшік aka kılıп ǎdı* 'он сделал его распорядителем двора' (*ǎшік aka* 'распорядитель двора'; 26).

Форма основного падежа может быть также именной частью сказуемого, см. Б: *бу нав' іш іш ǎмǎсdur* 'такое дело — не дело' (14), *тар абзїң ǎрїр бунчǎ* 'твой узкий рот — бутон' (58), *кǎзі хїн-хар ǎmıш* 'глаза ее, оказывается, кровопийцы' (90); М: *јабраїл ǎjttı јабраїлтурман* 'Джабраил сказал: „Я Джабраил“' (6); Мах: *бу мударрїс ǎмǎсdur кїм...* 'тот не учитель, кто...' (24), ол *ма'їм ǎмǎс* 'это неизвестно' (92), *јалбанчї кїші ǎмǎс* 'обманщик — не человек' (162).

Наконец, в форме основного падежа выступают прилагательные, причастия и числительные, выполняющие функции определения, ср. А: *вајрǎн кǎнıjımǎ* 'моему разбитому сердцу' (176), *кутурбан ітгǎ* 'бешеной собаке' (89); СҚ: *тǎрт шахарнı* 'четыре города' (20а).

Вокативный падеж. Показателем вокативного падежа является аффикс -а. Данная форма не типична для староузбекского языка, и она наблюдается лишь в поэтических текстах.

Имя в вокативном падеже занимает обособленное положение в предложении, ср. А: *ја фǎлǎк јаврї нїǎрǎ јǎ сǎнıң дардїң мǎңǎ* 'или жестокости судьбы или причиненные тобой обиды выпадают мне, о красавица' (*нїǎр* 'красавица'; 6), *дїлбǎрǎ кǎл кǎл* 'о возлюбленная, приди, приди' (*дїлбǎр* 'возлюбленная'; 43); Б: *Бабїра хǎргǎз кулак шǎрїңба ол јїл салмадї* 'о Бабур, ни-когда та роза не прислушивалась к твоим стихам' (*Бабїр*; 42); Л: *нїǎрǎ сǎнсїзїн мǎндїн нǎ хǎсїл* 'о красавица, без тебя какой толк от меня' (*нїǎр* 'красавица'; 202а); Мух: *сǎкїја тут бǎдǎ* 'ǎй виночерпий, держи вино' (*сǎкї* 'виночерпий'; 8); ЭД: *зǎхїдǎ*

пандіңні кілмасман кабул 'о отшельник, советы твои я не принимаю' (зәхид 'отшельник'; 10).

Винительный падеж. Винительный падеж образуется при помощи аффикса *-ні ~ -ні*. У имен с притяжательным оформлением аффикс *-ні ~ -ні* может выступать в стяженной форме, без гласного, при этом соотношение полной и стяженной разновидностей таково, что последнюю из них следует считать исчезающей (или исчезнувшей) для 1-го и 2-го лиц и весьма употребительной для 3-го лица, для которого полный и стяженный варианты возможны приблизительно в одинаковой мере, ср. Б: *jūzūmni* 'мое лицо' (3), *sacīñni* 'твои волосы' (5), *jār jūzin* 'поверхность земли' (44), *sacīni* 'ее волосы' (46), *žamzā okīn* 'стрелу кокетливого взгляда' (82); ДН: *tāñriniñ kälāmīn* 'слово бога' (2306); Мах: *dīnini* 'свою религию' (23), *kälāmlārin* 'их слова' (27), *arpa žamīn* 'заботу о ячмене' (169); М: *ot dāñizini* 'море огня' (13); С: *ōz zavālīni* 'свой заход' (256); ТМ: *Si jāvuš kanīn* 'кровь Сиявуша' (97а), *tahtīni* 'его престол' (1096); ШН: *arībīni* 'его арык' (4), *āl kačīšīn* 'бегство людей' (65), *šaxar xālīn* 'положение города' (69), *sōzūmni* 'мое слово' (90). В тех случаях, когда аффикс *-ні ~ -ні* присоединяется к личным местоимениям 1-го, 2-го и 3-го лиц единственного числа или указательному местоимению *бу* (*бун ~ мун*), один *n* исчезает, например: *mān* 'я', *māni* 'меня'; *sān* 'ты', *sāni* 'тебя'; *bu* 'этот', *muni* 'этого' (ср. *munža* 'этому').

Главнейшая функция винительного падежа — обозначение прямого дополнения. В отличие от основного падежа, данная форма используется в этой функции тогда, когда прямое дополнение выражено именем собственным, прилагательным, местоимением, числительным или существительным в составе атрибутивной группы, а также существительным с морфологическими показателями принадлежности и числа, например, Б: *jūzūmni* 'мое лицо' (3), *ōzūmni* 'меня самого' (1); БН: *Farbānāni bārip ādi* 'он передал Фергану', (10), *Xiçārni albanda* 'когда он взял Хисар' (11), *atasīni* 'его отца' (14), *ol ulusni* 'тот улус' (15), *tört mīrzāni* 'четыре мирзы' (29); Мах: *žaman jaħišni* 'плохое и хорошее' (137); СҚ: *bīr tahtāni* 'одну доску' (5а), *tört šaxarni* 'четыре города' (20а), *Aħmadni* 'Ахмеда' (216), *bu aħ-дахāni* 'этого дракона' (946), *ħatunūni* 'твою жену' (103а); ШН:

subdāniñ āllāriñi 'людей Согда' (122), *bīzārni* 'нас', *jīllīk āzūkni* 'годовой запас продовольствия' (203).

Употребление формы винительного падежа для выражения прямого дополнения имеет место также при выносе его в абсолютную начальную позицию или при отрыве от глагольной формы, см. БН: *okni jaħiši atar ādi* 'он хорошо метал стрелы' (17), *nijkārlāriñi jaħiši saklap ādi* 'он хорошо содержал нукеров' (18), *kobuzni jaħiši čalur ādi* 'он хорошо играл на кобузе' (28).

Нарушение указанных принципов наблюдается преимущественно в поэзии и обусловлено требованиями размера, см. Б: *kojma-bumdur ātāiñ* 'не отпущу твой подол' (55), *salāmīm jētķūr* 'донеси мой привет' (198), *sōzūñ āšitśām* 'если я услышу твое слово' (201); С: *kōñjīl šāķār bīkīn āvzīñ kōrjūp* 'адам болдї 'сердце, увидев твой, подобный сахару, рот, обратилось в ничто (т. е. перестало существовать)' (196); ЭД: *vačlīñ mīlārmān* 'я прошу о встрече с тобой' (9).

В конструкциях персидского изафета аффиксом винительного падежа оформляется определение, например, Қ: *īšk-i ħakīkīni* 'истинную любовь' (II).

Вторая форма винительного падежа образуется при помощи аффикса *-(j)ī ~ -(j)i*, см. Қ: *ħitmā-jī mā'mūrumī* 'цветущий мой край' (II), *'aklumī* 'мой разум' (II); ТН: *kīlsa du'ājī* 'если он совершит молитву', *kōrmāsūn bālājī* 'пусть не увидит бед' (2896).

Эта форма необычна для староузбекского языка. Она появилась вследствие огузского влияния, и распространение ее ограничилось языком поэзии.

С первой формой винительного падежа совпадает усеченная разновидность формы сопряженного состояния (см. стр. 113).

Дательный падеж. Аффикс дательного падежа — *-ға ~ -гә ~ -ка ~ -кә*.

Форма дательного падежа обслуживает косвенное дополнение и обычно указывает на направленность действия, иногда — на его предел, см. Б: *kōñlūmā dard kēlūli...* 'с тех пор, как посетили мое сердце мучения...' (26); БН: *māñ āvāul bāg atka anī kīlāp ādīlār* 'вначале в „наставники“ мне они назначили его' (17); М: *sān Mōkkādīn Mēdīnāgā barurda...* 'когда ты отправлялся из Мекки в Медину...' (30); Мах: *alārğa* 'им' (8), *kābīlba tārbījāt kīlmaamak āzūmdur* 'не воспитывать способного —

несправедливость' (143), *таңдін акшамба* 'от зари до сумерек' (44); СҚ: *Мәккәй баралы* 'пойдем-ка в Мекку' (21а); ШН: *јаҳшӣрак сән мәңә өз облумдін* 'ты для меня лучше сына родного' (191).

В зависимости от семантики управляющих имен или глаголов формы, образованные при помощи аффикса *-ба ~ -гә*, могут отвечать на вопросы „чем?“ и „как, в качестве кого, чего?“, см. БН: *Шахрухӣјаба машхӯрдур* 'известен как Шахрухия' (2), *Хадарвәшка мавсӯмдур* 'именуемая Ха-дервиш' (5), *бу әлчи әурба машхӯр әкәндур* 'этот посол известен (своей) силой' (26); НМ: *бір чібін су ічәргә машбӯлдур* 'одна муха занята тем, что пьет воду' (146а).

Форма дательного падежа, образованная от отглагольных имен, выражает преимущественно цель или назначение действия, см. БН: *курбан бәркәтмәкликкә баш кәрәк* 'чтобы укрепить крепость, нужна голова' (115).

Другая форма дательного падежа имеет в качестве показателя *-а ~ -ә*, см. А: *сачиң зәнїїринә* 'оковам твоих волос' (114); Қ: *хијр отіна* 'в огонь разлуки' (1); Л: *јанәніма* 'моей возлюбленной', *султәнима* 'моему повелителю' (196а); Мб: *мухаббат бахрїна* 'в море любви' (1), ТН: *Бахрәма* 'Бахраму' (273а), *раҳїма* 'милостивому', *пәрвәрдігәрә* 'созидающему' (274а), *оқуңнуң каршусїна* 'против твоей стрелы' (2776); ЧД: *бојнума* 'на мою шею' (246), *көксүмә* 'моей груди' (31а); ШН: *көзүмә* 'в мои глаза' (172).

Эта форма в отношении границ и размеров употребления соотносится с первой приблизительно так же, как форма винительного падежа на *-(j)ı ~ -(j)i* соотносится с формой на *-нї ~ -нї*. Учитывая все случаи морфологического параллелизма в староузбекском литературном, или, точнее, поэтическом, языке, можно говорить о наложении в нем одной на другую двух разных диалектных парадигм склонения — староузбекской и старотурецкой, шире, огузской.

Местно-временной падеж. Форма местно-временного падежа образуется при помощи аффикса *-да ~ -дә*.

Местно-временной падеж выражает пространственные, временные и другие отношения, ср. БН: *кавун маҳалда* 'в сезон дынь' (2), *кітабларда* 'в книгах' (6); ДН: *мән әмді хастї ва*

бам артмакда *хајәлїң алїда јән тартмакда* 'я болен теперь, увеличиваются печали, и пред твоим образом душа страдает' (257а); Мах: *адамїлїбда* 'в человечности', 'в отношении человечности' (50); СҚ: *рӯзә ајїнїң јстїнчі күнїндә* 'на седьмой день поста' (4а), *мәнің карнїмда* 'в моем чреве' (84а), *көңлїндә* 'в его сердце' (566); ЭД: *бәбїңда* 'в твоём саду' (3), *башїмда* 'в моей голове' (6).

В редких случаях, когда аффикс *-да ~ -дә* присоединяется к именам — названиям городов и областей, форма местного падежа выражает направление действия, см. БН: *Кундузда кәлїп мәңә катїлдїлар* 'придя в Кундуз, они присоединились ко мне' (11), *Хорасәндін Кабулда кәлдїләр* 'они пришли из Хорасана в Кабул' (13), *Хїсарда кәлгәндә* 'когда пришли в Хисар' (37); Мадж: *Самаркәндда барбәнда* 'когда отправились в Самарканд' (44а).

Иногда аффикс *-да ~ -дә* употребляется в значении исходного падежа, см. БН: *Хїнд фатхїда соң* 'после покорения Индии' (108).

Исходный падеж. Приметой исходного падежа является аффикс *-дін ~ -дін*, иногда выступающий в виде *-тін ~ -тін*, но всегда с узким гласным.

Основное значение исходного падежа — исходное, как в смысле обозначения одного из пределов материала или среды, действия, движения и времени, так и в своеобразном восприятии того, с чем что-либо сравнивается, см. А: *мәңә сәнсіз тірілгәндін өлїм јүз катла артыкрак* 'мне, чем жить без тебя, во сто раз лучше умереть' (80); Б: *мундін јахшї* 'лучше этого' (15), *көздін учтї ујку* 'из глаз улетел сон' (39); БН: *Андїјәннїң нәшбә-тїсдін јахшїрак нәшбәтї болмас* 'груш, лучше андижанских, не бывает' (2), *Султән Махмуд мїрзәдін кічїг...* 'он был моложе Султана Махмуда мирзы...' (8), *андін бір кїз болуп әді* 'от нее была одна девочка' (15); М: *сїттін акрак* 'белее молока' (18); Мах: *түлкү кујрубїдін* 'из хвоста лисицы' (60), *јахїлїкдін бәса'адатлїкрак нә нәмә бар* 'что является большим несчастьем, чем невежество' (100), *алардін јахшїрак* 'лучше их' (50); СҚ: *Јабра'їлдін сордум* 'я спросил у Джабраила' (5а), *Каф табїдін нарї* 'с обратной стороны горы Каф' (146), *сән-дін зәхїдрак* 'более отшельник, чем ты' (816); ЧД: *башїндін*

ажабінба 'от твоей головы до ног' (916); ШН: *хан кәлішідін бурна* 'перед приходом хана' (78), *хәчкімдін* 'ни от кого' (164).

Форма исходного падежа выражает также значения:

— транскрессивности, см. А: *өтә чікті бајрдің тіјрі-і зам-заң* 'прошла сквозь грудь стрела твоего кокетливого взгляда' (46); БН: *Хојанддін өтіп* 'пройдя Ходженд' (40), *іккі навбат мурӯрміз анің віләјатідін вәкі* 'дважды нам довелось переходить через его вилайет' (147); ШН: *куш уча алмас әді жарлардін* 'птица не могла перелететь через его рвы' (44), *шахардін өткән* 'после того, как прошли через город' (133), *кәчәлі дарјаддін* 'перейдем-ка через реку' (158), *ол өгүздін өтү-бән* 'перейдя ту реку' (187);

— причины, причинного обоснования, см. Б: *тәләбә болмак-лікдін* 'из-за того, что он безумный' (42); БН: *бу јихатдін бу їсмға мавсӯмдур* 'позтому он назван этим именем' (5), *алар бу кәлмәкдін усанділар* 'они тяготились этим приходом' (21); ДН: *бу јазукдін ані өлтүрсә болмас* 'за этот грех нельзя убивать его' (2476); НМ: *шәдләбдін јібларман* 'я плачу от радости' (1176); ӘД: *јәтмәдін вәсләңа јол алусдін* 'я не встретился с тобой из-за дальности дороги' (3);

— партитивности, см. БН: *Омар-шәјх мірзәнің җарәмлардін* 'из жен Омар-шейха мирзы' (15), *мундак сипахї ва әлі та-кйбудәк јігімләрдін хәјлі бар әді* 'таких молодцев, которых бы знали воины и народ (его), было много' (54), *Бухара чабрідін ічәр әдім* 'я пил бухарское вино' (61); Мадж: *шу јүмләдін* 'в том числе' (25а); СҚ: *бу та'амдін јәңіз* 'поешьте этой пищи' (53а), *ол халајік ол судін ічәр әрдиләр* 'те люди напились той воды' (86а); ӘД: *јәмәдін бабінда вәсл алусдін* 'я не срывал в твоём саду слив соединения' (3);

— посредства, см. БН: *бу бәндні јасамаз үчүн Хојә Кә-ләндін јармак јібарілді* 'для постройки этой плотины были посланы деньги через Ходжу Калана' (171);

— продольности-касательности, см. БН: *бізнің аләмзідін өтәр әді* 'они проходили мимо нас' (197), *башіңіздің өтті* 'она пролетела мимо вашей головы' (200); СҚ: *хәч кімәрсә ол јолдін өтә алмас әрді* 'никто не мог пройти по той дороге' (936); ТМ: *маңлајдін өпүп* 'поцеловав его в лоб' (115а); ШН:

хан ані кучті ва өпті јүзідін 'хан обнял его и поцеловал в лицо' (30);

— лишения, см. БН: *әлік ажабдін калп* 'оставшись без рук и ног' (219).

Особое место форма исходного падежа занимает в устойчи-вых сочетаниях, см. Мах: *көпдін көп* 'очень много', *аздін аз* 'очень мало', *јамандін јаман* 'очень плохой' (76).

Предельный падеж (предельно-пространственный и предельно-объемный). В староузбекском языке широко употреб-ляются две формы предельного падежа, одна из которых обра-зуется при помощи аффикса *-бача* ~ *-гәчә*, другая — при помощи аффикса *-ча* ~ *-чә*.² Эти формы, возможно, имеют общее про-исхождение, и содержание их отчасти совпадает. Так, обе формы могут выражать предельно-пространственные, предельно-времен-ные и предельно-количественные отношения, см. Абушқа: *бур-навҗича* 'по-прежнему' (148); Б: *түнҗичә* 'до ночи' (67); БН: *бу та'рихкача* 'до этого времени' (148); Мадж: *оттуз јашка ја-кінбача* 'почти до 30 лет' (63а); Мах: *ахшәмбача* 'до вечера' (128); Мух: *бір дірамдін јүз түймәңгичә* 'от одного дирама (дир-гема) до ста туманов' (2); НМ: *качанча* 'до какого времени' (58а); ТМ: *јәмән худудибача* 'до границ Йемена' (926); ШН: *јәнімиз барича* 'пока будут существовать наши души' (54), *кйш-кача* 'до зимы' (60), *іккі ајбача* 'до двух месяцев' (167), *көзічә* 'до его глаз' (180).

При наличии нескольких точек соприкосновения содержание той и другой формы все же различается. Если первая форма указывает на предел в местно-временном плане, определяя на-правление, то вторая выражает его главным образом путем со-поставления, так что доминирующим оказывается объемно-каче-ственный план, см. А: *кйлча јәнім бар* '(пока) у меня есть душа (хоть) с волосок' (43); БН: *Әсән Давлат-бәкімчә* 'как Әсан Давлат-беким' (31), *рубї мәскүндә Самаркандча шахар кәм-ракдур* 'в обитаемом мире мало городов, подобных Самарканду' (55), *Кабул карича* 'как снег в Кабуле' (57), *імкәні барича* 'на-сколько возможно' (74), *біләкчә* '[величиной] с кисть руки' (176), *буларча* 'как эти', '[величиной] с эти' (191); Л: *сәнчә* 'как ты

² Очевидно, из *чаблғ* 'подобный', см. Мах: *јәмәлі орта чаблғдур* 'ее красота средняя' (56).

(1886); НМ: *könläkçä olтуруп әрді* 'он сидел в одной рубашке' (51a; в данном случае, возможно, недописан конечный *н*); СҚ: *бір ајча* 'с месяц', *бір хафтајча* 'с неделю' (226); ШН: *мәнчә* 'как я' (181).

В связи с указанной выше специализацией значения аффикса *-ча ~ -чә* образует:

— неопределенно-количественные или приближенные числительные (от количественных числительных, вопросительных и указательных местоимений), см. Б: *нәчә* 'сколько' (63); Л: *мунча* 'столько' (1796), *анча* 'столько' (185a); НМ: *бірнәчә* 'несколько' (18); ШН: *jәti jüçä* 'около семисот' (36), *миңчә* 'около 1000', 'с тысячу' (64), *алтә миңчә* 'около 6000' (86), *әлликчә* 'около пятидесяти' (207), *кәркча* 'около сорока' (208); ср. также: *нәчә ким, хәрнәчә ким* 'сколько (бы) ни';

— ограничительные формы отглагольных имен, см. Ах: *ол киші ким сәни чалар билүчә калдә бәлә дастәда ол әлгүчә* 'у того человека, который играет на тебе, до того, как узнает, будет беда с руками до самой его смерти' (327a); БН: *әликдін кәлгәнчә* 'насколько удастся' (73); ДН: *ані күүдүрмәинчә билсә болмас* 'его нельзя узнать, пока ни сожжешь' (247a), *јумуп ачкәнчә көзін* 'в мгновение (букв.: 'закрыв, пока ни откроешь глаза') (2656); Мах: *таң аткунча* 'до рассвета' (126), *бішкармабүнча* 'до созревания' (163); МЛ: *дардә анің тінмабурча* 'пока не утихнет его боль' (19); Мух: ... *ба'зіні кә аңлатса болбај хәр лафз тафхәмә үчүн нәчә лафзәні тәркіб килмабунча болмас* '...некоторые можно объяснить, однако при объяснении каждого такого слова невозможно обойтись без соединения нескольких слов' (8); ШН: *Ташкәнд әшигі ачлбунча* 'до того, как откроются ворота Ташкента' (148); Ә: *та сәниң ајабүннә кәтәрмәинчә*... 'пока не поднимут твою чару...' (3346).

Ряд форм, образованных присоединением аффикса *-ча ~ -чә*, постепенно обособляется и претерпевает существенные изменения в семантическом плане, ср. БН: *мобулча* 'монгольский', *тәкчә* 'галлерейка' (61), *јавукча* 'около' (65), *ошмунча билә* 'вот с этим' (156), *әзгәчә* 'другой' (162), *бунча* 'этакий' (263); Мух: *бу тјүркчәдә* 'на этом тюркском языке' (10), *бу кјүнгә дәгінчә* 'до этого дня' (19); СҚ: *барча* 'все' (71a).

Уподобительная форма

Уподобительная форма примыкает к падежной парадигме. Только наличие некоторых частных особенностей (например, то обстоятельство, что аффикс *-тәк ~ -дәк*... не подчиняется гармонии гласных и может быть отнесен к частицам) препятствует ее рассмотрению в одном ряду с падежными формами.

Первый аффикс уподобительной формы — *-тәк ~ -дәк*... Данная форма обозначает объект сравнения, производимого по признаку сходства, см. Б: *јәнәмдәк* 'как моя душа' (1), *мәндәк* 'как я', *сәндәк* 'как ты' (24), *кујаштәк* 'как солнце' (56), *көң-лүңдәгидәк* 'как то, что находится в твоём сердце' (253); БН: *атасәдәк* 'как его отец' (52), *шамдәк* 'как свеча' (166); Л: *кө-зүңдәк* 'как твои глаза' (180a); С: *јаз јамбуритәк* 'как весенний дождь' (20a); ШН: *бөридәк* 'как волк' (79).

Местоимения с аффиксом *-тәк* очень часто выступают в форме сопряженного состояния, см. А: *сәниңтәк* 'как ты' (106); Ах: *сәниңдәк* 'как ты' (3266); БН: *бізніңдәк* 'как мы' (75), *аніңдәк* 'как он', *муніңдәк* 'как этот' (220); МН: *сізіңдәк* 'как вы' (3006, см. Add. 7914); ШН: *ошмунуңдәк* 'подобно вот этой' (85).

Уподобительный аффикс, как правило, находится в абсолютном конце слова, и другие морфологические показатели присоединяются к нему лишь в единичных случаях, см. Ах: *танбүр-рәтәкләр билә* 'с теми, что подобны танбуру' (327a), *танбүр-рәтәкниң сөзі* 'слово того, который подобен танбуру' (328a); МН (Add. 7914): *бізіңтәкләргә* 'таким, как мы' (298a).

С указательными местоимениями аффикс *-тәк* образовал застывшие формы, став при этом словообразовательным элементом, см. БН: *ошандак* 'вот такой' (83); Л: *андак* 'такой' (1706); Мух: *мундак* 'такой' (25); НМ: *ошундак* 'вот так' (726).

Несколько своеобразны с семантической стороны уподобительные формы, образованные от имени действия на *-бу ~ -гү*. Как справедливо указывает Мехди-хан, они выражают либо значение способности (намерения?) (معنى قابليت), либо значение сходства-подобия (معنى مماثلت و مشابهت),³ см. А: *каш јасән тартіп көзүң хәрдам јүрәкні јарбутәк* 'твои глаза,

³ См.: Мабәни' л-луғат, стр. 60. — См. также Мухәкамат ал-луғатайн, стр. 18.

и вами' (2); Б: *лабіңнің кашіда* 'перед твоими губами' (9); БН: *мірзәнің үстігі* 'на мирзу' (7), *әлінің арасіда* 'среди его народа' (3); Л: *аніңдәк* 'как она' (180а); НДж: *мәніңдін* 'от меня' (96); СҚ: *аршнің алдінда* 'перед престолом' (166), *Каф табінің ортасінда* 'посередине горы Каф' (14а), *мунуңдәк* 'подобно этому' (586).

Обычно форма сопряженного состояния предшествует определяемому члену с аффиксом принадлежности. Однако в поэтических произведениях это правило нередко нарушается: допускается отрыв определяемого члена и постановка его перед формой сопряженного состояния, см. Б: *ачілді көңлі чү ачтің сачіңні Бабурынң* 'открылось сердце Бабура, как только ты распустила волосы' (5), *мәнің жоктур мурадім* 'у меня нет желания' (39); Мах: *нә бам 'адүсі анің бір жок әрсә жүз болбай* 'что за беда, если не один враг будет у него, а сто' (17); ШН: *турді нүкәрләрі ол бәіләрнің* 'встали нукеры тех беков' (177).

Члены рассматриваемой конструкции не обязательно следуют непосредственно друг за другом. Между ними могут размещаться отдельные слова и целые сочетания, см. БН: *Султан Мухаммад ва Султан Ахмадбәг Шайбани-ханнің кәліп Шіраэ-да ол наваҳіні чапкан хабаріні тапіп јаніптурлар* 'Султан Мухаммед и Султан Ахмед-бек, получив известие о том, что Шейбани-хан пришел и совершил набег на Шираз и на его окрестности, вернулись' (69), *Андіјаннің бәркәтгән хабарі мәңә кәлді* 'весть об укреплении Андижана дошла до меня' (78), *бізнің кәйтп Хакан арібідін өтүп түйә јәргә түймәзіміз тајрбәсізәлібдін әді* 'то, что мы, возвращаясь после переправы через арык, не вышли на ровное место, произошло вследствие неопытности' (130).

Возможно самостоятельное, „предикативное“ употребление формы сопряженного состояния, без определяемого члена, см. БН: *бу бәйт аніңдур...* 'этот стих — его...' (17), *чахәр дәң мірзәнің болбай* 'четыре части будут принадлежать мирзе' (213); Мадж: *бу матла аніңдур* 'этот стих — его' (146); НМ: *бу тафл кімніңдур?* — *Атам дәді бізнің* 'этот ребенок чей? — Мой отец сказал: наш' (154а); СҚ: *бу Мәккә бізін турур* 'эта Мекка — наша' (216), ... *бірі сәнің турур, бірі мәнің* '...одна из них —

моя, другая — твоя' (806); ШН: *хум анің бәдә анің јәм анің* 'кувшин — его, вино — его, чаша — его' (4).

Когда в форме сопряженного состояния выступают местоимения, определяемый член, как правило, не оформляется аффиксами принадлежности, см. БН: *бізнің әл* 'наш народ' (53), *бізнің бәіләр ва јуімләр* 'наши беки и дружинники' (74); ШН: *бізін хан* 'наш хан' (91). Таким образом, в сфере местоимений форма сопряженного состояния преобразуется в падежную форму.

Необходимо также отметить, что конструкция сопряженного состояния бывает простой (двучленной) и сложной (многочленной), с последовательным соединением нескольких определений, из которых каждое последующее является определяемым членом по отношению к предыдущему, см. БН: *Акбуға-бәғнің ағасінің нәсідіндур* 'из рода старшего брата Акбуга-бека' (16), *мәнің анамнің анасі* 'мать моей матери' (18).

Формы лица-принадлежности („Изменение имени по лицам“)

Имена изменяются по лицам при помощи личных аффиксов-частиц и аффиксов принадлежности.

Личные аффиксы-частицы — не что иное, как личные местоимения *мән, сән, біз, сіз, ол*, используемые для выражения предикативности, ср.: *атаман* 'я — отец', *атасан* 'ты — отец', *атабіз ~ аталарбіз* 'мы — отцы', *атасіз ~ аталарсіз* 'вы — отцы'.

Аффиксы принадлежности — *-м, -міз ~ -міз ~ -муз ~ -мүз* (1-е л. ед. и мн. ч.), *-ң, -ңіз ~ -ңіз ~ -ңуз ~ -ңүз* (2-е л. ед. и мн. ч.), *-і ~ -і* (3-е л. ед. и мн. ч.), которым могут предшествовать соединительные гласные в 1-м и 2-м лицах — для избежания стечения согласных, и согласный *с* в 3-м лице — для устранения зияния. Примеры:

1-е л. ед. ч.	<i>көңлім</i> 'мое сердце' (<i>көңүл</i> 'сердце')
	<i>јүзүм</i> 'мое лицо' (<i>јүз</i> 'лицо')
	<i>бәлім</i> 'моя печаль' (<i>бәл</i> 'печаль, забота')
	<i>анам</i> 'моя мать' (<i>ана</i> 'мать')
	<i>ајағім</i> 'мои ноги' (<i>ајақ</i> 'нога')

1-е л. мн. ч.

köñlijimiz 'наше сердце'
jānīmiz 'наша душа'
kīshimiz 'наши люди'
közümüz 'наши глаза'
kolumuz 'наши руки' (*kol* 'рука')
jüzümüz 'наши лица'

2-е л. ед. ч.

labıñ 'твои губы' (*lab* 'губа, губы')
közüñ 'твои глаза' (*köz* 'глаз, глаза')
kuşağıñ 'твои уши' (*kuşak* 'ухо, уши')
abıñ 'твой рот' (*abı* 'рот')
bamzañ 'твой кокетливый взгляд'
 (*bamza* 'кокетливый взгляд')

2-е л. мн. ч.

köñlijüñiz 'ваши сердца'
sözjüñiz 'ваши слова' (*söz* 'слово')
anañiz 'ваша мать' (*ana* 'мать')
bojnuñiz 'ваша шея' (*bojun* 'шея')
adūsi 'его враг' (*adū* 'враг')
xatunı 'его жена' (*xatun* 'жена, женщина')

3-е л. ед. и мн. ч.

šli 'его народ' (*šl* 'народ')
bojunları 'их шеи'
kanları 'их кровь'

Формы принадлежности 3-го лица, образованные от некоторых групп местоимений и числительных, передают партитивно-выделительные значения, ср.: *baʼzi* 'некоторые (из них)', *barcası* 'все (из них)', *xärkajsci* 'каждый (из них)', *ikkici* 'двое из них', *xär ikkici* 'оба', *birı*, *birici* 'один из них', *jüäläci* 'трое из них', *ikkinci* 'второй из них', (*xär*) *ikkäläci* 'оба', *näçäci* 'сколько из них', *xär birici* 'каждый из них', *ikkävmez* 'мы двое', *bular jümläci* 'все эти', *ikkälämiz* 'мы двое', *butlar barcası* 'все идола' (= *барча бутлар*), *birnäçäci* 'несколько из них', *ortançısı* 'средний из них', *törtäläci* 'четверо из них', *birimiz* 'один из нас'.

Аффикс *-rak* с аффиксом принадлежности 3-го лица выражает значение превосходной степени и значение партитивности, см. Мах: *adamıñ jaşırağı olur...* 'лучший из людей тот...' (155), *gäda köprägi* 'большинство нищих' (50); Рқ: *barça xalajıknıñ jamanraqı* 'худшие из всех людей' (1446).

При наличии нескольких имен, выполняющих одинаковые синтаксические функции, аффиксом принадлежности нередко оформляется только последнее из них, см. Б: *дard va bamım* 'мои боли и заботы' (3); БН: *kavun va jüzümü* 'его дыни и виноград' (2); Мах: *xusn va jamali* 'прелесть и красота ее' (56).

Формы принадлежности, образованные от отглагольных имен, напоминают формы полной вербальности (ср. *Verbum finitum*) и развиваются именно в этом направлении, см. МЛ: *алмабım* 'мое взятие', *kälmaım* 'мой приход', но *алмабум* 'я не возьму', *kälmaıjım* 'я не прииду' (15), *алмıшам* 'я взял', *алмıшаң* 'ты взял' (22). Ср. также со связкой — БН: *kılbumızdur* 'мы должны будем сделать' (451). При этом формы типа *ajlädjäm* 'я сделал', *абладубам* 'я плакал' встречаются только у „тюрок Рума“, см., например, у Фузүли. Языком „тюрок Рума“ ограничивается и употребление форм принадлежности 1-го, 2-го и 3-го лиц в качестве определений, см. МЛ: *ajlädjüñ axsanlar* 'добрые дела, совершенные тобой', *kördjüñ köñlijm* 'виденное тобой мое сердце' (21). В староузбекском языке такие конструкции возможны лишь для 3-го лица и являются чрезвычайно редкими, см. СҚ: *таңдасı күн* 'следующий день' (29а).

Ср. также случаи полного обособления данной формы, например, БН: *артуксі* 'больше', 'большей частью' (210).

Формы числа

Форма единственного числа совпадает с основной формой, форма множественного числа имеет особые грамматические показатели.

Установить строгое разграничение форм единственного и множественного числа в семантическом плане довольно трудно, так как многие выражаемые ими значения близки между собой.

Форма единственного числа, т. е. неформленное имя, может иметь содержание, безотносительное к понятию числа, например, в сочетании с количественными или неопределенно-количественными числительными, см. Б: *ikki sacıñ bilä* 'с двумя твоими волосками' (39); БН: *bisjār jılan* 'много змей' (5),

бунча *jīl* 'столько лет' (18), *bāsh kūn* 'пять дней' (36), *ikkī māvā* 'два фрукта' (56); СҚ: *барча маблўкатнїң jānī* 'души всех смертных' (56). При этом сочетание с числительным *bīr* выходит за пределы данного типа. Имя, входящее в подобное сочетание, почти всегда содержит значение единичности, тогда как само числительное превращается в своего рода неопределенный артикль, см. БН: *bīr jīnc anār* 'один сорт граната' (один — не единственный, а как представитель определенного вида) (4), *bīr mājlīcdā* 'на одном собрании' (6); СҚ: *takī maşrīk sarī bīr şaxar bar turur* 'на востоке есть один город' (23а), *bīr kūn* 'однажды' (93а).

Форма единственного числа выражает, кроме того, значения собирательности, парности, видовой принадлежности и т. д., см. А: *kōz bilā* 'глазами' (78); Б: *кулабїң* 'твои уши' (58); БН: *могул ва ўзбўк jīxatīdīn* 'со стороны монголов и узбеков (монголами и узбеками)' (2), *šlī tūrk tur* 'население его — турки' (3), *šlī sart tur* 'население его — сарты' (4), *kavun va jūjūmī jaşūī bolur* 'дыни и виноград (в нем) бывают превосходные' (2), *ak kījīk bugu-maral kīrvavul va tavuşkanī kōp bolur* 'белых кийиков, бугу-маралов, фазанов и зайцев много' (5), ... *чупчук бўзўк болбандур* '...у воробьев бывала лихорадка' (5); Мах: *јалбанї кїші ўмас* 'обманщик — не человек' (162); ШН: *јасансун lāşkār* 'пусть будет снаряжено войско' (55).

Форма множественного числа образуется при помощи аффикса *-лар ~ -lār*, присоединяемого ко всем именам, когда они выступают самостоятельно. Имена, выполняющие функции определений, аффиксом *-лар* никогда не оформляются.

Форма множественного числа выражает значения парности, собирательности и неопределенной множественности, например, А: *kōzlārīm* 'мои глаза' (78, 176); Б: *барча пәрїлār* 'все пери' (30), *kōzlārīң* 'твои глаза' (54); БН: *бу тағларда* 'в этих горах', *kītablar da* 'в книгах' (6), *хатунларї...обланларї...аналарї* 'его жены...сыновья...мать' (14); Мах: *јахшїлар* 'добрые' (171), *булар* 'эти', *самандарлар* 'саламандры' (92); СҚ: *bīzlār* 'мы' (40а), *cīzlār* 'вы' (526), *бутлар* 'идолы' (71а), *kīm-lār* 'кто' (73а), *şījūplār* 'благодарности' (836); ШН: *барча мїрзалар* 'все мирзы' (37), *барї нїкәрләр* 'все нукеры' (54), *cīzlārı* 'вам' (159).

Как и неоформленное имя, форма множественного числа может выражать значение безотносительно к понятию числа, ср. БН: *jūz tashvīşlar* 'сотня хлопот' (241); ШН: *барча мїрзалар* 'все мирзы' (37), *барї нїкәрләр* 'все нукеры' (54).

Выражение значения единичности формой на *-лар ~ -lār* имеет место при употреблении ее для передачи различных субъективных оттенков отношения (ср. *Pluralis maestaticus*). Примеры. БН: *мәнің вәлїдәларım* 'моя родительница' (66); НМ: *jūzlārın Jēmān sarī kīlīp* 'обратив свое (букв.: их) лицо в сторону Йемена' (106), *кабрларї Балхдадур* 'его (букв.: их) могила в Балхе' (2066).

Семантическое обособление аффикса *-лар ~ -lār* приводит к образованию особой группы наречий, ср. Б: *kēčālār* 'по ночам' (39), *јарım kēčālār* 'в полуночное время' (51); БН: *kūzlār* 'осенью' (3), *бурунлар* 'прежде', *соңралар* 'после' (9), *јахшїлар* 'хорошо' (19), *ахїрлар* 'наконец' (23), *јазлар* 'летом' (157), *kīş-lār* 'зимой' (160); Л (А. 109): *kēčālār* 'по вечерам' (17); Мах: *jīllar* 'годами' (37).

Характерно, что и сами наречия присоединяют к себе указанный аффикс, см. БН: *эмдїлār* 'теперь' (280); ШН: *андалар* 'там' (82).

Помимо формы на *-лар ~ -lār* в староузбекском языке встречается еще несколько форм множественного числа, однако эти формы имеют ограниченное распространение и являются непродуктивными. Почти все они заимствованы из других языков, в составе лексических элементов.

Среди непродуктивных форм множественного числа наиболее значительное место занимают арабские формы (так называемое „ломаное множественное“), которые в староузбекском языке не всегда сохраняют свое первоначальное значение, ср. БН: *avkāt* 'время' (*vakat* — ед. ч.; 108); Мадж: *şu'arā* 'поэты' (*şā'ir* — ед. ч.; 146), *aş'arī* 'его стихи' (*şā'ir* — ед. ч.; 166), *ḫalā'īk* 'люди' (*ḫalīkā* — ед. ч.; 18а), *'ylāmā* 'ученые' (*'alīm* — ед. ч.; 90а), *'ylīm* 'знания' (*'ilm* — ед. ч.; 100а); Мух: *māmālik* 'страны' (*mīlk* — ед. ч.; 4), *kāvākīb* 'звезды' (*kōvkāb* — ед. ч.; 21), *rasā'il* 'сочинения' (*risāla* — ед. ч.; 23), *давāvīn* 'диваны' (*dīvān* — ед. ч.; 24); НДж: *maşā'ij* 'шейхи' (*şā'ij* — ед. ч.; 46); С: *salātīn* 'султаны' (*suḫtān* — ед. ч.; 76); ТМ: *ḫavādīs* 'со

бытия' (*ḥadīṣā* — ед. ч.; 106а), ср. БН: *aḥādīṣ* 'предания' (3); ШН: *funḡn* 'науки' (*fān* — ед. ч.; 21).

В связи с тем, что собственное значение арабских форм проявляется только факультативно, последние могут присоединять к себе аффикс *-лар* ~ *-lār*, см. Мадж: *akābīrlar* 'вельможи' (*kabīr* — ед. ч.; 36), *abjātlar* 'стихи' (*bāj* — ед. ч.; 24а); ТН: *salātīnlar* 'султаны' (*suḡlān* — ед. ч.; 2846).

По аналогии с арабскими формами множественного числа образуются подобные формы и от некоторых слов неарабского происхождения, ср. БН: *ḡavatīn* 'жены' (*ḡatun* — ед. ч.; 25); Мах: *aṣṣalḡa* 'спинная часть дичи от шеи до поясницы' (*ṣīralḡa* — ед. ч.; 52).

Особо должны быть выделены формы арабского двойственного числа, см. БН: *ḡamsatājn* 'две „пятерицы“' (298); Мах: *kāvnājn* 'миры' (9), *katībājn* 'писцы' (43).

Следующая группа — формы персидского множественного числа, см. ШН: *kalmaḡan* 'калмыки' (*kalmaḡ* — ед. ч.; 123).

К последней группе, возможно, относятся и формы с аффиксом *-ат* ~ *-āt*, которые предположительно следует считать монгольскими, см. БН: *maḡallāt* 'предмесья' (*maḡallā* — ед. ч.; 3), *bājt* 'беки' (*bāj* — ед. ч.; 46), *tumanāt* 'туманы' (*tuman* — ед. ч.; 60), *aḡmaḡat* 'аймаки' (*aḡmaḡ* — ед. ч.; 191), *böljāḡt* 'округи' (*böljāḡ* — ед. ч.; 172), *bāḡat* 'сады' (*bāḡ* — ед. ч.; 172).

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕНИ

Понятие словообразования тесно связано с образованием вторичных основ.

Вторичные основы образуются при помощи разных аффиксов, которые одинаковы для имени вообще или для нескольких групп имен, или же характеризуют какую-либо именную группировку в отдельности.

Общими или относительно общими являются аффиксы, образующие абстрактные имена, формы лишения и т. д., описание которых следует ниже.

Единственный аффикс, придающий именам отвлеченное значение, — *-līk* (*-līb*) ~ *-lik* (*-liḡ*). Выступая нередко со звонким согласным в исходе, он совпадает с аффиксом, образующим

относительные формы существительных, ср. Б: *ṣādmānlīb* 'радость' (125), *āṣnālīb* 'знакомство', *bāṣafālīb* 'неверность' (148); Мах: *joklūḡ* 'отсутствие', *barlīb* 'присутствие' (14), *aḡlīb* 'голод', *jalānḡaḡlīb* 'раздетость' (19) и, наоборот, т. е. с этим аффиксом часто совпадает аффикс относительных форм, имеющий в конце глухой согласный, см. БН: *Baḡrā wa ḡḡṣāb olṡuruṣlūḡ* *bāḡlūḡlarḡa* 'к белуджам, живущим в Бахре и Хушабе' (289). Различение того и другого возможно лишь при учете лексико-грамматического значения основ, к которым они присоединяются: первый может оформлять любое имя, сфера употребления второго ограничена существительным.

Значение отвлеченности относится к общим случаям проявления грамматической семантики аффикса *-līk* ~ *-lik*. Частными являются значения места, должности, занятия, профессии и т. п. Примеры: БН: *kīḡlīk* 'младенческий возраст' (15), *jaḡṣlīk* 'добрые дела' (28), *kīṣlīk* 'зима', 'зимнее время' (56, 107), *āṣpāzlīk* 'харчевня' (59), *kūjāvlīk* 'положение зятя', *nāmarḡlīk* 'трусость' (72), *bāḡlīk* *marṡabāṣī* 'должность бека' (79), *moḡulīk* 'монгольское происхождение' (80), *jaḡānīrlīk* 'миродержавие' (206); Мах: *barlīb* 'присутствие', *joklūḡ* 'отсутствие' (14); Мух: *josunlūḡ* 'способ', 'образ' (16); НМ: *susuzlūḡ* 'безводие' (206); ШН: *okumaḡlīk* 'чтение' (183), *ḡāḡkīmlīk* 'никто' (101).

В исключительно редких случаях аффикс *-līk* ~ *-lik* привносит значение собирательности, см. БН: *atalīk* *oḡulīk* *arasīda* 'между отцом и сыном' (51). В данном примере его можно рассматривать и как разновидность „парного“ аффикса.

С отглагольными именами на *-ḡu*, *-maḡ* и др. аффикс *-līk* ~ *-lūḡ* образует формы, фактически ничем не отличающиеся от исходных. В таких формах он как бы подчеркивает типологические черты имени и не выражает никаких специальных значений, см. БН: *ol ḡuḡurnī mu'ajḡan bīḡlīḡlīḡ jārḡā kīlurḡar* 'такую яму делают в определенном приметном месте' (177); ЭД: *jūḡjūḡmaḡlīb bīlā* 'со скитаниями' (3). Ср. параллельное употребление, БН: *iḡlīḡlīḡkā tūṣār ēdī* 'он впадал в запой' (24) и *iḡlīḡtī tūṣmī* 'он впал в запой' (204). У Мехдī-ḡана подчеркивается особый оттенок формы типа *alḡulūḡ*, ср. *alḡulūḡ* = گرفتگی, т. е. 'он намеревается взять'.⁶

⁶ Мабани' а-луḡат, стр. 58.

Сочетаясь с именем действующего лица, *-lġk ~ -lġk* обозначает род занятий, а также отрезки времени, в течение которых происходят привычные действия, см. БН: *ахтачġлġk* 'занятие конюха' (19), *кушчġлġk* 'разведение птиц', *јадачġлġk* 'вызывание дождя' (49), *ġlġlġk* 'миссия посла' (51), *тġшчġлġk* 'полдень, обеденное время' (52), *бузукчġлġk* 'бесчинства', 'нанесение вреда' (79), *бунчачġлġk* 'положение наложницы' (211); Мадж: *накарġчġлġk* 'игра на барабане' (16а); Сан: *аламанчġлġk* 'грабеж' (496), *бġр кġнчġлġk* 'время в течение одного дня' (1456), *тġшчġлġk* 'полуденное время' (178а).

Именная форма привативности (лишения) образуется путем присоединения к именам аффикса *-sġz ~ -sġz*. Примеры: А: *сġнсġz* 'без тебя' (63); Б: *ансġz* 'без нее' (206); БН: *бġлġрсġz* 'без беков' (20), *јġрġксġz* 'бессердечный' (33), *јаразсġz* 'невооруженный' (36), *пġстġнсġz* 'без шуб' (159); Мах: *мунсġz* 'без этого' (96); СҚ: *атасġz* 'без отца', *анасġz* 'без матери' (396), *кġзсġz* 'без глаз', 'слепой' (53а), *сусуз* 'без воды' (86а); ШН: *оксġz* 'без стрел', *јасġz* 'без лука' (56), *ансġz* 'без него' (139), *јарлġзсġz* 'без ярлыка' (179), *азуксġz* 'без провианта' (221); ЭД: *бадġсġz* 'без вина' (7).

Аффикс *-sġz ~ -sġz* не присоединяется к прилагательным и числительным.

Изредка рассматриваемый аффикс приобретает дополнительный элемент *-ġn ~ -ġn*, являющийся омертвевшим аффиксом орудного падежа, см. А: *сġнсġzġn* 'без тебя' (108; см. также Б, 49); ТН: *кулсġzġn* 'без рабов' (283а).

В предложении форма на *-sġz* функционирует как определение или обстоятельство и, кроме того, выступает в качестве обособленного члена, см. А: *шġксġz бġгġн ġлġрмġн* 'несомненно сегодня умру' (53), *мġнġ душвġр ġрġр сġнсġz тġрġлмġк* 'мне трудно жить без тебя' (63), *кġрġкмġс сġнсġzġн јġну тġрġклġk* 'мне без тебя не нужна жизнь' (108); БН: *пġстġнсġz јġтġп болмас* 'без шуб спать нельзя' (159); Л: *бġр лахġз сġнсġz řабр јок* 'без тебя не вытерпеть и одно мгновение' (2016), *ол замġдġн ок атма ансġz бġлġ кġлурсан* 'не пускай стрелу того кокетливого взгляда, и без того причиняешь беды' (2136).

Из числа форм субъективной оценки только не-

многие оказываются употребительными для разных имен. К ним относится, например, форма на *-rak ~ -rġk*.

Аффикс *-rak ~ -rġk* присоединяется к прилагательным, неопределенным числительным, очень редко — к существительным и причастиям, см. БН: *факġр ва кġмсуханрак ġдамġ кġшġ ġрдġ* 'он был смиренным, немногословным и простым человеком' (17); НМ: *шġрġн забġнрак* 'сладкоречивый' (1176), *дġстрак* 'поближе', 'поприятнее', 'по-дружески' (144а); СҚ: *сġндġн зġхġдрак* 'более чем ты отшельник' (816); ТМ: *кġпрġк ġвкат* 'побольше пищи' (886).

Другие аффиксы характерны для отдельных групп имени: для существительных, прилагательных, числительных и т. д.

Собственно имена

Существительное

Формы отыменных образований

Аффикс *-lak (-lař) ~ -lġk (-lġg)* (значение места), — БН: *авлак* 'место охоты' (*ав* 'охота'), *кушлак* 'место, изобилующее птицами' (*куш* 'птица'; 5), *јġлак* 'летовка', 'летнее пастбище' (*јġ* 'лето'; 16), *отлак* 'пастбище' (*от* 'трава'; 154); МЛ: *тузлак* 'соляные копи' (*туз* 'соль'; 88), *кġшлак* 'зимовка' (*кġш* 'зима'; 88);

*-kġ ~ -kġ ~ -bġ ~ -ġġ*⁷ (отношение — обладание), — А: *бурунġ* 'прежний' (135); БН: *ташкġ* 'внешний' (43), *ġчкġ* 'внутренний', 'придворный' (49), *ġлġргġ* 'передовой' (112), *куġġбġ* 'нижний' (178); ТМ: *соңбġ* 'последний' (111а).

Аналогичное значение имеет префикс *бġ*, заимствованный из персидского языка и присоединяемый к существительным и прилагательным, см. Б: *бġјġхат* 'безграничный' (18), *бġјġр* 'без любимой' (49); БН: *бġвафġ* 'неверный', *бġфахм* 'глупый' (36); Мах: *бġсġсġ* 'не горячий' (4), *бġацġз* 'не горький' (5); МХ: *бġназġр* 'несравненный' (2); ШН: *бġхад* 'бесчисленный', 'безграничный' (93).

⁷ С формами сопряженного состояния, образованными от местоимений, аффикс *-kġ ~ -kġ* в староузбекских текстах XIV—XVI вв. встречается не более четырех-пяти раз, см. БН: *бġзнġкġ* 'наш' (101), *бġзнġкġ* 'наш' (135).

Форма действующего лица образуется только от существительных и отглагольных имен. И в том, и в другом случае используется аффикс *-чи ~ -чи*, например, БЛ: *откўнчи* 'прохожий' (105); БН: *кўлбучи* 'создатель' (64), *кавбунчи* 'преследователь' (87); Мах: *окубучи* 'читатель' (8), *сўзлўғичи* 'говорящий' (30), *самкучи* 'торговец' (42), *тиланчи* 'попрошайка', 'нищий' (50), *кушчи* 'птицелов' (51), *кўждўргўчи* 'сжигающий', *савурбучи* 'развеивающий' (75), *ичиғичи* 'пьющий' (139), *жалбанчи* 'обманщик' (162); МЛ: *којчи* 'пастух', 'чабан', *чёрікчи* 'воин' (28); МХ: *самікчи* 'продавец' (14); С: *шійкчи* 'привратник', 'швейцар' (96); СҚ: *кўлбучи* 'делающий', 'совершающий' (136), *пўшўргўчи* 'выжигающий', 'пекущий' (476), *јўғичи* 'поедающий' (616); ШН: *окчи* 'стрелок' (40), *кўңайчи* 'советник' (164).

Выпадение *з ~ г* в формах действующего лица, образованных от отглагольного имени на *-бу ~ -гў*, для староузбекского языка — необычное явление. Формы подобного типа, например, *алчи*, *кўличи*, имеют несомненно огузское происхождение.

Имя действующего лица, образованное от отглагольного имени на *-мак ~ -мак*, выражает дополнительный оттенок — намерение, см. МЛ: *атланмакчи* *эдж* 'мы собирались отправиться' (28).

Форма на *-макчи* с глаголом *бол* — выражает категоричность, решимость совершить действие, см. МЛ: *кушулмакчи* *болди* 'он решил присоединиться' (28).

Аффикс *-дағи ~ -дағи ~ -таки ~ -таки* (отношение — указание на место), см. Б: *ичтаки* 'внутренний' (45); СҚ: *слимдағи* 'находящийся в моих руках' (56), *астиндағи* 'находящийся внизу, под чем-нибудь' (346), *јёрдағи* 'наземный' (61а), *кўктағи* 'небесный' (61а); Мах: *бијабандағи* 'находящийся в пустыне' (83);

-лў ~ -лў ~ -лик ~ -лик (отношение — обладание), см. БН: *андїжанлік* 'андижанка' (10), *кїјак кўзлік* 'косоглазый' (204), *хўрплік* 'гератец' (225); Мадж: *шїрпзлік* 'ширазец' (91а), *чїнбаддлў* 'чинабадец' (73а); НМ: *басралў* 'житель Басры' (28а), *бавддлў* 'багдадец' (35а), *бухарадлў* 'бухарец' (1176); СҚ: *кўрк-лў* 'красивый' (9а), *тўрлў* 'разные', *тўрт ајаблў* 'четвероногий' (27а), *кајбулў* 'печальный' (42а), *шїрїн сўзлў* 'сладкоречивый' (87а); ТМ: *румлук* 'румиец' (1426); ШН: *он кўнлў* 'десятидневный' (136), *јїллў* 'годовой', 'годовой' (203).

Разновидность аффикса *-лў* без заднеязычного согласного прослеживается преимущественно в текстах золотоордынского цикла и в произведениях предшественников Нава'й, см. Дж: *нў јанлў* 'каким образом' (I); Қ: *'акїллї* 'умный' (II); МН: *кўрклў* 'красивая', 'прекрасная' (1646), *татлў* 'сладкий' (1666), *ај јўзлў* 'луноликая' (168а), *шїрїн сўзлў* 'сладкоречивый' (172а).

Характерной особенностью почти всех относительных форм является способность их сочетаться с аффиксом *-рак*, передающим одно из значений интенсификации и широко используемым для выражения сравнительной степени. См. БН: *сухансїзрак* 'довольно молчаливый' (32); НМ: *улў сўзлўкрак* 'велеречивее' (1176).

Аффикс *-даш ~ -даш ~ -таш ~ -таш* (имя лица — соучастника в каком-либо действии, процессе), см. Абушқа: *колдаш* 'друг' (*кол* 'рука'; 344); БЛ: *бојдаш* 'одинакового роста' (141), БН: *кўкїлтїаш* 'молочный брат' (*кўкїл* 'грудь'; 72), *шмїлдїаш* 'сверстник' (*шмїл* 'грудь'; 72); МЛ: *кўкїлтїаш* 'молочный брат' (*кўкїл* 'грудь'; 89), *јолдаш* 'спутник' (*јол* 'дорога'; 89); Мух: *кардаш* 'брат', 'родственник' (~ *карїндаш*, *карїн* 'чрево', 'живот'; 5).

-лак (уменьшительность), см. Сан: *тајлак* 'жеребенок' (*тај* 'жеребенок'; 167а);

-(а)ч ~ -(а)ч (уменьшительность), см. Абушқа: *бўкач* 'девушка' (?), 'знатная женщина' (*бўка* 'молодка'; 141);

-ак ~ -ак (уменьшительность), см. Я: *башак* 'колос', 'головка' (*баш* 'головка'; 3186);

-дурук ~ -дўрўк (значение предмета, орудия), см. Абушқа: *кајбалдурук* 'луженые предметы' (*кајбал*?; 329); Сан: *авїздїрїк* 'удила' (*авїз* 'рот'; 44а), *бурундурук* 'кольцо или ремень, продеваемые через нос верблюда' (*бурун* 'нос'; 133а), *бојундурук* 'ярмо' (*бојун* 'шея'; 143а), *туташтурук* 'вязанка щепок' (*туташ* 'соединение', 'примыкание'; 1696);

-чак ~ -чак (значение предмета, орудия и т. п.), см. МЛ: *алїнчак* 'деталь конской сбруи' (*алїн* 'лоб'; 90), *јарбучак* 'ручная мельница' (*јарбу* 'раскалывание', 'дробление'; 90);

-тук ~ -тўк... (значение предмета, лица), см. Сан: *ўлўмтїк* 'полуживой-полумертвый' (*ўлўм* 'смерть'; 866), *орундук* 'попона' (? *орун*?; 716).

К. Броккельман выделяет кроме того аффикс *-амук* ~ *-āmūk*, ср.: *карамук* 'сорная трава' (*кара* 'черный'), *кїзламук* 'краснуха' (*кїзїл* 'красный'), *чїчамук* 'мизинец' (*чїч?*, ср. *чїчалак* 'мизинец').⁸

В староузбекском языке наряду с перечисленными выше аффиксами, широко используемыми в различных текстах, имеются аффиксы (суффиксы и префиксы) малопродуктивные. Многие из них заимствованы из иранских языков в составе иранских форм,⁹ и выделение их как морфологических элементов староузбекского языка является условным, так как почти полностью отсутствуют примеры употребления подобных аффиксов с собственно тюркскими словами. Примеры:

-зәр (значение места), см. БН: *сэбәрғазәр* 'заросли трилистника' (162), *арбувәнзәр* 'роща аргувана' (168);

-гяр (значение действующего лица), см. БН: *сәвдәгяр* 'купец', 'торговец' (158);

-буј ~ *-гүј* (значение действующего лица), см. БН: *мәснәвигүј* 'сочинитель месневи' (227), *базалбүј* 'сочинитель газелей' (228).

-ї (нисба — форма, указывающая на отношение к месту, роду занятий и т. д.), см. БН: *мобулї* 'монгольский', 'монгол' (8), *хіндүстәнї* 'индийский', 'индеец' (158), *афганї* 'афганец', 'афганский' (172), *їракї* 'иракский', 'иракец' (229);

хәм- (значение соучастия), см. БН: *хәмкәсә* 'собутыльник' (*кәсә* 'чаша'; 191), *хәмсухбат* 'собеседник' (*сухбат* 'беседа'; 191), *хәммәктәб* 'одношкольники' (*мәктәб* 'школа'; 213); МХ: *хәмдаст* 'сподвижник', 'помощник' (*даст* 'рука'; 5) и мн. др.

Формы отглагольных образований

В данном разделе рассматриваются лишь те отглагольные имена, которые утратили специфические признаки и полностью субстантивировались.

От глагольных основ существительные образуются при помощи следующих аффиксов:

⁸ Osttürkische Grammatik, S. 128.

⁹ См.: А. Рустамов. Алишер Навоийнинг „Маҳбул қулуб“ асаридagi баъзи бир грамматик хусусиятлар. Кандид. дисс. (рукопись в Библиотеке им. Ленина в Москве). Ташкент, 1958, стр. 9, 24, 30, 38, 43.

-ма ~ *-мә*, см. БН: *эгмә* 'изгиб', 'изогнутый' (*эи-* 'сгибаться'; 7); БН: *учма* 'обрыв' (*уч-* 'лететь'; 52), *сәкіртмә* 'крутизна' (*сәкірт-* 'заставлять прыгать'; 247), *ісітмә* 'горячка' (*ісіт-* 'согревать'; 73);

-(а)к ~ *-(ә)к* ~ *-(у)к* ~ *-(ү)к*..., см. БН: *јүрәк* 'сердце' (*јүр-* 'идти'; 33), *чапуқ* 'порубка, порез' (*чап-* 'рубить'; 50), *өлјк* 'мертвец' (*өл-* 'умирать'; 165), *бөлјк* 'округ' (*бөл-* 'делить'; 172); МХ: *курсак* 'живот' (**курса-* ~ *курша-* 'опоясывать'; 7); ШН: *коркак* 'трус' (*корк-* 'бояться'; 36); Я: *курумсақ* 'колчан' (*курумса-* 'опоясывать'; 316а). Конечный заднеязычный (увулярный), оформляющий существительные в составе рассматриваемого аффикса, бывает обычно глухим, в то время как у прилагательных он в большинстве случаев является звонким;

-(а)н ~ *-(ә)н* ~ *-(і)н* ~ *-(ү)н*..., см. БН: *јабїн* 'дождь' (*јаб-* 'дождить'; 44), *экін* 'хлеба' (*эк-* 'сеять'; 159); Мах: *козғалач* 'волнение', 'беспокойство' (*козғал-* 'тронуться', 'двинуться'; 67); МЛ: *јібїн* 'сборище' (*јіб-* 'собирать'; 19), *чакїн* 'молния' (*чак-* 'сверкать'; 19);

-чак ~ *-чәк*,¹⁰ см. Абушқа: *салінчак* 'качели', 'колыбель' (*салін-* 'укладывать'; 278); НМ: *эмчәк* 'грудь', 'сосок груди' (*эм-* 'сосать'; 196а); Сан: *тајанчак* 'опора' (*тајан-* 'опираться'; 167а);

-(а)м ~ *-(ә)м* ~ *-(у)м* ~ *-(ү)м*, см. БН: *өлјм* 'смерть' (*өл-* 'умирать'; 43);

-ғач ~ *-гәч* ~ *-буч* ~ *-гүч* ~ *-куч* ~ *-күч* ~ *-кич* ~ *-кич*, см. Абушқа: *тітрәгүч* 'украшения, подвешиваемые к шее или рукам' (*тітрә-* 'дрожать'; 183), *салінғач* 'качели', 'колыбель' (*салін-* 'укладывать'; 277); Мах: *јәлпигүч* 'веер' (*јәлпигүч* 'обмахиваться'; 116); Сан: *баскич* 'ступенька' (*бас-* 'давить', 'наступать'; 1226), *сүзгүч* 'мелкое сито', 'фильтр' (*сүз-* 'цедить'; 243а);

-бун ~ *-гүн* ~ *-кун* ~ *-күн*, см. Мах: *самкун* 'продажа' (*сам-* 'продавать'; 168); МЛ: *кавбун* 'преследователь', 'преследующий' (*кав-* 'гнать'; 32), *чаббун* 'нападающий', 'наскокивающий' (*чап-* 'скакать', 'бить'; 32), *тутбун* 'пленник' (*тут-* 'держать', 'хватать'; 35); Я: *откүн* 'острый' (*от-* 'проходить'; 320а);

-ат ~ *-әт*, см. ШН: *өләт* 'мор' (*өл-* 'умирать'; 43);

¹⁰ См.: Мабәни' л-луғат, стр. 90.

-аҗач ~ -äҗäč, см. МЛ: *kjläjäch* 'весельчак' (*kjäl* 'смеяться'; 55);
-мур ~ -mür, см. ШН: *јамбур* ~ *јабмур* 'дождь' (*јаб* 'идти — о дожде'; 45);

-бан ~ -iän ~ -кан ~ -кән, см. СҚ: *јапкан* 'попона' (*јап* 'покрывать'; 118а);

-как ~ -кәк ~ -җак ~ -гәк, см. Абушқа: *әшкәк* 'весло' (*әш* 'гresti'; 21); Сан: *баткак* 'топь', 'болото' (*бат* 'тонуть'; 1196), *баскак* 'наместник', 'сборщик податей' (*бас* 'давить', 'наступать'; 1226); СҚ: *аҗбак* 'вестник' (*аҗ* 'говорить'; 366);

-рук ~ -rük ~ -руз ~ -rüz, см. Абушқа: *басруз* 'пресс' (*бас* 'давить'; 128); Сан: *тутрук* 'вязанка щепок' (*тут* 'держать'; 1696);

-мач ~ -mäč, см. Абушқа: *кавурмач* 'жаркое' (*кавур* 'жарить'; 326), *kijmach*¹¹ 'раскосый' (**kij* 'кривиться', 'коситься'; 333); Сан: *буламач* 'мучное блюдо' (*була* 'обваливать', 'смешивать'; 141а), *тутмач* 'лапша' (*тут* 'держать'; 1696). Аффикс -мач восходит, по-видимому, к сочетанию аффикса -ма, образующего отглагольные имена, со словом *әш* 'пища', 'еда'. Отглагольное имя на -ма ~ -mä не характерно для староузбекского языка и поэтому сложный аффикс -мач не мог возникнуть на староузбекской почве;

-дак ~ -дәк, см. Сан: *бобурдак* 'сустав' (*бобур* 'охватывать', 'зажимать', ср. *бобун* 'сустав'; 1366);

-чан ~ -čän, см. Сан: *созулчан* 'дождевой червь' (*созул* 'войти в землю'; 2446);

-җи ~ -ji, см. Сан: *бйчбй* 'пила' (*бйч* 'резать'; 144а);

-ка ~ -kä, см. Абушқа: *чәвјрткә* 'саранча', 'кузнечик' (*чәвјрт* ?; 245).

Особого внимания заслуживают аффиксы -(в)ул и -л.

-(в)ул — аффикс, употребляющийся для образования имен, которые, как указывает Навә'й, обозначают воинские и придворные должности.

В Мухәкамат ал-лугатайн приведены следующие слова с аффиксом -(в)ул: *хйравул* (*йравул*) 'авангард', 'передовой отряд', *каравул* (*карабул*) 'стража', 'караул', 'часовой', *чаңдавул* (или *чабдавул*, *чйңдавул*) 'арьергард', 'замыкающий отряд' (ср. *чан*—

давул 'водонос' (?), БН, 276), *јанкавул* (?), *созавул* 'адъютант', *патавул* (?), *кйптавул* 'караул крепости', 'начальник гарнизона', *јасавул* 'предводитель в каком-либо деле', 'исполнитель повеления', *бакавул* 'стольник', *сакавул* (*сакйвул*) 'начальник стражи', *дакавул* 'прислужник', 'сопровождающий', *шйбавул* 'сопровождающий послов'.¹² Ср. БН: *туткавул* (? 175), *чабдавул* 'арьергард', 'замыкающий отряд' (184), *каравул* 'стража' (188), *тускавул* 'стражник, охраняющий дорогу' (233); ДН: *јасавул* 'строитель' (231а); Мах: *јасавул* 'блюститель порядка' (18); ШН: *јуртавул* 'пешие воины' (197). Слово *тускавул* Мехдй-хан переводит как 'страж', 'хранитель'.¹³

Глаголы *кара*- и *јаса*- относятся к числу очень древних общих тюрко-монгольских элементов, глагол *бака* — тюркский, все остальные глаголы в данном фонетическом оформлении являются монгольскими, ср. монг. письм.: *ire* 'приходить', *čayda* 'сторожить', *daya* '(пре)следовать', *tuska* ~ *tusxu* 'устанавливать преграду'.

Нетрудно заметить, что аффикс -(в)ул выделяет небольшую и семантически обособленную группу слов и распространение его относится к строго определенному историческому периоду (эпоха монгольского нашествия — время правления тимуридов). Сфера употребления аффикса -вул ~ -бул в древних монгольских языках (диалектах?) шире, и интенсивность использования не приурочена к какому-либо периоду. Поэтому можно предположить, что он — монгольского происхождения;

-л, см. Мах: *сојурбал* 'надел, пожалование' (*сојурка* ~ *сојурба* 'соизволить', 'соблаговолить'; 76); ШН: *кабал* 'осада' (*каба* 'окружить', 'осадить'; 43), *јасал* 'строй' (*јаса* 'делать, строить'; 165).

Происхождение л-овых форм тесно связано с историей аффикса -вул. Больше того, аффикс -вул ~ -бул и аффикс -л в староузбекских текстах иногда смешиваются, см. у Навә'й: *туткал* 'хранитель', 'заставщик ярлыков', *тускал* 'пост', 'караул';¹⁴ в других источниках: *тутабул*, *тусхабул*.

¹² Chrestomathie en turc oriental, p. 18.

¹³ Мабәни' л-лугат, стр. 28.

¹⁴ Chrestomathie en turc oriental, p. 18.

¹¹ Ср. БЛ: *kijmach* 'мучитель' (222).

Прилагательное

Прилагательные сами по себе, т. е. в исходной форме, не имеют особых морфологических показателей.

В предложении прилагательные функционируют в качестве определений и обстоятельств, см. БН: *мәнің јіхатімдін жахшӣ көрјүп* 'относясь хорошо благодаря мне (из-за меня)', *мәндің іккі јаш улуб әрді* 'он был старше меня на два года' (11), *түркї ајтур әді* 'он говорил по-тюркски' (205); Л: *чүн вафасїзларға бәрмішләр азалда көркні* 'так как неверным красоту дали давно' (4, см. А. 109).

Формы отыменных образований

Отличительной чертой лексико-грамматической структуры прилагательных является их сочетаемость с морфологическими показателями, выражающими разную степень насыщенности признаком в сравнительном плане и безотносительно к чему-либо, например с аффиксами *-рак ~ -рәк*, *-шїл* и т. д.

Аффикс *-рак ~ -рәк* выражает известную недостаточность или, наоборот, некоторую избыточность признака, см. БН: *кїскарак кїші* 'недалекий человек (букв.: покороче)' (17), *кїчїрәк каҗабә* 'небольшая крепость (букв.: поменьше)' (6), *ташкарїрак-дїн* 'снаружи' (6), *кәм әбрак јәрдур* 'бедная влагой земля' (62).

В сочетании с именем в форме исходного падежа или с союзом *кїм* 'что', 'чем' аффикс *-рак* выражает сравнительную степень прилагательных, ср.: 1) БН: *мундїн улубрак* 'больше этой' (3), *ол хујрәдїн кујїрак* 'ниже той кельи' (3); Мах: *алардїн жахшїрак* 'лучше их' (50), *јәхїлләкдїн бәса-адатлїкрак* 'несчастнее, безотраднее глупости' (100); ТМ: *андїн улубра* 'больше того' (127а).

2) Мах: *бутпарастлїк жахшїрак кїм хўдпарастлїк* 'любовь к идолам (идолопоклонство) лучше, чем самолюбие (эгоизм)' (107), *вафәлїб кутуз іт жахшїрак кїм вафәсїз хўш борнә јїгіт* 'верная бешеная собака лучше, чем неверный красавец-юноша' (146); НМ: *растәлїк жахшїрак кә бастәлїк* 'свобода лучше, чем неволя (букв.: связанность)' (144а).

Употребление второй конструкции — явление довольно редкое и необычное. Наличие ее в некоторых текстах следует рассматривать как результат влияния персидского языка.

Аффикс *-рак* сочетается и с другими именами, например с существительными, однако подобные случаи носят характер исключений.

В отличие от аффикса *-рак ~ -рәк*, аффикс *-шїл* выражает лишь недостаточную насыщенность признаком, см. Сан: *акчїл* 'беловатый' (45а); СҚ: *карашїл* 'черноватый' (496).

Такое же значение характерно и для аффикса *-мтул*, см. Абушқа: *көкјүмтїл* 'синеватый' (370); МЛ: *абјмтул* 'беловатый', *кїзїмтул* 'красноватый', *карамтул* 'черноватый', *јашїмтул* 'зеленоватый' (87).

Важное место в отыменном словообразовании прилагательных занимает частичная редупликация — прием, не являющийся в полном смысле синтетическим. Сущность частичной редупликации заключается в том, что первый компонент, копирующий основу, выступает с усеченной конечной частью, см. БН: *тїп-тїз* 'ровный-преровный' (160), *кїп-кїзїл* 'очень красный' (164), *сап-саб* 'совершенно здоровый' (304); МХ: *сап-сарї* 'совершенно желтый' (21); Сан: *ап-ак* 'совершенно белый' (276). Ср. также у Нава'й: *чум кара* 'очень черный'.¹⁵

Формы отглагольных образований

Аффикс *-(а)з ~ -(ә)з...*, см. А: *сїчїз* 'сладкий' (*сїчї- ~ чїчї-* 'иметь вкус, сладость'; 183); Б: *әсрїз* 'пьяный' (*әсрї-* 'пьянеть'; 1); БН: *кїјак* 'косой' (**кїј-* 'покоситься'; 204); Мах: *савуз* 'холодный' (*саву-* 'становиться холодным, остывать'; 5), *ачїз* 'горький' (*ачї-* 'быть горьким'; 5), *куруз* 'высохший', 'сухой' (*куру-* 'сохнуть'; 118), *ачуз* 'открытый' (*ач-* 'открывать'; 124), *јумшаз* 'мягкий' (*јумша-* 'смягчаться'; 125); РҚ: *сїнук* 'поломанный' (*сїн-* 'ломаться'; 159а); СҚ: *катїз* 'твердый' (*кат-* 'сохнуть', 'затвердевать'; 26а); Ә: *јүгүрүз* 'быстрый', 'беглый' (*јүгүр-* 'бежать'; 331б);

-рі, см. Б: *әгірі* 'согбенный' (*әг-* 'сгибаться'; 41);

¹⁵ С. Муталлибов. Морфология ва лексика тарихидан қисқача очерк. Тошкент, 1959, б. 47.

-а ~ -ä, см. НМ: *tüñä* 'вчерашний' (*tüñä kün* 'вчера', *tüñ* 'ночь'; 220а);

-ун ~ -ün, см. Абушқа: *толун* 'полный' (*тол-* 'наполняться'; 218).

Формы отналичных образований

Аффикс -сук, см. Сан: *таңсук* 'удивительный' (*таң* — междометие, выражающее удивление, восхищение; 164б).

Местоимения

Местоимение отличается от других имен отсутствием словообразовательных форм.

Распределение местоимений по более мелким группам возможно только по семасиологическому и функциональному признакам.

Личные местоимения

В группу личных местоимений входят *мән* 'я', *сән* 'ты', *ол* (у) 'он', *біз* 'мы', *сіз* 'вы', *алар* 'они'. При этом местоимение 3-го лица единственного числа совмещает значения личного и указательного местоимений. Можно предположить, что последнее значение некогда было доминирующим. Характерно, что падежные формы этого местоимения образуются от другой основы, ср.: *аңа* 'ему', *ані* 'его' и т. д., которая, по-видимому, и являлась первоначально исходной формой местоимения 3-го лица.

У Навәй в значении личного местоимения 1-го лица употребляются слово *факір* 'бедный' и сочетание *бу факір* 'этот бедный', 'этот слуга', имеющие особую стилистическую окраску (ср. русск. 'ваш покорный слуга'). Примеры. Мадж: *факір* *ані көрмәймән* 'я его не вижу' (61а); ХМ: *бу факір хәчнәмә дәмәдәм* 'я ничего не сказал' (14а), *факір тиләмәдәм* 'я не хотел' (16а), *бу факірнә* 'этого раба (т. е. меня)' (51б), *бу факір сарі* 'этому рабу', 'в сторону этого раба (т. е. ко мне)' (71б).

Присоединение к указанным выше личным местоимениям единственного (2-е лицо) и множественного (1-е и 2-е лицо) числа аффикса -лар ~ -lär почти всегда связано с выражением

субъективных оттенков: почтительности, уважения, самовозвеличивания и т. д., например, СҚ: *бізläp* 'Мы', *сізläp* 'Вы' (52б).

Кстати, такие же значения выражаются местоимениями множественного числа и без аффикса -лар ~ -lär, когда они обозначают одно лицо.

Личные местоимения употребляются в качестве подлежащего, прямого и косвенного дополнений.

Указательные местоимения

Группу указательных местоимений составляют *бу* 'этот', *шул* 'тот', *ол* 'тот'.

бу и *ол* соотносятся друг с другом как ближний и дальний в пространственном и временном планах.

шул (~ ? *ошул*) имеет анафорическое значение ('то, о чем уже говорилось, что так или иначе известно'), см. БН: *шул күн*, *шу күн* 'в тот день' (86, 87).

Аналогичное значение передает также анафорическое местоимение *ош*, как само по себе, так и в сочетании с местоимениями *бу* и *ол* (*ошбу* и *ошул* ~ *ошал*), см. А: *ошбу јолда* 'на этом пути' (63), *даләл-і давлат ош зулфуң хумәјі* 'доказательство богатства — царственная птица вот этого локона' (244); БН: *бір мәсјид тјүшүптур... ошбу мәсјиднә ташкарі сәхнә нәшібрак...* 'есть мечеть... несколько ниже внешней площадки этой мечети...' (4), *јүч күндін кәјін ошал захм билә-ок бардә* 'через три дня от той раны он скончался' (81); МХ: *халәтәм ош әскі јамазләб чапан* 'халатом мне служит вот этот запланный чапан' (23); С: *ош шараф* '(вот) это благородство' (17а), *зулфуңнә качан салдәң ошул ал јаңак үзрә...* 'когда ты расположила свой локон на той алой щеке...' (30б). Ср. также *хәм* в сочетании с *ол*, см. ХМ: *хәмул күн-ок* 'в тот же самый день' (51а).

Формы косвенных падежей для *ол*, *бу*, *ошбу* и *ошул* образуются от основ *ан-*, *мун-*, *ошмун-* и *ошан-*:

Осн.	<i>ол</i>
Вин.	<i>ані</i>
Дат.	<i>анба</i>

Мест.	анда
Исх.	андін
Пред.	анча

Функции указательных местоимений довольно широки: выступая обычно в роли атрибута, любое указательное местоимение может быть также подлежащим или дополнением.

Возвратно-усилительные местоимения

В староузбекском языке употребляется одно возвратно-усилительное местоимение — *өз*, которое выполняет только определительные функции, ср.: *өз виләжатһа* 'в свой вилайет'.

Будучи оформленным аффиксами принадлежности, *өз* приобретает субстантивное значение, ср.: *өзүм* 'я сам' (этимологически — „моя самость“), *өзүң* 'ты сам', *өзі* 'он сам', *өзүміз* 'мы сами', *өзүңіз* 'вы сами', *өзләрі* 'они сами', например, ДН: *өзүңни бilmäclikkä салма* 'не притворяйся (букв.: не ставь самого себя) незнающим' (2386), *бу фән бiрлән сабiндурдум өзүмни* 'этой наукой я наскучил самому себе' (232а); Я: *өзүң бilmäсмiсән* 'ты сам не знаешь ли?' (315а).

Возможно также употребление персидского возвратно-усилительного местоимения *хӯд*, см. А: *Атаји хӯд килур васлiңни таманна* 'Атаи сам просит о встрече с тобой' (88); БН: *таң аткунча хӯд курбан эли бурјни тамам копариң әдиләр* 'к расвету обитатели крепости сами полностью отстроили башню' (43), *мән хӯд тәрбијат килп әдим* 'я сам радел о нем' (65), *алар барбунча Танбал хӯд кәлп монуларға кошулған әкәндур* 'до того, как они отправились, пришел сам Танбель и присоединился к монголам' (81), *мән хӯд нәгә бармағайман* 'мне самому почему бы не пойти?' (234); Мух: *ва сарт әл илбасунни хӯд бilmäc* 'а сами сарты [слово] „илбасун“ не знают' (15).

Определительно-обобщающие местоимения

Ср.: *барча* 'все', *барі* 'все', *камуб* 'все', *хәр* 'каждый', 'всякий', *хәркiм* 'каждый', *јәмi* 'все', *ба'әi* 'некоторые', *јүмlä* 'все'.

Почти все определительно-обобщающие местоимения выступают в определительной функции, например: *барча кишиләр* 'все

люди', *хәр јол* 'каждая дорога', *ба'әi вақтларда* 'иногда (букв.: в некоторые времена)'.

Местоимения *хәрнимä* и *хәрнә* 'все', 'всё (всё, что...)' употребительны только в качестве подлежащего и дополнения, ср. Б: *хәрнә кә килп әдим* 'всё, что я делал' (110), *хәрнә кә тилп әдим* 'всё, что я желал' (114); Мах: *хәрнә кiм ајтур олса* 'всё, что скажет' (25), *хәрнә бу ҳаләјiк дуа билә тиләјдурлар* 'всё, что люди желают при помощи молитвы' (98); МХ: *хәрнә камал ичрә дәсәм* 'всё, что ни скажу относительно совершенства' (9). Изредка аналогичные функции выполняет и местоимение *ба'әi* 'некоторые', см. БН: *ба'әi Чач бiмипләр...* 'некоторые пишут „Чач...“ (7), *Ҳојанди ба'әi дәхили Фарбана эмәс дәпләр* 'Ходженд некоторые не считают входящим в Фергану' (10), *ба'әilärни бiрiн бiрiн виләјатка паришан килдi* 'некоторых он по-одному рассеял по вилайету' (12).

Отрицательные местоимения

Все отрицательные местоимения являются составными, или сложными. Они включают в себя два компонента: неопределенно-отрицательное местоимение *хәч* и какие-либо другие неопределенные или определительно-обобщающие местоимения, см.: *хәчкiм*, *хәчкiмсә*, *хәчкiмәрсә* 'никто', *хәчнимä*, *хәчнәрсә*, *хәчнимәрсә* 'ничто', *хәчкајсi* 'никакой'; ср. соответственно паритивные формы: *хәчкiмсәci* 'никто (из них)', *хәчнимәci* 'ничто (из них)', *хәчкајсiсi* 'никакой (из них)'.

Отрицательное значение отрицательных местоимений в абсолютном большинстве случаев не является самодовлеющим, самостоятельным, оно обусловлено присутствием соответствующих глагольных форм, ср.: *хәчкiмәрсә бармадi* 'никто не пошел', но *кiмәрсә бардi* 'кто-то пошел'.

Особого внимания заслуживает местоимение *хәч*. В обособленном употреблении *хәч* имеет значение 'совсем', 'нисколько', сочетаясь же с другими словами в предложениях с утвердительной формой глагола или с общеутвердительным именем, оно означает 'какой-либо', а в отрицательных предложениях — 'никакой', см. БН: *...јанип хәч јәрдә таваккуф кiлмај Пәшәбурба кәлиндi* '...вернувшись, нигде (букв.: ни в каком месте)

не останавливаясь, мы пришли в Пешагур' (73); НМ: *андін сор-дум кэ жолда хэч 'а'жаб нима кордунмү* 'я спросил у него, видел ли он что-нибудь достойное удивления в дороге' (656); СҚ: *хэч жэгулжк нэмаң барму* 'имеется ли у тебя какая-нибудь вещь поесть?' (656), *бу сөзгә хэч мо'јізә коргүзә билүрмүсіз* 'сможете ли вы показать какое-либо чудо в доказательство этих слов?' (886); ШН: *јок мәнің хэч бу јәрдін кәтәрім* 'я ни при каких обстоятельствах не уйду отсюда' (203).

Неопределенные местоимения

кімсә, кімәрсә (кімәрсә), бірәү (бірәв) 'некто', *әлләкім* 'кто-то', *бірәр нима* 'что-либо', 'что-нибудь', *фәлән* 'такой-то'. Примеры. НДж: *ол кімсә* 'тот некто' (76); НМ: *фәлән күн-дін бәрі сәні корәдурман* 'я вижу тебя с такого-то дня' (1476); ШН: *кәл фәлән кәчә фәлән күчә сарі* 'приходи в такую-то ночь на такую-то улицу' (33).

Вопросительные и относительные местоимения

Вопросительные местоимения делятся на две строго разграниченные в семантическом отношении группы. Одна из них соотносится с одушевленными существами, другая — с неодушевленными, ср.: *кім, кімләр* 'кто', *нә, нәләр* 'что', *німә* 'что', 'что за', 'какой'.

німә, в отличие от *нә*, выражает вопрос к прямому дополнению.

Вопросительные местоимения могут выступать в несобственном значении. Так, местоимение *нә* в поэтических текстах употребляется в качестве усилительного члена при риторическом вопросе, см. А: *бу нә көздур, бу нә кірпүк, бу нә каш кә чікті дін ва імәндін халәјік* 'это что за глаза, это что за ресницы, это что за брови, что народ (из-за них) поступился верой и религией' (105); Л: *тшк јахәннә өртәді бу нә бәлә јәмәл әрүр* 'любовь зажгла мир, что это за напасть — красота?!' (177а).

Относительные местоимения: *кім* 'который', *кә* 'который', 'что'.

Числительные

Числительные выделяются в особую лексико-грамматическую группировку имени наличием порядковых, дистрибутивных и других форм.

Количественные числительные

Количественные числительные могут быть определенными и неопределенными.

Определенные количественные числительные — наименования чисел, являющиеся исходными формами для других числительных, ср.:

<i>бір</i>	'один'	<i>күрк</i>	'сорок'
<i>ік(к)і</i>	'два'	<i>әл(л)ік</i>	'пятьдесят'
<i>үч</i>	'три'	<i>алтмш</i>	'шестьдесят'
<i>төрт</i>	'четыре'	<i>жәтмш</i>	'семьдесят'
<i>бәш</i>	'пять'	<i>сәксән</i>	'восемьдесят'
<i>алтм</i>	'шесть'	<i>токсан</i>	'девяносто'
<i>жәт(т)і</i>	'семь'	<i>јүз</i>	'сто'
<i>сәк(к)із</i>	'восемь'	<i>мің</i>	'тысяча'
<i>ток(к)уз</i>	'девять'	<i>түмән</i>	'десять тысяч'
<i>он</i>	'десять'	<i>ләк</i>	'сто тысяч' ¹⁶
<i>јіірма</i>	'двадцать'	<i>јүз түмән</i>	'миллион'
<i>от(т)уз</i>	'тридцать'	<i>корур</i>	'десять миллионов'

Числительные *ікі, жәті, сәкіз, токуз, отуз* выступают и с удвоенным согласным, например: *іккі, жәтті* и т. д.

Счет до сотни осуществляется таким образом, что обозначения десятков предшествуют обозначениям единиц, например: *он іккі* 'двенадцать' (*он* 'десять', *іккі* 'два'), *токсан үч* 'девяносто три' (*токсан* 'девяносто', *үч* 'три').

В предложении количественные числительные выступают в качестве подлежащего, определения, дополнения или обстоятельства, ср. А: *бір бакмаді көз каракі біплә* 'ни разу не взглянула она зрачком глаза' (7), *бір кіја бак* 'взгляни раз краешком глаза' (98), *бір синазәннә јана іккі синар* 'испытан-

¹⁶ Числительные *ләк* и *корур* встречаются только у Бабура, см. БН: *јүз міңнә ләк дәпләр јүз ләкнә корур дәпләр* 'сто тысяч называют лек, сто леков называют корур' (376).

ного раз испытывают и дважды' (75); Б: *мәндәк јана бір барму* 'есть ли еще один (такой), как я?' (66); БН: *мәнің бірілү бір туқбан әрді* 'со мной заодно родилась (т. е. вместе)' (10), *Қасимбәг сјјасат јүјүн іккі јүнн пәрә-пәрә кәлдурдлар* 'Касимбек в назидание заставил порубить двух-трех (человек) на куски' (49); Л (А. 109): *мәні бір сормадң* 'ты меня ни разу не спросила' (169); Мах: *біртә өтмәкнн іккі бәлјүп* 'один хлеб разделив на два' (112); ШН: *алтн кондн* 'шесть раз он ночевал' (195).

Особого внимания заслуживает числительное *бір* 'один', которое, будучи употребленным в несобственном значении, становится своеобразным неопределенным артиклем, ср. БН: *бір замәндн соң* 'немного времени спустя' (45), *бір кјүн* 'однажды' (50), *Хосравшәхнн кншсн бір тоққуз ат ва бір тоққуз пәрчә кәлтјүрдн* 'один из людей Хосрав-шаха привел девять лошадей и принес девять кусков парчи' (99); СҚ: *такн машрпк сарн бір шахар бар туруп* 'на востоке есть один город' (23а).

бір входит также в состав устойчивых сочетаний, выражающих взаимонаправленность действия, см. БН: *бір бірнн* 'один другого, друг друга' (5), *бірнн бірнн* 'один из них другому' (24); НМ: *бір бірннмнз* 'мы друг другу' (1266), *бір бірннмнз билн* 'мы друг с другом' (1286).

При отрицании *бір* выполняет функции усилительного члена, см. БН: *віләјатн дн бір дірам ва бір днәр анн бәвукүфн харј болмас әдн* 'в его вилайете без его ведома не расходовался ни один диргем, ни один динар' (32).

Неопределенные количественные числительные: *кәп*, *калн*, *јүкјүш*, *бісјәр*, *бәхад*, *хәјлн* 'много', 'очень', *бірннмә*, *кач*, *аз* 'мало', 'немного', см. БН: *бәхад сәмнз* 'очень жирный' (3), *кәп хүп* 'очень хороший' (4), *хәјлн јахшн* 'очень хороший' (7).

Неопределенные числительные не присоединяют к себе аффиксов словообразования.

Порядковые числительные

Порядковые числительные образуются при помощи аффикса *-ннчн ~ -нчн*, ср.: *бірннчн* 'первый', *ік(к)ннчн* 'второй', *јүјүнчн* 'третий', *төртјүнчн* 'четвертый', *бәшннчн* 'пятый', *алтннчн* 'шестой',

јәт(т)ннчн 'седьмой', *сәк(к)ннчн* 'восьмой', *тоқ(к)узунчн ~ тоқ(к)узннчн* 'девятый', *онунчн* 'десятый', *ортанчн* 'средний'. См. также Абушқа: *јүјүнч* (94); Сан: *төртјүнч* (172а); ШН: *төртннч* (161).

Для порядковых числительных характерны атрибутивные функции.

Собирательные числительные

В староузбекском языке две формы собирательных числительных: на *-(а)ла ~ -(ә)лә ~ -(а)лан ~ -(ә)лән* и на *-ав ~ -әв*. Первая из них — уйгуро-огузская, вторая — кыпчакская и карлукская (< *-абу ~ -әү*). Примеры. Абушқа: *ікәјү*, *ікәвлә*, *ікәвлән*, *іккәлә(сн)*, *ікәв* 'двое' (66), *јүчәвлә*, *јүчәлә(сн)* 'трое' (93, 94), *төртәвлә*, *төртәлә(сн)*, *төртәв* 'четверо' (206), *бәшәвлә*, *бәшәлә(сн)* 'пятеро' (139, 140), *алтав*, *алтавла* 'шестеро' (30); Б: *бірәв* 'некто' (198); см. также БН, 45, 72, 208, 319; НМ, 28а; ТМ, 98а; ШН, 308; Сан: *ікәләмнз* 'мы двое', *ікәләннз* 'вы двое' (1086).

Личное местоимение, раскрывающее содержание собирательных числительных *ікәв*, *јүчәв*, при наличии обозначения других лиц ставится в единственном числе, см. БН: *мән ва Мухаммад(н) кәләлтәш ікәјү (ікәв) кәлдјүк* 'мы пришли вдвоем с Мухаммедом-кәкельташем' (11).

Собирательные числительные выполняют функции подлежащего, дополнения, определения или аппозитивного члена, ср. НДж: *ва хәр рубә'ннн төртәләсн мнсрә'ннн* 'и четыре строки каждого рубя 'и' (136).

Разделительные числительные

Разделительные числительные образуются при помощи аффикса *-(ш)ар ~ -(ш)әр*, ср.: *бірәр* 'по одному', *ік(к)ірәр*, *ікішәр* 'по два', *јүчәр* 'по три', *төртәр* 'по четыре', *бәшәр* 'по пяти', *алтшар* 'по шести', *јәт(т)шәр* 'по семи', *јігірмшәр* 'по двадцати', *јүзәр* 'по сто', *алтмшар* 'по шестьдесят', *јәтмшәр* 'по семьдесят'.

Двойственность оформления некоторых разделительных числительных Мехдй-хан объясняет так: есть числительные, которые имеют в конце *یاى حطى*, например: *ікі (іккі)* 'два', *алтн*

‘шесть’, *jəti* (*jətti*) ‘семь’, *jigirmi* ‘двадцать’. Так как огласовка над *ja* „тяжелая“ (چون حرکت بریا ثقیل است), то (при образовании дистрибутивных форм) в середину вставляют *и* (شین معجمه) и произносят: *ikişär*, *altışar*, *jətişär*, *jigirmişär*.¹⁷

Для числительных *bir* и *ik(k)i* сохраняется старая разделительная форма, с аффиксом *-in* ~ *-in*, ср. БН: *birin birin* ‘по одному’ (12; см. также ЧД, За), *birin ikin* ‘по одному’, ‘по два’ (317).

Разделительные числительные функционируют как обстоятельства.

Обобщенно-утвердительные и обобщенно-отрицательные имена

К данной подгруппе относятся два имени: *бар* ‘есть’ и *jok* ‘нет’, морфологическое своеобразие которых заключается в почти полном отсутствии словообразовательных форм в границах имени (только *барлѳ* ‘присутствие’ и *jokлуж* ‘отсутствие’, см. Мах, 14) и в ограничении словоизменительных возможностей.

И то и другое имя употребляются преимущественно в составе предиката, самостоятельно или со связкой, см. А: *kılca jänim бар* ‘(пока) душа хоть с волосок есть’ (43), *сәниңтәк хусн илә хѳру пәрї jok* ‘таких, как ты, по красоте — гурий и пери нет’ (106); Б: *мәниң jokтур мурадѳм сәндѳн аѳру* ‘у меня нет другого желания, кроме (желания) тебя’ (39); Мадж: *јахшї аш‘арї бар* ‘есть у него хорошие стихи’ (166); Мах: *хәчинмәгә ixtijajim jokтур* ‘у меня нет нужды ни в чем’ (70); Мух: *нә бунчә нә ѳjl бар* ‘нет ни бутона, ни розы’ (10); МХ: *барчанї бар кїлдѳ анїң кудратї* ‘все сотворило его могущество’ (2); СҚ: *бу табда јана хәч зәхїд барму* ‘на этой горе есть ли еще какой-нибудь отшельник?’ (806); ШН: *jok әдї* ‘не было’, *бар әдї* ‘было’ (9); Я: *аммә бїзїң арамїзда хәч нав јїнсїјат jokтур* ‘между нами нет никакой родственной связи’ (320а).

Случаи употребления *бар* и *jok* вне предиката — довольно редки, см. БН: *анїң билә бар кїшї бар бәләрнї тѳшѳрѳлдѳ*

¹⁷ Мабәни’ а-луғат, стр. 92.

‘бывшие с ним люди и беки были схвачены’ (31); С: *joktın ikki дунјәнї бар әтѳјчї ол бїру бар* ‘из ничего создавший два мира он един и (воистину) существует’ (36); СҚ: *joktın бар кїлѳ барнї jok кїлур* ‘из ничего делает (нечто) существующее и из (чего-то) существующего — ничто’ (59а); ШН: *јәнїмїз барїча хїдмат кїлалї* ‘будем-ка трудиться, пока существуют наши души’ (54).

„Пустые“ имена

В данный грамматический разряд входят имена (так наз. нумеративы), частично или полностью утратившие свое лексическое значение и формы словоизменения и употребляемые обычно при количественных числительных, например:

катла — см. А: *jүз катла* ‘сто раз’ (80); БН: *ikki катла* ‘два раза’ (44); ДН: *bir катла* ‘один раз’ (262а); НМ: *ikki-јүч катла* ‘два-три раза’ (1966);

мартабә — см. БН: *bir мартабә* ‘один раз’ (105), *токуз мартабә* ‘девять раз’ (126);

мїкдәр — см. БН: *ол мїкдәр улуж* ‘в такой степени большой’ (83);

навбат — см. БН: *нәчә навбат* ‘несколько раз’ (71);

пәрә — см. БН: *jətti пәрә қаҗабәсї* ‘в ней семь городов’ (2), *bir пәрә јїгїмләр* ‘группа молодых’ (32), *bir пәрә јол* ‘часть дороги’ (140);

тәзә — см. БН: *јүч тәзә нән* ‘три лепешки’ (141);

абїз — см. Б: *bir абїз сөз* ‘одно слово’ (10);

јуфт — см. ХМ: *ол јүдә bir ikki јуфт тәвус бар әрдї* ‘в том доме имелись одна-две пары павлинов’ (226).

Отглагольные имена

Морфологически отглагольные имена мало чем отличаются от других имен: они могут присоединять к себе падежные аффиксы и сочетаться с показателями принадлежности.

Отличительной чертой отглагольных имен является возможность включения в их структуру аффикса отрицания *-ма* ~ *-мә*, см. Б: *којмабумдур әтәиң* ‘не отпущу твой подол’, *бармабумдур астанїңдѳн* ‘не уйду от твоего порога’ (55); Л: *вафә кїл-*

масмусан сән 'не будешь ли верна?' (214а); Мах: дам урмамак кәрйк 'надо не говорить' (84), кабілба тәрбіјәт килмамак ғуламдур 'способного не воспитывать — зло' (143); НМ: сән хамрәхлѣ килмасиңба ант ичтиң 'ты поклялась не быть вместе' (846), ман' килмамак 'не препятствовать' (101а), килмамйш болбај 'не сделает' (128а); РҚ: килмамак 'не делать' (148а); ХМ: ол і'тїрәз килмабусідур 'не будет возражать' (13а); ЧД: тапмабумдур 'я не найду' (12а), білмәйш мәскін 'не знал бедняга' (206), тапмабумдур 'не найду', тапмабун 'не найдешь' (926); ср. также у Мехдї-хана, МЛ: алмабум 'не возьму', кәлмәйш 'не приду' (15), ујбанмабур 'не просыпающийся' (= بیدار نشوند), тїнмабур 'тот, который не успокаивается' (19), көрмәйш и көрїш jok 'не увидишь' (61).

Однако эту особенность не следует рассматривать целиком как проявление определенных типологических свойств отглагольных имен как таковых. Последние образуются от глагольных основ, и способность их выступать с аффиксом -ма ~ -мә находится в непосредственной связи со словообразовательными возможностями этих основ. Точно такой же характер носит включение в состав отглагольных имен „залоговых показателей“.

Более существенным для отдельных типов рассматриваемых имен является наличие возможности предикативного употребления без связки и вообще преимущественное использование их в качестве именной части сказуемого. Данная особенность является источником грамматической трансформации некоторых отглагольных имен, т. е. фактором, способствующим переходу их из одного грамматического класса в другой, а именно в класс глагола.

Учет особенностей употребления и анализ морфологической структуры отглагольных имен позволяет разделить их на две большие группы: субстантивные отглагольные имена и причастия.

Различия между теми и другими не всегда прозрачны и очевидны, поэтому и сформулировать правило, устанавливающее четкие границы между указанными двумя группами, довольно трудно. Причастия чаще, чем отглагольные имена, выступают в атрибутивной функции и в качестве предиката, в большей

степени, чем последние, подвергаются вербализации. Таким образом, находясь на периферии имени, причастия тяготеют к глаголу. Напротив, субстантивные отглагольные имена, выполняя разные синтаксические функции, обнаруживают тенденцию сблизиться с другими именами и прежде всего с существительными.

Имеются и некоторые частные особенности, разделяющие субстантивные отглагольные имена и причастия. Так, например, первые относительно свободно сочетаются с модальной частью кәрйк 'надо', у последних возможность подобных сочетаний ограничена до предела.

Субстантивные отглагольные имена

К числу субстантивных отглагольных имен относятся формы, образуемые при помощи аффиксов -(i)ш ~ -(i)ш, -мак ~ -мак, -(y)нч ~ -(y)нч и -(y)в ~ -(y)в.

Отглагольное имя на -(i)ш ~ -(i)ш. Примеры. БН: јїјїрїшдә забїнракдур 'в беге он слабеват' (358), буларнїң алїшї ва бїрїшї 'обмен этих' (286); МХ: дам урушї јол јїрїшї 'его словопрения, походка' (13); ТМ: ол јїрїшкә бардї 'он отправился в поход' (103а); ШН: көрїп әл качїшїн 'видя бегство людей' (65), хан кәлишїдін бурна 'перед приходом хана' (78), кәлишї 'его приход' (181), көрїнїш 'видение', 'встреча' (192), аларнїң кәлишїні көрдїм 'я видел их приход' (208), уруш 'сражение' (201).

Рассматриваемая форма встречается главным образом в текстах, обнаруживающих следы кыпчакского влияния. Количество случаев ее употребления ограниченное.

Сюда же необходимо отнести и аналогичные образования персидского языка, в которых природа аффиксального элемента не ясна, см. Мах: навазїш 'ласка', 'лелеяние' (10), варзїш 'действие' (44), намајїш 'показ' (58); Мух: арајїш 'украшение' (2), јїзәрїш 'проведение', 'толкование' (2); СҚ: асајїш 'спокойствие' (39а), әзмајїш 'проверка', 'испытание' (39а), налїш 'стоны', 'жалобные звуки' (40а).

Отглагольное имя на -мак ~ -мак. При первом взгляде на грамматические особенности формы типа бармак ее трудно

отличить от других отглагольных имен, ср. Б: *jərgä bаш чалмак bilä* 'с преклонением головы' (41), *tiŋgüzmaк jüjün* 'для оживления' (47), *jüblamaŋ Bābır bu šlā durur küljü* 'о Бабур, твой плач — утеша для этих людей' (66); Л (А. 109): *āšik öltürmäк fānida барчадин устадсан* 'в науке убийства влюбленных ты более ловкая, чем все (другие)' (188); М: *су iчmäк jüjün* 'для того, чтобы пить воду' (28); Мах: *bāŋi küjdürmäкdin bamī jok* 'нет ему печали от того, что сжигают сад' (23), *oңaj alıp aŋır сатмак anıң мақсүди* 'дешево купить, дорого продать — его цель' (42), *iчmäк ва jämäк ва уjкуза хурсанд* 'рад попить, поесть, и поспать' (58), *biшкармаŋича* 'до того, как созреет' (163); НМ: *bitimäк kəŋäк* 'надо писать' (22а), *jämäкkä машбул болдум* 'я принялся есть' (1176), *alтmиш jildur kə imān kəltürmäктәдурман* '(уже) шестьдесят лет, как я верую' (200а); РҚ: *kümmaк kəŋäк* 'надо хоронить' (159а); СҚ: *xalajikni tiŋgüzmaк tilägäj* 'пожелает оживить людей' (176), *aчlik bilä xaläк kilmäк kəŋäк* 'надо погубить голодом' (646); ЧД: *ičtäräm качмак* 'хочу бежать' (376); ШН: *kichkiriшмаклари* 'их взаимные крики' (198).

Форма местного падежа от отглагольного имени на *-мак ~ -mäк* становится обособленным образованием и передает длительность действия, см. БН: *...ba'āi чikмакта әдиләр* 'некоторые выходили'... (12); ДН: *mән әмди хастәју бам артмакта хажалән алда jән тартмакта* 'теперь усиливаются моя болезнь и печаль, и я мучаюсь, думая о тебе' (257а).

С глаголом *бол-* форма на *-мак ~ -mäк* выражает намерение, см. БН: *bizgä кошулмак болди* 'он решил присоединиться к нам' (147).

Случаи самостоятельного предикативного употребления данной формы, о которых говорит Мехдй-хан, являются исключениями, ср.: *алмаŋim* 'я взял (букв.: мое взятие)', *kəlmäim* 'я пришел (букв.: мой приход)'.

Отглагольное имя на *-унч ~ -ünч*. Этот тип отглагольного имени не продуктивен и охватывает несколько форм, см. Сан: *jrkünч* 'страх' (71а), *ökünч* 'раскаяние' (80а), *умани* 'надежда' (86б), *inanч* 'вера' (1176), *саŋич* 'дума' (2326), *сөкүнч* 'ругательство', 'брань' (2456), *коркунч* 'страх' (286а); ХШ: *сәвинч* 'радость' (2а), *kiskanч* 'зависть' (26), *iшанич* 'вера' (6б).

Отглагольное имя на *-у(в)*. Нам известно лишь несколько случаев употребления отглагольного имени на *-у(в)* в текстах староузбекского языка, см. БН: *jasav* 'строй' (86, 109); ШН: *ондін ikki kiши болди саклав* 'из десяти два человека были на страже' (199).

Причастия

В староузбекском языке шесть причастных форм: на *-(a)p ~ -(ü)p*, *-mиш ~ -mиш*, *-бан ~ -ган*, *-абан ~ -äган*, *-бу ~ -гү*, *-бур ~ -гүр*.

Причастие на *-(a)p ~ -(ü)p...-(y)p ~ -(j)p* выражает настоящее-будущее время и употребляется преимущественно в составе предиката. Примеры. Б: *kichküruman* 'кричу' (4), *äl biplä iчärsän bādānī* 'будешь пить вино с народом' (9), *körmäsmän* 'не вижу' (33), *bilürmän* 'знаю' (88), *bilürmüsän* 'знаешь ли ты?' (116); М: *нә jüjün jüblарсан* 'почему плачешь?' (14), *нә jüjün мундак kилурсан* 'почему так делаешь?' (4); Мах: *kiши ала алмас* 'человек не может взять' (17), *mäsjid саpi башкарур* 'поведет в сторону мечети' (34), *dəхkän кә dānā сачар* 'дехканин тот, кто сеет зерно' (46), *сән нәчүк дам урмассан* 'ты почему молчишь?' (98), *арпа bamīn jämäссән* 'о ячмене не будешь заботиться' (169); СҚ: *алурбіз* 'возьмем' (21а), *саклајурман* 'стерегу' (119а); Ә: *вақлиң tilärmän* 'хочу встречи с тобой' (9).

Причастие на *-(a)p* выступает также в сочетании со вспомогательным глаголом *эр-* 'быть' (так наз. прошедшее продолженное) в видо-временном и модальных значениях, см. Б: *kətar әрдим* 'я удалялся' (4), *сахлар әмиш* 'оказывается, бережет' (90); Мах: *körjüzür әрди* 'он показывал' (66), *сорарлар әрди* 'они спрашивали' (87); СҚ: *tüш көрәр әрдиләр* 'они видели сон' (3а), *tiläjür әрди* 'он искал, желал' (55а), *takī көрәр kим шайi öljün сөңäkläpi кувармиш* 'и видит: осел его издох, кости высохли' (746), *әvinä барур әркән* 'когда он направился в свой дом' (93а); ХМ: *бу шәрин окујур әди* 'он читал свои стихи' (136); ШН: *от хәм анча әмäs әрди iссib* 'огонь также не был такой уж горячий' (85). При этом вспомогательный глагол иногда сливается с причастием, ср. ТМ: *jürjürди* 'он ходил' (< *jürjür әрди*; 99а).

Употребление причастия на *-ар* в качестве подлежащего и дополнения связано с присоединением к нему различных падежных аффиксов, см. Б: *дэвāнā болурба нэ каліптур* 'что осталось, чтобы стать безумцем?' (31), *білмәскә өзіні нэ саліптур* 'что прикидывается неведающей?' (31), *бістар-і рāхат тилārні кој* 'оставь желание подушки удовольствия' (50); Мах: *јәтмәс-дін бурун* 'прежде, чем достигнет' (22), *алурда кәтāннī бәз дәп сатарда бәз вәсфідә кәтāндін артур сәз дәп* 'покупая (при купле) называет полотно бязью, при продаже бязь расхваливает больше, чем полотно' (42), *барурба мукаррар болбај* 'будет решено идти' (53), *сарф килурін білмәді* 'он не знал, как расходовать' (122); М: *намāз ајтурда* 'при чтении намаза' (30); СҚ: *кәзип јүрјүрдә* 'в бродяжничестве' (806); ТМ: *інтīкām тартардін 'ајіз әрді* 'он был слаб, чтобы отомстить' (93а).

Причастие на *-ар* может сочетаться с аффиксами, выражающими принадлежность, ср. Б: *барурумда іхтīјārīm јоктур* 'желания идти у меня нет' (237); Мах: *бу кјн ахшāmбача нэ болурі ма'лјм әмәс* 'что будет (с этим) сегодня до вечера, неизвестно' (128); ШН: *јок мәнің хәч бу јәрдін кәтārīm* 'никуда я не уйду отсюда' (203).

Нередко причастие на *-ар* выступает в составе определительных сочетаний, ср. Мах: *ајтур сөзні ајт* 'слово, которое можно сказать, говори' (163); ШН: *уруш әјләр кішіміз* 'наши сражающиеся люди' (70).

В сочетании с глаголом *бол-* причастие на *-(а)р* выражает намерение или расположенность совершить действие, см. ШН: *атланур болдї* 'он собрался отправиться' (96).

От причастия на *-(а)р* образуется личная глагольная форма настоящего времени, полностью выпадающая из разряда имени, см. Б: *істārām* 'хочу' (11), *сәңә мән килурам кулук* 'я благодарю тебя' (265); Л (А. 109): *сәвārām* 'люблю' (15), *фарјад әтārām* 'взываю о помощи' (27), *јбларам* 'плачу' (43), *јан бәрјүрām* 'душу отдаю' (78); ЧД: *коркарам* 'боюсь' (66), *әјләрām* '(с)делаю' (32а), *істārām* 'хочу' (376); ШН: *білјүрām* 'знаю' (12), *тиләрām* 'желаю' (75).

Эта форма, однако, не получила широкого распространения, и в староузбекском языке она занимает довольно обособленное положение.

Отрицательное причастие настоящего-будущего времени образуется при помощи аффикса *-мас ~ -мәс* (*-мәс*; *с < з ~ р*). Отрицательная форма при наличии местоименного окончания получает иногда дополнительный предикативный элемент *-дур*, см. ШН: *јібәрмәсдурбіз* 'не пошлем' (179).

Соответствующая форма, образованная от вспомогательного глагола *ә(р)-*, становится своеобразным отрицательным членом, см. Б: *бу нав' іш іш әмәсдур* 'такое дело — не дело' (14); Мах: *ол ма'лјм әмәс* 'это — неизвестно' (128); ШН: *лэк әл андін әмәсдур хјшнүд* 'однако народ не доволен им' (93).

Сочетанием положительной и отрицательной форм передается значение неполноценного действия, действия, начинающегося или уже протекающего, но не в полную меру, см. ШН: *кјн чікар чікмәсідә* 'когда солнце едва взошло (букв.: когда солнце всходит — не всходит)' (136).

Причастие на *-мїш ~ -міш* имеет перфективное значение и выражает действие, которое для говорящего не очевидно, см. НМ: *дәпләр кә шәјхнїң бір мјшјкї бар әрміш...* 'говорят, что у шейха была, мол, кошка...' (716).

Примеры самостоятельного употребления причастия на *-мїш ~ -міш* и с местоименной связкой. Б: *карангу кїлмїшлар* 'они сделали темным' (17); М: *мән бу сүрāt билә јаратїлмїшман* 'я создан с этим ликом' (19); Мадж: *бар әрміш* 'было' (146), *фәзїл кіші әрміш* 'превосходный он был человек' (146), *мавлāнā бір хāнāда олтуруп әрмішләр* 'мавлана сидел в одном помещении' (20а); ШН: *дәді кім Шах-замāн Балх сарї кәлмїш* 'он сказал, что Шах-заман пришел в Балх' (212).

В сочетании со вспомогательным глаголом *әр-* 'быть' причастие на *-мїш* обозначает действие, происходившее в определенном отрезок прошедшего или давнопрошедшего времени, см. М: *ва'дә кїлмїш әрдї* 'он обещал' (11), *бір кјрсї ўзә олтурмїш әрдї* 'он сидел на одном кресле' (11); СҚ: *мән сәні өлтүрмїш әрдім* 'я тебя (некогда) убил' (62а).

Будучи оформлен аффиксами принадлежности, причастие на *-мїш* образует со словом *јок* особую предикативную группу, ср. М: *...хәч көз көрмїші јок хәч кулак әшїтмїші јок* 'глаза совсем не видят, уши совсем не слышат' (26).

Изредка причастие на *-мїш* сочетается с частицей *кәрәк*

‘надо’, см. СҚ: *эмді бу кітабні Таврит кітабїға катмїш кэрәк* ‘теперь эту книгу надо присоединить к книге Таврит’ (1066).

От причастия на *-мїш*, как и от предыдущей причастной формы, образуется *Verbum finitum*, см. Б: *кїлмїшам тәрк-и ватан* ‘я оставил отечество’ (42); Л: *олмамїшам* ‘я не стал’, ‘меня не стало’ (216а); МЛ: *алмїшам* ‘я взял’ = *алмїшман*, *алмїшаң* ‘ты взял’ = *алмїшсан* (22); ЧД: *маст олмїшам* ‘я опьянел’ (16а). По широте и характеру употребления форма типа *кїлмїшам* стоит в одном ряду с формой типа *кїлурам*.

Особая разновидность причастия на *-мїш* ~ *-мїш* образуется в результате соединения соответствующей формы от глагола *тур-* с деепричастием на *-а* ~ *-ә*, см. МЛ: *аладурмїш* ‘берущий’, *урадурмїш* ‘бьющий’, *кїладурмїш* ‘делающий’, *кєладурмїш* ‘приходящий’ (22, 63).

Причастие на *-ған* ~ *-гән* синонимично причастию на *-мїш* ~ *-мїш*. Оно употребляется в качестве определения, дополнения или сказуемого как со связкой (именная часть сказуемого), так и без связки, самостоятельно, см. А: *дэгәнләрні дє-ңизләр* ‘говорите о тех, кто говорит’ (64); ДН: *ла’лїң сусаған-ларға бакмас* ‘твои губы не смотрят на жаждущих’ (235а); Б: *бєдїл экәнїмнї эмді биләй* ‘теперь, должно быть, знает, что я страдаю’ (31), *барған сајї* ‘по мере того, как идет время’ (79); БН: *Акбєкїм атлїк іккінчі кїзїні тој ва ајїн билә алған* ‘вторую его дочь, по имени Акбеким, он взял с празднествами и обрядами’ (30); Л: *‘аклу јән ‘аламїға ‘үшк отїні салғансан* ‘в мир разума и души ты забросила огонь любви’ (2086); М: *мєнїң атїмнї ајткандїн соңра* ‘после того, как он сказал мое имя’ (30), *кєлгәнїң кутлук болсун* ‘благословен твой приход’ (15), *көк капубїн саклаған фәрїштә* ‘ангел, охраняющий небесные врата’ (6); Мах: *јїрак калғандур* ‘далеко он остался’ (41), *ол сєңә кїждүргәндәк бїз аңа кїждүрәлї* ‘подобно тому, как он заставлял тебя одеть, заставим-ка мы одеть его’ (168); Мадж: *шєрї јаман эмәс єркәндур* ‘стихи его неплохи были’ (15а), *нє јєрлїк экәнї ма’лїм болмадї* ‘откуда он — не было известно’ (44а), *јїїрмә јашка јакїн экәндә* ‘когда он приблизился к 20 годам’ (100а); РҚ: *јахшї аңламаған сөзнї ајтмабїл* ‘не произноси не понятых хорошо слов’ (157а); СҚ: *көргәнїм јок*

‘я не видел’ (9а), *мєнїң карнїмда экәндә* ‘когда он был в моем чреве’ (84а); ШН: *кабал кїлғанї* ‘осада’ (49), *туткандїн соң* ‘после того, как он схватил’ (142).

Форма на *-ған* от глагола *тур-* в сочетании с деепричастием на *-а* образует особую разновидность причастия, выполняющего только собственно причастные (атрибутивные) функции, ср. БН: *барадурған өзбәк билә* ‘с кочевыми узбеками’ (10); Л: *мєнї шајдә кїладурған* ‘делающий меня безумцем’ (2016); Мах: *тәндїн чїкадурған јәнға* ‘душе, выходящей из тела’ (25), *тітрәјдүргән башға* ‘к дрожащей голове’ (58); НМ: *барк боладурған кємәнї* ‘тонувшую лодку’ (9а); ШН: *шахар хәлїн биләтурған болдї* ‘он был знающим положение города’ (69).

Причастие на *-ған* ~ *-гән* (*-гїн* ~ *-кїн*), образованное от глагола *є-*, в ряде случаев употребляется как модальная частица, ср. ХМ: *бу дәстән(да) алтмїш бєјт бар єркїн* ‘в этом дастане шестьдесят бейтов (как оказывается)’ (616).

Случаи стяжения этой формы вследствие выпадения *г* ~ *г* в староузбекском языке являются довольно редкими, см. ТН: *аја көңлїм алан* ‘о захватившая мое сердце!’ (286а); А: *арї јусуфнї сєвәнләр* ‘полюбившие чистого Юсуфа’ (50). Ср. у Мехдї-хана: *г* (*г*) выпадает у тюрков Рума и Ирана, например *алан* ‘бравший’, *кєлән* ‘приходивший’.¹⁸

О причастии настоящего длительного на *-аған* ~ *-әгән* см. у Мехдї-хана. Примеры: *тутаған* (= *دايم گیرنده*) ‘державший (постоянно)’, *чапаған* (= *دايم تازنده*) ‘бегущий (постоянно)’, *ураған* (= *دايم زنده*) ‘бьющий (постоянно)’, *кїлгән* (= *دايم خنده*) ‘смеющийся (постоянно)’.¹⁹

Причастие на *-ғу* ~ *-гү* имеет значение будущего времени, с оттенком долженствования.

Самостоятельно и со связкой *дур(ур)* ~ *тур(ур)* причастие на *-ғу* ~ *-гү* выполняет преимущественно предикативные функции, причем в качестве предиката оно может оформляться показателями принадлежности всех трех лиц, см. Б: *нє болбусї* ‘что будет’ (7), *сәндїн тїләгїмдур...* ‘мое желание от тебя — (иметь)...’ (122); М: *хәрнє тїләсәң сәңә бєргїсї турур* ‘все, что

¹⁸ Мабәни’ л-луғат, стр. 9.

¹⁹ Там же, стр. 28.

пожелаешь, он тебе даст' (11), *ујмакка кірїјсі турур* 'он войдет в рай' (14); С: *дабі нә кілбусі* 'что сделает в конце концов' (196); НМ: *кім білә сұхбат туткундур* 'с кем будешь беседовать' (68а), *кілмабумдур* 'не сделаю' (84а), *мундін жах-шїрак кїн көрмїїңїздур* 'лучше этого дня не увидите' (148а); ЧД: *јан фїдә кілзумдур* 'принесу в жертву душу' (24а), *ај Наваї болмабуң андін булар бірлә халас* 'о Навои, не освободишься от того этим' (536), *тапмабуң* 'не найдешь' (926); ШН: *бармабумдур* 'не пойду' (203), *бу сарї кәлїјсі ол хан* сюда должен прийти тот хан' (204).

Будучи оформлено падежными аффиксами, причастие на -бу выступает как подлежащее, дополнение или обстоятельство, см. Б: *ачкунча* 'до того, как откроет' (24); Л (А. 109): *сәні тојбунча көрсїн* 'пусть созерцает тебя до насыщения' (25); Мах: *сачкан дәннә көкәрїїнчә* 'до того, как зазеленеет брошенное зерно' (46), *таң аткунча* 'до рассвета' (126); СҚ: *тојбїнча јәдїләр* 'они ели до насыщения' (53а).

Употребление рассматриваемого причастия в качестве атрибута — довольно редкое явление, см. М: *ја расїл кәлїј чабїң болдї* 'о посланник, время твоего прихода наступило' (6).

К формам на -бу ~ -їј присоединяется аффикс -лук ~ -лїк. В сочетании с последним они выражают намерение совершить действие, см. у Мехдї-хана. МЛ: *албулук* = گرفتنی 'намеревается взять', *кїјїлїк* = پوشیدنی 'намеревается одеться' (57). Ср. также формы на -дәк типа *урбүдәк*, *болбүдәк*.

Большая группа причастий на -бу ~ -їј, подвергшихся полной субстантивации, выделилась из разряда имени действия и перешла в разряд существительного, ср.: *ујку* 'сон', *ичїј* 'питье', *јәїј* 'еда', *кїлїј* 'смех'.

Причастие на -бур ~ -їр... можно назвать причастием только условно. В староузбекском языке оно является омертвевшим морфологическим образованием и имеет ограниченные синтаксические функции.

Данное причастие выражает, по-видимому, значение настоящего времени, осложненное каким-то модальным оттенком, см. Л: *бу тојмабур көзүмдә* 'этим моим ненасытным глазам' (1746), *отка тїшкїр бу көңїлдур Лүтфїні хөр әйләгән* 'это сердце, чтоб ему сгореть, сделало ничтожным Лутфи' (211а); СҚ: *кәләр*

уста 'пришлый мастер' (476); ЧД: *тїнмабур јїсїм* 'неугомонная моя плоть' (22а). Ср. у Мехдї-хана, МЛ: *чїкбур* 'выходящий', *тїнбур* 'успокаивающийся', *тїнмабур* 'не успокаивающийся', *ујбанмабур* 'не просыпающийся', *учбур* 'летающий', *өт-гїр* 'проникающий' (19, 31).

Причастие на -ајак ~ -әјәк (будущее с оттенком долженствования) Мехдї-хан рассматривает как образование, характерное только для „румийских“ и „иранских“ тюрок.²⁰

ГЛАГОЛ

Исходной, или основной, формой глагола, занимающей важное место в системе его словоизменения, является форма, внешне совпадающая со 2-м лицом единственного числа повелительного наклонения, ср.: *бар* 'иди', *бар* 'иди'. Эта форма может быть положительной или отрицательной, ср.: *барма* 'не ходить', *барма* 'не ходи'.

СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ ГЛАГОЛА

От глагольной основы образуются словоизменительные формы полной и неполной вербальности.

К формам полной вербальности, или истинно глагольным формам, относятся формы наклонений: повелительного (предлагательно-желательного), условного, изъявительного.

Группа морфологических образований неполной вербальности состоит из форм соотносительного выражения времени, т. е. из деепричастий прошедшего, настоящего и будущего времен.

В системе словоизменения глагола помимо аффиксов наклонения и так называемого относительного времени присутствуют также показатели, обозначающие лицо и число, вместе или в отдельности. Эти показатели в большинстве случаев являются средствами выражения предикативности и характерны не только для глагола, но и для имени.

Необходимо далее отметить, что изъявительное наклонение реализуется во временных формах, и, таким образом, следует

²⁰ Мабаи' л-лугат, стр. 56.

говорить о наличии в морфологической структуре глагола аффиксов, выражающих некоторые временные значения. В более широком плане, как известно, время выражается причастиями и деепричастиями, выступающими в сочетании с предикативными частями.

Морфологическая структура глагола, с учетом высказанных выше замечаний, должна быть представлена следующим образом: основа (первичная или вторичная) + аффикс наклонения (включая время) + аффикс(ы) лица и числа, например:

бар + *-дї* + *-м* 'я отправился' (форма полной вербальности, изъявительного наклонения, прошедшего времени; 1-е лицо единственного числа),

бар + *-а* + *-ман* 'я отправляюсь' (форма неполной вербальности, настоящего времени; 1-е лицо единственного числа),

кїј - *дїр* + *-дї* + *-м* 'я одел, заставил одеться' (форма полной вербальности, изъявительного наклонения, прошедшего времени; 1-е лицо единственного числа).

Формы полной вербальности

Формы повелительного (предлагательно-желательного) наклонения

Повеление в собственном смысле слова может быть обращено только к собеседнику, и поэтому формы повелительного наклонения представлены одним — вторым — лицом.

Форма повелительного наклонения единственного числа не имеет специального оформления, см. Б: *көр* 'смотри' (1), *кој* 'оставь' (50), *башкар* 'веди', 'направляй' (124), *јәткјр* 'доведи', 'донеси' (198); Мах: *кәлтјрмә* 'не приноси' (163); Мух: *јіблама* 'не плачь' (10); ЭД: *ал* 'возьми' (1), *бар* 'иди' (4).

Вместе с тем в произведениях Навā'й и других поэтов в значении повелительного наклонения 2-го лица единственного числа выступает форма на *-у* ~ *-ү*. Эту форму выделили Тали Херевй, Наҗирй, составитель словаря Абушқа, Мехдй-хан и другие. Тали Херевй рассматривает аффикс *-у* ~ *-ү* как средство, подкрепляющее требование, по мнению Наҗирй данный аффикс выражает значение будущего времени (мستقبل),²¹ составитель

²¹ См.: Мабāни' л-лугат, стр. 36.

Абушқа считает его принадлежностью формы повелительного наклонения и переводит *куткарү* = قورتار, *баукарү* = بول کوستر, *бјткјрү* = بتور.²²

В словаре Абушқа и у Мехдй-хана приведены следующие стихи с указанной формой. Из дивана Султāна Хусейна:²³

اختاروردا تاپسانك اول كونكلوم كه مجنون شيوه دور
هر نيچوك بولسا عدم صحراسى سارى باشقارو

'Если разыскивая найдешь сердце мое, которое обезумело, что бы ни случилось, веди [его] в пустыню небытия'.

قايتاروردا واقف اولونك كيم يانا قايتماسون
تينكبرى اوچون ناتوان كونكلومنى اندين قوتقارو

'При возвращении будь в курсе дел, чтобы она снова не вернулась, ради бога освободи от нее мое немоющее сердце'.

ايستابان كيلسا يانا كوكسوم شكافين تاپماغاي
وه كه بير مرهم قويوب اول چاك كوكسوم بوتكارو

'Если разыскав придет снова, отверстия [для входа] в моей груди не найдет. Увы! Наложил пластырь и покончи с тем отверстием в моей груди'.

Из произведений Навā'й:²⁴

اى صبا اواره كونكلوم ايستايو هر يان بارو
وادى و تاغ و بيابان لارنى بير بير اختارو

'О блуждающее сердце мое, ищи и ходи повсюду, обыщи всё: и долины, и горы, и пустыни'.

تاپاكور آنى چو تاپسانك هر قايان عازم ايسا
باشينه ايورول قويون ديك داغى آلداب قايتارو

²² Абушқа, стр. 130, 145, 336.

²³ Там же, стр. 130, 145, 336.

²⁴ Мабāни' л-лугат, стр. 36.

‘Смотри найди ее, а как только найдешь, куда бы
ни пошла,
над головой ее вращайся, подобно вихрю, и обманув
верни’.

Характерно, что форма повелительного наклонения 2-го лица единственного числа с дополнительным *-у ~ -ў* образуется от основ, оканчивающихся на *р*, ср.: *бару* ‘иди’, *ахтару* ‘ищи’, *откәріў* ‘проводи’, *башкару* ‘веди’, *бўткәріў* ‘кончай’, *кайтмару* ‘возвращай’ и т. д. Это обстоятельство отмечает, в частности, Мехдй-хан.²⁵ От основы с конечным *р* образуется также форма повелительного наклонения 2-го лица единственного числа на *-ї* — *барї* ‘иди’, зафиксированная в словаре Абушқа.²⁶

Возможность растяжения основ, оканчивающихся на *р*, при помощи дополнительного гласного не является чем-то неожиданным. Достаточно вспомнить о факультативном проявлении конечного гласного в таких глагольных основах, как *сор* (~ *сора*) ‘спрашивать’, *јўр* (~ *јўрә*) ‘идти’ и др. Правда, в последних примерах присутствие конечного гласного никак не связано ни с характером текстов, ни с позиционными условиями, тогда как *бару*, *ахтару*, *откәріў* и т. д., в значении повелительного наклонения, встречаются лишь в поэтических текстах и только в конце стихотворной строки. В связи с этим можно высказать предположение, что в данном случае растяжение основ обусловлено требованиями просодии, количественного метра, что для староузбекской поэзии — обычное явление.

В отдельных случаях мы, очевидно, имеем дело не с особой разновидностью повелительного наклонения, а с архаической деепричастной формой.

Особая форма повелительного наклонения 2-го лица единственного числа — так называемый категорический императив — образуется при помощи аффикса *-бїл ~ -ил*, см. Б: *јарлїб әтгїл* ‘прояви милость’ (24), *туткїл* ‘держи’ (25), *әлїлїл* ‘сделай’ (29), *унутмабїл* ‘не забудь’ (65), *сорбїл* ‘спроси’ (137), *кәлїл* ‘приди’ (200); М: *болбїл* ‘будь’, ‘стань’ (9), *барбїл* ‘иди’ (21); Мах: *аңлабїл* ‘раз-

²⁵ Там же, стр. 36.

²⁶ Абушқа, стр. 127.

умей’ (137); РҚ: *кајбурмабїл* ‘не печалься’ (1426), *сакїнбїл* ‘думай’ (1536), *ајтмабїл* ‘не говори’ (157а); С: *јашабїл* ‘живи’ (31а); СҚ: *хабар кїлбїл* ‘поведай’ (26), *сїңјрїл* ‘введи’, ‘впитай’ (776); ЧД: *кутулбїл* ‘освободись’ (216), *јутмабїл* ‘не глотай’ (236), *чїкбїл* ‘выйди’ (716); ШН: *бәрїл* ‘дай’ (70), *отурбїл* ‘посиди’ (114), *көрїл* ‘посмотри’ (184), *копбїл* ‘поднимись’, ‘встань’ (192).

Вторая форма категорического императива — типа *барбїн* — в текстах XIV—XVI вв. встречается очень редко. Употребление ее имеет место в Та’ашшук-наме, в сочинениях Әмїрї, Бабура и некоторых других авторов, см. БН: *рәст ајткїн* ‘говори правду’ (144), *анї алїп кәлїн* ‘приведи его’ (145); ДН: *ајаб баскїн* ‘стань ногой’ (2606), *гїрм кїлбїн* ‘согрей’, *барбїн* ‘пойди’, *чїкарбїн* ‘извлеки’ (262а); ТН: *кїлбїн* ‘делай’, *јарабїн* ‘будь полезным’ (2776); Ә: *бајан кїлбїн* ‘поведай’ (3226), *рәзї болбїн* ‘согласись’ (3336). Мехдй-хан указывает, что аффикс *-бїн ~ -гїн* вместо *-бїл ~ -гїл* используют „узбеки“, т. е. представители кочевых племен (см.: Сангләх, стр. 86). Можно предположить, что длительное время данная форма была распространена только на севере, в Приаралье, и что ее проникновение в староузбекский литературный язык первоначально происходило книжным путем, через золотоордынскую литературу и произведения некоторых хорезмийских авторов — таких, как, например, Мухаммед Сәлих.

Форму повелительного наклонения множественного числа образует аффикс *-(ї)ң ~ -(ї)ң*, см. Б: *көрїң* ‘смотрите’ (10), *кә-тїрмәң* ‘не приносите’ (222); НМ: *өргәнің* ‘учитесь’ (31а), *олтуруң* ‘сидите’ (716), *окуң* ‘читайте’ (2066); РҚ: *кәлтїрїң* ‘принесите’ (1386); ШН: *сабр кїлїң* ‘терпите’, *којуң* ‘оставьте’ (39). Аналогичное значение имеет аффикс *-їңїз ~ -иңїз*, который нередко служит также средством выражения почтительного отношения к одному или нескольким лицам, см. М: *әшімїңїз* ‘слушайте’ (3), *кїлїңїз* ‘делайте’ (5); МХ: *сөндїрмәңїз* ‘не гасите’ (11); РҚ: *кәсмәңїз* ‘не режьте’ (1596); СҚ: *бімїңїз* ‘пишите’ (8а), *кїлїңїз* ‘делайте’ (9а), *ујванїңїз* ‘пробуждайтесь’ (436), *јәңїз* ‘ешьте’ (526), *кәлтїрїңїз* ‘приведите’ (53а), *уруңуз* ‘бейте’ (97а); ШН: *көрїңїз* ‘смотрите’ (133), *којуңуз* ‘оставьте’ (146), *болуңуз* ‘будьте’, ‘станьте’ (210).

Присоединение к формам множественного числа аффикса -лар ~ -lär делает обращение несколько фамильярным (для формы на -iñ ~ -iñ) или, наоборот, подчеркнуто вежливым (для формы на -iñiz ~ -iñiz). Примеры. А: *dəñizlär* 'говорите', *ölümäñizlär* 'не убивайте' (64); БМ: *копуңлар* 'вставайте' (131), *katılмаңиз* 'не присоединяйтесь' (136), *сам jəməñiz* 'не беспокойтесь' (144). При этом формы типа *барiñизлар* 'идите' для староузбекского языка являются не совсем обычными, тем более, что используются они довольно редко и преимущественно в поэтических текстах, где необходимость расширения созвучий рифмующейся части стиха приводит к ослаблению общепринятой нормы.

Употребление форм повелительного наклонения 2-го лица для других лиц и, в частности, для 1-го лица, наблюдается очень редко, см. СК: *jürjün Məkkəgə баралi* 'пошли, отправимся-ка в Мекку' (21a).

Предлагательно-желательное наклонение представлено формами 1-го и 3-го лица единственного и множественного числа, которые образуют с рассмотренными выше формами полную парадигму спряжения.

Аффикс 1-го лица единственного числа предлагательно-желательного наклонения — *-aj* ~ *-äj* или *-ajin* ~ *-äjin*, см. А: *бакаjın* 'посмотрю-ка' (130); Б: *көрäj* 'увиджу-ка' (46); М: *баракка minäjin* 'сяду-ка на верховое животное' (2), *хикаjат килаjın* 'расскажу-ка' (3), *көргüzäjin* 'покажу-ка' (11); ШН: *ахтарajın* 'поищу-ка' (212).

Наличие двух вариантов аффикса 1-го лица не связано с выражением каких-либо дополнительных оттенков и не обусловлено различием структурно-фонетических данных. Нестяженный, полный вариант является более древним, сокращенная форма — относительно позднее образование, которое в современном узбекском языке становится господствующим.

Третий вариант формы предлагательно-желательного наклонения 1-го лица единственного числа для староузбекского языка не типичен, см. БН: *көрäjim* 'посмотрю-ка' (144).

Аффикс 1-го лица множественного числа — *-(a)li* ~ *-(ä)li*, см. Мах: *кїлалi* 'сделаем-ка', *алалi* 'возьмем-ка', *кїjdүрälі* 'одедем-ка' (168); СҚ: *ичäli* 'выпьем-ка' (40a), *болали* 'станем-ка' (52a);

ШН: *кəčäli* 'перейдем-ка' (127), *kəlmjüpäli* 'приведем-ка' (160); Я: *ташлалi* 'бросим-ка' (3206). Встречаются также формы предлагательно-желательного наклонения 1-го лица множественного числа, образованные при помощи аффиксов *-(j)lik* и *-alıñ*, см. БН: *küräwäliñ* 'давай-ка поборемся' (26), *jürjüliñ* 'пойдем-ка' (70), *rübärü болаliñ* 'станем-ка лицом к лицу' (115), *jläwäliñ* 'поделим-ка' (133), *kəlmjüpäliñ* 'доставим-ка' (138); ШН: *көрä(j)lik* 'увидим-ка' (160), *kīlālīñ* 'сделаем-ка' (160). Первая форма — новейшая (в пределах рассматриваемого периода), получившая широкое распространение в современном узбекском языке, вторая, напротив, очень древняя, известная главным образом из восточнотуркестанских текстов XI—XIII вв. В сочинении Мехдї-хана использование второй формы (на *-alıñ* ~ *-äliñ*) приписывается „тюлкам Турана“ (см.: Сангяx, стр. 13a). В связи с этим непонятны причины ее преобладания в тексте Бабурнаме, в котором встречается еще одна форма предлагательно-желательного наклонения 1-го лица единственного числа, см. БН: *сəңä бəрäjık* 'дадим-ка тебе' (132). Возможно, что такое обилие однотипных форм объясняется отражением языковых особенностей переписчиков.

Формы предлагательно-желательного наклонения 1-го лица единственного и множественного числа образуются также при помощи аффиксов *-байim* ~ *-äjim*, *-байin* ~ *-äjin* (ед. ч.), *-балim* ~ *-älim*, *-балin* ~ *-älin*, *-балi* ~ *-äli* (мн. ч.), которые выступают преимущественно в памятниках золотоордынского цикла, ср. МН: *башлабайin* 'начну-ка' (162a); ХШ: *kizlägäjin* 'спрячу-ка' (186), *jägälim* 'поедим-ка' (296) и т. д.

Форму 3-го лица единственного числа образует аффикс *-сун* ~ *-сүн*. Примеры. Б: *болмасун* 'пусть не будет' (7), *kəlsün* 'пусть придет' (18), *körmäsün* 'пусть не видит' (27), *küj-djürmäsün* 'пусть не сожжет' (46); Мах: *kəlmjürmäsün* 'пусть не приносит' (14); ЧД: *ölümjürcün* 'пусть убьет' (7a), *dəscün* 'пусть приносит' (476); ШН: *kīlsun* 'пусть сделает' (43), *кабасун* 'пусть осадит' (52), *јасансун* 'пусть снарядится' (55), *dəməscün* 'пусть не говорит' (75), *турсун* 'пусть стоит' (94), *ача бəрсүн* 'пусть не говорит' (75), *турсун* 'пусть стоит' (94), *ача бəрсүн* 'пусть не говорит' (75), *jürjüsün* 'пусть идет' (156), *барсун* 'пусть идет' (155), *откроет* (116), *jürjüsün* 'пусть идет' (156), *барсун* 'пусть идет' (155), *окусун* 'пусть охладит', *тутсун* 'пусть держит' (188), *окусун* 'пусть читает' (194), *jībilsun* 'пусть соберутся' (198), *олтурсун*

‘пусть сидит’ (199). В сочинении Қутба встречается разновидность этого аффикса без конечного *n*, см. XIII: *kəlcij* ‘пусть придет’ (16), *bolcu* ‘пусть будет’ (96).

В 3-м лице множественного числа к аффиксу *-сун ~ -сўн* присоединяется аффикс *-лар ~ -ләр*. Часто значение множественного числа выражается формой на *-сун ~ -сўн* и без дополнительного оформления.

Мехдй-хан утверждает, что параллельно аффиксу *-сун ~ -сўн* форму предлагательно-желательного наклонения 3-го лица образует аффикс *-дәк (~ -дәк ~ -дiк?)*, ср.: *oldak* ‘пусть будет’, *sordak* ‘пусть спросит’.

Примеры, которые приводит Мехдй-хан, почерпнуты из произведений Навāй; у других классиков староузбекской литературы подобная форма, насколько нам известно, не встречается, ср.:

təlbā köñlümni Nava'ī zabt ājlāj almadīn

əmdī çək andīn əlik xər sarī barsa bardək (بارديک).

‘Свое обезумевшее сердце, Навои, ты не смог обуздать, теперь сними с него руку, пусть идет, куда хочет’.

aj Nava'ī milāgān zuhd-u şalāx

közi-jū köñlini xām asradək (اسراديک).

‘О Навои, пожелавший праведности и благочестия, пусть побережет свои глаза и сердце’.

şām-i xījrānīm vīşāl ahlīsa bəşhad kīskadur

anī sordəklār (سوردیكلار) *Nava'ī dīdā-jī irjānīdīn*.

‘Вечер моей разлуки для тех, кто вместе, — очень короткий,

[но] пусть спросят об этом [лучше] у плачущих глаз Навои’.

vatanğa janip xalk āsūdā dīl

barī bīzdin oldəklār (اولدیكلار) *ammā bāxull*.

‘Вернувшись на родину, народ пребывает в спокойствии, однако пусть все получают от нас разрешение’.²⁷

asradək xīfəzīda dāim anī

‘Пусть постоянно хранит его у себя (в памяти?)’.]

²⁷ См.: Мабāни’ л-луғат, стр. 38.

kīm kə köñlīn istāmās bamīn milini asradək

‘Кто не хочет опечалить свое сердце, пусть придер-живается свой язык’.

ölsä Nava'ī jədək köj imlāri sōñākin

‘Если Навои умрет, пусть дворняжки обгладывают его кости’.

munda turdək bīr mīkdār muļāxazā kīlalī

‘Пусть стоит здесь, подумаем-ка немного’.²⁸

Сомнительно, чтобы в значении форманта предлагательно-желательного наклонения выступал сам по себе аффикс *-дәк (~ -дәк)*, образующий обычно уподобительную форму. Поэтому хотелось бы думать, что в данном случае мы имеем дело с совершенно особым морфологическим элементом, имеющим в огласовке фатху или кесру (*-дәк, -дәк* или *-дiк*). Именно так поступают К. Менгес и К. Броккельман, выделяющие новый аффикс *-dīk*.

Какова же природа этого ранее неизвестного аффикса? К. Менгес высказывает предположение, что *dī* является аффиксом отглагольного имени с показателем принадлежности 3-го лица, а *k* восходит к частице *ök*.²⁹ Такой путь развития *-dīk* нам кажется, однако, маловероятным, так как выделяемая К. Менгесом исходная форма *bardī-ök* ‘он пошел же’ в семантическом отношении очень далека от искомой формы, ср.: *bardīk* (*бардәк*) ‘пусть пойдет’. К. Броккельман пытался возвести *-dīk* к наречию *dīk (~ mīk)*, ср.: *dīk turdī* ‘он прямо стал’.³⁰ Трудно принять и этот вариант этимологического объяснения *-dīk*, который предложен без учета семантического своеобразия рассматриваемой формы и особенностей синтагматического распределения наречий.

Таким образом выделение аффикса *-dīk* и квалификация его как особого морфологического показателя пока не являются достаточно убедительными.

²⁸ См.: С. Муталлибов. Морфология на лексика тарихидан қисқача очерк, б. 80.

²⁹ См.: K. H. Menges. Das Čağatajische in der persischen Darstellung von Mīrzā Mahdī Xān, S. 684.

³⁰ C. Brockelmann. Osttürkische Grammatik, S. 225.

Принимая во внимание то обстоятельство, что аффикс *-дәк* (*-дәк*), так же как и аффикс уподобительной формы, не подчиняется закону гармонии гласных, мы склонны считать, что в составе формы предлагательно-желательного наклонения 3-го лица у Нава'й выступает уподобительный аффикс-последлог (отглагольное имя от *дә-* 'говорить'), ср. русск.: *иди мол, смотри мол*, и что сам факт употребления его в таком необычном сочетании относится к чисто индивидуальным особенностям языка Нава'й, не выводимым из норм староузбекского языка в целом.

Собственное значение форм предлагательно-желательного наклонения может существенно изменяться в зависимости от особенностей контекста. Так, при наличии препозитивно расположенных вопросительных местоимений или наречий, иногда сливающихся с глаголом, указанные формы приобретают оттенок неопределенности, ср. Б: *нә киләјін* 'что поделаю?' (3), *нәтәј, нәтәјін* 'что поделаю?' (19), *нәчүк јән әлтәјін* 'как смогу жить (?)' (23), *нәјләјін* 'что поделаю?' (43); БН: *нә килсун* 'что поделает?' (51), *сиздін нә јашурајін* 'что я скрою от вас?' (143); МХ: *нір дәді кәфши ким сакласун ким ајағин кәфш билә бабласун* 'старец сказал: кто будет беречь чувяки, кто будет надевать на его ноги?' (23), *карні ачпн нә јәсјін ол нәмурәд* 'проголодавшись, что будет есть тот неудачник?' (23); ШН: *нәтәли* 'что поделаем?' (35). В сочетании с деепричастием *дәп* или с относительным союзом *ким*, в составе придаточного предложения, формы предлагательно-желательного наклонения выражают значение цели, см. Б: *туттум сачиң јүзін көрдәј дәп* 'я схватил ее (за) волосы, чтобы увидеть лицо' (46); Мух: *сәкјә тут бадә ким бір лахзә өзүмдін барај, шарт бу ким хәрнәчә тутсаң лабә-лаб сипкарај* 'эй, виночерпий, держи вино, чтобы от него хоть на мгновение забыться; уговор таков, что сколько бы ты ни держал, все осушу' (8); СҚ: *бір мундаб іш килсун ким биз такі ујатләв болмалі*³¹ 'пусть сделают одно такое дело, чтобы нам не было стыдно' (886).

³¹ С этой формой не следует смешивать формы типа *алмалі* 'он намерен взять', *кәлмәли* 'он намерен прийти', употребляющиеся, как отмечает Мехдиджан, «у тюрков Рума». См.: Мабани' л-луғат, стр. 17.

Форма условного наклонения

Аффикс, образующий форму условного наклонения, — *-са ~ -сә*.

Форма условного наклонения изменяется по лицам:

	Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л.	<i>-сам ~ -сәм</i>	<i>-сак ~ -сәк</i>
2-е "	<i>-саң ~ -сәң</i>	<i>-саңіз ~ -сәңіз</i>
3-е "	<i>-са ~ -сә</i>	<i>-са(лар) ~ -сә(лар)</i>

Данная форма выражает условие, при котором действие может или не может совершиться, см. Б: *јәр бәрмәсә* 'если не даст' (10), *істәсәңіз* 'если захотите' (25), *ајағин өпсәм* 'если поцелую ее ноги' (55), *мутавајјих олса* 'если он направится' (122), *нәз әгәр килсаң* 'если будешь кокетничать' (197), *әшитсәм* 'если услышу' (201), *ичсәм* 'если выпью' (222); Мах: *ол бәрсә* 'если он даст' (17); С: *күн тјүштә көрсә хусну јәмәлиң кәмәлині ујбанп іхтјјәр әтәр өз завәлні* 'если солнце увидит во сне совершенство твоей красоты, проснувшись, пожелает (снова) зайти (т. е. уснуть)' (256); СҚ: *сабур килу билүр әрсәң* 'если ты сможешь вытерпеть' (83а); ШН: *кабаса хәм кабасун* 'если будет осаждать, пусть осаждает' (52); ЧД: *ахлі јолукса мастләвдін таніман* 'если встретятся люди, из-за опьянения не узнаю' (896).

Изредка, при наличии в главном предложении сочетаний типа *барар әрді, бармас әрді, барбај әрді, бармабај әрді* в функции сказуемого, форма условного наклонения выражает нереальное условие, см. Б: *бәмәхр дәсә әл сәні мән бјүтмәс әдім* 'если бы люди говорили, что ты без любви (т. е. лишена способности любить), я бы не поверил' (245). Чаще же такое значение выражается сочетанием условной формы и вспомогательного глагола *әр-* в прошедшем времени, см. Б: *аңласам әрді мунча дөстлар јәрдін ајрїлмас әдім өлгүнчә* 'если бы я понимал, от столько друзей и возлюбленной не отлучался бы до смерти' (33); НМ: *сәні тиләмәс болсам әрді үјүмгә којмас әрдім* 'если бы я не хотел тебя, не пускал бы в свой дом' (526); ХМ: *бір кішідін сораб килса әрді ајтур әрдиләр ким...* 'если бы спросил он у одного человека, тот сказал бы, что...' (26а);

ШН: *kəlmäsäñ ärdi barur ärdük bız* 'если бы ты не пришел, мы отправились бы [сами]' (130).

Самостоятельно, в качестве сказуемого главного предложения, данная форма выражает желание, намерение совершить действие, см. БН: *məniñ sözümdin çikmasalar Sind sujıñ ol jüzidä pädşah kılıçın çapşam* 'если они не отступят от моих слов, порублю-ка я мечом государя на той стороне реки Синд' (181).

С вопросительными местоимениями и наречиями форма на -са передает так называемую абстрактную (неконкретную) условность („куда бы ни“, „где бы ни“, „как бы ни“ и т. д.), см. А: *körärmän här kañan bakşam tənizlär* 'куда ни посмотрю, вижу моря' (64), *añabıñ kanda болса башım анда* 'где бы ни были твои ноги, там (всегда) моя голова' (5); Б: *nəçä körsätsäm wañawu mähr ätir javru jañä* 'сколько ни показываю свою верность и любовь, отвечает притеснениями' (63), *här sarı kə jüzlinsäm...* 'куда бы я ни направился...' (66); Мах: *härnə kım ajtur olса...* 'все, что ни скажет...' (25), *kañan sürsäñ ol jan barur* 'куда ни потянeshь, туда и пойдет' (133); ЧД: *kañda kım барса...* 'куда бы он ни пошел...' (24а), *nə dəsä dəsün* 'что бы он ни сказал, пусть говорит' (476).

В сочетании с частицей *kəräk* форма условного наклонения выражает предположительность, основанную на субъективном анализе обстоятельств совершения действия, см. Б: *ol kujañ kəräk болса* 'то, должно быть, солнце' (7), *jär jüzümnı körüp dard va bamım bilsä kəräk* 'возлюбленная, увидев мое лицо, пожалуй, узнает о моих страданиях и печалях' (3); Л (А. 109): *sıxır işin Kaşmir eli bamzañdın örgänsä kəräk* 'колдовству народ Кашмира, должно быть, учится у тебя' (8).

В сочетании с глаголом *бол* 'быть', 'становиться' или без него рассматриваемая форма выражает возможность совершения действия или невозможность, если в той и другой форме выражено отрицание, см. Б: *kanı Şirın bilä Ləjlä kə cəndin nəz örgänsä* 'где Ширин и Лейла, которые могут поучиться у тебя кокетству?', *kanı Farhadu Majnun kım аларға 'işik örgätsäm* 'где Фархад и Маджнун, которых я могу научить любви?' (89); ДН: *kılса болмас* 'нельзя делать', *bilsä болмас* 'нельзя узнать' (247а), *бу jazykdın anı ölmürsä болмас* 'за

этот грех его нельзя убивать' (2476); Л (А. 109): *кача болмас* 'убежать нельзя' (14); Мадж: *тапса болмас* 'нельзя найти' (1006); Мах: *ajтса болмас* 'нельзя сказать', *bitisä болмас* 'нельзя написать' (1), *kılса болур* 'можно сделать' (33); МХ: *jolnı kıl-lavuz bilä тапса болур* 'с проводником можно найти дорогу' (7); Мух: *dəsä болур* 'можно сказать' (2), *añлатса болғај* 'можно объяснить' (8); ЧД: *kılса болмас* 'нельзя делать' (286).

В тех случаях, когда условная форма сопровождается частицей *хәм*, она обычно выражает уступительное значение.

В сочетании с союзом *кım*, а иногда и самостоятельно, форма условного наклонения подчеркивает мгновенность перехода от действия, выраженного ею, к другому действию, см. М: *jabra'il əşik kaksа kım cən dəp ün kəldi* 'как только Джабраил постучал в дверь, раздался возглас: „Кто ты?“' (9).

При глаголе *istä-* 'хотеть' форма на -са ~ -сә выступает в качестве приглагольного дополнения (ср. персидский аорист), например, ЧД: *istäräm közgüdü körсәм jār 'äksin бір нафас* 'хочу (хоть) на мгновение увидеть в зеркале отражение возлюбленной' (40а), *istäräm sorban saji baştın xikājat äjläsä* 'хочу, чтобы по мере того, как спрашивают, рассказ начинали снова' (69а).

После союза *кım* рассматриваемая форма может заменять форму будущего времени изъявительного наклонения, см. СҚ: *качан kım kəçä болса* 'когда наступит вечер' (16а).

Форма условного наклонения от вспомогательного глагола *är-* входит в состав некоторых местоимений и служебных слов или сама по себе является служебным словом, см. СҚ: *качан kım ol çərig jandı ərsä* 'когда то войско вернулось' (736); ТМ: *itä bərdi ərsä* 'когда он дал собаке' (114а); ХМ: *jok ərsä* 'в противном случае' (33а); Я: *baktım ərsä* 'когда я посмотрел' (314а), *xəçkimərsä* 'никто' (3146).

В заключение этого раздела необходимо отметить, что условие в староузбекском языке, при наличии союза *ägär*, *jär*, может быть выражено не только формой условного наклонения, но и любой другой глагольной формой, ср. А: *ägär köñlün tıl-lär janımnı алмак* 'если твое сердце захочет покорить мою душу' (98), *ägär jan çürätin körмәк tılärsän* 'если хочешь увидеть изображение души' (155); Б: *jär batpak jibärmäsän*

javābīm 'если поскорее не пошлешь мне ответ' (199); Мах: *āār jīllar ra'ājat kīlīpsan* 'если годами оказываешь внимание' (37), *āār atīñ joktur arpa bamīn jēmāssān* 'если у тебя нет лошади, ты не знаешь заботы о ячмене' (169); ШН: *sān āār vahm kīlursan xandīn* 'если ты боишься хана' (70).

Формы изъявительного наклонения

Формы изъявительного наклонения передают действие в повествовательном аспекте и, следовательно, с различением временной перспективы. Выражение времени — отличительная черта данных форм. Время выражают и другие формы, ср., например, условное наклонение, однако возможности выражения времени другими морфологическими образованиями ограничены.

В староузбекском языке три временных глагольных формы: прошедшее „категорическое“, будущее „неопределенное“ и настоящее-будущее отрицательное.

Форма прошедшего „категорического“ имеет в качестве показателя *-dī ~ -di ~ -du ~ -dū* и присоединяет к себе аффиксы принадлежности:

Ед. ч.

Мн. ч.

1-е л. *-dīm ~ -dim ~ -dum ~ -dūm -dīk ~ -dik ~ -duk ~ -dūk*2-е “ *-dīñ ~ -diñ ~ -duñ ~ -dūñ -dīñiz ~ -diñiz*3-е “ *-dī ~ -di -dī(lar) ~ -di(lār)*

Примеры. Б: *bolduñ* 'ты стало' (4), *sarbardīm* 'я пожелтел' (29), *bardīñiz* 'вы отправились' (228); Л (А. 109): *kōrdūm* 'я видел' (188), *buздун* 'ты разрушил' (210); М: *kīlduk* 'мы сделали' (5); Мадж: *kēltūrdilār* 'они доставили' (186), *oñbaalī kīrdilār* 'они вошли поиграть' (20а), *javāb āttīm* 'я ответил' (20а), *kēldī* 'он пришел' (30а); Мах: *jaruttum* 'я осветил' (5); НМ: *bolduñuz* 'вы стали' (646); ТМ: *tūshūrdilār* 'они опустили, посадили' (976); ЧД: *kōrdūk* 'мы видели' (696), *kēldilār* 'они пришли' (766); ШН: *kēltūrdūk* 'мы привели', *bashladuk* 'мы начали' (51), *mīndilār* 'они взобрались' (208).

Вариант с губным гласным встречается у слов с соответствующим вокализмом в тех случаях, когда к аффиксу прошед-

шего „категорического“ присоединяется другой аффикс (аффикс принадлежности), образующий закрытый тип слога, ср. Б: *tapmadīm* 'я не нашел', *kōrmādīm* 'я не видел' (1), *ōlmādūk* 'мы не умерли' (228); Мадж: *bolmadī* 'он не стал' (44а), *okīmaduk* 'мы не читали' (576).

Соотношение вариантов рассматриваемого аффикса с глухим и звонким начальными согласными детально проанализировано Мехди-ханом. Если конечным в основе является *т*, — пишет он, — то и аффикс начинается с *т*, например: *tūtīm* (*tūt-mī*) 'он держал'; если в конце основы *с*, *ш*, *п*, *ч*, *к* или *к*, то в начале аффикса может быть и *т* и *д*, ср.: *tōktī* и *tōkdī* 'он пролился'; после других согласных и гласных основы аффикс прошедшего „категорического“ всегда начинается с *д*, см.: *aldī* 'он взял', *jēdī* 'он съел', *dēdī* 'он сказал', *urdī* 'он ударил'.³²

В предложении форма прошедшего „категорического“ выступает только в качестве сказуемого и почти всегда самостоятельно, см. А: *āmdī bīldīm* 'теперь я узнал' (78), *nēchā kīm kēzdim* 'сколько ни бродил я' (199), *aj bēkīm 'ajīd olđī* 'госпожа, наступил праздник' (236); БН: *tashkī ālñi nakbdīn качур-дīлар* 'людей с внешней стороны заставили бежать из подкопа' (43); Я: *bu sōzñi xūd rast ajmīñ* 'ты правильно сказал эти слова' (320а).

Употребление формы на *-dī ~ -di* с связкой, выполняющей функции особого постпозитивного члена, наблюдается довольно редко, см. Л (А. 109): *chīktī ārsā* 'когда оно вошло' (1); Мадж: *soruldī ārsā* 'когда они спросили' (57а); НМ: *kēltūrdīlār ārdī* 'они принесли' (266); СҚ: *jarattī ārsā* 'когда он создал' (146), *jandī ārsā* 'когда он вернулся' (736); ТМ: *itgā bērdī ārsā it jēp xalāk bolđī* 'когда он дал собаке, собака съела и издохла' (114а). Подобных примеров немного больше в древнеуйгурских текстах X—XIII вв. и, напротив, значительно меньше в поздних памятниках староузбекской письменности. Такое соотношение, как нам кажется, необходимо поставить в связь с процессом все усиливающейся вербализации формы на *-dī ~ -di* и постепенной утратой ею типологических черт

³² Мабани' л-лугат, стр. 127.

имени, которые в староузбекском языке XIV—XVI вв. уже не следует принимать во внимание.

Форма будущего „неопределенного“ образуется при помощи аффикса *-бай ~ -гәй ~ -ба ~ -гә*, см. Б: *нәһйүк јән әлтә албайман* 'как смогу жить (?)' (10), *көргәјсіз* 'увидите' (25), *албасан* 'возьмешь' (205); М: *анің улуклубјн хәчкімәрсә бilmägәј* 'его величину никто не узнает' (5); Мах: *үјидә ашрал-басјн кәбәб килбај* 'в своем доме приготовит из спинок дичи жаркое' (52); СҚ: *miläcä kılı bilägәј* 'если пожелает, сможет сделать' (20а); ШН: *болбаман Місјр улусја конак* 'буду гостем у народа Египта' (75), *Ахмад бәг ilä кәтмәјләр* 'отправятся с Ахмед-беком' (150).

В ряде случаев форма на *-бай ~ -гәй* имеет значение, близкое к значению формы предлагательно-желательного наклонения 3-го л., см. БН: *тәһрј хәч мусулмәнба бу бәләні бәрмә-гәј* 'пусть не пошлет бог ни одному мусульманину такого бедствия' (210).

В составе придаточного предложения, вводимого союзом *кім*, форма на *-бай ~ -гәй* выражает значение цели, см. РҚ: *milärmän кім јазубум аз болбај* 'хочу, чтобы у меня было поменьше грехов' (152а); ТМ: *аңа захар јибәрділәр кім Арду-шірә бәріп халәк килбај* 'ему послали яд, чтобы дать Ардуширу и погубить его' (114а); Я: *әмді маслахат олдур кім ані андак јірак ташлалі кім јәјнің түйріні түйтіја килп тап-мабај* 'теперь совет таков: бросить ее так далеко, чтобы седалище лука было недоступным для нее как редкое целебное средство' (320б).

Форма на *-бай ~ -гәй* от глагола *бол-* частично утрачивает собственное значение и, выступая в сочетании с причастиями, преобразуется в служебное слово, см. ХМ: *...замәнідін сәк-сәйн іккі јіл әтміш болбај* '...(с того) времени прошло, должно быть, 82 года' (56).

Употребление формы на *-бай ~ -гәй*, подобно форме прошедшего „категорического“, со связкой — довольно редкое явление. Форма на *-бай ~ -гәй* со связкой выражает пожелание, относимое к прошедшему или будущему времени, и некоторые другие значения, см. Б: *мәгәр ујкуда јүзүң көргәј әрдім* 'хотя бы во сне увидел я твое лицо' (39), *көрмәгәј әрдім јәмәл* 'алам ара

кашкі 'не видеть бы мне красоты в мире' (73); БН: *мәнің билә он он бәш јіүрмә кіші болбај әді* 'со мной было человек десять, пятнадцать или двадцать' (104); ШН: *Хәјә Јахјә дәді Бабур-мәрзә кашкі кәлгәј әді ошбу ара* 'Ходжа Яхья сказал: „Хотя бы пришел вот в это время Бабур-мирза“' (31).

Показатель отрицательной формы настояще-будущего времени — аффикс *-ман ~ -мән*, см. А: *адамба сәні охшата бilmән* 'не могу уподобить тебя человеку' (23), *кәла алман* 'не могу сделать' (228); Б: *дәмән* 'не скажу' (10), *којман әлімдін ајак* 'не выпущу из рук чашу' (53), *јәргә баш чалман* 'не преклоню голову' (83); Л: *бilmән* 'не знаю' (1726); НМ: *хәргәз унутман ані* 'никогда не забуду его' (206); ЧД: *кәлман* 'не сделаю' (26).

Эта же форма с личным оформлением в староузбекском языке являлась случайным и совершенно изолированным образованием, см. МЛ: *тапманам* 'не обнаруживаю' (43).

Формы неполной вербальности (Деепричастия)

Формы неполной вербальности, в отличие от истинно вербальных форм, не могут сами по себе заканчивать предложение, и использование их в качестве предиката возможно только при наличии особых предикативных частиц.

Формы неполной вербальности отличаются от полных вербальных форм и в семасиологическом плане. Как правило, они передают значение относительного времени, тогда как последние выражают модус действия, т. е. отношение говорящего к действию, и указывают на время его протекания безотносительно к каким-либо другим действиям.

В староузбекском языке встречаются следующие формы неполной вербальности, или деепричастия: на *-а ~ -ә* (после гласного — *-ј*), *-у ~ -ү*, *-(і)п ~ -(і)п*, *-(і)бан ~ -(і)бән*, *-бач ~ -гәч*, *-балі ~ -гәлі*. Первые из них присоединяют к себе предикативные частицы и изредка другие служебные элементы, последние же два, как и наречия, не изменяются, имея всегда одну и ту же форму.

Деепричастие на *-а ~ -ә*, именуемое деепричастием настоящего времени, или соединительным деепричастием, в большин-

стве случаев занимает место одного из компонентов составных глагольных форм, см. Б: *örätä kör* 'смотри научи' (1); БН: *jikila jazdi* 'чуть не упал' (151); Мах: *ала алмас* 'не сможет взять' (17); НДж: *kila bilmas* 'не сможет сделать' (61а); РК: *кача башладилар* 'они начали убежать' (140а), *jəmə алмади* 'он не смог настичь' (144б); СҚ: *сабур кила билдим* 'я мог терпеть' (1036); ШН: *тура алман* 'не могу стоять' (5), *kəlä körсүн* 'пусть попробует прийти' (30), *jibärä bərdilər* 'они послали' (32), *туралмадилар* 'они не могли устоять' (31), *təlmijrä kaldı* 'он уставился' (35), *уча алмас эди* 'она не могла лететь' (44), *тохтата алмади* 'он не мог остановить' (52), *атлана турсун* 'пусть отправляется' (94), *ача бəрсүн* 'пусть откроет' (116), *jürjütä башладилар* 'они начали приводить в движение' (158), *жаба калди* 'шел снег' (162), *ок атіша турдилар* 'они перестреливались' (216), *сула калдилар* 'они увяли' (219). В ряде случаев, например, с глаголом *ал-*, происходит фонетическое слияние двух компонентов и преобразование составных глагольных форм в сложные, см. БН: *тапалмај* 'не находя' (5); НМ: *хəчкім јавəб бəрүлмəди* 'никто не мог ответить' (156), *kəlälmədim* 'я не мог прийти' (42а), *хабар килалмадим* 'я не мог сообщить' (85а), *туталмасаніз* 'если не сможете сдержать' (91б); ШН: *туралмадилар* 'они не смогли устоять' (31).

Иногда рассматриваемая форма примыкает к другим глагольным формам без утраты грамматической самостоятельности и раздельности, см. БН: *Андіјанга јүрішмэк хајалі билə кјмэк тилəј Ташкəндка хан кашіға бардім* 'думая о походе в Андижан, я направился в Ташкент к хану, чтобы попросить помощи' (69), *мəні көрə кəлди* 'он пришел, чтобы повидать меня' (75); Л (А. 109): *кəңүлгə іккі лабіңдін шіфə тилəј кəлдім* 'я пришел просить исцеления сердцу у твоих губ' (142); НМ: *јармак тилəј барур эрди* 'он отправлялся просить деньги' (116).

Редкий случай самостоятельного употребления формы на *-а ~ -ə* указан Мехдй-ханом, см. МЛ: *јараша кəрəк болгај* 'должно быть, годится', *оуша(ј) кəрəк болгај* 'должно быть, подходит' (38). Приведенная им конструкция, однако, кажется несколько искусственной, и нет почти никакой уверенности в том, что она действительно была распространена в староузбекском языке.

Необычным является также самостоятельное (без связи) употребление деепричастия на *-а ~ -ə* в качестве предиката, см. Л: *кама тімні нəчə кашің ја кила нəчə хіјр оті јанімда јакіла* 'сколько (времени) твои брови сгибают мой стан, как лук, сколько (времени) горит пламя разлуки в моей душе?!' (226а).

В составе сказуемого деепричастие на *-а ~ -ə*, если не иметь в виду единичные случаи, подобные только что упомянутому, выступает непременно в сочетании с предикативными частицами, см. Б: *кəрдурман* 'вижу' (2), *хəч кіші көрмəј дур* 'никто не видит' (80), *білмəјсəн* 'не знаешь' (82), *кəрјүнсəн* 'кажешься' (99); БН: *шəр ајмасіз ја адам көркүтəсіз* 'стихи читаете или пугаете людей?' (218); Л: *чікадур* 'выходит' (196а); Мадж: *окујдур эрди* 'он читал' (37а); Мас: *кілмај турурман* 'не делаю' (135а); НМ: *біхіштə барадур* 'отправляется в рай' (136), *кар жабадур эрди* 'шел снег' (136), *чін ајмадурман* 'правду говорю' (256), *мəндің сорадурлар* 'спрашивают у меня' (306); ТМ: *тамашə кіладур эрди* 'он смотрел' (106б), *кілмај-дур эрди* 'он не делал' (126б); ШН: *ичəдурлар* 'пьют' (19), *чаң чаладурлар эрди* 'они играли на чанге' (172), *акадур эрди* 'они текли' (172); ЭД: *јанадур* 'горит' (6), *јанаман* 'горю' (7), *јарадур* 'рассекает' (11).

Сочетание деепричастия на *-а ~ -ə* без связи с вспомогательным глаголом *эр-* в прошедшем времени для староузбекского языка не типично, см. ХМ: *шахарга бара эрди* 'он отправлялся в город' (76б).

Выполнение деепричастием на *-а ~ -ə* собственно деепричастных функций, т. е. функций зависимого сказуемого, наблюдается в редких случаях и главным образом при удвоении, см. А: *кəз учідін кіја кіја шəвə билə бакішларің* 'твои взгляды с кокетством (когда ты смотришь), косясь краешком глаза' (59); Б: *кајбуңні чəкə чəкə карібдур Бабур* 'часто печалась о тебе, состарился Бабур' (128); БН: *хəкрəзайің тјбігəчə јумалана јумалана кəлди* 'скатываясь, он достиг основания земляного вала' (83), *бара кəлə ханні барін килдилар...* 'уходя и приходя, уговорили хана на...' (88); Мух: *вəјат завкдін бат ічмəс ва лəззəт тапа тапа аз—аз ічəр* 'для большего удовольствия пьет не сразу, а мало-помалу' (8), *сəкіј чү ічип мəңə тутар кош тамшіј тамшіј ані килај нəш* 'когда

виночерпий выпивая даст мне пару (бокалов), глоток за глотком вкушая, опустошу их' (9), ...*ол ај кә күлә күлә кїрав-латтї мәнї* '...тот месяц, который смеясь отстранил меня' (9); МХ: *тартїп ајак үстїдә тўрлүк маләл јїкїла копа јјїнә бардї зәл* 'с трудом передвигая ноги, падая и поднимаясь, старик отправился к себе домой' (14); СҚ: *андїн артуқ өлтүрә тіргүзә алмазай* 'сверх того, умерщвляя, не сможет оживить' (206), *ура ура* 'часто избивая' (916); ХШ: *їдї атїн тута ант ічті Шїрїн* 'с именем бога (букв.: держа имя бога) покланялась Ширин' (35а).

Что касается грамматического значения формы на *-а ~ -ә*, то в составных глаголах его можно охарактеризовать как объектное (в этимологическом плане), в самостоятельном употреблении — как целевое. В сочетании с предикативными частями форма на *-а ~ -ә* функционирует как именная часть составного сказуемого.

Деепричастие на *-а ~ -ә* восходит к отглагольному имени, поэтому не исключена возможность присоединения к нему некоторых морфологических показателей, например аффикса одной из форм интенсива *-рак ~ -рәк*. Однако такая возможность реализуется почти исключительно в языках южной („огузской“) группы, см. МЛ: „у румийских тюрок“ *чапарак* 'часто бегай', *урапак* 'часто ударяй', *гәдәрәк* 'часто уходяй', *кәләрәк* 'часто приходяй' (54), *качарак* 'убегая-убегая' (123).

Деепричастие на *-ј* является фонетической разновидностью формы на *-а ~ -ә*.

Аффикс *-ј* замещает аффикс *-а ~ -ә*, когда глагольная основа оканчивается на гласный, например: *окуј* 'читая', *міләј* 'прося', 'желая'. Поскольку отрицательная глагольная основа образуется при помощи аффикса *-ма ~ -мә*, с вокальным исходом, соответствующее отрицательное деепричастие имеет только *ј*, ср.: *бармај* 'не пойдя', *окумај* 'не читая', *кїла білмәј* 'не будучи в состоянии сделать'.

Отрицательная форма деепричастия „настоящего времени“, в отличие от положительной формы, часто обозначает зависимое, подчиненное действие, см. БН: *'азміні баја кәлтүрмәј хәч ішні бүткәрмәј јандї* 'не выполнив своего намерения (и) не совершив ни одного дела, он вернулся' (206), *анї мунәсїб*

көрмәј *'Alī Шәр-бәгнїң үјләріні тајїн кїлдїлар* 'не считая его подходящим, выделили (ему) дом' *'Алишер-бека'* (238); Л: *сәні көрмәј өләрмән* 'не видя тебя, умру' (180); ШН: *он күн өтмәј јана атландї хан* 'не прошло и десяти дней, а хан снова отправился в поход' (44). При этом, как показывают приведенные примеры, вполне возможна так называемая абсолютная конструкция, т. е. наличие в пределах деепричастного оборота собственного подлежащего, не совпадающего с подлежащим предложения. Следует заметить, что собственное подлежащее может иметь и положительная форма, см. БН: *бу јүрттїн јарїм кәчә көчүп күн чїка Мухаммәд-Пәхнї өтүп чаштигәхда Кәхтнї чапїлдї* 'отправившись в полночь из этого владения (и) пройдя на восходе солнца Мухаммед-Пех, в полдень (мы) напали на Кяхт' (181).

Особая разновидность отрицательной формы рассматриваемого деепричастия включает дополнительный элемент *-(j)in ~ -(j)in*, см. М: *кїлмајїн* 'не делая' (37), *коркмајїн* 'не боясь' (39); Мах: *дәмәјїн* 'не говоря' (63); ШН: *білмәјїн* 'не зная' (13). Семантически она не отличается от краткой формы. Указанная разновидность — застывшее морфологическое образование с некогда продуктивным аффиксом орудного падежа.

Деепричастие на *-у ~ -ү*, представляющее собой архаичный вариант деепричастия на *-а ~ -ә*, для XIV—XVI вв. следует рассматривать как довольно редкую и, по всей видимости, чисто книжную форму, см. М: *ојнају јүрүр әрдї* 'он играл' (31); МХ: *кәфш кїјү* 'надевая обувь' (23); С: *корка ті-трәјү* 'боясь и дрожа' (56), *јїзлају тішәјїн* 'пләча опускаюсь-ка' (256); СҚ: *тітрәјү башладї* 'он начал дрожать' (56а), *кїлу білмәс* 'не сможет сделать' (89а), *окїју башладї* 'он начал читать' (126а).

Деепричастие, образуемое при помощи аффикса *-(i)п ~ -(i)п* („деепричастие прошедшего времени“), в отличие от предыдущего, очень часто выступает в роли зависимого сказуемого и образует деепричастный оборот, см. БН: ...*Ахсї-дїн Бухәрәдїн кавун кәлтүртүп бір мәјлісдә кәстүрдүм* '...приказав доставить дыни из Ахсы и Бухары, я попросил разрезать их на одном меджлисе' (6); Мах: *аз аз өргәнїп дәнә болур катра катра јїзїп дарја болур* 'учась, помало-помалу

становятся мудрыми, капли, собираясь (вместе), образуют реку' (145); МХ: *болма учуз алп аёр саткучи, унга кэпак сиркэйга су каткучи* 'не будь берущим (букв.: беря) дешево, продающим дорого, примешивающим к мукé отруби, к уксусу воду' (13); С: *көңүл шакар бикин азиз көрүп адам болди* 'сердце, увидев твои, подобные сахару, уста, сникло' (186), *Саккаки јизлап көз јашин јаз јамбуритак јабдур* 'Секкаки льет слезы из своих глаз как летний дождь' (20а); ШН: *чиктилар курбанга чапкулашип* 'взобрались они на крепость, порубившись (с осажденными)' (46), *откарип барчасини дарјадин...* 'проведя всех через реку...' (161); Я: *бу кунга дэргү хэчкимэрсэ түрки тилини јавхарин ва фарси алфазини гавхарин таркиб килип-ок јанин арасинда муназарэ тартип килмајдур* 'до сих пор никто, нанизав жемчужины тюркских и персидских слов, не составил муназара, в котором противостоящими (сторонами) были бы лук и стрела' (3146).

Вместе с тем деепричастие на $-(i)p \sim -(i)p$ широко употребляется в составе предиката и выражает перфективные значения. Однако самостоятельное предикативное употребление его, как и других форм неполной вербальности, допустимо только при наличии предикативных частиц или вспомогательного глагола *эр-*, см. А: *кэлтүрүптурсан сэнә јанимни* 'я принес тебе (в жертву) мою душу' (236); Б: *мава килипсан* 'ты устроила убежище' (12), *нэ килиптур* 'что он сделал?' (31), *ол пэри алптур* 'та пери захватила' (31), *јанимни килипдур су* 'душу мою она растворила' (66); БН: *бир мэсјид тјшүптурс...* 'была мечеть...' (3), *Хазрат Хөја бујурптурслар...* 'Ходжа приказал...' (23); Л: *төртүнчи көк үзрә чикиптур* 'он взобрался на четвертое небо' (172а); Мадж: *мактабга барипмусан* 'ходишь ли ты в школу?', *дәдим ким барипман* 'я сказал, что хожу' (20а), *болуп турур* 'он стал', 'он становится' (306); Мах: *кан ичбдурслар* 'пьют кровь' (63); НМ: *заиф болубман* 'я стал слабым' (178 а); ХМ: *мундак ајтип эрдилар* 'так они сказали' (35а); ШН: *сачилп эрди* 'он рассыпался' (217), *ач болуббиз* 'мы голодны' (218).

В сочетании с вспомогательным глаголом *бол-* в составе сказуемого деепричастие на $-(i)p \sim -(i)p$ образует оборот, выражающий ситуационную или объективную возможность, см. БН:

көпрүктин өзгә јердин көчип болмас 'другой дорогой, кроме моста (то есть кроме, как по мосту), пройти нельзя' (21).

Деепричастие на $-(i)p \sim -(i)p$ от глагола *э-* с вопросительным местоимением *нэ* образует застывшую форму, обладающую всеми признаками наречия, см. ШН: *хан Хисар үстигә нэтип барадур* 'зачем хан отправляется в Хисар?' (157).

Соответствующая деепричастная форма от глагола *дэ-* 'говорить' преобразуется в служебное слово (союзную частицу?), выражающее целевые и причинные отношения и употребляемое для связи прямой речи с авторской, см. Б: *туттум сачини јүзін көрәј дэп* 'я схватил ее (за) волосы, чтобы увидеть лицо' (46); БН: *әгәр икки хариф учраса бири билә шаһранј ојнап јана бирини этагини тутуп олтурур экандур ким кэтмәгәј дэп* 'если встречаются ему два партнера, то с одним играет в шахматы, а другого сидит и держит за полу (халата), чтобы он не ушел' (224); М: *Јабраїл эшик какса ким сән дэп јн кәлди* 'как только Джабраил постучал в дверь, раздался возглас: „Кто ты?“' (9).

От отрицательной глагольной основы деепричастие на $-(i)p \sim -(i)p$, как правило, не образуется. Подобные случаи в старом узбекском языке единичны (см. например, БН, 261). Однако количество их значительно возрастает при употреблении указанной формы со связкой, см. БН: *ва мән хәм хәргәз көрмәбмән* 'я я никогда не видел' (125), *хәч тарафдин бәлб ва мағлүб мағлүм болмабдур* 'ни с одной стороны победители и побежденные не были известны' (128), *вилајатлиби калмабдур* 'их автономности не осталось' (161); НМ: *көрмәбдур эрдилар* 'они не видели' (116).

Деепричастие типа *барибан*, которое мы рассматриваем как форму древнего орудного падежа от деепричастия (исторически отглагольного имени) на $-(i)p \sim -(i)p$, используется преимущественно в поэтических текстах для передачи зависимого, подчиненного действия. Примеры. Б: *көз алдурсан јүзигә* 'позволив ее лицу очаровать (букв.: взять глаза)' (110), *багини албан хәр сарі кэтмәк мүшкүл* 'взяв голову, идти в любую сторону тяжело' (119); ДН: *нэ дэбан мән ані көздин салајин* 'что сказав, я изгоню ее из глаз?' (246а), *назар салди салбан сөз араба* 'она взглянула, сделав это между слов' (264а),

...башіна којубан худхуа бікін тај '...водрузив на своей голове, подобно удоу, корону' (2676); МХ: пір табассум кі-лбан урді још 'старец, улыбнувшись, всколыхнулся' (22); С: сјнбјл көрјбан зулфунуз шајда ва сәргүрдән әрјүр 'гиацинт, увидев твои локоны, становится безумным и не находит пристанища' (7а); ШН: әјләбән баблар ічрә манзәл... 'став лагерем в садах...' (58), ол өгүздің өтјүбән... 'перейдя через ту реку...' (187).

Деепричастие, образованное при помощи аффикса -бач ~ -йач, всегда обозначает зависимое действие, предшествующее по времени действию основного сказуемого. Примеры. Б: ашйк олбач көрдјүм... 'став влюбленным, я увидел...' (47); БН: кіргәч јү јүкјүндјүм 'войдя, я трижды преклонил колени' (39); Л (А. 109): окдәк мәні ол замзә јафа біплә тјүзәткәч 'после того, как подобный стреле взгляд исцелил меня мучениями' (244); НМ: бу хәлнә көргәч 'когда они увидели это положение' (12а); ТМ: бу хабардән вәкйф олбач 'когда они узнали об этом' (101а); ШН: анә кйльбач банә 'после того, как он сделал его богатым' (4), хан Ёрәтәпләдән өткәч 'после того, как хан прошел через Уратепу' (116); Я: чүн ол јігітнәң јајә-нәң сөзі тиләмдә ва окінің хәјәлә башәмдә әгәч көңлүмдә кәчтә кім... 'так как, когда слова о луке этого юноши были на моих устах и когда мысль о его стреле была в моей голове, в сознании промелькнуло, что...' (3146), ок бу сөзләрни әшәткәч кәз кәз сәкріј башладә 'когда стрела услышала эти слова, начала прыгать' (3166).

Деепричастие на -балә ~ -әлә бывает чаще всего приглагольным дополнением и выражает достигательно-целевое значение, см. А: каматнәң баләсіна бардук тамашә кйльбалә 'мы пошли, чтобы наглядеться на беды, причиняемые твоим станом' (109), кјүдјүм өртәндім нәтәј ол кашу көзнә көргәлә 'сгорел я, что сделать мне, чтобы увидеть те брови и глаза?' (124), көзләрім дарјәсідән хәрдам хәјәлнәң кәчкәлә кірпәкәм-нәң хәсләріндән бабламйшман салнә 'чтобы через море моих глаз постоянно переправлялся твой образ, я связал из моих ресниц плот' (210); БН: ва'дәлар билә мйрзәба бактурбалә кәләндур 'он пришел, чтобы обещания привлечь [его] на сторону мирзы' (31); Л (А. 109): кјүн тјүштә көргәлә сәнә

тјүштә завәлбә 'солнце, чтобы увидеть тебя во сне, стало клониться к заходу' (218); Мадж: ојнабалә кірдиләр 'они вошли, чтобы поиграть' (20а); НМ: алтә кјүн та'әм тапмадук јәгәлә 'шесть дней мы не находили пищу поесть' (68а); С: гјл јүзјү-нјүзнә көргәлә јүз парә кйлдә өзінә 'роза, чтобы увидеть твое лицо, разорвалась на мелкие части' (7а); СҚ: бу та'әмдән јәгәлә коркарбәз 'боимся есть эту пищу' (526); Я: ...әлнә ок алп әгнәдә ја салп кабак аткалә мајдән башбә 'азм кйлдә '...взяв в руки стрелы, надев через плечо лук, он направился на поле стрелять по тыкве' (314а).

Деепричастие типа барбалә обозначает также действие, являющееся начальным пределом другого действия, например, Б: көңлүмә дард кәһәлә... 'с тех пор как в мое сердце явились мучения...' (26), көргәлә хуснуңнә зәр ва мубталә болдум сәңә 'с тех пор, как я увидел твою красоту, я стал опечаленным и умоляющим тебя' (93).

Формы лица и числа

Совершенно особая система форм лица и числа, не встречающаяся у имен, у глагола прослеживается только в повелительном (+предлагательно-желательном) наклонении, см.:

	Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л.	-(ај) ~ -(әј), -(а)јін ~ -(ә)јін, -(а)јім ~ -(ә)јім	-(а)лйң ~ -(ә)лйң, -(а)лй ~ -(ә)лй, -јлйк ~ -јлйк
2-е „	-бйл ~ -гйл, -бйн ~ -гйн	-йң ~ -йң, -йңлар ~ -йңлар, -йңйз ~ -йңйз
3-е „	-сун ~ -сјүн	-сун(лар) ~ -сјүн(лар)

Примеры: барај, барајін 'пойду-ка', баралә, баралйң 'пойдем-ка', бар, барбйл, барбйн 'иди', барйң, барйңлар, барйңйз 'идите', барсун 'пусть идет', барсун(лар) 'пусть идут'.

Таким образом, формы повелительного (+предлагательно-желательного) наклонения следует считать наиболее вербальными, или истинно вербальными, образованиями.

В условном наклонении и у формы прошедшего времени изъявительного наклонения аффиксы, выражающие лицо и число,

почти полностью совпадают с аффиксами принадлежности имени, см.:

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л. -м	-к ~ -к (-міз ~ -міз)
2-е „ -ң	-ңіз ~ -ңіз
3-е „ —	— (-лар ~ -лар)

Примеры: *бардім* 'я пошел', *барсам* 'если пойду', *бардік* 'мы пошли', *барсак* 'если пойдем', *бардің* 'ты пошел', *барсаң* 'если пойдешь', *бардыңіз* 'вы пошли', *барсаңыз* 'если пойдете', *барді* 'он пошел', *барса* 'если пойдет', *барді(лар)* 'они пошли', *барса(лар)* 'если пойдут';

ср. у имени: *ташім* 'мой камень', *ташібіз* 'наш камень', *ташің* 'твой камень', *ташіңіз* 'ваши камни', *таші* 'его камень', *ташларі* 'их (его) камни'.

Различие между теми и другими, как показывают приведенные примеры, наблюдается лишь в пределах формы 1-го лица множественного числа. Аффикс *-біз(-міз) ~ -біз(-міз)*, единственно возможный в этом лице у имен, у глаголов выступает довольно редко.

В будущем времени изъявительного наклонения и у изменяемых форм неполной вербальности личные показатели ничем не отличаются от лично-предикативных аффиксов имени, см.:

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л. -ман ~ -мән	-біз(-міз) ~ -біз(-міз)
2-е „ -сан ~ -сән	-сіз ~ -сіз
3-е „ —	— (-лар) ~ (-лар)

Примеры: *барбайман* 'пойду', *бараман* 'иду', *баріпман* 'иду уже', 'я пошел', *барбайбіз* 'пойдем', *барабіз* 'идем', *баріпбіз* 'мы пошли', *барбайсан* 'пойдешь', *барасан* 'идешь', *баріпсан* 'ты пошел', *барбайсіз* 'пойдете', *барасіз* 'идете', *баріпсіз* 'вы пошли', *барбай* 'пойдет', *бара(дур)* 'идет', *баріпдур* 'он пошел', *барбай(лар)* 'пойдут', *бара(дурлар)* 'идут', *баріп(дурлар)* 'они пошли';

ср. у имени: *кішімән* 'я человек', *кішіміз* 'мы люди', *кішісән* 'ты человек', *кішісіз* 'вы люди', *кіші(дур)* 'он человек', *кіші(лардур)* 'они люди'.

Формы неполной вербальности в 3-м лице самостоятельно не употребляются.

Отрицательная форма настоящего-будущего времени, имеющая только 1-е лицо единственного числа, оканчивается на *-н*, ср.: *барман* 'не пойду'. Подобный личный показатель ни к каким другим формам не присоединяется.

Совершенно очевидно, что аффиксы лица и числа, используемые в составе глагола, не образуют единой системы собственно глагольных форм, а поэтому в целом не могут быть отнесены к числу основных морфологических признаков, дифференцирующих имя и глагол.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛА

Формы отглагольного словообразования

Отглагольное словообразование глагола характеризуется образованием вторичных основ, или пород, выражающих вид, отношение говорящего к действию или различные типы отношения действия к действующему лицу: 1) действие исходит от производителя, выступающего в роли подлежащего, и направлено вовне, 2) действие исходит от производителя, выступающего в роли подлежащего и направлено на него самого, 3) действие исходит от производителя, не обозначенного в речи или обозначенного косвенно, 4) действие исходит от нескольких производителей, выступающих в роли подлежащего, и направлено вовне или от одного к другому, 5) действие исходит от производителя, обозначенного формой косвенного падежа и испытывающего активное воздействие другого производителя.

Первая порода, как уже указывалось выше, лишена специального оформления,³³ ср.: *ур* 'бить', *бар* 'идти', *кіј* 'одевать', *јаз* 'писать', например, А: *нәчә кім кәздім* 'сколько я ни бродил' (199); ЧД: *баз сарі көз салалі* 'обратим-ка свои взоры в сторону сада' (536).

В зависимости от возможности или невозможности сочетаться с формой винительного падежа глаголы первой породы

³³ Первичная основа играет роль исходной формы, от которой образуются все вторичные основы.

делятся на переходные и непереходные. Таким образом, фактическая или потенциальная форма прямого дополнения служит основным критерием определения переходности или непереходности. Различие переходных и непереходных глаголов прослеживается также в плане образования от них других пород. Так, например, образование второй и третьей пород от непереходных глаголов осуществляется в весьма ограниченных размерах, возможность же образования упомянутых пород от переходных глаголов почти не имеет границ.

Вторая порода образуется при помощи аффикса $-(i)n \sim -(i)n$, ср.: *урун-* 'быть битым (самим собой)', *кијин-* 'одеться (одеть самого себя)', *јүвин-* 'умыться (умыть самого себя)'. Примеры. А: *өртәндім* 'я сгорел' (124); БН: *он алтї катла чумундум* 'шестнадцать раз я погружался в воду' (120); ДН: *уланді кәчә тәйрү әл јибїні* 'протянулось до вечера сборище людей' (2346); Л (А. 109): *јафа тјүгәнсә нәтәрсән* 'если кончится притеснение, что будешь делать?' (6); Мах: *ол јол арбазланді* 'та дорога заколдована' (124); ХМ: *са'ј киләнді* 'были приложены старания' (416); ЧД: *ла'лїңба базланді јәнїм* 'моя душа привязалась к твоим губам' (54а); ШН: *јасансун ләшкәр* 'пусть снарядится войско' (55); Ә: *бу хажәл а'јаб көрјүнді мәнә* 'эта мысль показала мне странной' (330а).

Примечательно образование формы второй породы от непереходных глаголов для передачи действия с необозначенным (но обычно известным) производителем, см. БН: *Кабәдін Мар-бїнәнба кәлинді* '(мы) пришли из Кабы в Маргинан' (95).

Форма второй породы, образованная от переходных глаголов, может управлять формой винительного падежа, см. БН: *мәнїң банїм курбанда әді хәм курбанїні алїнді хәм банїмнї качурулдї* 'мой противник находился в крепости; и крепость была взята, и противник был обращен в бегство' (105); Мах: *анї үч кїсм киләнді* 'ее сделали (она сделана) из трех частей' (8).

Третья порода образуется при помощи аффикса $-(i)l \sim -(i)l$, ср.: *урул-* 'быть битым (кем-то)', *барїл-* 'идти (кому бы то ни было)', *јазїл-* 'быть написанным (кем-то)'. Примеры. Б: *бузулмајај* 'не разрушится' (4), *јәр кадрїн бїлмәдїм тә јәрдїн ајїрїлмадїм* 'не знал я цены возлюбленной, пока не разлучился

с ней' (219); БН: *анїң үстїгә хәм барїлдї* 'пошли и на него' (39), *бавујүд хәзїр чәріг кїшісі билә јасап чїкїлдї* 'все же построили отряд из воинов, бывших на месте, и выступили' (55); *Кәндірлік дабанәсі ашїп Ахсї тарафїба тјүшүлдї* 'перейдя перевал Кендырлык, (мы) отправились в сторону Ахсы' (68); Мах: *ва бу тјүркчәдә мундак дәјилїбдур* 'и это по-тюркски говорят так' (10), *ајтурба мјтә'әммәл болулајај...* 'будет задумываться, чтобы сказать...' (24); Мах: *аңа Махбүб ул-кулүб ат којїлдї* 'ей было дано название Махбуб уль-кулуб' (8); НМ: *сәнїң үчүң бір јәбә саткун алїлдї* 'для тебя была куплена кольчуга' (256), *мусәфїрлардїн сорулдї* 'было спрошено у странников' (40а); ХМ: *мунча абјат їстїшхәдба кәлтјүрүлдї* 'столько стихов было приведено в качестве цитат' (64а); Ш: *...сојурбал бәрїлдї* 'было дано пожалование...' (255); ШН: *әл кїрїлдї барї* 'все население было вырезано' (43).

Встречается также аффикс $-ik$, см. Абушқа: *азїкїп* 'сбившись с дороги', 'заблудившись' (16).

Часто третья порода выступает в значении второй, см. СҚ: *кутулдуң* 'ты освободился' (1146); ТМ: *ик(к)і үч кәлимә билә їхтїсәр кїлїлдї* 'он ограничился двумя-тремя словами' (134а); ЧД: *бунчә ачїлдї көңлїм ачїлмадї* 'буто́н распустился, сердце же мое не раскрылось' (38а); ШН: *әл јїбїлсун* 'пусть соберется народ' (98), *јїбїлдї бәләр* 'собрались беки' (218).

Данная форма, подобно предыдущей, может управлять винительным падежом имени, см. БН: *ол рамазаннї Хојандта өт-кәрїлдї* 'тот рамазан (мы) провели в Ходженде' (69), *барур ја-нарїні кәңәшїлдї* '(мы) советовались относительно (продолжения) похода или возвращения' (154), *дабї јәбәләрнї үләшїлдї* 'и были поделены кольчуги' (152); Мадж: *сәбәбін сорулдї әрсә...* 'когда спрашивали (спрашивалось) причину...' (57а); Мах: *тјүрк алфә-зїба дабї мулахазәні ләзїм көрүлдї* 'оказалось необходимым высказать также соображения в отношении тюркской речи' (21).

В абсолютном большинстве случаев глаголы третьей породы обозначают действие, производитель которого не указан и не очевиден (ср. у местных филологов: *معنى مجهول* — значение неочевидности), ср. БН: *бу јїхаттїн нәчә навбат хөјәба кїші јібәрїп сөзләшїлдї* 'отсюда несколько раз посылали чело- века к ходже и вели переговоры' (96), *ва ба'зїнїң рәјї барїн*

Әді кім кіш *жавуктур* *філхал* *Ламбан* *барілбај* 'мнение некоторых было таково, что близка зима и теперь лучше пойти в Ламган' (154).

Четвертая порода образуется при помощи аффикса *-(i)ш* ~ *-(i)ш*, ср.: *уруш* - 'драться (в содружестве с кем-либо или между собой)', *баріш* - 'идти вместе (с кем-нибудь)', *жазйш* - 'писать вместе (в содружестве с кем-нибудь или переписываться)'. Примеры. БН: *бу јуртта әкәндә нәчә навбат ташкарідін ва ичкәридін көңүллүк јиимләр хіјабанда јахшї чапкулаштілар* 'когда они находились в этом владении, несколько раз крепко рубились в степи с горячими молодцами со стороны и из этих мест' (50), *бір іккі катла ол тараф бу тарафдін кїлїч алїштілар* 'с той и с другой стороны раз или два скрещивали мечи' (53); НМ: *бір бірїмізә бакїштык* 'мы смотрели друг на друга' (1266); ТМ: *бір бірїгә јакїнлаштілар* 'они приблизились друг к другу' (1366); ЧД: *барча бірлә көрїшїп* 'увидевшись со всеми' (686), *көзләр камашті* 'глаза слепило' (776).

Пятая порода оформляется разными аффиксами:

-(i)т ~ *-(i)т*, см. Б: *коркутма* 'не пугай' (42); Л: *кувлатма* 'не заставляй прогонять' (79); Мадж: *тїгәтмїләр* 'они закончили' (186); Мах: *јаруттум* 'я осветил' (5); Мух: *кїраблатмї* 'он отстранил', *јїблатмї* 'он заставил плакать', *сїктамтї* 'он заставил рыдать' (9); НМ: *анї шәјх орнїба олтуртмїлар* 'его посадили на место шейха' (716), *јїбладї ва әлнї јїблатмї* 'он плакал и заставлял плакать народ' (1286); СҚ: *көкәртмї* 'он позеленил' (1046);

-тур ~ *-тїр* ~ *-дур* ~ *-дїр*, см. Б: *кїјдїрмәсїн* 'пусть не сожжет' (46), *өлтїрдї* 'она убила' (33), *алдурдум* 'я позволил взять' (65), *кәтїрмәң* 'не приносите' (222); БН: *бојнїба урдурдї* 'он приказал отрубить ему голову' (37), *бу фән бірлә сабїндурдум* 'этой наукой я наскучил самому себе' (2346); Мах: *кїјдїрәлі* 'оденем-ка' (168); НМ: *мәні мїндїрдї* 'он посадил меня' (37а);

-(у)р ~ *-(ү)р*, см. Б: *кәчїрдїң* 'ты провел' (71); БН: *качурдїлар* 'они обратили в бегство' (43); Л (А. 109): *јашурма* 'не прячь' (29); СҚ: *сїңїргїл* 'введи', 'поглоти' (776); ТМ: *анї јәргї тїшїрдїләр* 'они спустили его на землю' (976);

-кур ~ *-кїр* ~ *-бур* ~ *-гїр* ~ *-кар* ~ *-кәр*, см. Б: *куткардїм* 'я спас', *өткәрдїм* 'я провел' (29), *јәткїр* 'донеси', 'довеи' (198);

Л (А. 109): *јазбурдї јолдїн* 'он сбил с дороги' (21); СҚ: *јаткурдї* 'он положил' (42а);

-ғат, см. Б: *көрсәтмї* 'он показал' (8);

-із ~ *-із*, см. Абушқа: *акїздї* 'он заставил (дал) течь' (25); Сан: *әмізді* 'она дала пососать молоко' (1136), *тамїзді* 'он давал капать', 'он капал' (1606);

-шур, см. ШН: *тапшурдї* 'он передал', 49;

-буз ~ *-гїз*, см. БН: *Самарканд тахтїба олтурбуздїлар* 'посадили (его) на престол Самарканда' (38); ДН: *јән кїргїздї тәннї* 'он ввел душу в тело' (2486); М: *көргїзәјін* 'покажу-ка' (11);

-ба ~ *-дә*, см. Абушқа: *толбадї* 'он наполнил' (219).

Причины разнообразия морфологических показателей глаголов пятой породы не вполне ясны. Тем не менее бесспорно, по крайней мере в ряде случаев, факт зависимости использования того или иного аффикса от структурно-фонетических особенностей исходной основы.

Так, например, аффикс *-т* присоединяется преимущественно к основам, оканчивающимся на гласный или на *р*, ср.: *јарут-* (*јару-т-*) 'освещать', *јїблат-* (*јїбла-т-*) 'заставлять плакать', *учрат-* (*учра-т-*) 'встречать', *судрат-* (*судра-т-*) 'волочить', *олтурт-* (*олтур-т-*) 'сажать', *кудурт-* (*кудур-т-*) 'приводить в бешенство', *көкәрт-* (*көкәр-т-*) 'позеленить', *кувлат-* (*кув-ла-т-*) 'заставлять гнать', *тїгәт-* (*тїгә-т-*) 'заканчивать', *әрәт-* (*әрә-т-*) 'растопливать', *коркут-* (*корк-ут-*) 'пугать'.

Аффикс *-тур* ~ *-дур* в большинстве случаев присоединяется к основам с конечным сонорным согласным, ср.: *кїјдїр-* (*кїј-дїр-*) 'сжигать', *өлтїр-* (*өл-тїр-*) 'убивать', *алдур-* (*ал-дур-*) 'позволять взять', *кәтїр-* (*кәл-тїр-*) 'приносить', *сабїндур-* (*сабїн-дур-*) 'наскучивать', *кїјдїр-* (*кїј-дїр-*) 'одевать', *мїндїр-* (*мїн-дїр-*) 'подсаживать', *урдур-* (*ур-дур-*) 'заставлять бить', *сорадур-* (*сора-дур-*) 'заставлять спрашивать', *туттур-* (*тут-тур-*) 'заставлять держать', *чалдур-* (*чал-дур-*) 'заставлять играть', *аттур-* (*ат-тур-*) 'заставлять бросить'.

Аффикс *-(у)р* ~ *-(ү)р* выступает обычно с основами, которые оканчиваются на любой согласный, кроме сонорных, хотя и в этом случае есть исключения, ср. *кәчїр-* (*кәч-їр-*) 'проводить', *јашур-* (*јаш-ур-*) 'скрывать', *тїшїр-* (*тїш-їр-*) 'спускать', *сї-*

қўр- (сў-қўр-) 'вводить', тўзур- (тўз-ур-) 'заставлять рожать',
 юмур- (јум-ур-) 'заставить зажмурить', чўкқўр- (чўк-қўр-) 'при-
 землять', качур- (кач-ур-) 'обращать в бегство', јатур- (јат-ур-) 'у-
 кладывать', ашур- (аш-ур-) 'переводить'.

Труднее понять позиционные условия, в которых исполь-
 зуется аффикс -кур ~ -қўр... Все же очевидно преобладание
 его у той группы первичных глагольных основ, которая окан-
 чивается на *т*, ср.: өткәр- (өт-кәр-) 'приводить', јәткқўр- (јәт-
 қўр-) 'доводить', 'доносить', куткар- (кут-кар-) 'освободить',
 јаткур- (јат-кур-) 'положить'.

Другие аффиксы, образующие пятую породу, встречаются
 чрезвычайно редко.

Когда глаголы первой породы являются непереходными,
 присоединение к ним какого-либо из перечисленных выше аф-
 фиксов делает их переходными. Однако принадлежность этих
 глаголов к пятой породе носит узко-формальный характер, так
 как их взаимоотношения с другими словами в составе предло-
 жения оказываются такими же, как и у глаголов первой породы
 с переходными значениями, ср. СҚ: мән бір кишини азбурсам...
 'если я введу в заблуждение одного человека...' (716). Только
 присоединение второго аффикса придает непереходным глаголам
 собственное значение глаголов пятой породы (значение понуди-
 тельности-каузативности), см. БН: Самарканд албан махалда
 Ахсидин Бухаридин кавун кәлтјүртјүп бір мәјлисдә кәстјүрдјүм
 'взяв Самарканд, я приказал доставить дыни из Ахсы и Бухары
 и попросил разрезать их на одном маджлисе' (6), где глагол
 кәлтјүртјүп включает в себя два аффикса, образующих пятую
 породу: -тјүр и -т (кәл- 'прийти', кәлтјүр- 'принести', кәлтјүрт-
 'заставить принести').

При двоякне переходных глаголах пятой породы непосред-
 ственный объект действия (объект волеизъявления действитель-
 ного субъекта) выступает в форме дательного падежа, см. Б:
 сәңдә көңлүмни алдурдум 'я позволил тебе взять мое сердце'
 (65); НМ: ол libәsnі мәңдә кидјүрді 'он заставил меня (помог
 мне) надеть ту одежду' (2196).

Сочетание двух аффиксов пятой породы с основами пере-
 ходных глаголов или трех аффиксов с основами непереходных
 глаголов позволяет выражать тройне переходные значения,

или значения опосредствованной каузативности, по типу: јаздјрт-
 'попросить одного оказать воздействие на другого с тем, чтобы
 этот последний написал письмо'.

Породы глагола не взаимоисключают друг друга: морфоло-
 гический показатель третьей породы может присоединяться
 к показателю четвертой и пятой пород, показатель третьей и
 четвертой — к показателю пятой и т. д., см. БН: банімні качу-
 рулдј 'враг был изгнан' (105), сөзләшүлдј 'они беседовали' (152),
 Хусәјн мјрзә билә хәм ошбу нав' көрјүшүлдј 'и с Хусейном
 мирзой (мы) встретились точно так же' (234); ХМ: мунча абјат
 їстїшхәдја кәлтјүрјүлдј 'столько стихов было приведено в ка-
 честве цитат' (64а). Не исключена возможность сочетания в пре-
 делах одной глагольной формы трех и даже четырех аффиксов,
 образующих породы, см. Абушқа: толбандуруп (тол-ба-н-дур-
 уп) 'наполнив' (219). В подобных случаях понятие вторичной
 основы становится относительным.

Некоторые глаголы второй и третьей пород не соотносимы
 с соответствующими глаголами первой породы (последние от-
 ссутствуют в староузбекском языке XIV—XVI вв., но, возможно,
 существовали в языке более раннего периода), тогда как формы
 пятой породы этих же глаголов представляют собой неразло-
 жимые морфологические сращения, ср.: кутул- 'освободиться',
 куткар- 'освободить' (*кут-); ујал- 'стыдиться', ујат- 'стыдить',
 (*уја-); їнан- 'верить', їнат- 'внушить' (*їна-); өргән- 'учиться',
 өргәт- 'учить' (*өргә-); тіріл- 'оживать', тіріт- 'оживлять'
 (*тірі-); ујбан- 'пробуждаться', ујбат- 'пробуждать' (*ујба-).

Изредка оказывается возможной только форма второй по-
 роды и от нее образуются формы четвертой и пятой пород, см.
 ШН: атланді 'он отправился' (44).

Необходимо далее отметить, что глаголы разных пород мо-
 гут иметь одинаковое значение, ср.: куру- и куруш- 'сохнуть',
 јару- и јаруш- 'светиться', тјүгә- и тјүгән- 'кончаться'.

Формы отыменного и отнаречного словообразования

От имени и наречия глагол образуется при помощи аффиксов:
 -ла(н) ~ -лә(н), -ла(т) ~ -лә(т), -ла(ш) ~ -лә(ш), см. БН: јара-
 бланїп 'вооружившись' (јараб 'оружие'; 86), тајаблаттїм 'я при-

казал бить палкой' (*тајау* 'палка'; 154), *окладїлар* 'они пускали стрелы' (*ок* 'стрела'; 200), *јѣбәләніп* 'надев на себя кольчуги' (*јѣбә* 'кольчуга'; 201), *сөзләшіп* 'беседуя' (*сөз* 'слово'; 203); Сан: *атбуладї* 'он стрелял' (*атбу* ~ *атку* 'пускание стрел'; 29а), *авучладї* 'он взял в горсть' (*авуч* 'горсть'; 53а); ТМ: *јүзләндї* 'он проявил себя', 'он появился' (*јүз* 'лицо'; 106а); ЧД: *бау-ландї* 'она привязалась' (*бау* 'завязка'; 54а);

-да ~ -дә, см. ДН: *јүндәдїм* 'я позвал' (*јүн* 'возглас', 'звук'; 268а); Мах: *колладї* 'он повел' (*кол* 'рука'; 67), *јолладї* 'он направился' (*јол* 'дорога'; 67);

-на ~ -нә, см. Л: *ојнајїн* 'поиграю-ка' (*ој* 'игра'; 46);

-ра(н) ~ -рә(н), см. Сан: *иңрәдї* 'он стонал, плакал' (*иң* 'стон'—звукоподражание) (117а, ср. там же: *иңләдї*, *иңләдї*); Абушқа: *иңрәндї* 'он стонал, плакал' (81);

-а ~ -ә, см. Абушқа: *атадї* 'он назвал' (*ат* 'имя, прозвище'; 6); ШН: *тјүндї* 'он заночевал', 'он провел ночь' (*тјүн* 'ночь'; 162);

-ај ~ -әј, см. Сан: *улбајдї* 'он вырос' (*улуб* 'большой'; 85а);

-(а)р ~ -(ә)р, см. Абушқа: *әскірді* 'он состарился' (*әскі* 'старый'; 55), *кїскардї* 'он стал коротким' (*кїска* 'короткий'; 331); Б: *сарбардїм* 'я пожелтел' (*сарїс* 'желтый'; 29); Л (А.109): *акардї* 'он поседел' (*ак* 'белый'; 10), *көкардї* 'он зазеленел' (*көк* 'синий', 'зеленый'; 249); СҚ: *караарбај* 'потемнеет' (*кара* 'черный'; 17а), *кїзардї* 'он покраснел' (**кїз* 'красный'; 124а);

-ї(к) ~ -(і)к ~ -(у)к ~ -(ү)к, см. Абушқа: *јолуктї* 'он встретился' (*јол* 'дорога'; 417); БН: *јағїктї* 'он враждовал' (*јағї* 'враг'; 80); ХШ: *бірікті* 'он объединился' (*бір* 'один'; 176);

-сїн ~ -сін, см. Мух: *јїбламсїнуру* 'плакать всхлипывая' (**јїблам* 'плач'; 9);

-кар, см. Сан: *башкардук* 'мы направляли, управляли' (*баш* 'голова'; 1236);

НАРЕЧИЕ

Наречие — часть речи, выделяющаяся отсутствием словоизменительных форм. Последние, однако, не всегда отсутствуют вообще: многие наречия имеют какую-либо определенную словоизменительную форму, только эта форма является неподвижной, застывшей и не выражающей в данном случае те синтагмати-

ческие связи, которые присущи ей в силу вхождения в ту или иную парадигму.

Обособление имен и глаголов и переход их в разряд наречия происходит очень медленно. В этом процессе можно сравнительно легко определить крайние моменты: начало обособления и полный отрыв формы от своего парадигматического ряда. Все промежуточные этапы характеризуются и наличием живых функций, и признаками омертвления продуктивного морфологического образования, так что нередко трудно сказать определенно, имеем ли мы дело с глаголом (именем) или же с наречием.

В плане сочетаемости с языковыми единицами своего уровня наречие примечательно тем, что не может быть определяемым в определительных сочетаниях, в которых определением является имя. Примеры типа *хәр кајда* 'всюду', разумеется, в счет не идут, так как в подобных примерах определительный член *хәр* 'весь', 'каждый' первоначально входил в сочетание не с наречием *кајда* 'где', а с именем *кај*, *кају* 'какой'. Наречие в сочетаниях с именами фактически не выступает и в качестве определения, так как те немногочисленные случаи подобных сочетаний, которые все же имеют место, не отражают специфики наречия и являются обычно следствием еще сохраняющихся связей с именем.

Наречие подразделяется на две большие группы: обстоятельственные и изобразительно-экспрессивные слова.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ СЛОВА

Поскольку обстоятельственные слова не имеют собственных форм словоизменения и представляют собой результат семантико-грамматического обособления двух других частей речи, т. е. имени и глагола, то классификация их, естественно, может быть произведена только в этимологическом плане („именные“ и „глагольные“ наречия).

Большинство „именных“ наречий — обособившиеся падежные формы имен, включая и форму основного падежа, которая преобладает у сложных наречий. Примеры:

— осн. п., см. А: *хәрдам* 'постоянно', 'всегда' (*хәр* 'весь', 'каждый', *дам* 'время'; 210); Л (А. 109): *канї* 'где' (175), *хәрғәз*

'никогда' (iäs?; 210); М: *качан* 'когда' (**кач* 'какой', *ан* 'момент'; 27, ср. также *хяр качан* 'всегда'); НМ: *кажан* 'куда' (*кај* 'какой', *жан* 'сторона'; 107а);

— дат. пад., см. БН: *биря* 'вместе' (146);

— местн. пад., А: *канда* 'где' (5), *хяр кајда* 'повсюду' (164); БН: *мунда* 'здесь' (113), *кајда* 'куда' (119); Мах: *кајда* 'где' (14); ШН: *анда* 'там' (82);

— исход. пад., см. НМ: *кајдін* 'откуда' (176);

— орудн. пад., см. Ах: *кјндјзјн* 'днем' (324б); Б: *сәнсізін* 'без тебя' (49, см. также ЧД, 116); МХ: *јалбузун* 'одинок' (2256); СҚ: *јјз тјбән* 'ниж', букв. 'лицом вниз' (416); ШН: *кэч-курун* 'вечером' (438);

— древн. направ. пад., см. НМ: *соңра* 'после', 'затем' (42а).

В качестве обособившихся морфологических образований функционируют также отдельные формы с аффиксом *-лар ~ -лар*, см. БН: *јазлар* 'летом', *кјзләр* 'осенью' (159); ШН: *андалар* 'там' (82).

Некоторые наречия данной подгруппы восходят, по-видимому, к послеложным сочетаниям, см. ШН: *тјнлә ок* 'ночью же' (130); некоторые — к каким-то древним формам, имеющим неясные истоки, см. М: *эмді* 'теперь' (10); СҚ: *мунајді* 'так' (976) или к непроизводным формам, см. БН: *бат* 'скоро', 'быстро' (151).

Часть „именных“ наречий — заимствования из арабского и персидского языков, см. БН: *бәлибә* 'вероятно' (6), *мукарран* 'неоднократно' (14), *алалхусүс* 'особенно' (23), *филјүмлә* 'вообще', 'в целом' (48), *филхал* 'тотчас же' (51), *тахмнан* 'приблизительно' (68), *ханүз* 'еще', 'все еще' (125), *хала* 'теперь' (128), *албатта* 'конечно' (134), *филваки* 'тотчас же' (152), *тамәм* 'полностью' (192), *даім* 'постоянно' (235); МХ: *алкүсә* 'одним словом' (16); ТМ: *бабәјат* 'очень' (92а).

Неполноценными наречиями, с точки зрения выраженности и четкости морфологических признаков, являются заимствованные формы типа *ша'ирәнә*, см. БН: *казакәнә ва бәтакаллу-фәнә* 'по-казачески и бесцеремонно' (133); Мах: *ша'ирәнә* 'поэтически' (29). Эти формы в староузбекском языке еще сохраняют способность присоединять к себе некоторые словообразовательные аффиксы имен, см. БН: *мардәнәлк* 'храбрость' (203), а также выполнять функции определения в именных сочетаниях,

см. БН: *мардәнә сөзләр* 'храбрые слова' (137), и поэтому в равной мере могут быть отнесены и к наречиям и к именам (прилагательным).

„Глагольные“ наречия — обособившиеся полные или стяженные формы деепричастий на *-а ~ -ә ~ -у ~ -ү ~ -и ~ -і... Примеры. А: јана* 'еще' (*јан-* 'возвращаться'; 9); Абушқа: *јашу-рун* 'тайно', 'скрытно' (*јашур-* 'скрывать'; 403); Л: *дабі* 'также', 'еще' (*так-* 'присоединяться', 'следовать'; 1726, см. также НМ, 18а); ШН: *асру* 'очень' (*асір- ~ ашір-* 'заставить превосходить'; 4, 14); Я: *баса* 'еще', 'также' (*бас-* 'следовать', 'давить', 'наступать'; 319а).

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНЫЕ СЛОВА

В группу изобразительно-экспрессивных слов входят образные слова, междометия и вокативные слова. Данная группа примечательна полным отсутствием грамматической формы. Следует однако отметить возможность образования от изобразительно-экспрессивных слов имен и глаголов, ср.: *ажкір-* 'звать', 'кричать'.

Образные слова в памятниках староузбекского языка встречаются редко, что объясняется стремлением авторов ограничить доступ в книжный язык таких элементов, которые носят ярко выраженный разговорный характер. Примеры. Абушқа: *тїм тїм* 'по капле' (196); БН: ... *јсрә тәпсәләр тамәм гүнбәздін лак лак әвәз кәләр* '...если ступают на землю, из-под купола доносится хлопающий (лак лак) звук' (59); Мух: *Навә'ї ол гүл гүчүн хәј хәј јбәла* 'о Навои, из-за той розы не плачь горько' (*хәј хәј*; 10); МХ: *тјштї хәрәбат ічидә хәј ва ху* 'в кабаке — разные возгласы' (*хәј ху*; 6).

Значительно шире представлены междометия, см. А: *ах эм-ді каалмаді ах урбалі хәм кувватім* 'ох, не осталось у меня даже сил стонать (букв. произносить „ах“) (135); Б: *јәмәлиң вәсфіні ај ај нәчә әлдин әштәјмән* 'описание твоей красоты ой, ой от скольких людей я слышу' (91), *ај вај мәнә вај мәнә* 'о горе мне, горе мне' (147); Л (А. 109): *вах ошул гәнј арзүсидур бізні вајрән әјләгән* 'увь, желание этих сокровищ погубило меня' (209а); МЛ: *ла* — междометие, выражающее сожаление

ние (95); С: *aj vaj nčā tartalī imlār maḥalīnī* 'ой, ой, сколько еще будем влачить жалкое (букв.: собачье) существование' (256), *ax urdum* 'я ахал', 'я охал' (26а); ЧД: *вах кә бу гүлшан ара гүл бүтмәс әрмиш хәрсиз* 'жаль (увы!), что розы в этом цветнике, оказывается, не растут без шипов' (22а).

Случаи оформления междометий словоизменительными аффиксами единичны, см. Я: *мәни ахба нисбат килп ајтур* 'меня сравнивает со вздохом (букв.: с „ах“)' (3196); Л: *тағни әрәтүр ахм* 'мои вздохи плавают горы' (1666).

К числу вокативных слов относятся слова-частицы *aj* и *jā*, см. А: *aj бәким* 'о госпожа' (236); Б: *зурбат ичрә ај көңүл әлдин вафә истәрни кој* 'на чужбине, о сердце, не жди верности от людей' (74); С: *aj фәләк чарх урғил* 'о небесная сфера, возвращайся' (16а); ЧД: *jā раб* 'о господин' (676).

ЧАСТИЦЫ РЕЧИ

Одной из наиболее важных и наиболее древних особенностей структуры тюркских языков является нахождение зависимого, подчиненного или служебного члена в положении после независимого, самостоятельного компонента соответствующей синтагматической единицы. Именно эта особенность предопределила наличие в тюркских языках послелогов и отсутствие предлогов, наличие аффиксов-суффиксов и отсутствие аффиксов-префиксов. Таким образом, идеально, т. е. без учета тех изменений, которые произошли в структуре тюркских языков в сравнительно недавнее время чисто внутренним путем или под влиянием других языков, все частицы речи имеют довольно определенную формальную характеристику. Будучи служебными элементами, они постпозитивны в отношении частей речи.

Разумеется, староузбекский язык уже далек от того идеального типа, в котором функции различных компонентов сочетания строго определялись их соотносительным расположением. Все же указанный принцип еще сохранил свое значение и для староузбекского языка. Характерно, что те частицы речи в нем, для которых исконное формальное ограничение, отмеченное выше, не играет никакой роли (например предлоги и союзы),

являются заимствованиями из нетюркских языков или возникли в результате довольно позднего обособления некоторых собственно тюркских местоимений и деепричастий.

ПОСЛЕЛОГИ

Послелог — служебные слова, сохраняющие в отдельных случаях тесную связь с теми частями речи, из которых они развились.

Связь отглагольных послелогов с наречиями проявляется в неизменности их оформления; что касается связи отыменных послелогов с именами, то ее можно проследить в способности послелогов сочетаться со словоизменительными морфемами падежа, числа и принадлежности, а также с другими аффиксами, см. БН: *мундін бурунрак* '(немного) раньше этого' (39), *Султан Мас'уд мірзәни кәјингә* 'за Султан-Мас'удом мирзой' (42); М: *күшк үзәсіндә* 'на престольном месте' (13); НМ: *андін илгирірак* 'раньше него' (136), *андін бурунрак* 'до него', *андін соңрарак* 'после него' (36а); СҚ: *бізін кәтмиздә* 'перед нами' (85а); Я: *бізін арамиздә* 'между нами' (320а).

Когда послелог выступает самостоятельно, граница между ними и частями речи по существу исчезает, см. Б: *кайғза* 'к тебе' (19), *гирдіндә* 'вокруг тебя' (30), *утрумба кәлүр* 'идет мне навстречу' (66), *кайғма кәлүл* 'подойди ко мне' (200); БН: *ичгә* 'внутри себя' (8), *кәјинләрдін* 'за ними' (49); НМ: *утру кәлп* 'выйдя навстречу' (686); С: *тапбуңда* 'при тебе' (86); СҚ: *иләјимиздін* 'впереди нас' (296).

Послелог, включающие в себя словоизменительные морфемы, являются либо именами, либо глаголами, употребляемыми в служебной функции и имеющими, как правило, некоторые формальные особенности. Так, например, "именные" послелог обнаруживают максимально три падежные формы, фиксирующие основные моменты пространственных взаимосвязей: „куда“, „где“, „откуда“, ср.: *таш алдга* 'к камню', *таш алдга* 'перед камнем', *таш алддан* 'от камня (букв.: от перед камнем)'. Для "глагольных" послелогов характерно наличие одной неизменной формы, нередко выделяющейся своей архаичностью, ср.: *біздин ајру* 'кроме нас', *ол күндін бәрі* 'с того дня' (*ајру* и *бәрі* —

формы неполной вербальности — деепричастия на *-у, -і*, типичные и продуктивные для языка более древнего периода).

Неизменную форму имеют и некоторые „именные“ послелогои: *јичјн, кѣбі, башка, ѓзгй, соңра* и т. д., полностью утратившие связь с теми именами, от которых они произошли.

Послелогои с неизменной формой следует назвать истинными послелогоами. Изменяемые послелогои могут быть названы служебными именами.

Послелогои — наиболее подвижный разряд частиц, в границах которого осуществляется тесное взаимодействие между самостоятельными и служебными словами. Они отражают формальную историю самостоятельных слов и консервируют отдельные ее этапы. В силу этого обстоятельства послелогои являются ценнейшим материалом для диахронического изучения языка. Именно в пределах послелогов можно восстановить общетюркскую парадигму склонения, ср., например, местно-направительный падеж на *-ра ~ -рә (соңра, ічрә, јэрә)*, орудный на *-ін ~ -ин (јичјн, кѣјн)*, направительный на *-карі ~ -кәрі (ташкарі)* и т. д. Анализ послелогов позволяет также выяснить соотношение и природу различных вариантов деепричастия „настоящего“ времени (ср.: *бака, бѣрі, утру, сајін ~ сајї*).

Все послелогои употребляются с именами (исключение одно: *бѣрі*, ср.: *кѣлбалї бѣрі* 'с того времени, как начал делать'), поэтому классификация их строится на основании учета формы имен, выступающих в послеложных сочетаниях.

А) Послелогои, сочетающиеся с именами в форме основного падежа

В этой группе встречаются главным образом „именные“ послелогои, которые выражают пространственные отношения, и „глагольные“ послелогои *аша, бѣрі, бака, сајї ~ сајін, тѣгрј.*

алдїда, алдїнда, см. БН: *іш билјр кіші алдїда* 'перед знающим дело человеком' (104); М: *арш алдїнда* 'перед престолом' (16);

алїда, см. ДН: *хажалїң алїда* 'перед твоим образом' (257а); Л (А.109): *јүзјң алїда* 'перед твоим лицом' (3); ЧД: *ај алїда* 'перед красавицей' (276);

ара, см. Ах: *халәјтк ара* 'среди людей' (3236); Л (А.109): *ушишак ара* 'среди влюбленных' (208); Мах: *әл ара* 'среди людей', 'среди народа' (76); ЧД: *бустән ара* 'в цветнике' (5а); ШН: *ол ара* 'среди них' (135), *јаңал ара* 'в лесу' (214); ЭД: *от ара* 'в огне' (10);

арасїда, арасїнда, арасїдїн, см. БН: *намәзшәм билә намәз-хуфтан арасїда* 'между вечерней и ночной молитвами' (40); Л (А. 109): *јүлістән арасїнда* 'среди цветника' (213); Мах *булар арасїда* 'между этими' (50), *јахшїлар арасїдїн* 'из хороших' (171); НМ: *машәјтх арасїда* 'среди шейхов' (1176); СҚ: *халәјтк арасїнда* 'среди народа' (55а); ТМ: *іккі ач арслан арасїда* 'среди двух голодных львов' (125а);

астїба, астїда, астїнда, см. Б: *јүл зулфї астїнда* 'под локоном розы' (52); Мах: *ајаз астїда* 'под ногой' (154); НМ: *башї астїба* 'под его голову', *јанї астїда* 'под его боком' (276); ШН: *сал астїда* 'под плотом' (158);

атрәфїда, см. БН: *бу чәшмә атрәфїда* 'вокруг этого источника' (168);

аша, см. БН: *јч кјн аша* 'через три дня' (303);

бәбїнда, см. Я: *тахаммул бәбїнда* 'в отношении терпения' (3156); БН: *мәвәләр бәбїда* 'о плодах' (225);

бака см. БН: *Кабул сарї бака* 'в сторону Кабула' (157);

башїда, башїнда, см. Л: *булак башїнда* 'у (начала) источника' (180а); ШН: *јол башїнда* 'у дороги' (35);

билә, билән, см. Ах: *шах билән* 'шахом' (324а); Б: *сәз билә* 'словом' (10), *көңләк билә* 'с рубашкой' (59); Қас: *тшвәлар кѣлмак билә* 'очарованием' (I); Мб: *кудрат билә* 'могуществом' (I); ЭД: *јүгүрмаблїз билә* 'со скитаниями' (3);

бікін, см. А: *јүл бікін* 'словно роза' (6), *зулфуң бікін* 'подобно твоим кудрям' (94); ДН: *худхуд бікін* 'как удог' (2676); МХ: *јамбур бікін* 'подобно дождю' (18); С: *шәкәр бікін* 'словно сахар' (186); ТН: *Мәјнүн бікін* 'словно Маджнун' (2826);

біплә, біплән, см. Б: *әл біплә* 'с народом' (9), *бу сәзләр біплә* 'этими словами' (198); ДН: *алтун сујї біплән* 'золотой водой' (259а); Қас: *өз колун біплә* 'своей рукой' (I); Л: *качарїң біплә* 'с твоими щеками' (II); Мб: *кудратїң біплә* 'твоим могуществом' (I); ТМ: *Афрәсіјаб біплән* 'с Афрасиабом' (96а); ШН:

ол *jösün birlä* 'таким способом' (37), *jänim birlän* 'всей' моей душой' (43);

böri, см. Л: *назар килбалі бөрі* 'с того времени, как начал созерцать' (1696);

ilä, ilän, см. А: *хусн ilä* 'красотой', 'по красоте' (106); Ах: *навбат ilän* 'по очереди' (3266); Б: *та'јил ilä* 'со спешкой' (57), *бу көңлүк ilä* 'с этой рубашкой' (158); Л: *зулм ilä* 'насильно' (I); Қл: *бәј ilä* 'с запахом' (I); Мб: *сідк ilä* 'с искренностью' (I); ТН: *кәрб ilä* 'с грустью' (2756); ШН: *вақл ilä* 'встречей' (76), *бу сөз ilä* 'этим словом' (124), *бәз ilä* 'с беком' (150);

ilkidän, см. Б: *јән ilkidän* 'из-за души', *хijрән ilkidän* 'из-за разлуки' (2); Л: *зулф ilkidän* 'из-за локона' (2016);

icigä, icinägä, icidä, icindä, см. Қ: *көрк icindä* 'по красоте' (III); М: *ол дәнiz icindä* 'в том море' (16); НМ: *от icidä* 'в огне' (1476); СҚ: *гүр icinägä* 'в могилу' (83а); ТН: *бахр icindä* 'в море' (2766); ШН: *шахар icigä* 'в город' (32), *кiш icindä* 'зимой' (85);

icrä, см. Б: *көзүм icrä* 'в моих глазах' (14), *көңүл icrä* 'в сердце' (24), *зурбат icrä* 'на чужбине' (55); Л: *lätäfat бустәнi icrä* 'в саду прелести' (IV); Қл: *чаман icrä* 'на лужайке' (I); ТН: *тән icrä* 'в теле' (2736); ШН: *шахар icrä* 'в городе' (32), *бағлар icrä* 'в садах' (58);

jaңlǝj, см. Б: *хазән јафрабi jaңlǝj* 'словно осенний лист' (29); Мах: *бу jaңlǝj* 'подобный этому' (4); Л: *јадi jaңlǝj* 'подобный волшебнику' (1946), *шам jaңlǝj* 'подобный свече' (123); Мух: *булут jaңlǝj* 'подобно облаку' (9); СҚ: *бу jaңlǝj* 'таким образом' (30а); ЧД: *бу jaңlǝj* 'как этот' (26).

jixatidän, см. БН: *бахәр јағiнларi jixatidän* 'из-за весенних дождей' (44), *өзбәк jixatidän* 'из-за узбеков' (74);

katǝga, katǝnǝga, katǝna, katǝda, katǝnda, см. Қ: *шам-i рухсарiң katǝnda* 'у свечи твоего лица' (II); МХ: *сатiкчi katǝna* 'к продавцу' (14); СҚ: *Мүсә katǝnǝga* 'к Мусе' (296); ТН: *султән katǝnda* 'при султани', 'перед султаном' (289а); ШН: *хан katǝda* 'при хане' (17), *хан katǝga* 'хану' (31);

kaşǝga, kaşǝnǝga, kaşǝda, kaşǝnda, см. Б: *хijр отi kaşǝnda* 'перед огнем разлуки' (33), *jǝzǝj kaşǝda* 'перед твоим лицом' (60), *кујаш kaşǝga* 'к солнцу' (200); Қ: *ахтар kaşǝnda* 'перед звездой' (I); Мах: *алар kaşǝda* 'при них' (44); ТМ: *Ар-дǝшiр kaşǝga* 'к Ардуширу' (1146); ТН: *улублар kaşǝda* 'перед

великими' (275а); ШН: *улус kaşǝga* 'к улусу' (32), *хан kaşǝda* 'при хане' (62);

kǝbi, см. А: *сән kǝbi* 'как ты' (159); Ах: *мән kǝbi* 'как я' (3236); Б: *бǝlbǝl kǝbi* 'как соловей' (9), *сǝnbǝl kǝbi* 'как гиадинт' (15), *кујун kǝbi* 'как вихрь' (200); Мах: *хijр kǝbi* 'как разлука' (7), *самандарлар kǝbi* 'как саламандры' (92); ЧД: *мән kǝbi* 'как я' (606); ШН: *өзгә ханлар kǝbi* 'как другие ханы' (13), *кој kǝbi* 'как овца' (79);

muķabilǝsida, см. БН: *Хафт пайкар муķabilǝsida* 'на (в подражание) "Хафт пайкар"' (227); Мух: *өкǝrmǝk muķabilǝsida* 'напротив (рядом) с "өкǝrmǝk"' (9);

ortasida, см. Мах: *алар ortasida* 'среди них' (19); ЧД: *tiјn ortasida* 'посередине ночи' (71а);

ornida, орунǝga, орнǝga, орнǝna, см. А: *хәрбiр сөкǝнчiјn орнǝda* 'за (вместо) каждое твое бранное слово' (10); БН: *уј орнǝga* 'вместо коровы' (40), *каф орунǝga* 'вместо кафа' (163), *су орунǝga* 'вместо воды' (165); ДН: *шәкәр орнǝna* 'вместо сахара' (248а);

saјi, saјǝn, см. А: *мән сәni көргән saјǝn* 'по мере того, как я созерцаю тебя' (135); Б: *барған saјi* 'по мере того как идет (время)' (79), *көргән saјi* 'по мере того, как вижу' (145); Мах: *кiлған saјi* 'по мере того, как делает' (91); ШН: *jǝrǝjǝn saјi* 'по мере того, как шел' (86);

sarǝ, sarǝga, см. Б: *Кабiл sarǝ* 'в сторону Кабула', 'в Кабул' (46), *Ләңәр sarǝga* 'в направлении Лангара' (122), *бу sarǝ* 'сюда' (237); Л: *куфр sarǝ* 'в сторону вероотступничества' (III); Мах: *мәсјид sarǝ* 'к мечети' (34); СҚ: *Мәккә sarǝ* 'в сторону Мекки' (21а); ТМ: *дашт sarǝ* 'в сторону степи' (1066); ТН: *Та'ашшук-намә sarǝ* 'в сторону Та'ашшук-наме' (2756); ХМ: *бу факiр sarǝ* 'ко мне' (716); ЧД: *бағ sarǝ* 'к саду' (536); ШН: *Хорәсән sarǝ* 'в Хорасан' (32);

soңǝga, см. ШН: *әлчi soңǝga* 'за послом' (158);

tabuǝda, см. Я: *хǝш таб'лар tabuǝda* 'при добропорядочных' (3146);

toǝrǝsiga, toǝrǝsida, toǝrǝsidän, см. БН: *Тәрмәз toǝrǝsiga* 'прямо к Термезу' (147), *ошбу кәнт toǝrǝsida* 'прямо перед селением' (186), *ошбу арал toǝrǝsidän* 'прямо от (мимо) этого острова' (187);

tübinä, см. МХ: *там түбиндә* 'под стеной' (28);

təgin, см. Л (А.109): *ок тәгин* 'как стрела' (139), ср. Л (Add. 7914): *ок бікін* (2016);

təgräsida, *təgräsida*, *təgräsidin*, см. БН: *Үрәтәпәнің тәгрәсидә* 'вокруг Уратепа' (121), *Андіжан тәгрәсидә* 'вокруг Андижана' (129), *Андіжан тәгрәсидін* 'из-под Андижана', 'от Андижана' (132); Мадж: *амалдәрлар тәгрәсидә* 'вокруг чиновников' (36а); НМ: *казан тәгрәсидә* 'вокруг казана' (72а); ТМ: *дәјр тәгрәсидә* 'вокруг питейного дома' (1376);

təgrü, см. ДН: *кәчә тәгрү* 'до вечера' (2346);

üzä, см. Б: *üzl üzä* 'на розе' (44); М: *бір күрсі üzä* 'на одном кресле' (11); С: *jüzüm üzä* 'на моем лице' (186); ТН: *äfläk üzä* 'на небесах' (2746); ШН: *тахті üzä* 'на его престол' (36), *көк üzä* 'на небе' (103);

üzrä, см. Б: *üzl üzrä* 'на розе' (15); Л: *көз бахрi üzrä* 'над морем глаз' (III); ШН: *әсмән üzrä* 'на небе' (69), *араба üzrä* 'на арбе' (202);

üstigä, *üstingä*, *üstidä*, *üstindä*, *üstinä*, *üstidin*..., см. Б: *суман üstidä* 'над жасмином' (64); ДН: *дәб üstinä* 'на рану' (244а), *көк üstidin* 'с неба' (2586); Л (А.109): *ајаб üstindä* 'на ногах' (197); М: *мінбар üstündä* 'на минбаре' (15); МХ: *барча улус üstinä* 'на все народы' (10); НМ: *баш üstigä* 'на его голову' (306); ХМ: *ат üstidä* 'на лошади' (326); ШН: *Хисар üstigä* 'на Хисар' (96);

üçün, см. Б: *тәңри üçün* 'ради Бога' (47); Қас: *тәңриң üçün* 'ради твоего бога' (I); Мах: *бір дірам üçün* 'из-за одного дирама' (23); Мах: *ол үзл üçün* 'из-за той розы' (10); ШН: *разм üçün* 'для сражения' (221); Я: *бір башак üçün* 'из-за одного колоса' (3186);

xizmatıba, *xizmatıda*, см. БН: *Абдуррахмән Јәмi хизматіда* 'при Абдуррахмане Джами' (218); НМ: *улар хизматіба* 'к ним' (83а, 2096), *пiр хидматіба* 'к пиру' (158а); ТМ: *атасінің хидматіба* 'к его отцу' (115а);

çablıb, см. Б: *хасча çablıb* 'как соломинка', 'как соринка' (82); БН: *Ош çablık* 'как Ош', 'подобный Ошу' (4), *мунча çablıb* 'подобный этому' (62), *миң çablıb* 'около тысячи' (437); СҚ: *бір it çablıb* 'подобен собаке', 'с собаку' (196), *Јајхун дарјасі çablıb* 'как река Джейхун' (24а).

Б) Послелог, сочетающиеся с именами в полной и стяженной формах сопряженного состояния

В данную группу входят только именные послелог, большинство из которых сочетается также с именами в форме основного падежа.

alıda, см. А: *ошбу жүзнүн аліда* 'перед этим лицом' (252); БН: *банімларінің аліда* 'перед их врагами' (182); Л: *анің аліда* 'перед ним' (1826);

aldıba, *aldıda*, *aldında*, *aldidin*, см. БН: *Танбалнің алдйба* 'к Танбелю' (124), *улуб ханнің алдйдин* 'от великого хана' (132); СҚ: *аршинің алдйнда* 'перед престолом' (166);

alında, см. Дж: *дйлбарінің алнйда* 'перед своей красавицей' (I);

ara, см. НМ: *сізің араңйзда* 'среди вас' (176);

arasıda, *arasında*, см. БН: *авладйнің арасйда* 'среди его потомства' (46); СҚ: *әлнйң арасйнда* 'среди народа' (17а); Я: *ок јайнйң арасйнда* 'между стрелой и луком' (3146);

astıba, *astıda*, *astında*, *astidin*, см. БН: *курбаннйң астйдин* 'из-под крепости' (6), *ат ајабйнің астйба-ок* 'под ногами лошадей' (38); РҚ: *топракнйң астйнда* 'под землей' (159);

atrafıda, см. ЧД: *хйлатнйң атрәфйда* 'вокруг мест уединения' (54а);

bikin, см. С: *мунуң бікін* 'подобно этому' (186);

bilä, см. Б: *сәнйң билä* 'с тобой' (7); Мадж: *бізнйң билä* 'с нами' (20а); ШН: *анйң билä* 'с ним' (3);

biplä, см. Б: *бізің биplä* 'с нами' (169); ТН: *сәнйң биplä* 'с тобой' (2756); ШН: *сізің биplä* 'с вами' (51);

damanısida, см. БН: *табнйң дāманāсйда* 'у горы' (167);

iläjindä, см. М: *көшкнйң iläjindä* 'перед тронным местом' (15); СҚ: *миң әвнйң iläjindä* 'перед тысячей домов' (33а), *jigitnйң iläjindä* 'перед юношей' (806);

içigä, *içingä*, *içidä*, *içindä*, см. М: *бāбнйң içindä* 'в саду' (31); Мах: *анйң içigä* 'внутри его' (67); СҚ: *табнйң içindä* 'в горе' (816); ШН: *шахарнйң içidä* 'в городе' (31);

katıda, *katında*, *katidin*, *katimızda*, см. М: *анйң katında* 'при нем' (13); СҚ: *бізің katimızda* 'перед [нами]' (85а); ШН: *анйң katidin* 'от него' (36);

kaşıda, *kaşımda*, *kaşımızba*, см. Б: *лабйңнйң кашйда* 'перед твоими губами' (9); Мадж: *аларнйң кашйда* 'при них' (216); Мах:

анің кашіда 'при нем' (13); НМ: мәнің кашімда 'при мне' (29а), бізнің кашімізба 'к нам' (154а);

кәжінічә, см. БН: օзбәкнің кәжінічә 'за узбеком' (17), Бај-сунбур мїрзәнің кәжінічә 'за Байсунгур-мирзой' (47);

орнїба, см. БН: хандакїнің орнїба 'вместо рва' (6);

ортасїба, ортасінба, ортасіда, ортасінда, ортасідін, см. БН: бәбнїң ортасіда 'посередине сада' (58), Кәнігілінің ортасідін акар 'течет через Канигил' (посередине его; 60); СҚ: Каф табїнің ортасінда 'посередине горы Каф, (14а);

утрусїба, см. БН: мїрзәнің утрусїба 'на мирзу', 'навстречу мирзе' (48);

рүбәрүїба, рүбәрүїда, см. БН: мәнің рүбәрүїмда 'напротив меня' (131);

сарї, см. ХМ: анїң сарї 'в его сторону' (786); ШН: сәнің сарї 'в твою сторону', 'к тебе' (33);

соғимізча, см. БН: бізнің соғимізча 'за нами', 'вслед за нами' (191);

товрїсідін, см. БН: Јарїнің товрїсідін 'прямо из-под Яры' (101);

түбідә, түбіндә, түбіндін, см. БН: табларнїң түбідә 'у подножия гор' (9); М: јїбачнїң түбіндін 'из-под дерева' (17), јїбачнїң түбіндә 'под деревом' (34); СҚ: јїбачларнїң түбіндә 'под деревьями' (56а); Я: хәр бүтәнің түбіндә 'под каждым кустом' (3186);

тәгрәсінә, тәгрәсідә, см. М: 'аршнїң тәгрәсідә 'вокруг престола' (24); СҚ: дун'јәннїң тәг(ә)рәсіндә 'вокруг мира' (14а), карнїнїң тәгрәсіндә 'вокруг старика' (816); ШН: шахарнїң тәгрәсінә 'вокруг города' (39);

јзә, см. М: сәнің јзә 'на тебе' (19);

јстігә, јстінгә, јстідә, јстіндә, јстүмдә, јстідін, см. БН: анїң јстігә 'на него' (39), мїрзәнің јстігә 'на мирзу' (46), іккі пуштәнің јстідін 'с двух холмов' (162); СҚ: мәнің јстүмдә 'на мне' (146), ол әшікнїң јстіндә 'над той дверью' (556); ТМ: анїң јстігә 'на него' (1366);

јчүн, см. Б: анїң јчүн 'для нее' (145), бізін јчүн 'для нас' (234); Қл: анїң јчүн 'для него' (I); М: мәнің јчүн 'для меня' (2); Мах: сәнің јчүн 'для тебя' (168).

Стяженная форма сопряженного состояния в сочетании с послелогоми используется редко, см. БН: бір улус чїнарнї түбідә 'под одной большой чинарой' (150); ӘД: анї кашідін 'от него' (2); ТМ: анасі башнї үстідін 'с головы его матери' (119а).

В) Послелогои, управляющие именами в дательном падеже

Все послелогои, требующие дательного падежа, за исключением двух-трех, являются „глагольными“.

бака, см. БН: Ош сарїба бака 'в сторону Оша' (82), օзїд јәргә бака 'по сравнению с другими местами' (87), зарбка бака 'в сторону запада', 'в западном направлении' (184); Мух: мартабәсї нїсбатїба бака 'в зависимости от его положения' (2);

бола, см. БН: Андїјәнба бола Самарканднї әліктін бәрдүк 'из-за Андижана мы упустили Самарканд' (67);

дәгрү, тәгрү, см. Б: таңба дәгрү 'до зари' (30, 39, 67); Л (А. 109): бу күнгә тәгрү 'до этого дня' (226); ТН: нәчәгә тәгрү 'до скольких' (2786); ЧД: башнїдін ајабїңба тәгрү 'от головы твоей до ног твоих' (916); Ә: бу чакка тәгрү 'до этого времени' (330а); Я: бу күнгә дәгрү 'до этого дня' (3146);

дәгін, дәгінчә, дәгүнчә, тәгінчә, см. МХ: јарїм јолба дәгін 'до половины дороги' (29); НМ: Мәккәдін Мәдїнәгә дәгінчә 'из Мекки в Медину' (28); СҚ: кїјәматка тәгінчә 'до судного дня' (6а), јәтінчї кат көккә тәгінчә 'до седьмого неба' (8а), маврїбба тәгінчә 'до запада' (14а); ТМ: Түббүткә дәгүнчә 'до Тибета' (1006); ЧД: кїјәматка дәгінчә 'до судного дня' (32а);

јавукча, см. БН: мнїгә јавукча 'около тысячи' (65);

јараша, см. БН: аңа јараша 'в соответствии с этим' (154); ШН: хїмнатїба јараша 'в соответствии с великодушием' (118); каршу, см. Л: җамзаң оқїба каршу 'против стрелы твоего кокетливого взгляда' (1966);

көрә, см. БН: аңа көрә 'в соответствии с ним' (147); Мадж: օз хурд хәлїба көрә 'по своему невысокому положению' (107а); Мах: ідрәкларїба көрә 'в меру своего разума' (8), օз хәлїба көрә 'в зависимости от своего положения' (131), муңа көрә 'в соответствии с этим' (160);

тәгї, тәгін, см. С: кїјәматка тәгї 'до судного дня' (19а), таңба тәгін 'до зари' (286);

утру, см. НМ: *аңа утру* 'ему навстречу' (69а); СҚ: *Дайдалба утру* 'навстречу Даджалу' (20а); ТМ: *аңа утру* 'ему навстречу' (101а), *Бахрәмба утру* против Бахрама' (1366);

Г) Послелого, сочетающиеся с именами
в исходном падеже

Среди послелогов последней группы можно встретить и „именные“ и „глагольные“.

ајру, см. Б: *біздің ајру* 'кроме нас' (9), *сәңдін ајру* 'кроме тебя' (39); ЧД: *сәңдін ајру* 'кроме тебя' (406; см. также ШН, 185);

башка, см. БН: *Укабайндін башка* 'кроме Укабайна' (157); ДН: *дәмәктін башка* 'кроме говорения' (271а); Мадж: *мундін башка* 'кроме того' (906);

бурун, *бурна*, см. БН: *хабардін бурна* 'до получения известия' (282); Мах: *јәтмәсдін бурун* 'прежде чем он достиг' (22), *андін бурун* 'до того' (147); С: *мән өлмәсдін бурун* 'прежде чем мне умереть' (8а); ТМ: *түгәймәсдін бурун* 'до того как закончилось' (116а); ШН: *хан кәлішідін бурна* 'перед приходом хана' (78);

бәрі, *бәріј*, см. БН: *андін бәрі* 'с того времени' (5); Мадж: *кічигдін бәрі* 'с младенческого возраста' (606); НМ: *фәлән күндін бәрі* 'с такого-то дня' (1476); РҚ: *ол күндін бәріј* 'с того дня' (140а); СҚ: *качандін бәріј* 'с каких пор' (75а);

кәјін, см. БН: *үч күндін кәјін* 'через три дня' (81); СҚ: *дәвләрдін кәјін* 'после деов' (27а);

нарі, *наріба*, см. БН: *дәманәдін-ок нарі* 'за подножье холма', 'в обратную сторону' (82), *Хојанд сујидін нарі* 'по ту сторону реки Ходженд' (132); СҚ: *Каф тәгидін нарі* 'с обратной стороны горы Каф' (146), *ол бағдін нарі* 'с той стороны сада' (556); ЧД: *'адам виләјатидін нарі* 'по ту сторону вилайета небытия' (386); ШН: *андін наріба* 'в обратную сторону' (176);

өзгә, см. Б: *јәнімдін өзгә* 'кроме моей души', *көңлүмдін өзгә* 'кроме моего сердца' (1); БН: *бір Самаркандтін өзгә* 'кроме одного Самарканда' (64); М: *андін өзгә* 'кроме него' (20); *Лүтфидін өзгә* 'кроме Лутфи' (34), *Бабурдін өзгә* 'кроме Бабура' (34);

соң, *соңра* 'затем', см. БН: *Јахәнгір мірзәнің фавтідін соң* 'после смерти Джихангира мирзы' (62), *'Абдуллаһиғ мірзәдін соңра* 'после Абдуллатифа мирзы' (63); Мах: *андін соң* 'затем' (25); СҚ: *тоқуз јүз јилдін соңра* 'после того как прошло девятьсот лет' (4а); ТМ: *алтмиш јил өткәндін соңра* 'после того как прошло 60 лет' (93а); ШН: *туткандін соң* 'после того как взял' (142);

таш, см. ШН: *хаддін таш* 'сверх меры' (138);

ташкарі, см. БН: *Шахрухидін ташкарі* 'вне Шахрухия', 'за пределами Шахрухия' (39), *бағдін ташкарі* 'вне сада' (168); Мах: *јигимлик дәјрәсидін ташкарі* 'вне круга молодости' (53).

ПРЕДЛОГИ

Предлоги для староузбекского языка, так же как и для других тюркских языков, не обычны и, более того, не терпимы. Тем не менее в текстах прослеживается небольшое количество предлогов, заимствованных преимущественно из персидского языка, см. БН: *бајрі дэвәнда* 'кроме дивана' (8), *бәвујүд-і* 'несмотря на нужду' (9), *бар хәләф-і* 'адат' 'вопреки обычаю' (23), *бәвујүд-і бу захм* 'несмотря на эту рану' (81). См. также Мах, 40; Ә, 333а.

СОБСТВЕННО ЧАСТИЦЫ I (ПОСТПОЗИТИВНЫЕ)

Самую большую группу внутри данного грамматического разряда образуют ограничительные и усилительно-выделительные частицы: *-біна ~ -гінә*, *-ок ~ -өк*. Примеры:

-біна ~ -гінә (ограничение > уменьшительность, ласкательность), см. Мадж: *бубіна мәсәліні* 'этот только образчик' (446), *макбуләбіна јигимдур* 'приятный молодец' (566), *јахшібина ишәрләр* 'хорошенькие стихи' (57а); МЛ: *чінбіна* 'правильный', *әсрүкгинә* 'пьяньский', *көкгинә* 'голубенький' (89), *кушбіна* 'птичка', *јумрукбіна* 'кулачок', *көкјүсгинә* 'грудка' (120); НМ: *бір саріб іткінә* 'одна желтая (рыжая) собачка' (1636); СҚ: *миң әвгінә* 'тысяча домиков' (33а), *астабіна* 'тихонько' (886), *кічигинә* 'малюсенький' (986); ШН: *јашбіна* 'совсем молодой' (222), *біргинә ат сукмакі* 'одна только проторенная лошадью до-

рога' (162). Для частицы *-гїна ~ -гїн* характерны постепенное изменение первоначального значения и специализация в плане сочетаемости с частями речи. Так, в абсолютном большинстве случаев *-гїна ~ -гїн* употребляется с именами и выражает значение уменьшительности или ласкательности;

-ок ~ -ок (усилительно-выделительное значение), см. БН: *Султан Махмуд мїрзаба бу хабар жїткїч-ок...* 'как только это известие достигло Султана Махмуда мирзы...' (29), *ахїр пїжтахт уїчїн Тїмїрбїг Самаркандї-ок ıхтїјар кїлдї* 'в конце концов Тимур-бек решил сделать столицей именно Самарканд' (61), *бурунбїдїк-ок* 'такой же как прежде' (63); Мадж: *кабрї Мїшхїдда-ок вакидур* 'его могила в Мешхеде же' (216); ШН: *тїнлї-ок* 'ночью же' (130), *їзлїрїн хан сарї-ок ташладї* 'народ бросился в сторону самого хана' (219); НМ: *хїмїл кїјн-ок* 'в тот же самый день' (51а), *анда-ок дагї бар* 'и иди еще туда вот' (158а).

Следующая группа — модальные частицы: *-му ~ -мї*, *їркїн ~ їркін ~ їкїн*, *їрмїш ~ їмїш*, *-ла ~ -лї*, *кїрїк*. Примеры:

кїрїк, см. А: *Атїјїга жїмїк їчмїк кїрїкмїс* 'Атаи не надо есть и пить' (46); НМ: *јана бір башка кїтаб бїтїмїк кїрїк* 'надо писать еще другую книгу' (116); ТМ: *кїтмїк кїрїк* 'надо идти' (1146);

-ла ~ -лї (категоричность, определенность), ср. у Наваїй: *лабїң фїкрї бағрїмї кан кїлдї-ла чї кан кїлдї кїздїн раван кїлдї-ла* 'мысли о твоих губах наполнили кровью мою грудь, когда наполнили ее кровью, заставили кровь литься из глаз', *їмрдїн нїјмїд болдум-ла мїхнїтї хїјр їчїндї їлдїм-лї* 'я потерял надежду жить, в страданиях и разлуке умер';³⁴

-му ~ -мї (вопрос), см. Ах: *анїң уїчїнмї кїладурсїз фїзїн* 'не поэтому ли поднимаете вопли?' (328а); Б: *мїндїк јана бір барму* 'есть ли еще как я?' (66), *бїлїрмїсїн* 'знаешь ли ты?' (116); Мадж: *мактабга барїпмусан* 'ходишь ли ты в школу?' (20а); Мах: *ол дїнї ачїбмудур* 'горькое ли то зерно?' (40); СҚ: *сїн фїлїн кїшї їрїрмїсїн* 'ты такой-то?' (546), *кїрдїңїзмї* 'видели ли вы?' (716), *бу аїдахїнї сїнмї їлтїрдїң* 'этого дракона ты ли убил?' (946);

³⁴ По работе: С. Муталлибов. XI аср їзма їдгорликлариди феъл категорияси. Тошкент, 1955, б. 33.

їркїн ~ їркін ~ їкїн ~ їкін, *їрмїш ~ їмїш* (вероятность, неочевидность), см. А: *їмдї бїлдїм раст їрмїш* 'теперь я узнал, оказывается, правда' (78); Б: *мундак бїлїлар бар їмїш* 'есть, оказывается, такие беды' (90), *кїзї хїнхїр їмїш* 'глаза ее, оказывается, кровопийцы' (90), *барму їкін* 'есть ли на самом деле?' (220); БН: *їзбїк зїр кїшїнї бука дїр їрмїш* 'говорят, что узбеки называют сильного человека „бука“' (26); Мадж: *шїрї јаман їмїс їркїндур* 'его стихи не плохие, оказывается' (15а); Мух: *аз їркін* 'мало, оказывается' (24); НМ: *бу дїстїн(да) алтмїш бїјт бар їркін* 'в этом дастане шестьдесят бейтов' (616), *бїлдїм кї анїң кашїда хїч кадрїм јок їрмїш* 'я узнал, что меня у нее никак не ценят' (53а); ЧД: *вах кї бу гїлшїн ара гїл бїтмїс їрмїш хїрсїз* 'жаль, что в этом цветнике не растут розы без шипов' (22а); ШН: *бар їмїш анда камїш асру калїн* 'есть-де там много камыша' (177), *јок їмїш* 'нет, оказывается' (183), *бар їмїш* 'есть, оказывается' (212).

Частица *їкїн*, сохраняющая связь с этимологической формой (причастие от глагола *ї ~ їр* 'быть'), может присоединять к себе некоторые падежные аффиксы, см. БН: *бу кїшлакта їкїндї* 'когда были в этом кишлаке (зимовке)' (87); Мух: *анїң сарт їкїнїн фахм кїлур* 'поймут, что он на самом деле сарт' (7). Совершенно очевидно, что в этом случае мы имеем дело с нормальной причастной формой, используемой в собственном значении, ср. БН: *...ва Ёзїгїнд кї кадїм Фарбїнїнї пїјтахтї їкїндур* '...и Узгенд, который был столицей древней Ферганы' (128).

Частицы *їркїн* и *їрсї* могут выражать связь подчинительного характера между отдельными предложениями. Примеры: *їркїн* 'когда' (в сочетании с формой на *-ар...*), см. СҚ: *бір кїјн ол оған ол зїхїд катїндїн чїкїп зїгїд барур їркїн кїрдї кїм...* 'однажды, когда тот мальчик вышел от того отшельника и направился к себе домой, он увидел, что...' (93а); *їрсї* 'если', 'когда', см. ДН: *јїңїлїк кїлдїм їрсї...* 'если я совершил легкомысленный поступок...' (247а); ТМ: *їтгї бїрдї їрсї їт јїп халїк болдї* 'когда он дал собаке, собака съела мясо и издохла' (114а); СҚ: *тїңрї та'алї јїрнї јараттї* 'когда всевышний господь создал землю' (146); ШН: *їрсї* 'когда всевышний господь создал землю' (124); *јїбїлїп кїлдї їсї лїшкїлїр...* 'когда собрались войска...' (124).

К последней группе относятся частицы, являющиеся выражителями предикативности, в утвердительном или отрицательном аспектах. Примеры:

дэғүл, эмäs (отрицательные частицы), см. А: *ај бәкім ошбу јүз дэғүл шамс билә камармудур, ај бәкім ошбу сөз дэғүл шахд билә шәкармудур* 'о госпожа, этот лик не есть ли солнце с луной, о госпожа, эти слова не являются ли медом с сахаром?' (59); Л: '*ајаб дэғүл*' не удивительно' (1686); Мах: *ол ма'лүм эмäs* 'это неизвестно' (92); МХ: *көңләк йштанба чүләйк дэғүл хәрнә бахә биrlә муvафiк дэғүл* 'для рубахи и штанов не годится, какова бы ни была цена, не подходит' (13), *бар кә бу мәјlicдә дэғүлсән харiф* 'иди, так как на этой сходке ты не товарищ' (31).

Из двух приведенных здесь отрицательных частиц первая встречается только в поэтических текстах. Она не типична для староузбекского языка, и ее использование некоторыми авторами следует объяснить тем влиянием, которое оказывала на последних суфийская поэзия Передней Азии. Примечательно, что в поэзии среднеазиатских суфиев подверглись длительной консервации и многие другие формы и частицы, чуждые общенародному языку;

-мән, -сән, -біз, -сіз, -тур(ур) ~ -дур(ур) (утвердительные частицы), см. Б: *бу нав' иш иш эмäs* 'такое дело — не дело' (14), *ташвiш бәјхатдурур* 'мучения безграничны' (18), *итиңдурман* 'я твоя собака' (91), *будур тиләгим* 'это — мое желание' (126); Л: *мәни шајдә кiладурбан бу көңүлдур* 'это сердце сделало меня безумцем' (2016); М: *Јабр'аїл ајттi Јабр'аїлтурман* 'Джабраил сказал: „Я Джабраил“' (6), *сән мундамусан* 'ты здесь?' (32); НМ: *чiн ајтадурман* 'я говорю правду' (256), *сән кiмсән* 'кто ты?' (686); ЧД: *хүш әрмәстур* 'нехорошо', 'неприятно' (12а), *көңлүм кiјјадурур* 'мое сердце сгорает' (54а); Ә: *мәниң хәссијатiм јүзi кiзартмак турур* 'мое свойство — делать красным лицо' (3366);

-мән, -сән, -біз, -сіз — личные местоимения, употребляемые в качестве окончаний (так называемые местоименные окончания). Будучи связанными с местоимениями, эти частицы нередко являются в большей мере выразителями лица, чем предикативности, и в таких случаях перед ними выступает другая предикативная частица — *-дур(ур)*...;

-дур(ур) — обособившаяся форма причастия настоящего-будущего времени от глагола *тур-* 'стоять'. В староузбекском языке встречается несколько вариантов этой частицы: *-дур, -тур, -дурур, -турур*.

СОБСТВЕННО ЧАСТИЦЫ II (ПРЕПОЗИТИВНЫЕ)

Собственно частицы второй группы употребляются препозитивно. Таким образом, они соотносятся с частицами первой группы так же, как предлоги с послелогом. Подобно предлогам, собственно частицы препозитивного типа имеют нетюркское происхождение. Примеры:

бәлкә (усилительно-выделительное значение), см. А: *эмдi билдiм рәст әрмиш бәлкә көрдүм көз билә* 'теперь я узнал, оказывается, правда, я видел даже глазами' (78); Мах: *барiнi мәңә бәрипдур бәлкә артуvрак* 'все мне дал, даже больше' (98) Мух: *әз хурд ахвәлiба көрә ајта алурлар бәлкә ба'әi фаcәхат ва баләбат билә хәм тәкәллүм кiлурлар* 'могут говорить в соответствии со своим положением, некоторые даже произносят, блистая красноречием, и обнаруживают зрелость' (6);

гүјә, гүјә кә (предположительность, вероятность, неочевидность), см. БН: *ошал хәлдә мәңә андак хәлат болдi кiм гүјә кә мәңә јанкi баштiн худә јән бәрдi* 'тогда у меня было такое состояние, будто господь заново вдохнул в меня жизнь' (145); НМ: *хамд аңа кiм тилiм әтти гүјә* 'хвала тому, кто создал, как говорят, язык' (2);

мәгәр (предположительность, желательность), см. Б: *мәгәр ујкуда јүзүң көргәј әрдiм* 'хотя бы во сне я увидел твое лицо' (39); Л: *јүзүң нәгәх көрүп ај дәп сабiндiм мәгәр хүшу хiрад мәндiн кәтiптур* 'неожиданно увидев твое лицо, я подумал, что это луна, наверно меня покинул рассудок' (172а); НМ: *улар хiдматiба јәттiм дәдиләр кә мәгәр сән чабiр iчәрсән* 'когда подошел к нему, он сказал: „Может быть ты пьешь вино?“' (2096); Я: *мәгәр карiбан јiхаттiн харф болупсан* 'разве что от старости ты выжил из ума' (319а);

кәшкi (условно-желательное значение), см. Б: *көрмәгәј әрдiм јәмәл 'алам ара кәшкi* 'ах, если бы мне не видеть красоту в мире!' (73); Л: *јәргә кiрсәм кәшкi чүн јәтмәс ол ајба әлiк*

‘ах, если бы войти мне в землю, так как (все равно) не достаёт рука той луны’ (193а);

хаманā (предположительность), см. НМ: *ва хаманā кэ ол киші чабїр ісіп эрді* ‘и будто бы тот человек пил вино’ (209б);

шāјад, шāјад кім (предположительность), см. БН: *јўрўј бэрің шāјад кутулгајсіз* ‘езжайте, может быть спасетесь’ (139), *тэз јўрўсәңіз шāјад чіккајсіз* ‘если поедете быстро, может быть выскочите’ (139), *шāјад кім мін мін бэш јўз өзбәк өлді әкін* ‘возможно, что погибли тысяча или полторы тысячи узбеков’ (232).

СОЮЗЫ

Союзы формально отличаются от всех других служебных слов, исключая небольшую группу препозитивных частиц нетюркского происхождения, тем, что всегда занимают позицию перед словами, словосочетаниями и предложениями, которые ими обслуживаются. Как уже указывалось выше, препозиция служебных или любых зависимых элементов в отношении самостоятельных членов синтагмы необычна для тюркских языков и является следствием взаимодействия последних с нетюркскими языками.

Союзы подразделяются на две большие группы: сочинительные и подчинительные. Первые соединяют слова, сочетания или предложения, не зависимые друг от друга, вторые устанавливают зависимость одних соответствующих единиц от других.

Сочинительные союзы

Сочинительные союзы выражают в основном три типа отношений: простую связь положительного (например: *ва... ва... ‘и... и...’*) или отрицательного порядка (например: *нә... нә... ‘ни... ни...’*), противительность (ср.: *аммā* ‘но, однако’) и полную или частичную взаимоисключенность (ср.: *јā... јā... ‘или... или...’*).

Для союзов рассматриваемой группы при выражении отношений первого и третьего типов характерна повторяемость.

Примеры употребления сочинительных союзов:

аммā ‘но’, см. БН: *хўб ајтїп әді аммā мән рәзї болмадїм* ‘хорошо? — сказал он, однако я не согласился’ (139);

ва (-у, -ву, -ју) ‘и’, см. БН: *чэріг әлі ва тэвā ва ат бу інішдā ва таңда асру көп әмгәнділәр* ‘войско, и верблюды, и лошади на этом спуске перенесли страшные мучения’ (182), *хабар кәлді кім өзі ва оулі Мәккәдә әміш* ‘пришло известие, что он сам и его сын находятся в Мекке’ (210); Б: *дард ва бамїм* ‘мои боли и огорчения’ (3); Л: *нāлаву фар’јадїм әшіт-гїл* ‘услышь мои стоны и призывы о помощи’ (195б); Мах: *ічмāk ва јәмāk ва ујкуба хурсанд* ‘рады попить, поесть и поспать’ (58); С: *ол біру бар* ‘он один и существует’ (36); ТМ: *өлмāk кәрāk ва мўлкнї јат кішігә којуп кәтмāk* ‘надо умереть и оставить имущество чужому человеку’ (114б);

вālē ‘но’, ‘однако’, см. Б: *мāгәр ујкуда јўзўј көргәј эрдїм, вālē хїјріңдә көздін учтї ујку* ‘хотя бы во сне увидеть мне твое лицо, однако от разлуки пропал сон’ (39); Мух: *узарїңнї ачарба кімсанурман вālē әл көрмәкнә кїзбанурман* ‘я умоляю тебя открыть покрывало, однако ревниво отношусь к тому, что будут взирать на (твое лицо) люди’ (10); Ә: *мән сәні йгәрчә јахшї бїлмән вālē јахшї бїлўрмән* ‘хотя я тебя хорошо и не узнаю, все же достаточно хорошо знаком’ (334б);

гāх... гāх(ї) ‘или... или...’, см. Ах: *гāх кїлч бїплā... гāх пїчак бїплā* ‘то мечом..., то ножом’ (327а); Л: *шавк отїда гāх пāјдā гāх пінхāн өртмәгән* ‘в огне страсти он горел то явно, то скрыто’ (210б); Б: *көрсәтўр гāх тїз ва гāх ок* ‘показывает то меч, то стрелу’ (2); Мух: *кәчәләр гāх іңрәмәкдур* ‘адамтїм гāх сїңрәмāk ‘по вечерам у меня заведено или стонать, или плакать’ (9); ЧД: *гāх сарв јзрә гāхї гїл јзрә* ‘то на кипарисе, то на розе’ (22а);

јā... јā... јā ‘или... или...’, ‘или’, см. А: *јā нїшāн әјләр бабїрнї јā јўрākнї јā мәнї* ‘то делает целью грудь, то сердце, то (самого) меня’ (260); БН: *јā бәлігә баблар әді јā колїба алїп јўрўр әді* ‘или он привязывал к пояснице, или носил в руке’ (127); НМ: *тамām јā аксар јолнї јајав бармїшлар* ‘всю дорогу или большую часть ее они шли пешком’ (208а); СҚ: *бу та’ам дун’јадїн тўрур јā ујмāвдїнму тўрур* ‘эта пища из земного мира или из рая?’ (52а).

ја’нї ‘то есть’, см. БН: *афгāнлар урушмакдїн ‘ајіз болса банїмларнїң алїда от тїшлāп кәлўр әміш, ја’нї мән сәнїң ујуңдурман дәгән әміш* ‘афганцы, если они не в состоянии

сражаться, подходят к своим врагам с травой в зубах, то есть (хотят этим сказать): „я твой вол“ (182);

jāxūd... jāxūd... 'или... или...', см. С: ајмудур јјзјң *jāxūd xūrшд-і табан ај санам* 'луна ли твое лицо или сверкающее солнце, о красавица' (316); ЧД: *jāxūd армані jāxūd араб* 'или армянин или араб' (71а), *аташн гүлдин кїзармїш баъ jāxūd 'андалїб* 'от пламенеющей розы покрылся краской сад или соловей?' (456);

jok әрсә, jok әсә (jokјса) 'а не то', 'в противном случае', см. ШН: *...јфкүләрман jok әсә бәндә сәңә* '...в противном случае я (твой) раб разгневаюсь на тебя' (224); Ә: *әмді бу хәмхәјәлнї башнңдн чїкарбїл jok әрсә...* 'теперь выбрось из головы это легкомыслие, а не то...' (334а);

lәk 'но', 'однако', см. ШН: ...lәk әл андн әмәстур хүшнүд '...однако народ не доволен им' (93);

lәkн 'но', 'однако', см. Л: нуксәнн көп хәр ишдә бәчәрә *Лүтфннң дїлбәр јәмәлї васфїда lәkн кәмәлї бар* 'много недостатков у бедного Лутфи в любом деле, однако он блещет совершенством в описании красоты возлюбленной' (1726);

нә...нә 'ни...ни', см. А: нә фәләкннң мәхрї бардур нә сәннң көңлүндә рахм 'ни у тебя любви нет, ни в твоём сердце сострадания' (6), *нә пәрї ошар сәңә хусн ичрә нә унсу мәләк* 'ни пери не походит на тебя красотой, ни ангел' (176), *нә сәвүп сәндн тојар көңлүм нә бакїп көзләрім* 'ни сердце мое не насыщается любовью к тебе, ни глаза мои, взирая на тебя' (176); БН: *нә атта мајәл калїптур нә кїшдә* 'ни у лошадей не осталось сил, ни у людей' (76); Мах: *нә кїшї аңа ошар нә ол кїшдә* 'ни человек не похож на него, ни он на человека' (106); МХ: *нә јүзїдә нүр ва нә ағзїда сәз* 'ни луча на лице, ни слова на устах' (13), *дунјәда нә күзә-јү нә бурјә нә сују* *їбрїк нә кәфш ва 'асә* 'в мире у (него) нет ни горшка, ни циновок, ни воды, ни кувшина, ни обуви, ни 'посоха' (21); ШН: *нә шарїат нә тарїкат бар әдї* 'ни шариата, ни тарыката не было' (9);

хәх...хәх (хәхї...хәхї) 'или...или', см. Л (А.109): *сәнн сәнн сәвәрәм хәх їнан хәх їнанма* 'тебя я люблю, или верь, или не верь' (15), *хәхї бу јәмәл ајннң ва хәхї сәннң үчүң*

'эта красота или из-за луны или из-за тебя' (165); Мах: *хәх кәңә јүрї хәх күндүз* 'или ночью или днем иди' (133);

хәм 'и', см. БН: мәннң бәнмїм курбанда әдї хәм курбанннн алндн хәм бәнмнн качурулдн 'мои враги были в крепости; и крепость была взята и враги обращены в бегство' (105). Нередко однако *хәм* в значительной мере утрачивает функции соединительного союза и совмещает их с назначением выделятельно-усилительной частицы, см. БН: *әгәрчә јана туманларн хәм бар бу мазкүр болбанларча әмәс* 'хотя есть и еще несколько областей, относящихся к нему, они не такие, как те, которые упомянуты' (62); Мадж: *көпрәк 'үлүм ва фунүң хәм бїлүр әрдн* 'он также был сведущ во многих областях знания и знал много наук' (206); Мух: *ајтса хәм* 'если и скажет' (6); ШН: *кабаса хәм кабасун* 'если же будет осаждать, пусть осаждают' (52), *от хәм анча әмәс әрдн іссїб* 'и огонь-то не был очень горячим' (85).

Подчинительные союзы

Подчинительные союзы выражают условность, причинность, уступительность, а также местные, временные, дополнительные и определительные отношения.

Особое место среди подчинительных союзов занимает союз *кїм* (кә), восходящий к вопросительно-относительному местоимению. *Кїм* (кә) сам по себе передает разнообразные отношения и, кроме того, входит в состав многих других союзов, ср.: *аннң үчүң кїм, нә үчүң кїм, нәгә кә, чүнкә* 'потому что', *тә кїм, тә кә* 'пока', *харчанд кїм* 'хотя'.

Примеры употребления подчинительных союзов:

аннң үчүң кїм, аннң үчүң кә, анн үчүң кә 'потому что', см. БН: *Касїм-хан рәзї болмадн аннң үчүң кїм Кара Булакта забт ва сїјасат үчүң үч-төрт мобулнн өлтүрүп әдн* 'Касим-хан не согласился, потому что в Кара Булаке для наведения порядка и устрашения он убил трех или четырех монголов' (121);

әгәр, гәр 'если', А: *әгәр јән сүрәтн көрмәк мїләрсән...* 'если желаешь увидеть изображение души...' (155); БН: *әгәр мәнә баксаңнз өзүңнзн алдурурснз* 'если будете равняться

(букв.: смотреть) на меня, дадите возможность (противнику) захватить вас самих' (139); Л: *gär kılмаса вафа мәнә дилбар* 'ажаб дэгүл 'если возлюбленная окажется неверной мне, не удивительно' (1686), *ägär jän болмаса тәндін нә хәсіл* 'если не будет души, что за толк от плоти' (202а); НМ: *ägär мәнә бір нима көрсәтсәң...* 'если мне что-нибудь покажешь...' (256);

ägärçä, gärçä 'хотя', см. БН: *ägärçä қаҗабә әмәс јахшӣғина қаҗабәчадур* 'хотя (это) и не большой город, но хорошенький городок' (5), *јазларӣ јахшӣ хавәсӣ бар әгәрчә Кабулча јоктур* 'летом воздух в нем хорош, хотя не такой как в Кабуле' (57); Л: *мән гәрчә јафа отіна јандім јана алман* 'хотя я и сгорел в огне притеснений, не смогу отступить (букв.: вернуться)' (167а), *гүл кашинда хуб әмәс гәрчә јәмәли бар дурур* 'роза перед тобой не (так уж) хороша, хотя и красива' (181а); Мах: *ма'аш үји гәрчә болур тар амма хәрнәчә мабәлабә килсәң јәрі бар* 'хотя жилище тесное, все-таки есть место для увеличения' (75); Ә: *мән сәні әгәрчә јахшӣ билмән вәлсә јахшӣ билјүрмән* 'хотя я тебя хорошо и не узнаю, все же достаточно хорошо знаком' (3346);

бавујүд ким 'несмотря на то, что', 'хотя', см. БН: *бавујүд ким атимнӣ ајттім хәм муддаттін соңра таніділар* 'несмотря на то, что я называл свое имя, он узнал меня только спустя некоторое время' (11);

кә, ким 'так как', 'когда', 'который', 'что', см. А: *адамба сәні охшата билмән кә пәрїсән* 'не могу тебя уподобить человеку, так как ты пери' (23); БН: *сәшәнбә әді ким Хојандка јәттім* 'был вторник, когда я прибыл в Ходженд' (66), *Ошдін өткәндә хабар кәлді ким мухәліфлар Андјән сарї бармӣш* 'когда проходили Ош, пришло известие о том, что противник ушел в сторону Андижана' (82); Мух: *...Јафәснӣ кә тавәрїх ахлӣ Абү-л-түрк бітірләр* '...Яфеса, которого люди, занимающиеся написанием истории, называют (букв.: пишут) „отец турка“' (4); Мах: *дәхкән кә дәнә сачар* 'дехканин тот, кто сеет зерна' (46); Ә: *кіші ким бір сәнің јүзүңнӣ көрді...* 'человек, который раз увидел твое лицо...' (3356).

Союз *ким (кә)* может вводить прямую речь, см. БН: *ба'әї дәділәр ким јазба албајбіз* 'некоторые сказали: „К лету возымем“' (102), *Хосрав-шах махалдін соң өз виләјатларї сарї*

рухсат тиләді ким мән барсам ол виләјатларнӣ тамәм алурман 'через некоторое время Хосрав-шах попросил разрешения отправиться в свои вилайеты (сказав): „Если я отправлюсь, то захвачу те вилайеты полностью“' (192); НМ: *...дәбдур кә алтмӣш јилдур кә імән кәлтүрмәктәдурман* '...он сказал: „Уже шестьдесят лет, как верую“' (200а);

нә јүчүн ким (кә) 'потому что', см. Мух: *ägär түрк ібәраті адәсідә 'әјтәдур мухак хәм бар нә јүчүн кә түрк алфә'ї...* 'если (они) проявляют слабость в тюркской речи, то для этого есть основания, так как тюркские слова...' (7); см. также НМ, 185а; ХМ, 156; ЧД, 156;

нәгә кә 'потому что', см. ЧД, 766;

та, та кә 'до тех пор' пока', см. Б: *јәр кадрін билмәдім та јәрдін әјрїлмадім* 'цену подруги не знал я до тех пор, пока не разлучился с ней' (219); БН: *та анда јәткүнчә мәннӣ билән сәкіз кіші калп әді* 'пока я добрался туда, со мной осталось восемь человек' (138); МХ: *та кә фә(л)ләк сїр кїлур сәлу мах даврнӣ сїрсїн бу улуб пәдішах* 'до тех пор, пока судьба наполняет (временем) годы и месяцы, пусть здравствует этот великий падишах' (10);

хәрнәчә 'сколько ни', см. БН: *мән Ғазнәдә хәрнәчә тајас-сус кїлдім бу чәшмәдін хәчкїм нїшән бәрмәді* 'сколько я ни допытывался в Газни, никто не указал мне этого источника' (171);

хәрчанд ким 'хотя', см. БН: *хәрчанд ким вәрїсї хәзїр јок әді...* 'хотя наследников при сем не было...' (9);

чү 'когда', 'как только', см. Б: *ачїлдї көңлї чү ачтїң са-чїңнӣ Бабурнїң* 'открылось сердце Бабура, как только ты распустила свои волосы' (5); Л: *кәттї хїрадїм башта чү ол кашїнӣ көрдүм* 'рассудок покинул голову, когда я увидел те ее брови' (1676), *јәргә кїрсәм кәшкї чүн јәтмәс ол ајза әлік* 'ах если бы войти мне в землю, так как не достает рука той луны' (1936), *мән чү өлсәм хәх унутғил анда хәхї јад кїл* 'когда я умру, хочешь — забудь меня, хочешь — вспоминай' (200а), *вафа кїлмакка којмас чүн сәні хусн...* 'так как красота не позволяет тебе быть верной...' (212а); ШН: *чүн бу сөзләрнӣ әшіттї султән...* 'когда султан услышал эти слова...' (39), *чүн сабах олдї јїбїлдї бәгләр* 'когда наступило утро, собрались беки' (218);

чўнкә 'так как', 'потому что', см. С: *Мавараннахр ичра калдїм чўнкә иккі жанїма көзләрімнің бірі Сајхўн бірі Јәјхўн әјләді* 'я остался в Мавераннахре, так как возле меня, с двух сторон, один мой глаз образовал Сыр-Дарью, а другой — Аму-Дарью' (306).

Факультативно в качестве союза выступает также деепричастная форма *дәп* (от *дә-* 'сказать'), ср. Б: *көрәј дәп* 'чтобы увидеть' (46); БН: *кәчәдур дәп мїрзә рухсат бәрмәді* 'мирза не разрешил, так как (было) поздно' (43), *кәтмәгәј дәп* 'чтобы он не ушел' (224).

Глава III

СИНТАКСИС

На протяжении последних двух десятилетий исследование синтаксиса разных тюркских языков, включая и узбекский, проводилось довольно интенсивно, и количество соответствующих работ велико. Кажется, нет ни одного вопроса, который бы не получил того или иного освещения. Сама структура разных синтаксических построений описывалась многократно и с достаточной полнотой, так что к этому трудно добавить что-либо новое. И хотя в интерпретации фактов, в создании классификационных синтаксических схем и разработке вопросов исторического синтаксиса сделано еще мало, в целом все же синтаксис является наиболее изученным разделом грамматики. Именно поэтому мы не ставим себе целью сколько-нибудь полное описание синтаксиса староузбекского языка. Очерк, посвященный этому разделу, предельно краток. Он включает в себя общую характеристику синтаксических единиц (члена предложения, сочетания, оборота, предложения) и разбор тех моментов, которые примечательны главным образом для староузбекского языка и появление которых так или иначе связано с рассматриваемым периодом (XIV—XVI вв.).

ЧЛЕН ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Членом предложения может быть любая часть речи: имя, глагол или наречие. При этом имя выступает обычно в качестве подлежащего, дополнения, определения и именной части сказуемого, глагол — только в качестве сказуемого (формы неполной вербальности употребляются со связкой), наречие — как обстоятельство. Наиболее емким в синтаксическом отношении является имя, которому в староузбекском языке присущи функции любого члена предложения.

СОЧЕТАНИЕ

Сочетания, встречающиеся в староузбекском языке, могут состоять из нескольких имен, из имени и глагола, из глагола и наречия или из наречия и имени. Они выражают атрибутивные (атрибутивно-определятельные, атрибутивно-обстоятельные), атрибутивно-объектные и объектные отношения и построены по принципу одностороннего (субординация) или взаимного (координация) подчинения.

Сочетание имен. Сочетание из нескольких имен имеет четыре формальных разновидности или, как принято говорить в традиционном синтаксисе, обнаруживает четыре способа соединения отдельных компонентов: примыкание, частичное сопряжение, полное сопряжение, управление (согласование совершенно исключено).

Первая разновидность характеризуется отсутствием каких-либо формальных элементов соединения. Она широко используется в тех случаях, когда первый компонент сочетания является прилагательным, причастием, числительным или местоимением (исключая группу личных местоимений), а второй — существительным, например: *бир китаб* 'одна книга', *нэчй јил* 'несколько лет', *алтй ај* 'шесть месяцев', *бу киши* 'этот человек', *јўмлй шайлар* 'все шахи', *јўз атлар* 'сто лошадей', *кара јафраklar* 'черные листья' (возможность согласования показателей числа в подобных сочетаниях исключена), *киргйн киз* 'вошедшая девочка', *биринчй кўн* 'первый день'.

Сочетания имен могут быть трехчленными, четырехчленными и т. д., ср.: *икки јакту гйвхйр* 'две блестящие жемчужины', *тўрт кичйг таш* 'четыре маленьких камня', *јўз миң фитнйлар* 'сто тысяч смут', *паст бојлук булма сакаллик коба јўзлук танбал киши* 'низкорослый, круглобородый, бледнолицый, толстый человек', *Нахј ул-фарадис атлик китаб* 'книга, называемая „Нахдж ал-фарадис“', *Ахсй дэйн курбан* 'крепость, называемая Ахсы', *киши тола кочайлар* 'улицы, заполненные людьми', *бизниң билй анда болган кишилйр* 'бывшие с нами там люди', *тўрт јиллик азукум* 'моя четырехлетняя провизия', *Шах Махмуд дэйн бир султйн* 'султан по имени Шах Махмуд'.

Перестановка существительного в препозицию наблюдается в языке поэтических произведений, где порядок слов, являющийся вообще довольно строгим, как правило, нарушен, см. МН: *ајўнба* 'андалйбдйк хўшнавайман' 'для мира я — словно сладкоречивый соловей' (*хўшнавай* 'сладкоречивый'; 173а), *назар бирла бабйбан сён мўкаллаф* 'с виду ты — изысканный садовник' (*мўкаллаф* 'изысканный'; 173б); ТН: *Утйрид ким дйбйр олди мофайи* 'Меркурий стал щедрым письмоводителем' (*мофайи* 'щедрый'; 273б), *Фйридўн сйрйт-у Јамшйд мукаддйм* 'Феридун — по образцу жизни и идущий впереди Джамшид' (*мукаддйм* 'идущий впереди'; 275а).

Соединение в пределах данной формальной разновидности двух существительных — явление чрезвычайно редкое для староузбекского языка. Оно допустимо для устойчивых синтаксических образований, имеющих единое значение или включающих в свой состав в качестве первого компонента собственные имена, обобщающие наименования, нумеративы и детерминативы, см. БН: *бир јинс ёрйк* 'один сорт урюка' (4), *бир ной кавун* 'один сорт дыни' (6); МН: *райаб ај* 'месяц раджаб' (173б), *чйчкан јил* 'год мыши' (173б), *Мансўр бакшй* — имя собств. (173б); ШН: *Ханйкй хан* — имя собств. (87).

Вторая разновидность (частичное сопряжение, или так наз. неполный тюркский изафет) реализуется с обязательным оформлением второго компонента аффиксом принадлежности 3-го лица *-(с)й ~ -(с)й*. Неполный изафет представлен в сочетаниях двух существительных или в сочетаниях существительного с прилагательным, причастием, числительным и местоимением (кроме группы личных и указательных местоимений), когда последние выступают постпозитивно в отношении существительного. Примеры:

1) *шйнбй кўнй* 'суббота' (*кўн* 'день'; букв.: день субботы), *Самарканд шйи* 'ворота Самарканда' (*шй* 'дверь', 'ворота'), *Мухаббат-намай китабй* 'книга Мухаббат-наме' (*китаб* 'книга'), *јёхан бун'ядй* 'здание мира', 'мироздание' (*бун'яд* 'здание', 'творение'), *Андйжан рўдй* 'река Андижана' (*рўд* 'река'), *Исфарй вйлајатй* 'вилаyet Исфары' (*вйлајат* 'вилаyet'), *Сэйхўн сујй* 'река Сейхун' (*су* 'река'), *шарк тарафй* 'восток' (букв.: 'восточная сторона'; *тараф* 'сторона');

(именное предложение и квазиглагольное предложение с формами неполной вербальности), ср. Мах. ол ма'лўм эмас 'это — неизвестно' (128); МН: чэчак жапраклари жэрдэ тўшўптур 'лепестки цветов опали на землю' (163а), пэрдидин хўрдин хам кёрк-лўраксан 'ты красивее пери и гурии' (1676); СҚ: тўш кёрар эрдилар 'они видели сон' (3а); ШН: ёз кишимдурлар эмастур жат 'свои люди, не чужие' (25), бир икки миңча киши бар эмиш 'говорят, что (там) тысячи две людей' (206), мэн карібмән мәни нэтијсидур 'я состарился, что сделает он со мной' (204), ишимиз асру болуптур душвар 'дела наши стали очень тяжелыми' (204), дэди ким Шах-заман Балх сарі кэлмиш 'он сказал, что Шах-заман пришел в Балх' (212);

— использованием форм полной вербальности, ср. МН: фаришта кёрса болжај сизга мајил 'если ангел увидит, при-страстится к тебе' (1676); ШН: калдїлар барча ол ишдін ҳајран 'все были удивлены этим' (28), мэн Самаркандні ансїз нэтајин 'что я поделаю с Самаркандом без него' (29), болдї хамрāх аңа Шах-заман 'с ним был Шах-заман' (208).

Выражение предикативности без связки, простым противопоставлением имен, наблюдается преимущественно в тех случаях, когда вторым компонентом предложения является причастие или когда в предикате оказывается форма сопряженного состояния, например, см. ШН: эл болур мал болур барча сизин тўз сизин таб сизин балја сизин 'народ, добро — все ваше, степи — ваши, горы — ваши, (?) — ваша' (108).

В поэтических текстах вообще выражение предикативности без связки является весьма распространенным.

Предложение может состоять из одного или нескольких предикативных комплексов (соответственно простое и сложное предложения).

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В староузбекском языке должны быть выделены три композиционных типа простого предложения: элементарный (соединение элементарных синтаксических единиц), распространенный (наличие сочетаний) и обособленный (наличие оборотов). В связи с этим уместно подчеркнуть необходимость разграничения двух планов: плана выражения и плана содержания. Многие предло-

жения с оборотами и развернутыми сочетаниями с точки зрения содержания являются сложными, однако в плане выражения, т. е. в формально-синтаксическом отношении, они несомненно простые.

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Сложное предложение, в отличие от простого, включает в себя несколько предикативных комплексов, образующих одну коммуникативную единицу.

Предикативные комплексы в составе сложного предложения объединены сочинительной или подчинительной связью. Формальное выражение и той и другой связи² осуществляется при помощи союзов, большая часть которых заимствована из иранских и других языков.

Среди сочинительных союзов важное место занимают: ва 'и', нэ... нэ 'ни... ни', амма 'но', 'однако', ја... ја 'или... или', вәлс 'но', 'однако', гах... гах(и) 'или... или', ја-хўд... јахўд 'или... или', ја'ни 'то есть', јок эрсә 'в противном случае', 'а не то', ләк, ләкин 'но', хөх(и)... хөх(и) 'или... или', хам 'и'.

Примеры употребления сочинительных союзов в большом количестве приведены в соответствующем разделе морфологии. Здесь мы ограничимся указанием на то обстоятельство, что в прозаической староузбекской литературе, особенно религиозно-дидактического содержания, широко представлены древнетюркские союзы јана, баса и takı, восходящие к деепричастным формам, и что конструкции с такими союзами нередко сохраняют своеобразие древней паратактической структуры речи, см., например, СҚ: takı јўз он төрт китаб көктін пајзамбарларға инди takı әлліг китаб Шіс пајзамбарға инди takı отуз китаб Ідріс пајзамбарға инди takı јігірмә китаб Ібраһім пајзамбарға инди takı... 'сто четырнадцать книг было спущено с неба пророкам, пятьдесят книг было спущено пророку Шизу, тридцать книг было спущено пророку Идрису, двадцать книг было спущено пророку Ибрагиму...' (36).

Сочинительные союзы служат целям соединения не только предложений, но и элементарных синтаксических единиц, а также сочетаний.

² Сочинительная связь может быть и бессоюзной.

Подчинительные союзы: *кім*, *кэ* 'так как', 'когда', 'который', *анің үчүн кім* 'потому что', *әгәр*, *гәр* 'если', *әгәрчә*, *гәрчә* 'хотя', *нэ үчүн кім* 'потому что', *нэга кэ* 'потому что', *та* 'пока', *хәрничә* 'сколько ни', *хәрчәнд кім* 'хотя', *чү* 'когда', 'как только', *чүнкэ* 'так как', 'потому что'.

Наиболее примечательным является союз *кім* ~ *кэ*, соединяющий любое придаточное предложение, кроме условного.³

Употребление подчинительных союзов ограничено придаточным предложением. Лишь в исключительно редких случаях последние выступают в составе оборота и в составе сочетания (при сравнении и т. д.), см. БН: *та анда јәткүнчә мөниң билән сәкиз киши кәлп әди* 'пока я добрался туда, со мной осталось восемь человек' (138); Мах: *бутпарастлїк јахїрак кім хўдпарастлїк* 'идолопоклонство лучше, чем эгоизм' (107).

Широкое развитие различных форм синтаксического подчинения К. Менгес⁴ справедливо считает важнейшей чертой староузбекского синтаксиса.

ВЫРАЖЕНИЕ ПРЯМОЙ И КОСВЕННОЙ РЕЧИ

Прямая речь в староузбекском языке выражается:

а) путем простой (не выраженной формальными средствами) постановки высказывания перед глаголами *дә* 'сказать' и *ајт* 'говорить' или вслед за ними, а также включением высказывания в состав деепричастного оборота с *дәп* 'сказав', ср. СҚ: *кїлалї дәдїләр әрсә Мүсә ду'а кїлдї* 'когда они сказали: „Что подделаем“, — Муса совершил молитву' (296), *дархал Јабраїл кәлп ајттї ја Мүсә 'асәннї дар'јаба урбїл дәп...* 'тотчас же явился Джабраил и сказал: „о Муса, брось свой посох в реку...“' (296); ШН: *хан дәдї бу сәңә болсун бәкї* 'хан сказал: „Это будет тебе навечно“' (25);

б) при помощи союза *кім*, см. ХШ: *бујурдї шәх кім ол атнї кәлтүр* 'приказал шах: „Приведи ту лошадь“' (30а);

³ Примеры см. на стр. 208.

⁴ К. Н. Menges. Das Čağatajische in der persischen Darstellung von Mīrzā Mahdī Xān, SS. 641, 715.

в) посредством разного рода комбинаций всех перечисленных выше способов, см. БН: *дабї дәдї кім бу сөзләрнї унутун. Мірзә фїлхал ајттї кім кәсї сөзләрнї* 'и он сказал: „Забудьте эти слова“. Мирза тотчас же сказал [в свою очередь]: „Какие слова?“' (51); СҚ: *фарман кїлбај кім сүрнї чалбїл* 'он прикажет: „Играй на флейте“' (18а); ШН: *дәдї мїрзә кә будур Шәх-заман* 'сказал мирза: „Это — Шах-заман“' (205).

Косвенная речь может быть выражена только одним способом — при помощи союза *кім*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТАРОУЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА XIV—XVI ВВ.

Анализ большого количества текстов художественной, историко-мемуарной и религиозно-дидактической литературы, деловых документов, а также эпиграфических надписей позволяет сделать некоторые выводы относительно общего состояния староузбекского языка рассматриваемого периода. Разумеется, мы будем говорить прежде всего о литературном языке,¹ что обусловлено составом и характером источников, использованных при написании настоящей работы.

Староузбекский литературный язык XIV—XVI вв. характеризуется высокой степенью унификации отдельных форм, оборотов, синтаксических конструкций и, отчасти, фонетических особенностей, что в конечном итоге дает основание предположить о возникновении общенародной литературно-языковой нормы именно в этот период.

Ясно, что термин „общенародный“ в данном случае не имеет абсолютного значения, так как чрезвычайно слабое распространение грамотности среди широких кругов населения и отсутствие действенных средств популяризации общей нормы способствовали сохранению большой диалектной раздробленности. Термин „общенародный“ является таким образом условным, и его следует воспринимать в том смысле, что писатели и поэты, жившие в различных районах Ферганы, Мавераннахра и в других местах и представлявшие различные диалекты центральной

¹ О староузбекском литературном языке см.: В. Д. Артамошина. Условия формирования и некоторые особенности языка среднеазиатских поэтов — предшественников Навои. Сб. „Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика“, М., 1960, стр. 7—29; Г. Ф. Благова. О характере так называемого „чагатайского“ языка конца XV в. Там же, стр. 30—39.

части Средней Азии, сознательно ориентировались на некий общий, наддиалектный язык, стоявший ближе всего к диалектам Ферганы, но безусловно отличавшийся от любого из них. Возьмем, например, сочинения Бабур, уроженца Ферганы, Нава'й, родившегося и прожившего значительную часть своей жизни в Герате, и Мухаммеда Салиха — жителя Хорезма. Вряд ли может возникнуть сомнение в большой близости языка этих трех авторов, тем более, что сами они так или иначе засвидетельствовали эту близость: Бабур — указанием на то, что язык населения родного ему Андижана совпадает с языком сочинений Нава'й; Нава'й — включением Мухаммеда Салиха в число поэтов, писавших на языке тюрки, т. е. на том языке, которым пользовался сам Нава'й.

В староузбекском литературном языке XIV—XVI вв., как, пожалуй, и во всех других литературных языках, столкнулись и глубоко отразились две тенденции. С одной стороны, несомненно стремление поддержать связи с естественной языковой средой, чтобы не сделать литературный язык совершенно искусственным, с другой стороны, дает знать о себе литературно-языковая преемственность и литературные связи в широком смысле.

Первая тенденция проявлялась с большой силой в самом начале возникновения староузбекского языка, а затем постепенно ослабевала, так что в конце концов староузбекский язык подвергся почти полной консервации. Вторая тенденция в период с XIV по XVI в. была более или менее равномерной, хотя факторы, определявшие литературно-языковое воздействие в течение всего этого периода, не были совершенно одинаковыми.

Говоря об особенностях чисто внутреннего развития староузбекского литературного языка, мы имеем в виду период его возникновения и начальный этап развития, то есть конец XIII в. и весь XIV в.

В указанный период уже образовался ряд территориальных диалектов, однако племенные языковые различия еще играли существенную роль. На территории Ферганы, в Мавераннахре и Хорезме в различных пропорциях вступали в контакт и взаимодействовали представители трех основных диалектных групп: карлукско-уйгурской, уйгуро-огузской и кыпчакской. Взаимодей-

ствие этих групп и наложило свой отпечаток на периферийные литературные языки того времени. Так, в произведениях золотоордынской литературы, в зависимости от тех или иных обстоятельств, широко запечатлелись либо огузские (ср.: Мухаббат-наме, Та'ашшук-наме), либо кыпчакские элементы (ср.: Хосраву Шйрйн Қутба). Например, в Та'ашшук-наме — алан 'захвативший', в м. албан, ср. также у Ата'й — *sävānlār* 'любящие', в м. *sävānlār*. В Мухаббат-наме встречаются дательный падеж на -a ~ -ä, винительный падеж на -ī ~ -i, форма настоящего-будущего времени на -īsar ~ -īcār; наблюдается исчезновение конечных заднеязычных в положении после узких гласных у существительных и прилагательных, ср.: *tamlu* 'сладкий', *arī* 'чистый', *aj jīzlū* 'лунолика', *shīrīn cōzlū* 'сладкоречивый' и т. д. В Хосраву Шйрйн широко прослеживаются причастие на -aci ~ -āci, деепричастие на -a ~ -ä в самостоятельном предикативном употреблении, собирательные числительные типа *ikāv* и другие формы, характерные для кыпчакских языков.

Взаимодействие карлукско-уйгурских, уйгуро-огузских и кыпчакских элементов не ограничилось периферийными районами, оно сыграло решающую роль и в Фергане и в Мавераннахре и, конечно, проявило себя в процессе возникновения общего литературного языка. Достаточно внимательно проанализировать текст Бабур-наме, чтобы представить себе размеры этого взаимодействия, особенно в плане смешения карлукско-уйгурских и кыпчакских элементов. Так, в Бабур-наме употребляются параллельно в значении настоящего-будущего времени формы на -(a)r ~ -(ä)r и -a ~ -ä, выступают причастия на -mīsh ~ -mīsh и -ban ~ -gān, собирательные числительные типа *ikkälä* (*ikkävlä*) и *ik(k)äv*, разделительные числительные типа *ikkīrār* и *ikkīshār*, отглагольные имена на -bu ~ -gū и -mak ~ -māk, формы категорического императива на -bīl ~ -il и -bīn ~ -gīn (ср. у Мехдихана: узбеки, т. е. кочевники Приаралья, употребляют -bīn ~ -gīn вместо -bīl ~ -il во 2-м лице единственного числа повелительного наклонения)² и т. д.

Перейдем к краткой характеристике второй тенденции, а именно, к разбору факторов литературно-языкового воздей-

² См.: Сангях, стр. 86.

ствия, также имевших большое значение в развитии староузбекского литературного языка.

Было бы неправильно игнорировать тот факт, что почти все, писавшие на староузбекском языке, в особенности поэты, хорошо владели персидским языком и, как правило, отдавали и ему дань поэтического творчества.

Подражание персидским образцам, стремление воспроизвести дух и форму персидской поэзии, как хорошо показал Навā'й в Мухакамат ал-лугатайн, составляли основную заботу абсолютного большинства тюркоязычных поэтов XIV и XV вв. Следует не забывать также и того, что многие культурные центры тимуридов находились на территории с преобладающим восточноиранским населением и что не только поэты, но и тюркское население, находившееся в тесном контакте с последним как в Мавераннахре, так и в Фергане, в какой-то своей части было двуязычным. Эти обстоятельства не могли не сказаться на состоянии литературного языка. В нем нередко преобладает персидская лексика, употребляются служебные слова и целые конструкции, не свойственные тюркской речи.

Широкое распространение получают, например, персидский изафет, союзы, препозитивные частицы типа *māgār*, *kāshki*, *gūjā*, *bālki*. Ср. у предшественников Навā'й (Лутфй, Қамбара оғлы, Қасима, Джавахарй и др.) — Л: *hāk-i pāji kīm āca zulfī tējār kōp istārām* 'очень желаю (прильнуть) к следам ее, которых касаются локоны' (I), *alīda jān тартадурман tā māgār tūshkāj kābul* 'перед ней прилагаю старания, чтобы быть принятым' (I), *kōr kē nē zardu nē zār ētti mēni savdā-jī hām* 'потым' (I), *kōr kē nē zardu nē zār ētti mēni savdā-jī hām* 'потым' (I), *kōr kē nē zardu nē zār ētti mēni savdā-jī hām* 'потым' (I); смотри, каким бледным сделали меня несбыточные мечты' (IV); Дж: *tā hajālī kēldī mēxmān kōzī 'azīz mēxmānīda gāh durī ommanu gāh lāl-i bādāshān тартадур* 'не успел он и подумать о возлюбленной (букв.: о госте), а глаза уже дорогой госте влекут то прозрачные, как жемчуг, то кровавые, как рубин, слезы' (I); Қам: *dīlbār-i pājmān shikān 'ahdīn farāmūsh ājlādī* 'не верная слову красавица забыла свой договор' (I) и т. д.

Известно также, какую роль в жизни народов Средней Азии сыграло арабское завоевание, сопровождавшееся усиленным религиозным натиском.

Укоренение ислама и мусульманской идеологии создавало благоприятные условия для проникновения во все области интеллектуальной жизни арабской культуры и арабского языка, который стал не только религиозным, но и философским языком среднеазиатских тюрок.

Влияние арабского языка было особенно заметным в жанрах религиозно-повествовательной литературы (ср.: Ми'радж-наме, Тазкира-и авлия, Қысаc ан-анбия, Рахат ал-қулуб, Сирадж ал-қулуб) и почти во всех поэтических произведениях.

Среди внешних факторов, проявивших себя в развитии староузбекского литературного языка, особое место занимает влияние классического наследия карлуков и уйгуров. Литературные традиции, сложившиеся в период пребывания этих крупнейших племенных объединений в составе каганата караханидов, были живо восприняты в среднеазиатских центрах, причем первоначально, как и в Восточном Туркестане, здесь явно доминировала религиозно-дидактическая тематика (ср. Хибат ал-хақайиқ).

Конкретно трудно назвать те элементы, которые вошли в староузбекский литературный язык из восточнотуркестанского литературного языка, так как узбекско-уйгурские связи не были ограничены каналами литературно-книжной преемственности.

Давая общую характеристику староузбекскому литературному языку, необходимо отметить резкое отличие языка поэтических произведений от языка прозы.

У поэтов сохраняются архаичные формы, используются в максимальных размерах элементы других литературных языков: старотурецкого, караханидского. Только или преимущественно для поэтических произведений характерно употребление отрицательной частицы *дэҗүл* ~ *дэҗүл*, „стяженных“ аффиксов винительного и дательного падежей, ср.: *-(j)ī* ~ *-(j)i* и *-a* ~ *-ä*, послелога *ilä*, деепричастий на *-мајін* ~ *-mäјin* и *-(i)бан* ~ *-(i)bän*, глагольных форм настоящего и прошедшего времени, развившихся из причастий на *-(a)p* ~ *-(ä)p* и *-мiш* ~ *-miş*, ср.: *бармiшам* ‘я пошел’, *истäрäm* ‘я желаю’, стяженной разновидности причастия прошедшего времени, ср.: *алан* ‘взявший’, *кәлән* ‘пришедший’, и таких слов, как *тәлим*, *үкүш* ‘много’, *әдҗү* ‘хороший’, *бул* ‘находить’, *кол* ‘просить’, *ајүн* ‘мир’, *лудак* ‘губы’, *әл* ‘рука’,

убан ‘бог’, *бікін* ‘как’, ‘подобно’, *топрак* ‘почва’, ‘земля’, *урам* ‘улица’, *дәлү* ‘безумный’, *өсрүк* ‘пьяный’, *јубан* ‘колебаться’, *иді* ‘хозяин’, *көрккәбај* ‘красавица’ и др.

Что касается размеров использования в языке староузбекской поэзии арабо-персидских элементов, то они весьма не постоянны и в каждом конкретном случае зависят от характера поэтического произведения. Чтобы показать крайние моменты использования указанных элементов, сопоставим язык Шейбани-наме, исторической хроники в стихах, и язык касыды Мансұра-бахши, восхваляющей достоинства всевышнего. В Шейбани-наме число арабизмов и фарсизмов находится на минимальном для староузбекской поэзии уровне (от 30 до 40%), в касыде Мансұра-бахши их, по меньшей мере, в полтора раза больше. Ниже мы приводим небольшой отрывок из этой касыды:

Ja bījās-ал мостағісін барчаға фар'јад-рас
'alīm-ул асрār-i 'ālam jā 'alīm-i зү-л-јалāl
қудратің бірлә јараттің аршу күрсі бу калам
хикмәтіңнің (х)укміна јәтмәј турур 'аклу хайāl.

Јинну інс(ән)у вахшу тајру мұру мәхi рiзкiнi
јәтгүрүрсән јүмләгә қудрат билә бәкiл-у-кāl.
Кім кә iчтi рахматің дар'јасiдiн бір јур'әјi
барча 'āламдiн муназзах болдi, бу болдi зулāl.

‘О покровитель всех, кто просит помощи,
наставник сокровищ мира, о величавый мудрец!
Своим могуществом ты создал престол и минбар, и
это перо,
суждений твоей мудрости не постигнет ни ум, ни
воображение.

Хлеб насущный демону, человеку, зверю, птице,
насекомому, рыбе —
всем доставляешь ты своим могуществом без шум-
ных речей.

Тот, кто выпил глоток из реки твоей милости,
стал безупречнее всех миров, стал чистой, прозрачной
водой’.

В отношении количества фарсизмов и арабизмов различия между языком поэзии и языком прозы менее ощутимы, если при сравнении не принимать во внимание деловых документов и некоторых текстов объяснительной религиозной литературы, сознательно упрощенных в целях их более широкой популяризации.

Своеобразие староузбекского языка, в той части, в которой оно связано с посторонним влиянием, выразилось преимущественно в лексике и синтаксисе. В плане морфологии арабское и персидское влияние было незаметным и оставило незначительные следы.

Несомненно, что факторы внешнего воздействия не являлись определяющими ни в самом становлении староузбекского литературного языка, ни в его развитии. Каким бы ни было подражание персидским и арабским образцам, староузбекский язык все равно никогда не утрачивал своего самобытного облика и даже в том состоянии, когда он уже не развивался, представлял нечто совершенно оригинальное и привлекал к себе внимание тюркских и персидских филологов. Более того, этот язык стал своеобразным литературным койнэ и представители многих тюркских народов пользовались им как языком „изящной словесности“ вплоть до недавнего времени.

Из всего сказанного выше следует, что отношение к староузбекскому литературному языку как к языку искусственному, никак не связанному с развитием общенародного узбекского языка, не является обоснованным. Литературный язык бесспорно отразил основные моменты развития народного языка узбеков и результаты его изучения вполне могут быть использованы для историко-языковых исследований более широкого охвата. Последнее не означает, однако, что между староузбекским литературным языком и языком общенародным (т. е. совокупностью признаков, объединявших живые узбекские диалекты) не было никаких различий.

ОТНОШЕНИЕ СТАРОУЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА К ВОСТОЧНО-ТУРКЕСТАНСКОМУ

Как мы отметили в самом начале, „Грамматика узбекского языка XIV—XVI вв.“ является продолжением „Грамматического очерка языка текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана“.

Связь названных грамматических исследований не случайна: староузбекский язык рассматривается нами как среднеазиатская разновидность восточнотуркестанского языка более позднего (чем X—XIII вв.) периода. При этом в данном случае под восточнотуркестанским языком разумеется его карлукско-уйгурский диалект.

В данном разделе небесполезно сопоставить фонетические особенности и морфологические системы языка двух указанных периодов и сделать некоторые выводы относительно ведущих тенденций в развитии узбекского языка на протяжении шести-семи столетий.

Предварительно ответим на вопрос, достаточно ли оснований считать, что восточнотуркестанский и староузбекский языки лежат в одной плоскости и связаны узами хронологической последовательности? Хотя диалектная база староузбекского языка XIV—XVI вв. значительно расширилась, по сравнению с диалектной базой восточнотуркестанского языка, за счет включения кочевников Дешти Кыпчака, есть все основания рассматривать его как высокоразвитое ответвление этого последнего, т. е. восточнотуркестанского языка (resp. карлукско-уйгурского диалекта).

В староузбекском языке наблюдаются почти все те же грамматические формы и фонетические явления, что и в восточнотуркестанском языке, с той разницей, что в первом многие из них уже являются архаичными и не охватывают системы языка в целом, тогда как в последнем они весьма продуктивны и регулярны.

Сопоставление восточнотуркестанского и староузбекского языков в плане фонетики затруднено обстоятельствами, связанными с характером письменности, недостаточно точно отражающей тюркские звуки, в особенности гласные.³ Поэтому проанализируем лишь частные фонетические явления, которые четко

³ Весьма вероятно, что фонологические системы этих языков не различались и что состав дифференциальных признаков фонем был одинаковым. Правда, в восточнотуркестанском языке еще сохранялось в какой-то мере противопоставление долгих и кратких гласных, тогда как в староузбекском такого противопоставления уже не было.

ср. в языках огузского типа), *йбла*- 'плакать' (*абла*- отсутствует, ср. в языках огузского типа).

И в восточнотуркестанском и в староузбекском языках на месте общетюркского **д'* (**м'*?), выступающего в начале слова и имеющего самые разнообразные отражения в древних и современных тюркских языках, всюду наблюдается *ј*. Формы с начальным *ј* из памятников X—XIII вв. обнаруживает уйгурский вариант Сказания об Огузе, в котором, однако, наряду с *ј* выступает и *ј*. При этом можно предположить, что *ј* в оригинале не было и что он появился при составлении списка, так как в китайско-уйгурском словаре, составленном в пекинской коллегии переводчиков, в правление династии Мин, и включающем в себя всю лексику из Сказания об Огузе, джекающих форм нет.⁴ В староузбекском языке джекающие формы также необычны. Мехдй-хан приписывает их языку „узбеков“,⁵ т. е. кочевников приаральских степей.

Среди частных явлений обращает на себя внимание регулярная вокализация в староузбекском языке конечных согласных у порядковых числительных, употреблявшихся в более ранний период, как правило, без гласных. Ср.: *тёртинч* и *тёртинчи* 'четвертый', *ікінч* и *ікінчи* 'второй', *бәшінч* и *бәшінчи* 'пятый'. Краткое, невокализованное окончание порядковых числительных для староузбекского языка засвидетельствовано небольшим количеством примеров, см. Абушқа: *йчйч* 'третий' (94); ШН: *тёртинч* 'четвертый' (161).

В отношении гармонии гласных можно заметить следующее: в целом это явление сохраняется на протяжении всего периода существования как восточнотуркестанского, так и староузбекского языка. Тем не менее в каждой конкретной группе форм происходили некоторые сдвиги. Так, в староузбекском языке становятся заметными морфологические образования смешанного палатально-велярного или велярно-палатального типа и намного возрастает число слов, в которых губной гласный третьего и, реже, второго слога заменяется негубным гласным, ср. *кёрдйўз* и *кёрдйўз*, *кёрдйўз* 'вы видели', *сөзйўмйў* и

⁴ См.: А. М. Щербак. Огуз-наме. Муҳаббат-наме, стр. 102—107.

⁵ Санглях, стр. 86.

сөзйўмйў 'моего слова', *сөзйўмйў* и *сөзйўмйў*, *сөзімйў* 'наше слово', *кйўмйў* и *кйўмйў* 'серебро'.

Спирантизация *к* (> *х*) охватывает приблизительно одинаковое количество слов. Она, очевидно, имела место лишь в отдельных, смежных с огузскими диалектами, говорах. В памятниках примеры спирантизации *к* единичны.

В староузбекском языке появляется новый „вставочный“ звук — *ш*, ср.: *ікішәр* 'по два', вм. прежнего *ікірәр*, *алтйшар* 'по шести', *йәтйшәр* 'по семи'.

Восточнотуркестанский и староузбекский языки поразительно совпадают в отношении позиционного распределения согласных. Звонкие заднеязычные, увулярные и *д* в абсолютной начальной позиции присутствуют только в виде исключения. Разумеется, слова арабские, персидские и монгольские в счет не идут.

На границе разных морфологических элементов в староузбекском языке в сочетании с сонорными встречаются, как правило, звонкие шумные, ср.: *лд*, *мд*, *нд*, *рд*, *рб* (в восточнотуркестанском языке чаще: *лт*, *лт*, *нт*, *рт*, *рк*). Группы с глухим смычным сохраняются лишь внутри слов, неразложимых на отдельные морфологические элементы, например; *алтун* 'золото', *арпа* 'ячмень', и в побудительных формах глагола типа: *өлмйр*- 'убить', *кәлмйр*- 'принести'. В последнем случае рассматриваемые языки образуют общую линию.

Сам факт сохранения группы *лт* (*лт*) можно квалифицировать как один из весьма примечательных объединяющих признаков, ср.: *өлмйр*- 'убить' (в манихейских текстах X—XI вв. — *өлйр*-), *кәлмйр*- 'приносить', 'приводить' (в манихейских текстах X—XI вв. — *кәлйр*-), в памятниках кыпчакского языка XIII—XVI вв. — *кәмйр*- ~ *кәмйр*-), *олтур*- 'садиться' (в манихейских текстах — *олур*-, в кыпчакских — *отур*- ~ *отйр*-).

Таким образом, при наличии одинаковых фонологических систем восточнотуркестанский (resp. карлукско-уйгурский) и староузбекский языки, составляющие единую языковую традицию, имеют некоторые исторически обусловленные фонетические расхождения.

Аналогичное соотношение наблюдается в морфологии.

Для учета преобразований в системе падежных форм приведем ниже обе парадигмы склонения:

	Вост.-турк.
Осн.	—
Вин.	-нї ~ -ні, -їб ~ -іг, —
Дат.	-ба ~ -гә
Напр.	-бару ~ -гәрі
Местн.	-да ~ -дә
Исх.	-да ~ -дә, -дан ~ -дән ~ -дін ~ -дін
Орудн.	-ін ~ -ин

	Староузб.
Осн.	—
Вок.	-а ~ -ә
Вин.	-нї ~ -ні, —
Дат.	-ба ~ -гә
Местн.	-да ~ -дә
Исх.	-дін ~ -дін
Предел.	-бача ~ -гәчә, -ча ~ -чә

Сравнение двух парадигм показывает, что некоторые падежные формы восточнотуркестанского языка исчезли и что в староузбекском языке появились новые падежные формы и расширились или сузились функции старых падежей.

Аффикс орудного падежа постепенно утратил свою продуктивность и стал неупотребительным. В староузбекском языке его можно обнаружить в одной из групп „именных“ наречий, ср.: *kündüzün* 'днем', *jüz tjbän* 'лицом вниз', *käskün* 'резко', 'категорически', *kışın* 'зимой', *jazın* 'летом', *səncizün* 'без тебя', *jalluzun* 'одиоко', *käčkuğun* 'вечером'; в некоторых послелогах, ср.: *üçün* 'из-за', 'для', *saün* 'по'; в отрицательных деепричастиях, ср.: *barmaün* 'не идя', *kılmaün* 'не делая', в деепричастиях типа *barıban* 'отправившись', *kılıban* 'сделав' и в других формах.

Функции орудного падежа в староузбекском языке перешли главным образом к послелогу *bıplä ~ bılä ~ ilä*, который в конечном итоге стал одним из наиболее употребительных послелогов.

В древних тюркских языках, о которых принято говорить со ссылкой на показания орхонских и енисейских рунических надписей, не было исходного падежа и соответствующие зна-

чения передавались формой местного падежа. В восточнотуркестанском языке дело обстоит несколько иначе: в широком масштабе устанавливается раздельное оформление местного и исходного падежей, хотя первоначальный синкретизм локативных значений, характерный для аффикса -да ~ -дә, еще дает знать о себе в течение продолжительного периода времени. Достаточно сказать, что в восточнотуркестанском языке указанный аффикс может выражать местное, исходное и направительное значения. В староузбекском языке функции местного и исходного падежей разграничились еще более четко, чем в восточнотуркестанском языке. Зато соотношение функций местного и дательного падежей сохраняется без заметных изменений: присоединяясь к географическим и некоторым другим наименованиям, аффикс местного падежа выражает направительное значение, см. БН: *Кундузда kəlin mənä katıldılar* 'придя в Кундуз, они присоединились ко мне' (11), *Хорасандін Кабулда kəldilər* 'они пришли из Хорасана в Кабул' (13).

Самостоятельная форма направительного падежа с аффиксом -барі ~ -гәрі ~ -бару ~ -гәрі в восточнотуркестанском языке имела узкую сферу употребления. В карлукско-уйгурской диалектной группе ее не было вообще. Наличие этой формы в манихейских текстах, ср.: *ујбурбару* 'к уйгурам' и т. д.⁶ позволяет говорить о возможности ее достаточно широкого использования в уйгуро-огузском диалекте. Во всяком случае, в тюркских языках орхонского периода продуктивность аффикса -барі ~ -бару, с учетом его вхождения в состав парадигмы склонения имени, несомненна. В староузбекском языке специальная форма направительного падежа, отличная от формы на -ба ~ -гә, отсутствует, а аффикс -барі ~ -бару прослеживается только в структуре трех-четырех имен, членяемых этимологически, ср.: *jokarı* (*jokkarı*?) 'вверх', *ičkäri* 'внутренняя часть (помещения)', *ташкарі* 'внешняя часть', *ičkäridin* 'изнутри', *ičkärigä* 'внутрь', *ташкарідін* 'извне', *ташкаріба* 'вовне'.

В восточнотуркестанском языке наряду с аффиксом -нї ~ -ні приметой винительного падежа являлся аффикс -їб ~ -іг, быв-

⁶ См.: А. М. Шербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана, стр. 86.

ший продуктивным морфологическим показателем вплоть до XI—XII вв. См., например, турфанские тексты, Кутаду билиги и т. д. В источниках староузбекского языка XIV—XVI вв. нет ни одного случая употребления аффикса *-iḡ ~ -iḡ*.

В староузбекском языке, в отличие от восточнотуркестанского, парадигма склонения пополнилась тремя новыми формами, из которых одна — форма вокативного падежа на *-a* — получила ограниченное распространение (встречается в поэтических произведениях), а две другие — формы предельного падежа на *-ча ~ -čä* и *-бача ~ -iäčä* — употребляются более или менее регулярно во всех текстах. Функции этих последних не были четко разграничены, хотя очевидно, что у форм, образованных при помощи аффикса *-бача ~ -iäčä* преобладали значения пространственно-линейной (например: „до такого-то места“) и временной предельности. Предельные формы можно обнаружить и в памятниках восточнотуркестанского языка, однако здесь они довольно случайны и занимают положение вариантных морфологических образований, иногда заменяющих после сложные сочетания. Впрочем, и в староузбекском языке они недостаточно проявили себя и оказались неустойчивыми.

Основной падеж на всем протяжении истории узбекского языка совмещает самые разнообразные значения, характерные для винительного, дательного и местного падежей, и в отношении основного падежа трудно сказать что-нибудь определенное о преобразованиях, которые имели место в период с XIII по XVI в.

Если отбросить падежные формы, присутствие которых в староузбекском языке было эпизодическим (т. е. формы вокативного и предельного падежей), получится парадигма, ничем не отличающаяся от парадигмы склонения современного узбекского языка. Она выделяется простотой, четкостью, отсутствием параллельных форм для выражения идентичных значений (исключение: винительный падеж). Все падежные аффиксы в ней моносиллабичны, что свидетельствует о высоком уровне их формального преобразования. Для сопоставления и разграничения последних с соответствующими аффиксами других групп тюркских языков важно отметить, что каждый из них начинается согласным.

Из этого следует, что в староузбекском языке мы имеем дело уже с новейшими формами, между которыми складываются отношения, близкие к нормам современного узбекского языка, тогда как в восточнотуркестанском языке еще продолжает существовать, хотя и в нарушенном виде, древнетюркская падежная система с такими падежами, как винительный на *-iḡ ~ -iḡ*, направительный на *-бару ~ -iärü*, орудный на *-in ~ -in* и т. д.

Аффиксами, образующими уподобительную форму в восточнотуркестанском языке, является *-дәк* (resp. аффикс-последок), *-лају ~ -läjü*, *-сiḡ ~ -ciḡ*. Два последние аффикса, однако, выступают редко, и их постепенно вытесняет первый. Случаи употребления в староузбекском языке аффикса *-лају ~ -läjü* (*-лајin ~ -läjin*) — единичны, см. К: *ciäläjin* 'подобная тебе' (III); ТН: *Bämikläjin* 'как Вамык', 'подобно Вамык' (2856). Аффикс *-сiḡ ~ -ciḡ* отсутствует вообще.

Система средств, выражающих принадлежность, не испытывает существенных изменений.

Что касается формы сопряженного состояния, то она характеризуется в основном одинаковыми особенностями употребления. Все же следует отметить, что в староузбекском языке отношения, выражаемые указанной формой, более многообразны. При этом широко распространяется сокращенный вариант ее, совпадающий с формой винительного падежа. Наконец, в староузбекском языке можно отметить возникновение особой предикативно-притяжательной формы, развившейся из сочетания формы сопряженного состояния с относительным аффиксом *ki*, см. БН: *bizninki* 'наш' (103), *bizniki* 'наш' (135).

Преобразование формы сопряженного состояния в форму притяжательного падежа, происходящее в восточнотуркестанском языке, ограничивается местоимениями, ср.: *bizniñ äl* 'наш народ', *säniñ at* 'твоя лошадь'. В тех же границах оно происходит и в староузбекском языке.

Форма множественного числа как в древнейший (восточнотуркестанский), так и в более поздний (староузбекский) периоды истории узбекского языка образуется при помощи одного аффикса — *-лар ~ -läp*. Такие аффиксы множественного числа, как *-ан ~ -än* и *-т* в восточнотуркестанском языке и *-ан ~*

-än, -at ~ -ät в староузбекском, являлись принадлежностью ограниченного круга слов, которые для носителей языка в абсолютном большинстве случаев были неразложимы. Выделение подобных аффиксов обычно осуществляется путем этимологического анализа, и в системе чисто формальных противопоставлений они никакой роли не играют.

Отличительным моментом функционирования аффикса -лар ~ -lär в староузбекском языке является его участие в образовании особой группы наречий, ср.: *эмдilər* 'теперь', *андалар* 'там', *жазлар* 'летом', *кiшлар* 'зимой'.

Несколько слов об именном словообразовании.

В староузбекском языке появляется ряд форм, образуемых оригинальным сочетанием обычных тюркских аффиксов, например, имя, обозначающее род занятий и отрезки времени, в которые протекают привычные действия, см. *бір ајчiлiк јол* 'одномесечная дорога', *накәрiчiлiк* 'игра на барабане', *кушчiлiк* 'разведение птиц', *јадачiлiк* 'вызывание дождя', *элчiлiк* 'миссия посла', *аламанчiлiк* 'занятие грабежом'.

Широкое распространение получают аффиксы -кун ~ -кiн, -бул ~ -гiл, -л и -мтул, из которых три последние восточнотуркестанскому языку были вовсе неизвестны, ср. *самкун* 'продажа', *тутбун* 'пленник', *сакавул* 'стражник', *сојурбал* 'надел', 'пожалование', *кiзiмтул* 'красноватый', *карамтул* 'черноватый', *јашiмтул* 'зеленоватый'. В этом, кстати, нет ничего необычного, так как указанные аффиксы проникли в староузбекский язык из монгольского языка и, следовательно, появление их у тюрков могло иметь место только в период после монгольского нашествия, т. е., по существу, за пределами хронологических рамок восточнотуркестанского языка.

Староузбекский язык, по сравнению с восточнотуркестанским, располагает бóльшим количеством анафорических местоимений и наречий с начальным компонентом *ош*, ср.: *ошбу* 'вот этот', *ошул*, *ошал* 'вот тот', *ошмундак* 'вот этакий', *ошанда* 'вот там', *ошмунча* 'вот так' и отрицательных местоимений композитивного типа, ср.: *хэчкiм*, *хэчкiмсә*, *хэчкiмәрсә* 'никто', *хэчнiмә*, *хэчнәрсә*, *хэчнiмәрсә* 'ничто'.

Неупорядоченность форм собирательных числительных, примечательная для восточнотуркестанского языка, ср.: *ikägij* || *ikäv*,

ik(k)älä и *ik(k)ävlä* 'двое', имеет место и в староузбекском.

Состав субстантивных отглагольных имен оказывается довольно постоянным, тем не менее в староузбекском языке приобретают более широкие масштабы те процессы, которые берут начало в период с X по XIII в. Полностью утрачивает продуктивность отглагольное имя на -iнч ~ -iнч ~ -унч ~ -iнч, которое преобразуется в особый словообразовательный тип существительного, охватывающий около десяти слов, см.: *коркунч* 'страх', *сөкiнч* 'ругательство', 'брань', *өкiнч* 'раскаяние', *iнанч* 'вера' и т. д. Форма на -мак ~ -мәк становится менее употребительной, и учащаются случаи ее полной субстантивации. Напротив, отглагольное имя на -iш ~ -iш начинает занимать более важное место в системе именных форм отглагольного образования, и сфера его использования несколько увеличивается. Отглагольное имя, образуемое при помощи аффикса -у(в) ~ -i(в), в текстах староузбекского языка почти не встречается. Таким образом, и в пределах отглагольных имен можно обнаружить тенденцию, направленную к сокращению параллельных или очень близких по значению грамматических форм и способствующую увеличению семантико-функциональной нагрузки ведущих морфологических образований.

Количество причастных форм уменьшается приблизительно в два раза. Так, в староузбекском языке насчитывается только четыре продуктивных причастных формы — на -ар ~ -är, -бан ~ -гән, -мiш ~ -mish и -бу ~ -gij, причем две последние обнаруживают признаки семантического обособления (ср., например, для -мiш ~ -mish — выражение неочевидности). Функционально приведенные причастные формы разграничиваются следующим образом: причастия на -мiш ~ -mish и -бу ~ -gij выполняют преимущественно предикативные функции, причастиям на -ар ~ -är и -бан ~ -гән свойственны и предикативные и атрибутивные функции. Следует отметить также, что несколько расширилось употребление пятой причастной формы — на -бур ~ -gür, тем не менее говорить о продуктивности ее в староузбекском языке нет достаточных оснований.

За счет частичной или полной десемантизации пополняется группа „пустых“ имен, или нумеративов и прономинативов, см.

БН: *bīr pāra jol* 'часть дороги' (140), *bīr taḡtā taḡ* 'плита камня' (141), *üch tāzā nān* 'три лепешки' (141). Ср. также: *ikkī navbat*, *ikkī katla*, *ikkī мартабā* 'два раза'.

Форма „категорического императива“ на *-bīl* постепенно уступает место форме на *-bīn*, большее распространение получает стяженный аффикс предлагательно-желательного наклонения 1-го лица единственного числа, например: *барај* 'пойду-ка', *кїлај* 'сделаю-ка', *бэрај* 'дам-ка', *алај* 'возьму-ка', в.м. *барајін*, *кїлајін* и т. д.

Из двух форм предлагательно-желательного наклонения 1-го лица множественного числа на *-alīm ~ -älim* и *-alīñ ~ -äliñ*, характерных для восточнотуркестанского языка, в староузбекском используется только вторая, имеющая усеченную разновидность, ср.: *баралїñ ~ баралї* 'пойдем-ка', *алалїñ ~ алалї* 'возьмем-ка'. Форма с аффиксом *-alīm ~ -älim* употреблялась в период с X по XIII в. в уйгуро-огузской диалектной группе. В более позднее время она используется в памятниках старотурецкого языка.

В 3-м лице предлагательно-желательного наклонения утрачивается многообразие формальных наращений, зафиксированное в карлукско-уйгурских текстах, ср.: *барсунї*, *барсун* и *барсу* 'пусть идет'; в староузбекском языке — одна разновидность: *барсун*.

В изъявительном наклонении происходит дальнейшая вербализация форм прошедшего категорического и будущего неопределенного. Одним из основных признаков этого процесса является ограничение возможностей сочетания указанных форм с вспомогательным глаголом *эр*. Примечательно, что присоединение к форме прошедшего категорического вспомогательного глагола *эр* в соответствующей форме в староузбекском языке исключено. Можно добавить также, что в текстах XIV—XVI вв. не отмечено ни одного случая атрибутивного использования рассматриваемых форм.

Из двух личных показателей форм условного наклонения и прошедшего категорического 1-го лица множественного числа — *-miz ~ -miz* и *-k ~ -k* — в староузбекском языке остается один — *-k ~ -k*.

Заметно сокращается количество вариантных форм неполной вербальности (деепричастий).

Вместо трех вариантов деепричастия „настоящего времени“ (на *-a ~ -ä*, *-u ~ -ü*, *-i ~ -i*), выступающих в восточнотуркестанском языке, остается один (на *-a ~ -ä*). Два другие варианта встречаются редко, чаще в произведениях религиозно-дидактической литературы (см.: Сирāдж ал-кулūб, Рāхат ал-кулūб и т. д.), и их употребление носит отпечаток архаичности.

Отрицательное деепричастие „настоящего времени“ в восточнотуркестанском языке имеет три разновидности аффикса: *-maj ~ -mäj*, *-majīn ~ -mäjīn* и *-madīn ~ -mädīn*. Последняя разновидность — древнейшая: она запечатлела традицию *δ*-языка, который условно может быть назван общетюркским. Непосредственно к *-madīn* восходит *-majīn*, далее следует *-maj* — разновидность, образующаяся в результате отпадения конечного слога. В староузбекском языке преобладает последняя, новейшая разновидность, и аффикс *-majīn* встречается не чаще, чем вариантные формы соответствующего положительного деепричастия.

Из обиходного староузбекского языка полностью исчезает деепричастие прошедшего времени на *-īban ~ -ibān*.

Исчезновение *n*-овых деепричастий необходимо рассматривать как одно из звеньев в процессе, вызванном изменениями древней парадигмы имени и, в частности, отмиранием орудного падежа.

И в восточнотуркестанском и в староузбекском языке деепричастие настоящего времени употребляется только со связкой, например, *барадур* 'идет'. При этом вспомогательный глагол *эр* в прошедшем времени непосредственно с указанным деепричастием сочетаться не может, ср.: *барадур эрді* 'он шел' (*бара эрді* исключено).

В староузбекском языке становится более обычным и более распространенным включение в состав предиката отрицательных форм деепричастия на *-(i)p ~ -(i)p*, ср.: *көрмәйсән* 'ты не видел', *болмапдур* 'он не стал'.

В образовании вторичных глагольных основ различия между восточнотуркестанским и староузбекским языками незначительны. Они сводятся к тому, что, во-первых, устраняется множественность формальных средств выражения так называемого страдательного залога, во-вторых, широко осуществляется использование страдательной формы для передачи действия с невыра-

женным производителем. Страдательная форма образуется в связи с этим и от непереходных глаголов, а соответствующая форма, образованная от переходных глаголов, может управлять винительным падежом.

В староузбекском языке намного усиливается процесс образования послелогов, выражающих значения причинности, обоснования и др., который охватывает прежде всего деепричастия настоящего времени, ср.: *ошанба кўрй, ошанба бака, ошанба, жараша* 'по этой причине', 'в соответствии с тем'.

Служебные слова пополняются также большим количеством препозитивных частиц и союзов, большинство которых — заимствования из персидского языка.

Применная отрицательная частица *эмас*, образовавшаяся в восточнотуркестанском языке, становится господствующим отрицательным членом и случаи замены ее другим отрицательным членом — *дэзйил* — в староузбекском языке единичны.

Для синтаксиса примечательно постепенное и довольно интенсивное усложнение структуры предложения, происходящее главным образом под влиянием персидского языка и ограниченное рамками литературной нормы. В староузбекском литературном языке, например, встречается огромное количество придаточных предложений и представлены разные способы конструирования сложных синтаксических единиц с сочинительной связью.

Таковы некоторые моменты соотношения фонетики, морфологии и синтаксиса восточнотуркестанского и староузбекского языков.

Каковы же основные тенденции, проявившие себя в процессе развития от восточнотуркестанского языка (resp. карлукско-уйгурского диалекта) к староузбекскому?

В области фонетики могут быть отмечены: преобразования отдельных звуков (ср. $\delta > j$); упрощение групп согласных, возникших при образовании новых форм; более интенсивное использование протетического *j* (ср.: *јабач* 'дерево', *јўла* 'плакать'); озвончение глухих согласных в сочетаниях с сонорными (*лт > лд, рт > рд, нт > нд* и т. д.), что трудно объяснить какими-либо общими тенденциями в развитии системы звуков и фонетической структуры слова.

Изменения, наблюдаемые в морфологии, можно охарактеризовать, во-первых, как процесс унификации грамматических форм посредством сокращения омонимичных образований, например, винительного падежа на *-йб ~ -йг*, исходного на *-да ~ -дй*, дательного (направительного) на *-бару ~ -йрй*, уподобительных форм на *-сйб ~ -сйг* и *-лај(у) ~ -лйј(й)*, отглагольных имен на *-бу ~ -йй*, *-йнч ~ -йнч*, *-бур ~ -ййр*, предлагательно-желательного наклонения 3-го лица на *-сунй ~ -сйни* и *-су ~ -сй*, деепричастия на *-йбан ~ -йбй* и т. д.; и, во-вторых, как следствие проявляющейся в пределах аффиксальных морфем тенденции моносилабизма (т. е. сокращения отдельного морфологического показателя до одного слога), ср. аффикс собирательных числительных *-абу ~ -ййб > -ав ~ -йв*, аффикс формы предлагательно-желательного наклонения 1-го лица единственного числа *-ајй ~ -ййй > -ај ~ -йй*, аффикс отрицательной формы деепричастия настоящего времени *-мајй ~ -мййй > -мај ~ -мйй* и т. д.

ОТРАЖЕНИЕ ДИАЛЕКТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ В ПАМЯТНИКАХ СТАРОУЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

В целом произведения староузбекской литературы характеризуются отсутствием сколько-нибудь значительных и совершенно определенных фактов, указывающих на их принадлежность к тому или иному диалекту. Поэтому вопрос об отражении диалектных особенностей в памятниках староузбекского языка кажется на первый взгляд неуместным. Однако при детальном исследовании каждого из текстов всё же обнаруживаются данные, позволяющие констатировать их связь с той или иной диалектной группировкой и дающие возможность установить некоторые признаки диалектного расслоения носителей тюркской речи на территории Мавераннахра и Ферганы в XIV—XVI вв.

К числу таких диалектных данных относится джекание, отмеченное Мехдй-ханом в Сангляхе (*јўн* вм. *йўн* 'шерсть') как особенность языка „узбеков“.

Джекание не было характерным ни для одного из городских говоров, и следы его обнаруживаются лишь в документах и эпиграфических надписях кочевников Дешти Кыпчака. Таким

образом, произношение *j* вместо *j̄* в начале слова имеет кыпчакские истоки, и распространение этого диалектного признака связано с многократными передвижениями кыпчаков из районов Приаралья в центральные районы Средней Азии.

Чертой, свойственной кыпчакским диалектам, является также выпадение *л* (*l*) в группе *лт* (*lt*).

У многих староузбекских авторов выпадение *л* (*l*), ср.: *отурдї* вместо *олтурдї* 'он сел', *кѣтїрді* вместо *кѣлтїрді* 'он принес', не являлось результатом процессов, происходивших в их диалектах, а было привнесено извне и служило целям литературно-языковой стилизации. Однако в таких памятниках, как Шейбани-наме, упрощение группы *лт* несомненно отражало реальные произносительные нормы тех диалектов, носителями которых являлись авторы соответствующих произведений.

В кыпчакских диалектах раньше, чем в каких-либо других, обнаруживается нарушение губной гармонии гласных, например, в Хосраву Шйрїн: *коркїнч* 'страх', *умїнч* 'надежда' и т. д. В связи с этим можно высказать предположение о том, что постоянные переселения кочевников из Дешти Кыпчака на земли Мавераннахра и Ферганы способствовали усилению процесса делабиализации вторых и третьих слогов:

Следующая диалектная особенность — употребление категорического императива на *-бїн ~ -гїн* и формы предлагательно-желательного наклонения 1-го лица множественного числа на *-(a)jık ~ -(ä)jık*.

Категорический императив на *-бїн ~ -гїн* в XV в. укореняется настолько глубоко, что проникает в язык произведений большинства живших в это время писателей и поэтов. Тем не менее диалектные истоки этой формы совершенно прозрачны. Использование аффикса *-бїн ~ -гїн* возрастает по мере продвижения на север, и не случайно Мехди-хан рассматривает его как отличительную черту опять-таки языка „узбеков“.

Форма на *-(a)jık ~ -(ä)jık* встречается, пожалуй, только в Бабур-наме и Шейбани-наме и притом не более двух-трех раз; см. ШН: *кѣрә(j)lik* 'увидим-ка' (160). Столь незначительное распространение ее может быть объяснено большой устойчивостью старой карлукско-уйгурской формы предлагательно-желательного наклонения на *-алї ~ -äli*. И эта форма — кыпчак-

ского происхождения. Контаминация ее с карлукско-уйгурской формой положила начало образованию нового морфологического типа, ставшего господствующим в современном узбекском языке — на *-(a)jlik ~ -(ä)jlik*. Ср. в памятниках, сохранивших значительные следы влияния языков огузского типа (Қысақ ал-анбий Рабғузї, Қысса-и Бахрәм и др.): *баралїк* 'пойдем-ка', *кѣрәlik* 'увидим-ка', *кѣлтїрәlik* 'приведем-ка', *барајлук* 'пойдем-ка', *кїлајлук* 'сделаем-ка'.⁷

Известны и другие особенности фонетического и морфологического характера, выделявшие группу кыпчакских диалектов. И все же в анализируемых текстах они немногочисленны, что обусловлено ориентацией литературного языка исключительно на городские говоры, резко противопоставлявшиеся говорам кочевых узбеков.

Особенности огузских диалектов в языке староузбекских литературных источников занимают значительное место, но только немногие из них и у ограниченного числа авторов появились непосредственно из живой диалектной среды.

Одна из таких особенностей — утрата начального *б* в глаголе *бол* 'быть', 'становиться' и переход *б* в *в* в глаголе *бәр-давать*.

Проявлением связи с огузскими диалектами можно считать кроме того, употребление порядковых числительных, образованных при помощи аффикса *-ланчї ~ -länči*, прослеживаемое в текстах хорезмского происхождения, например, в Сал-наме. Диалектная среда, в которой бытовала указанная форма, не имела путей для широкого влияния на литературный язык, и поэтому использование аффикса *-ланчї ~ -länči* на протяжении всего классического периода и в последующее время было предельно ограниченным. Напомним, что из более ранних памятников, несомненно связанных со староузбекским языком, рассматриваемую форму обнаруживает тефсир из Карши, исследованный А. К. Боровковым. Причем и в этом памятнике очевидно наличие особенностей огузского происхождения.

Следующая черта, имеющая огузское происхождение, — использование форм предлагательно-желательного наклонения

⁷ См.: С. Brockelmann. Osttürkische Grammatik, S. 229.

1-го лица единственного числа на -*байм* ~ -*байн* и 1-го лица множественного числа на -*балм* ~ -*балн* ~ -*бал* (преимущественно в произведениях золотоордынского цикла), формы настоящего-будущего времени типа *барурам* 'иду' и прошедшего — типа *бармйшам* 'я пошел'.

Более частными диалектными признаками являются переход *л* в *ф*, отразившийся в *Сал-наме* и, по-видимому, имевший место в хивинском говоре, и появление придыхательного *х* в начале слова перед гласными.

Последняя особенность заслуживает большего внимания, так как представляет один из моментов реализации весьма характерной для всех тюркских языков, но неодинаково проявляющейся в них, инкурсии. Оформление инкурсивного элемента в качестве самостоятельного звука допустимо для любого из диалектов староузбекского языка, однако письменное отражение подобного процесса зафиксировано только в памятниках Хорезма, см. МН: *хўзай* 'будет плавать' (1706), *хур* 'бей' (1736).

Среди частных особенностей следовало бы отметить далее переход *а* в *й*, упоминаемый в *Мабани* 'а-лугат, см. МЛ: *ал* ~ *йл* 'брат' (142). Связь этого перехода с определенной диалектной группой остается пока невыясненной.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

СИСТЕМА СТАРОУЗБЕКСКОГО
СТИХОСЛОЖЕНИЯ

Абсолютное большинство источников староузбекского языка, относящихся к периоду с XIV по XVI в. — поэтические произведения, чтение, правильный разбор и понимание которых, в силу ряда обстоятельств, затруднительны без знания метрической структуры стиха. В качестве примера приведем один бейт из *Махзан ал-асрар* Мир Хайдара (Брит. Музей, Add. 7914/IV, л. 121a):

توتتى جهان زمزمه حيدرى
تولدى صدا كنبد نيلوفرى

Первое и казалось бы единственно возможное чтение приведенного бейта: —

tutti jahān zāzāma hajdari
toladi صدا gūnbād nilūfari

Хайдар гармоничных песен пленил мир,
(его) мелодии наполнили своды вселенной, —

оказывается неправильным, искажающим смысл. Только учет особенностей использованного размера позволяет избежать весьма вероятный в данном случае ляпсус и обеспечивает безошибочное толкование стиха, ср. первую строку:¹

tutti jahān zāzāma-ji hajdari
гармоничные песни Хайдара пленили мир.

Подобные неопределенности встречаются почти в каждом стихе и от выбора того или иного варианта, который, разумеется, никогда не может быть произвольным, зависит правильная интерпретация содержания поэтического текста.

Староузбекское стихосложение основано на 'арузе — количественном метре арабо-персидской поэзии, применение которого находится в тесной связи с разделением гласных и, соответственно, слогов на долгие и краткие,

¹ Дело в том, что слово *زمزمه*, как и любое другое имя в подобном написании, может иметь двойное чтение: без изафета (*zāzāma*) или с изафетом (*zāzāma-ji*). Точно так же во второй строке — *gūnbād-i*.

что вытекает из самой природы арабского и персидского языков. В староузбекском языке указанное разделение отсутствует, и поэтому приспособление к нему количественного метра несколько изменило те просодические условности, которые существовали в арабской и персидской поэзии.

Долгота или краткость слога по природе определяется природой гласных или структурой самого слога.

По природе гласных долгими являются открытые слоги с долгими гласными, краткими — открытые слоги с краткими гласными. Поскольку же, как указывалось выше, разделение гласных на краткие и долгие староузбекскому языку не свойственно, разделение по этому принципу слогов в староузбекской поэзии не является обязательным,² см. у Лутфи в Гюлю Навруз (Add. 7914/III, 586):

بویوردی کیم بو کل فصلیندا درحال
کل و نوروزنینک افسانده سین سال
— — — — —
— — — — —

В приведенном стихе первые слоги первой и второй стоп (بو) — краткие, несмотря на то, что они открыты и условно содержат долгие гласные. Ср. у Ходженди в Латифат-наме (Add. 7914/V, глава لطافت نامه):

تیلارمین سیندین ای کان ملاحت
که بوسانک سوز بیلان جانیم غه راحت
— — — — —
— — — — —

В конце стиха *ا* и *و* всегда рассматриваются как долгие и в собственно тюркских словах.

Что касается деления слогов в зависимости от структуры, то все закрытые слоги — долгие, при условии, если за кратким гласным не следует *ن*.

Понятно, что для тюркских стихов ограничения, связанные с *ن*, условны, так как слог, закрытый последним в собственно тюркских словах, практически можно интерпретировать как угодно, ср. в одной из газелей Бабур (Б, 39):

منینک یوقتور مرادیم سندین ایرو
— — — — —
— — — — —

где *سندین* *sēndin* на границе второй и третьей стоп выступает как сочетание долгого и краткого слогов, *سن* с кратким гласным — долгий слог и

² Маловероятно также, чтобы со скандировкой староузбекского стиха, опирающейся на тот или иной размер количественного метра, совпадало его действительное произношение.

³ Считая справа налево; над транскрипцией — слева направо.

с долгим гласным — краткий (правда, последний слог открывается по-
следующим *ا*). См. еще в Дах-наме (Add. 7914/VII, 2286):

کونکول تن نی ارا سلطان یراتتی
— — — — —
— — — — —

где первый слог первой стопы (کون *kōn*) — краткий, а третий (تن *tān*) — долгий.

Слог с кратким гласным, закрытый двумя согласными, из которых первый не *ن*, и слог с долгим гласным, закрытый одним любым согласным, исключая *ن*, могут быть более, чем долгими, и могут восприниматься как сочетания долгого с кратким (—), см. у Бабур (Б, 38):

اولتورور کرجه مینى گفتارینک
— — — — —
— — — — —

В приведенной строке (полустипии) полуторным является первый слог первой стопы: *اول* *el* (—). Слоги, закрытые двумя согласными, путем интродукции гласного преобразуются в сочетания, состоящие из двух слогов, имеющие в совокупности ту же просодическую норму (см. МН, 1726): *اولتورور* *hūsun* из

хусн (—).

По требованию стиха долгими или краткими в конце слова являются *ا* и *ی* (в этой позиции у староузбекских поэтов они взаимозаменяемы), (тюркский и персидский изафеты и любое сочетание согласного с *ی* в тюркских словах) и *و* (союзы, *چو* и *و* и любое сочетание согласного с *و* в тюркских словах).

Требованием стиха обусловлено также использование вариантных форм, в пределах которых благодаря удвоению согласного краткий слог превращается в долгий, ср. у Хорезми (МН, 164а): *شکر* *šakkār* (—); (МН, 164б): *شکر* *šakkār* (—); (МН, 168б): *قدی* *kadā* (—).

Гласные в начале слова произносятся либо с хамзой (همزة), не позволяющей соединять их с предшествующим словом, либо с васлой (وصله), допускающей такое соединение. В последнем случае долгие слоги открываются начальным гласным последующего слова и становятся краткими, см. у Ходженди в Латифат-наме (Add. 7914/V, глава لطافت نامه):

سینى شاعر تیب آیتورلار خلايق
— — — — —
— — — — —
sē-ni-ša'-ip-mā-baj-tur-lar-ḡa-la-jik.

См. также в одном из туюгов Лутфи (изд. А. Н. Самойловича):

تینکری اوجون موندین آرتوق قیلما زار
— — — — —
— — — — —
mān-pi-ū-čūn-mun-dī-nar-tuk-kīl-ma-zar.

Основанием арабо-персидской системы стихосложения является учение об элементах стопы (в связи со структурой слога). Принято различать три

— — — — —
 Му-хаб-бат-ја-ми-дин-ич-саң-ша-ра-би
 — — — — —
 му-хаб-бат-на-мә-ға-ај-саң-ја-ва-би.

Дах-наме (Add. 7914/VII, 2286):

سپاس و شکر انکا کیم جان یراتتی
 کونکول تین نی ارا سلطان یراتتی
 — — — — —
 сі-пас-у-шүкр-ан-ка-кім-жан-ја-рат-ті
 — — — — —
 кін-іүл-тән-ні-а-ра-сул-тан-ја-рат-ті.

Мунъара Якыни (Add. 7914/X, 321a):

یقینی نینک روانین شاد قیلغای
 دعاء خیر بیرلان یاد قیلغای
 — — — — —
 ја-кі-ні-нін-ра-ва-нін-шад-кіл-ғај
 — — — — —
 ду-а-ји-хәјр-бір-лән-јад-кіл-ғај.

Гюлю Навруз Лутфй (Add. 7914/III, 586):

ترحم قیلدی اوز ایسگی قولینه
 نظر قیلدی نواسیز بلبلینه
 — — — — —
 Та-раҳ-хум-кіл-дї-бз-с-кі-ку-лї-на
 — — — — —
 на-зар-кіл-дї-на-ва-сїз-бүл-бї-лї-нә.

Употребительность и популярность хазаджа объясняется его напевностью и частичным соответствием своеобразию древнего тюркского стиха.

Основная четырехсложная стопа следующего размера (رمل) — فاعلاتن (— — — — —). Первый слог в ней долгий, второй краткий, два последующих долгие. Рамаль, подобно хазаджу, бывает шестистопным или восьмистопным, полный или с усеченной последней стопой типа فاعلان (مقصور), или же типа فاعلن (محدوف).

Рамалем (رمل مثنى مقصور, رمل مسدس محدوف, رمل مسدس مقصور) написаны Махзан ал-асрар Мир Хайдара, Хайрат ал-абрар Нава'и и огромное число мелких поэтических произведений предшественников Нава'и, самого Нава'и, Бабур и т. д. Так, например, по подсчетам А. Н. Самойловича,¹² в диване Бабур, рамаль — на втором месте, после размера, используемого в رباعی. Этим размером написано 75 газелей,

¹² А. Н. Самойлович. Собрание стихотворений императора Бабур, стр. 16.

отдельных двустий, четверостиший. В диване Ата'и рамаль — на первом месте.¹³ Ниже см. примеры использования рамаля.

Махзан ал-асрар (Add. 7914/IV, л. 1416):

سوغه بالیق اوتقه سمندر کیراک
 غمغه محب دردغه حیدر کیرک
 — — — — —
 Су-ға-ба-лік-от-ка-сман-дар-кә-рәк
 — — — — —
 ғам-ға-мух-хаб-дард-ға-ај-дар-кә-рәк.

Диван Бабур (изд. А. Н. Самойловича, газель 42-я):

بربرا هرکز قولاق شعرینکغه اول کل سالمادی
 کل کا نی پروا که یوز فریاد قیلسه عندلیب
 — — — — —
 Ба-бу-ра-хәр-иәз-ку-лак-шә'-риң-ға-ол-іүл-сал-ма-дї
 — — — — —
 іүл-иә-нә-пар-ва-кә-јүз-фар-јад-кіл-са-'ан-да-лїб.

Диван Бабур (изд. А. Н. Самойловича, месневи 188-е):

اوقونک ایتی کوب یمان یارا منکا
 مرهم لطفونک بیله یارا منکا
 — — — — —
 о-куң-әт-ті-көп-ја-ман-ја-ра-мән-иә
 — — — — —
 мәр-хә-мі-лут-фуң-бі-лә-ја-ра-мән-иә.

Диван Әмири (изд. А. Н. Самойловича, № 4):

کر دیسام باغ وصالینک ناری بار
 آله دیب اجیغلاب آیتور ناری بار
 — — — — —
 іәр-дә-сәм-ба-ғи-ви-са-лїң-на-рі-бар
 — — — — —
 ал-ма-дә-ба-чї-ла-бај-тур-на-рі-бар.

Основная трехсложная стопа мутақариба (متقارب) — فعولن (— — — — —), которая сама по себе или в сочетании с усеченной стопой типа فعول (متقارب) образует несколько его разновидностей.

Полный восьмистопный мутақариб (متقارب سالم) и восьмистопный мутақариб с усеченным слогом в каждой нечетной стопе (متقارب مثنى مقصور) можно встретить у Бабур (изд. А. Н. Самойловича, 51-я газель):

¹³ См.: А. Н. Самойлович. Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе, IV. Чагатайский поэт XV века Атаи, стр. 261.

ياريم كيجدار كيلور ايردى بيرون
 بو تون كيلمادى اه ياريم قانى
 — — — — —
 ja-rīm-kā-čā-lār-kā-lūr-ār-di-bi-ru-n
 — — — — —
 bu-tūn-kāl-mā-di-x-ja-rīm-kā-nī.

Там же (75-я газель):

سین کیبی پروکار شیوه سی بسیار
 بینمادی ای یار هیچ کیشی یاد
 — — — — —
 sēn-kā-bi-pūr-ār-šā-wā-si-bis-jār
 — — — — —
 bil-mā-di-aj-jār-xāč-ki-ši-jād (?).

См. также Шейбани-наме Мухаммеда Салиха.

Модель основной стопы раджаза (رجز) — مستفعِلن (— — — —): Другие четырехсложные стопы имеют форму مفتعلن (— — — —) и مفاعِلن (— — — —). У некоторых разновидностей раджаза последняя стопа усеченная, по типу مفعولن.

Относительно часто встречаются размеры مخفیف، مضارع، مجتث.

Для четверостиший, плохо укладывающихся в метрическую систему аруза, были выработаны особые размеры (всего 24).

Все стихи, написанные с использованием 'аруза, непременно рифмуются. Рифма выступает как эфоническое средство и как средство композиции строфы и стиха в целом (ср. в газели). Весьма большое композиционное значение рифмы способствовало ее тщательной разработке и созданию специальной теории рифмы в системе 'аруза.

Рифма в староузбекской поэзии, как и в арабско-персидской, делится на основную (قافیة) и дополнительную (ردیف).

Основная, или настоящая, рифма охватывает долгий или краткий гласный с согласным, реже согласный с долгим гласным; иногда же она ограничивается гласным, как правило, долгим. Ср. (примеры из Мухаббат-наме, Та'ашшук-наме и Хайрат ал-абрар Нава'и):

(ن) احسن (ا) ظاهر (از) ساز
 (ان) سکسان (ا) آخر (از) آغاز

Пределы качественных различий для рифмующихся гласных (и согласных) устанавливаются дифференцированием. Так, для персидского стихосложения отсутствует возможность параллельного включения в рифму و и ۛ. Существует [также строгое разграничение يای معروف، يای معزوف (я и ۛ — известные), с одной стороны, и او مجهول، يای مجهول (о и ۛ — неизвестные), т. е. ە и ۛ], с другой, опирающееся на различие этих гласных у древних персов. В староузбекской поэзии последнее разграничение является менее строгим, хотя гласные i, y, o, e (ё) в староузбекском языке

несомненно различались.¹⁴ Для староузбекской поэзии не существует также строгих ограничений в рифмовке гласных твердого ряда и мягкого ряда. Отсутствуют полностью или предельно ограничены рифмы на гласный с ث, ظ, ط, ص, ض, ذ.

Рифма может быть смежной (aa, bb, cc или aaaa, bbbb, cccc), перекрестной (abab), смешанной (aaba или aaab) и прерывистой, простой (ab, cb, db) или сложной (aaba, bbcb, ccde).

Посредством комбинирования рифм и строф создаются разные поэтические формы:

месневи (مثنوی) — двустишие со смежной рифмой;

газель (غزل) — форма, в которой первое двустишие имеет смежную рифму, переходящую в прерывистую, т. е. повторяющуюся в каждом четном полустишии (ср. aa, ba, ca, da);

касыда (قصیده) — то же, что и газель, но с количеством стихов более 12;

кыт'а (قطعه) — газель без начального стиха, имеющего смежную рифму (см. в Мухаббат-наме);

тарджи'банд (ترجیع بند) — сложное поэтическое произведение из нескольких строф с рифмой как у газели (aa, ba, ca, da...) и с повторяющимся припевом — стихом (بند) с новой рифмой типа ff. Тарджи'банд встречается редко не только в староузбекской, но и в персидской поэзии. Он используется для выражения основных положений суфийского учения (وحدة الوجود) (своеобразный пантеизм). Пока можно назвать только два староузбекских тарджи'банда. Один из них, принадлежащий неизвестному автору, издан Е. Э. Бертельсом;¹⁵ его припев:

کیم دل و دین و عقل و جان و جهان
 جسم ابرور بارجا جان ابرور جانان

другой написан Мукимй и упоминается у Нава'и;¹⁶ его припев:

سن سن اصل وجود هر موجود
 سن سن اوزکا وجودقه نه وجود

таркиббанд (?);

туюг (تویوغ) — четверостишие со смешанной рифмой типа aaba, реже — aabb, и омонимичными рифмующимися словами или грамматическими элементами.¹⁷ В туюгах преобладает одиннадцатисложный стих (resp. полустишие), размер — رمل. Возможны и размеры, характерные для رباعی;

¹⁴ См.: А. К. Боровков. 1) К вопросам фонетического анализа стихов Навои, стр. 5—12; 2) Произношение в стихах Навои, стр. 211—221.

¹⁵ Е. Э. Бертельс. Чагатайский тарджи'банд неизвестного автора. ДАН—В. Л., 1927, стр. 46—51.

¹⁶ مجالس النفاثی, л. 436.

¹⁷ Туюг — широко распространенная, типичная староузбекская поэтическая форма. О туюгах у староузбекских поэтов см. А. Н. Самойлович:

кушук — четверостишие, отличающееся от руба'и наличием постоянного размера (رمل; см. „кушуклар“ в рукописном сборнике XV в., Ор. 8193, л. 176а);

руба'и — четверостишие с рифмой типа ааба и особым метром;

тарана, или руба'и тарана — четверостишие с рифмой типа аааа.

Далее следуют такие формы, характерные для староузбекской поэзии, как: мустазад — стихотворение, в котором каждый стих имеет наращение с самостоятельной рифмой, мухаммас — стихи с пятиричными строфами, мусаддас — стихи с шестиричными строфами, мусамман — стихи с восьмиричными строфами.¹⁸

Дополнительная рифма (ردیف) охватывает все то, что следует за рифмой основной или настоящей (قافیه), включая и созвучия, на почве которых возникает искусство таджниса (تجنیس) — игры слов, см. в Та'ашшук-наме (изд. А. Н. Самойловича, стр. 37):

نکارا آلدی کونکوم یوزونک آلی
قیلادور قصد جان هم کوزونک آلی

Румянец (آل) твоего лица, красавица, покорил мое сердце,
хитрость (آл) глаз твоих покушается на (мою) душу,
где — рифма, а остальное редиф с созвучием и игрой слов:

یوزونک آلی
کوزونک آلی

ПРИЛОЖЕНИЕ II

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ГРАММАТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В АРАБСКИХ, ПЕРСИДСКИХ И ТЮРКСКИХ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ, ПОСВЯЩЕННЫХ СТАРОУЗБЕКСКОМУ ЯЗЫКУ

- ابدال — замена, перестановка звуков, „чередование“; ср. ابدال
اختلاف — расхождение, колебание; اختلاف расхождение
ادغام — слияние, ассимиляция.
ارق — узкий (о гласном).

1) Четверостишия-туйуги Неваи, стр. 3—15; 2) Из туюгов чагатайца Эмири, стр. 75—77; 3) Чагатайские туюги Лютфи, стр. 78—80.

¹⁸ Подробно о поэтических формах староузбекской поэзии см. у Навā'и (MA, LXVII—LXX).

- استعمال — употребление (формы); استعمال قليل ограниченное употребление.
استفهام — вопрос.
استقبال — будущее время.
اسم — (мн. ч. اسماء) имя; اسم مصدر отглагольное имя; اسماء اسماء указательные имена; اسماء اشاره предметные имена; اسماء اشاره ترکیب производные формы (местоимения); اسماء جوامد первообразные, указательных местоимений; اسم فاعل причастие действительного непроизводных имен; اسم مفعول причастие страдательного залога; اسم صفت качественные имена.
اشباع — тщательное произношение, отделка; наиболее закрытое произношение гласного.
اشتقاق — производство, образование; اشتقاق صیغ производные формы.
اضافه — изафет, „присоединение“.
افاده — выражение, изложение.
آلت — орудие; معنی آلت значение орудности.
الف — „алиф“, — название буквы ا; الف ممدوده „алиф“ без мадды, указывающий знак мадда (آ); الف مقصور „алиф“ без мадды, укороченный алиф.
امر — повеление; امر و نهی запретительный императив, например: بارما 'не ходи'; امر غایب повелительное наклонение, 3-е лицо.
املا — правописание, орфография; املاء الرومیه письмо „румийцев“, т. е. малоазиатских тюрок.
انتساب — отношение, принадлежность.
انتهای — предел, конец; معنی انتهای значение предела.
انفعال — страдательный и возвратный залог.
- ب
- با — „ба“, название буквы ب; با „ба“ персидское, т. е. پ.
تا — „та“, — название буквы ت.
تبدیل — см. ابدال.
تتمه — дополнение; تتمه علامت صیغ дополнительное формальное наращение.
تخفیف — „облегчение“, например, переход удвоенного согласного в обычный, выпадение звука, сокращение слова.
ترکیب — состав, составление; در صورت ترکیب в составе чего-л., в производной форме.
ترکیب کلمات — словообразование.
تشدید — усиление, удвоение, ср. تخفیف.

- تصغیر — уменьшение, уменьшительность; تصغیر معنى значение уменьшительности; علامت تصغیر уменьшительный аффикс.
 تعدیه — обращение глагола из непереходного в переходный.
 تفضیل — сравнительная степень прилагательных.
 تکرار — повторение, редупликация.
 تکلم — речь.
 تلفظ — произношение.
 تنقیص — уменьшительность.
 توانائی — возможность; قدرت توانائی معنى значение возможности.
 تیل — язык, речь.

ج

- جامد — (мн. ч. جوامد) первообразный, непроемчивый.
 جعد — отрицание.
 جمع — множественное число.
 جیم — „джим“, название буквы ج; جیم персидский „джим“, т. е. ج.

ح

- ح — „ха“, название буквы ح.
 حال — (мн. ч. احوال) обстоятельство-наречие.
 حذف — отсечение, сокращение, отбрасывание.
 حرف — (мн. ч. حروف) буква (звук), аффикс, частица; حرف „вставочный“, дополнительный или соединительный звук; حرف „харакат“, знак над буквой или под буквой, обозначающий гласный или отсутствие его.
 حرکت —

خ

- خ — „ха“, название буквы خ.
 خاص — собственный, свойственный; معنى خاص собственное значение.
 خصوصیت — особенность.

د

- د — „дал“, название буквы د.
 دقیق — узкий (о гласном).

ر

- ر — „ра“, название буквы ر (также رهمله).
 روابط — (ед. ч. رابطه) отношения, связи, словоизменительные морфемы; روابط تعدیه отношения переходности (управление); روابط مفعول дополнение; روابط ترکیب производные формы словоизменительного порядка.

ز

- ز — „за“, название буквы ز (также: زای هوو; ز عجمی); زای هوو персидское, т. е. ز.
 زبان — язык, речь.
 زواید — „излишки“, некоторые формальные наращения.

س

- ساکن — буква без огласовки, со знаком „сукун“ (س); согласный.
 سقوط — выпадение.
 سکون — „сукун“, надстрочный знак, обозначающий отсутствие огласовки (س).
 سلب — „лишение“ (отрицание).
 سماعی — узаконенный практикой, устойчивый.
 سوز — слово.
 سین — „син“, название буквы س (также: سهمله).

ش

- شاهد — (мн. ч. شهود) пример, цитата.
 شرط — условие, условное (наклонение).
 شین — „шин“, название буквы ش (также: شیمه).

ص

- صاد — „сад“, название буквы ص (также: صهمله).
 صرف — морфология; صرف و نحو грамматика (морфология и синтаксис).
 صیغه — форма; صیغه مفاعله производная форма; صیغه مفاعله отрицательная форма глагола; صیغه نفی صیغه های ماضی формы прошедшего времени; صیغه های نفی جعد отрицательные формы причастий и деепричастий.

ض

- ضمیر — (мн. ч. ضمایر) местоимение; ضمایر متصله местоимения-аффиксы; ضمایر منفصله самостоятельные местоимения.
 ضاد — название буквы ض.
 ضمه — „дамма“ („замма“), надстрочный знак, обозначающий лабиализованный гласный (ضمه).

ط

- طا — „та“, название буквы ط; طای حطی „та“ слабый (эмфатический).

ظ

- ظ — „за“, название буквы ظ.
 ظرف — наречие; ظرف زمان و مکان наречие времени и места, имя в местно-временном падеже.

- ع
عبارت — выражение, фраза, слово.
عربی — арабский.
علامت — формальный элемент — аффикс; علامت جمع аффикс множественного числа; علامت مرکب сложный аффикс; علامت مصدر аффикс отглагольного имени.
عين — „айин“, название буквы ع.

- غ
غائب — 3-е лицо.
غین — „гайн“, название буквы غ.

- ف
فارسی — „фа“, название буквы ف.
فاعل — персидский.
فاعل — действительное причастие; اسم فاعل причастие действительного залога; فاعل منفي отрицательная форма причастия.

- فتحه — „фатха“, надстрочный знак, обозначающий широкий нелабиализованный гласный (ـَ).

- فعل — глагол; فعل امر глагол в повелительном наклонении; فعل منفي отрицательная форма настоящего-будущего времени, отрицательный „аорист“; فعل ماضی глагольная форма прошедшего времени.

- ق
قابلیت — способность; معنی قابلیت значение способности (намерения).
قاعده — правило.
قاف — „каф“, название буквы ق.
قدر — см. مقدار.
قیاسی — свободный, неустойчивый, правильный.

- ک
کاف — „каф“, название буквы ک; کاف مرکب персидский „каф“, т. е. کاف عربی, کاف مرکب арабский „каф“, т. е. „каф“ без надстрочной черты.
کسره — „кесра“, подстрочный знак, обозначающий узкий нелабиализованный гласный (ـِ).
کلمات — (мн. ч. کلمات) слово; کلمات مرکب сложные слова; کلمات مفرد простые слова.
کونکله — мысль, мышление.

- گ
گاف — „гаф“, название буквы گ.

- ل
لام — „лам“, название буквы ل.
لسان — язык, речь.
لغت — язык, лексикон; لغت اتراك روم язык (лексикон) малоазиатских тюрок; لغت ترك тюркский язык (лексикон); لغت چغتای чагатайский язык (лексикон); لغت عرب арабский язык (лексикон); لغت فرس персидский язык (лексикон).
لغظ — (мн. ч. الغاظ) слово, морфологический элемент.

- م
ماضی — прошедшее время; ماضی مجهول прошедшее неочевидное и прошедшее безличное (например, в страдательном залоге).
متحرک — буква, снабженная надстрочным или подстрочным знаком, огласованная буква; гласный.
متبرادف — синонимичный, синоним.
متصرفات — периферийные, зависимые формы.
متعدی — каузатив.
متکلم — 1-е лицо; متکلم وحده глагольная форма 1-го лица единственного числа; متکلم مع الغير глагольная форма 1-го лица множественного числа.

- مجاز — метафора; مجازی фигуральный, метафорический.
مجهول — безличный, неочевидный; یای مجهول — یای مجهول (o (ö)).

- مخاطب — 2-е лицо; مفرد مخاطب глагольная форма 2-го лица единственного числа; جمع مخاطب глагольная форма 2-го лица множественного числа.

- مخفف — стяженный, сокращенный, упрощенный.
مده — „мадда“, знак долготы над алифом.
مرادف — синоним.

- مرکب — сложный, составной.
مرکبات — сложные, составные слова.
مزدوج — парный.

- مستقبل — будущее время.
مسکون — не имеющий огласовки.
مشابهت — см. مماثلت.

- مشارکت — сообщество, соучастие; معنی مشارکت значение соучастия.
مشدد — удвоенный (согласный).

- مصدر — (мн. ч. مصادر) отглагольное имя, масдар; مصدر صریح чистые масдары.

- مصطلح — общеупотребительный.
مضارع — настоящее-будущее время, „аорист“.
مضموم — с „даммой“, имеющий в качестве диакритического знака „дамму“ (ـُ).

- مضمون مع الغیر معروف — содержание, значение.
— см. متکلم.
— известный, очевидный; یای معروف — $y(i)$.
معنی — значение.
معیت — сопровождение, собирательность.
مغایب — 3-е лицо; مغایب مفرد глагольная форма 3-го лица единственного числа; جمع مغایب глагольная форма 3-го лица множественного числа.
مفاعله مفتوح — совместно-взаимный залог.
— с „фатхой“, имеющий в качестве диакритического знака „фатху“ (ـَ).
مفرد مفردات مفعول — единственное число.
— простые (элементы).
— винительный падеж, страдательное причастие; مفعول منصرف изменяемое, склоняемое причастие.
مقدار — количество; معنی مقدار значение количества; مقدار و معنی مقدار — место; معنی مکان значение места.
مکان مکرر — см. تکریر.
مکتوبا مکسور — письменно, на письме.
— с „кесрой“, имеющий в качестве диакритического знака „кесру“ (ـِ).
ملحق ملفوظا مائلت — присоединенный.
— на словах, в устном произношении.
— сходство; معنی مماثلت و مشابهت значение сходства и подобия.
منصرف منفی — изменяемый, склоняемый.
— отрицательный; منفی ماضی отрицательная форма прошедшего времени; مصدر منفی отрицательный масдар.
مهمل میم — неупотребительный, вышедший из употребления.
— „мим“, название буквы م.
نحو — синтаксис.
نسبت — отношение.
نفی — отрицание; فعل نفی отрицательная форма глагола.
نهایت — предел; معنی نهایت значение предела.
نهی — запретительно-отрицательный императив (также: نهی).
نون — „нун“, название буквы ن; نون ساکنه — „нун“ с сукуном.
واو — „вав“, название буквы و.
وجه — (мн. ч. وجوه) вариант, разновидность, наклонение; وجوه صیغ модусы (разновидности) формы.

- وحده — см. متکلم.
وزن — мера; معنی وزن значение меры.
وضع — установление, производство.
ها — „ха“, название буквы ه (также: هوز).
همزه — хамза; همزه ممدوده хамза с маддой.
یا — „йа“, название буквы یای نسبت یی „йа“ относительных имен; یای مصدری „йа“ изафета, یای اضافه „йа“ масдара.
—

ПРИЛОЖЕНИЕ III

ТАБЛИЦЫ СОЧЕТАЕМОСТИ АФФИКСОВ
СТАРОУЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

ИМЯ

А. АФФИКСЫ, КОТОРЫЕ НЕ МОГУТ ПРЕДШЕСТВОВАТЬ
АФФИКСУ -ЛАР (МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО)¹

-а	-ī + -(н)ба
-ба	-ī + -(н)бача
-бача	-ī + -(н)да
-да	-ī + -(н)дін
-дајін	-ī + -(н)ї
-дін	-ī + -(н)ча
-ї	-їм +
-ї +	-їм + -а
-ī + -(н)а	-їм + -ба

¹ Разделение именных морфологических показателей на аффиксы, которые не могут предшествовать аффиксу -лар, и аффиксы, которые не могут находиться после него, в общем соответствует традиционному разделению их на словоизменительные и словообразовательные аффиксы. Значения отдельных аффиксов даны в морфологическом указателе. В таблицах помещены гармонический тип — твердорядный неабиялизованный, и в тех случаях, когда в начале аффикса возможны и глухой и звонкий согласные, приводится только вариант с глухим. Знак + означает, что данный аффикс присоединяет к себе другие аффиксы. Отсутствие знака + свидетельствует о невозможности дальнейшего присоединения каких-либо аффиксов.

-ім + -бача	-ің + -ї
-ім + -да	-ің + -нї
-ім + -дїн	-ің + -ча
-ім +	-іңіз +
-ім + -нї	-іңіз + -а
-ім + ча	-іңіз + ба
-іміз +	-іңіз + -бача
-іміз + -а	-іңіз + -да
-іміз + -ба	-іңіз + -дїн
-іміз + -бача	-іңіз + -ї
-іміз + -да	-іңіз + -нї
-іміз + -дїн	-іңіз + -ча
-іміз + -ї	-лајїн
-іміз + -нї	-нї
-іміз + -ча	-нї +
-ің +	-нї + -(н)кї ²
-ің + -а	-нїң +
-ің + -ба	-нїң + -да ³
-ің + -бача	-нїң + -дїн
-ің + -да	-нїң + -ча
-ің + -дїн	-ча

Б. НАИБОЛЕЕ УПОТРЕБИТЕЛЬНЫЕ ИМЕННЫЕ АФФИКСЫ, КОТОРЫЕ НЕ МОГУТ ВЫСТУПАТЬ ПОСЛЕ АФФИКСА -ЛАР

-бан + ⁴	-їб + -чї + -лїк +
-бан + -лїк +	-їш +
-бу +	-їш + -лїк +
-бу + -лїк +	-їш + -мак +
-бу + -(н)чї +	-лїк +
-бу + -(н)чї + -лїк +	-лїк + -чї +
-їб +	-мак +
-їб + -лїк +	-мак + -лїк +
-їб + -чї +	-мак + -чї +

² Вообще допустимо и присоединение аффикса -лар к аффиксу -нїкї, однако в староузбекском языке XIV—XVI вв. подобные примеры отсутствуют.

³ Сочетание надежных аффиксов с формой сопряженного состояния наблюдается только в пределах местоимений.

⁴ В данном случае конечный знак + указывает на допустимость присоединения к приведенным аффиксам почти любого аффикса из таблицы А.

В. ИМЕННЫЕ АФФИКСЫ, ВЫСТУПАЮЩИЕ И ПОСЛЕ -ЛАР И ПЕРЕД НИМ

-дабї +	-лар + -дабї +
-дабї + -ба	-лар + -дабї + -лар +
-дабї + -бача	-лар + -дабї + -лар + -ба
-дабї + -да	-лар + -дабї + -лар + -бача
-дабї + -дїн	-лар + -дабї + -лар + -да
-дабї + -нї	-лар + -дабї + -лар + -дїн
-дабї + -ча	-лар + -дабї + -лар + -нї
-лар +	-лар + -дабї + -лар + -ча
	-лар + -сїз + -лар (?)

ГЛАГОЛ

А. АФФИКСЫ, ОБРАЗУЮЩИЕ ВТОРИЧНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ОСНОВЫ

о + -ба + ⁵	о + -кар +
о + -ба + -н +	о + -кур +
о + -ба + -н + -тур +	о + -т +
о + -буз +	о + -тур +
о + -буз + -ул +	о + -тур + -буз +
о + -(ї)з +	о + -тур + -т +
о + -(ї)л +	о + -тур + -ул +
о + -(ї)н +	о + -уз +
о + -(ї)н + -тур +	о + -ур +
о + -(ї)ш +	о + -ул + -буз +
о + -(ї)ш + -л +	о + -ур + -ул +
о + -(ї)ш + -тур +	

Б. АФФИКСЫ, ПРИСОЕДИНЯЕМЫЕ К ЛЮБОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ ОСНОВЕ

о + -а (~j, после гласного)	о + -ајїк
о + -ај	о + -ајїн
о + -ајїм	о + -алї

⁵ В данном случае о — первичная положительная или отрицательная основа. Знак + в самом конце указывает на возможность дальнейшего присоединения почти любых глагольных аффиксов из следующей таблицы. Наличие скобок означает, что соответствующий гласный может быть также широким (а) или лабиализованным (у).

о + -алің	о + -(і)ңіз
о + -бај	о + -(і)п
о + -балі	о + -(j)лік
о + -бач	о + -(j)у
о + -біл	о + -ман
о + -бін	о + -са
о + -ді +	о + -са + -к
о + -ді + -лар	о + -са + -лар
о + -ді + -м	о + -са + -м
о + -ді + -міз	о + -са + -міз
о + -ді + -ң	о + -са + -ң
о + -ді + -ңіз	о + -са + -ңіз
о + (і)бан (к отри- цательной основе не присоединяется)	о + -сун
о + -(і)ң	

УКАЗАТЕЛЬ АФФИКСОВ, РАССМАТРИВАЕМЫХ ИЛИ УПОМИНАЕМЫХ В РАБОТЕ

а, ә

-а ~ -ә — отыменн. словообр. глагола 184
 -а ~ -ә — отглагол. словообр. имени 132
 -а — вок. пад. 103, 104
 -а ~ -ә — дат. пад. 35, 106, 226
 -а ~ -ә — деепр. 55, 167, 168, 169, 170, 224, 241
 -ав ~ -әв — собир. числит. 139
 -авла ~ -әвлә — то же 139
 -авул — отглагол. словообр. имени 128, 129
 -аған ~ -әгән — прич. 149
 -ағач ~ -әгәч — отглагол. словообр. имени 128
 -абу ~ -әбү — собир. числит. 21, 139
 -ај ~ -әј — предлог.-жел. накл. 1 л. ед. ч. 156, 160, 175, 240, 243
 -ај ~ -әј — отыменн. словообр. глагола 184
 -ајік ~ -әжік — предлог.-жел. накл. 1 л. мн. ч. 157, 244
 -ајім ~ -әјім — то же, 1 л. ед. ч. 175
 -ајін ~ -әјін — то же, 156, 160, 175, 240, 243
 -а(j)лік ~ -ә(j)лік — предлог.-жел. накл. 1 л. мн. ч. 175, 245
 -ајак ~ -әјәк — прич. 151
 -ак ~ -әк — форма уменьш. 125
 -ала ~ -әлә — собир. числит. 139
 -алон ~ -әлән — разделит. числит. 139
 -алі ~ -әлі — предлог.-жел. накл. 1 л. мн. ч. 156, 157, 160, 175, 240, 244
 -алім ~ -әлім — то же 240
 -алің ~ -әлің — то же 157, 175, 240
 -ам ~ -әм — отглагол. словообр. имени 127
 -амук ~ -әмүк — отыменн. словообр. имени 126
 -ан ~ -ән — отглагол. словообр. имени 127
 -ан ~ -ән — мн. ч. 120, 237
 -ан ~ -ән — прич. 35, 149, 224, 226
 -ар ~ -әр — отыменн. словообр. глагола 184

-ар ~ -әр — прич. 55, 145, 146, 147, 224, 239
 -ар ~ -әр — разделит. числит. 139, 140
 -арам ~ -әрәм — наст.-буд. вр. 1 л. ед. ч. 146, 226, 231, 239, 246
 -асі ~ -әсі — прич. 35, 224
 -ат ~ -әт — отглагол. словообр. имени 127
 -ат ~ -әт — мн. ч. 120, 238
 -ач ~ -әч — форма уменьшит. 125

б

-бан ~ -бән — деепр. 15, 35, 77, 173, 174, 226, 241, 243

в

-в — субстант. отглагол. имя 145
 -вул — отглагол. словообр. имени 128, 129

б, в

-б ~ -в — отглагол. словообр. имени 131
 -ба ~ -вә — буд. вр. 3 л. ед. и мн. ч. 166, 167
 -ба ~ -вә — дат. пад. 105, 106
 -ба ~ -вә — отглагол. словообр. глагола, 5-я пор. 181
 -бај ~ -вәј — буд. вр. 3 л. ед. и мн. ч. 55, 166, 167
 -бајім ~ -вәјім — предлог.-жел. накл. 1 л. ед. ч. 21, 157, 246
 -бајін ~ -вәјін — то же 21, 157, 246
 -бак ~ -вәк — отглагол. словообр. имени 128
 -балі ~ -вәлі — деепр. 174, 175
 -балім ~ -вәлім — предлог.-жел. накл. 1 л. мн. ч. 21, 157, 246
 -балің ~ -вәлің — то же 21, 157, 246
 -бан ~ -вән — прич. 148, 155, 224, 239
 -барі ~ -вәрі — напр. пад. 235, 237
 -бару ~ -вәрү — то же 235, 237, 243
 -бач ~ -вәч — деепр. 174

- бач* ~ -*іа*ч — отглагол. словообр. имени 127
 -*бача* ~ -*іа*ч^а — предельн. пад. 109
 -*бі* ~ -*і* — отглагол. словообр. имени 128
 -*бі* ~ -*і* — отымени. словообр. имени 123
 -*біл* ~ -*іл* — категорич. императив 77, 154, 155, 175, 224, 244
 -*бін* ~ -*ін* — то же 155, 175, 224, 244
 -*бу* ~ -*і* — прич. 55, 149, 150, 224, 239, 243
 -*буз* ~ -*і*з — отглагол. словообр. глагола, 5-я пор. 75, 181
 -*бул* ~ -*іл* — отглагол. словообр. имени 128, 238
 -*бул* ~ -*іл* — категорич. императив 77
 -*бун* ~ -*ін* — отглагол. словообр. имени 127
 -*бур* ~ -*і*р — прич. 150, 151, 239
 -*бур* ~ -*і*р — отглагол. словообр. глагола, 5-я пор. 180
 -*буч* ~ -*і*ч — отглагол. словообр. имени 127

Ѡ

- да* ~ -*д*а — местн. пад. 106, 107
 -*да* ~ -*д*а — отымени. словообр. глагола 184
 -*дабі* ~ -*д*бі — отымени. словообр. имени 124
 -*дајін* ~ -*д*јін — уподобит. форма 112
 -*дак* ~ -*д*ак — отглагол. словообр. имени 128
 -*дан* ~ -*д*ан — исх. пад. 234
 -*даш* ~ -*д*аш — отымени. словообр. имени 125
 -*д*ак — пов. накл. ед. и мн. ч. (?) 158, 159
 -*д*ак — уподобит. форма 111
 -*д*і ~ -*д*і — прош. вр. 3 л. ед. и мн. ч. 55, 78, 164, 165
 -*д*ік ~ -*д*ік — то же, 1 л. мн. ч. 164, 165
 -*д*ім ~ -*д*ім — то же, 1 л. ед. ч. 164, 165
 -*д*ін ~ -*д*ін — исх. пад. 77, 108
 -*д*ің ~ -*д*ің — прош. вр. 2 л. ед. ч. 164, 165
 -*д*іңіз ~ -*д*іңіз — то же, 2 л. мн. ч. 76, 164, 165
 -*дуб* ~ -*д*і — прич. 117
 -*дум* ~ -*д*ум — прош. вр., 1 л. ед. ч. 74, 164, 165
 -*дук* ~ -*д*ук — то же, 1 л. мн. ч. 74, 164, 165

- дун* ~ -*д*ун — то же, 2 л. ед. ч. 74, 164, 165
 -*дуніз* ~ -*д*уніз — то же, 2 л. мн. ч. 76, 164, 165
 -*дунуз* ~ -*д*унуз — то же 76, 164, 165
 -*дур* ~ -*д*ур — отглагол. словообр. глагола, 5-я пор. 75, 180, 181
 -*дурук* ~ -*д*урук — отымени. словообр. имени 125

і, і

- і* ~ -*і* — форма принадл. 3 л. ед. и мн. ч. 78, 115, 116, 213
 -*і* ~ -*і* — вин. пад. 35, 105, 226
 -*і* ~ -*і* — деепр. 241
 -*і*з ~ -*і*з — отглагол. словообр. имени 131
 -*і*з ~ -*і*з — вин. пад. 235, 237, 243
 -*і*з ~ -*і*з — отглагол. словообр. глагола, 5-я пор. 181
 -*і*к ~ -*і*к — то же, 3-я пор. 179
 -*і*к ~ -*і*к — отглагол. словообр. имени 127
 -*і*л ~ -*і*л — отглагол. словообр. глагола, 3-я пор. 178, 179
 -*і*м ~ -*і*м — форма принадл. 1 л. ед. ч. 115, 116, 117
 -*і*міз ~ -*і*міз — то же, 1 л. мн. ч. 116
 -*і*мтул ~ -*і*мтул — интенсив 131, 238
 -*ін* ~ -*ін* — орудн. пад. 234
 -*ін* ~ -*ін* — отглагол. словообр. имени 127
 -*ін* ~ -*ін* — отглагол. словообр. глагола, 2-я пор. 178
 -*ін* ~ -*ін* — разделит. числит. 140
 -*інч* ~ -*інч* — субстант. отглагол. имя 144, 239
 -*інч* ~ -*інч* — порядк. числит. 21, 139, 232
 -*інчі* ~ -*інчі* — то же 138, 139, 232
 -*ін* ~ -*ін* — пов. накл. 2 л. ед. и мн. ч. 155, 175
 -*ін* ~ -*ін* — форма принадл. 2 л. ед. ч. 116, 117
 -*ін* ~ -*ін* — форма сопряж. состояния 35
 -*і*ңіз ~ -*і*ңіз — форма принадл. 2 л. мн. ч. 76
 -*і*ңіз ~ -*і*ңіз — пов. накл. 2 л. мн. ч. 55, 155, 175
 -*і*л ~ -*і*л — деепр. 55, 171, 172
 -*і*р ~ -*і*р — прич. 145, 146, 147
 -*і*сар ~ -*і*сар — наст.-буд. вр. 3 л. ед. ч. 23
 -*і*т ~ -*і*т — отглагол. словообр. глагола, 5-я пор. 180

- іш* ~ -*іш* — то же, 4-я пор. 180
 -*іш* ~ -*іш* — субстант. отглагол. имя 143, 239
 -*і* — перс. изафет 214

ј

- ј* — деепр. 170
 -*јі* ~ -*јі* — вин. пад. 105, 226
 -*јі* — перс. изафет 214
 -*јім* ~ -*јім* — предлаг.-жел. накл. 1 л. ед. ч. 21
 -*јін* ~ -*јін* — то же 156, 160, 175, 240, 243
 -*(ј)ік* ~ -*(ј)ік* — то же, 1-ое л. мн. ч. 175, 245
 -*ју* ~ -*ју* — деепр. 21

к, к

- к* ~ -*к* — отымени. словообр. глагола 184
 -*к* ~ -*к* — отглагол. словообр. имени 127
 -*ка* ~ -*к*а — дат. пад. 105, 106
 -*ка* ~ -*к*а — отглагол. словообр. имени 128
 -*как* ~ -*к*ак — то же 128
 -*кал* ~ -*к*ал — то же 129
 -*кар* ~ -*к*ар — отымени. словообр. глагола 184
 -*кар* ~ -*к*ар — отглагол. словообр. глагола, 5-я пор. 180, 181, 182
 -*кач* ~ -*к*ач — деепр. 174
 -*кача* ~ -*к*ач^а — предельн. пад. 109
 -*кі* ~ -*к*і — отымени. словообр. имени 123
 -*кіч* ~ -*к*іч — отглагол. словообр. имени 127
 -*кун* ~ -*к*ун — то же 127, 238
 -*кур* ~ -*к*ур — отглагол. словообр. глагола, 5-я пор. 180, 181, 182
 -*куч* ~ -*к*уч — отглагол. словообр. имени 127

л

- л* — отглагол. словообр. имени 129
 -*л* ~ -*л* — отглагол. словообр. глагола, 3-я пор. 178, 179
 -*лајін* ~ -*л*јін — уподобит. форма 112, 237
 -*лају* ~ -*л*ју — то же 237, 243
 -*лак* ~ -*л*ак — отымени. словообр. имени 123
 -*ла(н)* ~ -*л*а(н) — отымени. словообр. глагола 183, 184

- ланчі* ~ -*л*анчі — порядк. числит. 245
 -*лар* ~ -*л*ар — мн. ч. 77, 118, 119, 156, 238
 -*ла(м)* ~ -*л*а(м) — отымени. словообр. глагола 183, 184
 -*ла(ш)* ~ -*л*а(ш) — то же 183, 184
 -*лі* ~ -*л*і — предлаг.-жел. накл. 1 л. мн. ч. 156, 157, 160, 175, 240, 244
 -*лі* ~ -*л*і — относит. форма сущ. 125
 -*ліб* ~ -*л*із — абстр. и относит. форма сущ. 120, 121, 122, 124
 -*лік* ~ -*л*ік — то же 120, 121, 122, 124
 -*лім* ~ -*л*ім — предлаг.-жел. накл. 1 л. мн. ч. 21, 157, 240
 -*лің* ~ -*л*ің — предлаг.-жел. накл. 1 л. мн. ч. 21, 157, 175, 240
 -*лу* ~ -*л*у — относит. форма сущ. 125, 224
 -*луф* ~ -*л*уф — абстр. и относит. форма сущ. 75
 -*лук* ~ -*л*ук — то же 75

м

- м* — форма принадл. 1 л. ед. ч. 115, 116, 117, 176
 -*ма* ~ -*м*а — то же 127
 -*ма* ~ -*м*а — отриц. афф.-инфикс 141
 -*мак* ~ -*м*ак — субстант. отглагол. имя 143, 144, 224, 239
 -*ман* ~ -*м*ан — наст.-буд. вр. 1 л. ед. ч. 35, 167
 -*манам* — то же 167
 -*мас* ~ -*м*ас — прич. 147
 -*мач* ~ -*м*ач — отглагол. словообр. имени 128
 -*міз* ~ -*м*із — форма принадл. 1 л. мн. ч. 77, 115, 116, 176
 -*міш* ~ -*м*іш — прич. 77, 147, 148, 224
 -*мішам* ~ -*м*ішам — прош. вр. 1 л. ед. ч. 35, 148, 224, 231, 246
 -*мтул* ~ -*м*тул — интенсив 131, 238
 -*мук* ~ -*м*ук — отымени. словообр. имени 126
 -*мур* ~ -*м*ур — отглагол. словообр. имени 128

н

- н* — вин. пад. для формы принадл. 3 л. ед. и мн. ч. 77, 104
 -*н* — отглагол. словообр. глагола, 2 пор. 178
 -*на* ~ -*н*а — отымени. словообр. глагола 184
 -*ні* ~ -*н*і — вин. пад. 104

- нї ~ -ні — стяж. форма сопряж. сост. 113
 -нїң ~ -нїң — форма сопряж. сост. 76, 112, 113, 114, 115
 -нуң ~ -нўң — то же 76, 112, 113, 114, 115
 -нч — субстант. отглагол. имя 76, 144, 239, 243
 -нчі ~ -нчі — порядк. числит. 139

ц

- ң — пов. накл. 2 л. ед. и мн. ч. 155
 -ң — форма принадл. 2 л. ед. ч. 75, 115, 116, 117, 176
 -ңіз ~ -ңіз — пов. накл. 2 л. мн. ч. 155
 -ңіз ~ -ңіз — форма принадл. 2 л. ед. ч. 75, 115, 116, 117, 176
 -ңуз ~ -ңўз — то же 76, 115, 116
 -ңуз ~ -ңўз — пов. накл. 2 л. мн. ч. 155

п

- п — деепр. 172

р

- р — отыменн. словообр. глагола 184
 -р — прич. 55, 145, 146, 147, 224
 -рак ~ -рәк — интенсив 123, 125, 130, 131
 -рар ~ -рәр — разделит. числит. 233
 -ра(н) ~ -рә(н) — отыменн. словообр. глагола 184
 -рі — отглагол. словообр. имени 131
 -руғ ~ -рўғ — то же 128
 -рук ~ -рўк — то же 128

с

- са ~ -сә — усл. накл. 3 л. ед. и мн. ч. 21, 161, 162, 163
 -сак ~ -сәк — то же, 1 л. мн. ч. 161, 162, 163
 -сам ~ -сәм — то же, 1 л. ед. ч. 161, 162, 163
 -саң ~ -сәң — то же, 2 л. ед. ч. 161, 162, 163
 -саңіз ~ -сәңіз — то же, 2 л. мн. ч. 161, 162, 163
 -сар ~ -сәр — то же, 3 л. ед. и мн. ч. 230
 -сат ~ -сәт — отглагол. словообр. глагола, 5-я пор. 181
 -сі ~ -сә — форма принадл. 3 л. ед. и мн. ч. 115, 116, 213

- сїғ ~ -сїг — уподобит. форма 237, 243
 -сїз ~ -сїз — форма именн. привативности 76, 122
 -сїн ~ -сїн — отыменн. словообр. глагола 184
 -су ~ -сў — предлаг. жел. накл. 3 л. ед. и мн. ч. 240, 243
 -суз ~ -сўз — форма именн. привативности 76
 -сук — отнаречн. словообр. имени 132
 -сун ~ -сўн — предлаг.-жел. накл. 3 л. ед. и мн. ч. 55, 75, 157, 158, 160, 175, 240
 -сунї ~ -сўнї — то же, 3 л. ед. и* мн. ч. 243

т

- т — отглагол. словообр. глагола, 5-я пор. 181
 -такї ~ -тәкї — отыменн. словообр. имени 124
 -таш ~ -тәш — то же 125
 -тәк — уподобит. форма 111
 -ті ~ -тә — прош. вр. 3 л. ед. и мн. ч. 55, 78, 164, 165
 -тім ~ -тәм — то же, 1 л. ед. ч. 164, 165
 -тін ~ -тін — исх. пад. 77, 107, 108
 -тің ~ -тін — прош. вр. 2 л. ед. ч. 164, 165
 -тук ~ -түк — отыменн. словообр. имени 125, 164, 165
 -тук ~ -түк — прош. вр. 1 л. мн. ч. 74, 164, 165
 -тум ~ -түм — то же, 1 л. ед. ч. 74, 164, 165
 -туң ~ -түң — то же, 2 л. ед. ч. 74, 164, 165
 -тур ~ -түр — отглагол. словообр. глагола, 5-я пор. 180, 181

у, ў

- у ~ -ў — деепр. 171, 241
 -у ~ -ў — пов. накл. 2 л. ед. ч. (?) 152, 153, 154
 -у(в) ~ -ў(в) — субстант. отглагол. имя 145
 -уғ ~ -ўғ — отглагол. словообр. имени 131
 -ук ~ -үк — отыменн. словообр. глагола 184
 -ул ~ -үл — отглагол. словообр. глагола, 3-я пор. 75, 178

- ум ~ -ўм — отглагол. словообр. имени 127
 -ум ~ -ўм — форма принадл. 1 л. ед. ч. 75, 127
 -умїз ~ -ўмїз — то же, 1 л. мн. ч. 77
 -умтул ~ -ўмтүл — интенсив 131
 -ун ~ -ўн — отглагол. словообр. глагола, 2-я пор. 75, 178
 -ун ~ -ўн — отглагол. словообр. имени 132
 -унч ~ -ўнч — порядк. числит. 139
 -унч ~ -ўнч — субстант. отглагол. имя 76, 144, 239
 -унч ~ -ўнч — порядк. числит. 76, 78
 -уң ~ -ўң — форма сопряж. сост. 35
 -уң ~ -ўң — пов. накл. 2 л. ед. и мн. ч. 75
 -уңіз ~ -ўңіз — форма принадл. 2 л. мн. ч. 76
 -уңуз ~ -ўңўз — то же 76
 -уңуз ~ -ўңўз — пов. накл. 2 л. мн. ч. 155
 -уп ~ -ўп — деепр. 75, 76
 -ур ~ -ўр — прич. 75, 112, 145, 146, 147
 -ур ~ -ўр — отглагол. словообр. глагола, 5-я пор. 180, 181
 -ут ~ -ўт — то же 180

- уш ~ -ўш — отглагол. словообр. глагола, 4-я пор. 75, 180
 -уш ~ -ўш — субстант. отглагол. имя 143

ч

- ча ~ -чә — предельн. пад. 109, 110
 -чак ~ -чәк — отглагол. словообр. имени 127
 -чак ~ -чәк — отыменн. словообр. имени 125
 -чан ~ -чән — отглагол. словообр. имени 128
 -чі ~ -чә — отыменн. словообр. имени 124
 -чил ~ -чил — интенсив 131

ш

- ш — субстант. отглагол. имя 143
 -ш — отглагол. словообр. глагола, 4-я пор. 180
 -шар ~ -шәр — разделит. числит. 139, 140, 233
 -шил ~ -шил — интенсив 131
 -шур ~ -шүр — отглагол. словообр. глагола, 5-я пор. 181

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Сокращения	3
Предисловие	6
Введение	9
История изучения староузбекского языка	9
Краткая характеристика узбекского языка рассматриваемого периода	12
Исторические обстоятельства образования узбекской народности и формирования староузбекского языка	16
Краткий обзор источников	19
Произведения художественной и историко-мемуарной литературы . .	20
Золотоордынский цикл	20
Предшественники Нава'и	25
Нава'и, Бабур и их современники	36
Произведения религиозной и дидактической литературы	46
Памятники делового языка, эпиграфические тексты	49
Словари, грамматики, филологические трактаты	52
О принципах отбора источников	61
Глава I. Фонетика	64
Гласные	66
Краткие гласные	70
Долгие гласные	72
Гармония гласных	73
Распределение гласных	78
Согласные	79
Простые согласные	79
Долгие, или удвоенные, согласные	88
Распределение согласных	87
Фонетические явления в области гласных и согласных	91
Фонетическая структура слога и слова	95
Особенности восприятия заимствованных слов	96
Глава II. Морфология	98
Части речи	99
Имя	99
Словоизменение имени	99
Формы падежа	100
Уподобительная форма	111
Форма сопряженного состояния	112

Формы лица-принадлежности	115
Формы числа	117
Словообразование имени	120
Собственно имена	123
Существительное	123
Формы отыменных образований	123
Формы отглагольных образований	126
Прилагательное	130
Формы отыменных образований	130
Формы отглагольных образований	131
Формы отнаречных образований	132
Местоимения	132
Личные местоимения	132
Указательные местоимения	133
Возвратно-усилительные местоимения	134
Определительно-обобщающие местоимения	134
Отрицательные местоимения	135
Неопределенные местоимения	136
Вопросительные и относительные местоимения	136
Числительные	137
Количественные числительные	137
Порядковые числительные	138
Собирательные числительные	139
Разделительные числительные	139
Обобщенно-утвердительные и обобщенно отрицательные	
имена	140
„Пустые“ имена	141
Отглагольные имена	141
Субстантивные отглагольные имена	143
Причастия	145
Глагол	151
Словоизменение глагола	151
Формы полной вербальности	152
Формы повелительного и предлагательно-желательного	
наклонения	152
Форма условного наклонения	161
Формы изъявительного наклонения	164
Формы неполной вербальности (Деепричастия)	167
Формы лица и числа	175
Словообразование глагола	177
Формы отглагольного словообразования	177
Формы отыменного и отнаречного словообразования . . .	183
Наречие	184
Обстоятельственные слова	185
Изобразительно-выразительные слова	187

Частицы речи	188
Послелоги	189
Предлоги	193
Собственно частицы I (постпозитивные)	199
Собственно частицы II (препозитивные)	203
Союзы	204
Сочинительные союзы	204
Подчинительные союзы	207
Глава III. Синтаксис	211
Член предложения	211
Сочетание	212
Оборот	216
Предложение	217
Простое предложение	218
Сложное предложение	219
Выражение прямой и косвенной речи	220
Заключение	222
Общая характеристика староузбекского языка XIV—XVI вв.	222
Отношение староузбекского языка к восточнотуркестанскому	228
Отражение диалектных особенностей в памятниках староузбекского языка	243
Приложения:	
I. Система староузбекского стихосложения	247
II. Краткий словарь грамматических терминов	256
III. Таблицы сочетаемости аффиксов	263
Имя	263
Глагол	265
Указатель аффиксов	267

Александр Михайлович Щербак

ГРАММАТИКА СТАРОУЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Утверждено к печати

Институтом языкознания Академии Наук СССР

Редактор Издательства А. А. Зырин. Художник Д. С. Данилов. Технический редактор Н. А. Круликова. Корректоры К. И. Вилре и В. А. Пузиков

Сдано в набор 10 января 1962 г. Подписано к печати 26 июня 1962 г. РИСО АН СССР № 26—103В. Формат бумаги 60 × 90¹/₁₆. Бум. л. 8⁵/₈. Печ. л. 17¹/₄ = 17¹/₄ усл. печ. л. Уч.-изд. л. 15.56. Изд. № 1538. Тип. зак. № 509. М-42153. Тираж 1800.

Цена 1 р. 03 к.

Ленинградское отделение Изд. Акад. наук СССР. Ленинград, В-164, Менделеевская л., 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР. Ленинград, В-34, 9 л., 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

В МАГАЗИНАХ КОНТОРЫ «АКАДЕМБНИГА»

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка.

Том I. Фонетическое введение и морфология имен-ных частей речи. 1959. 282 стр. Цена 1 р. 69 к.

Том II. Морфология глагольных и наречных частей речи, междометий, служебных слов и частиц. 1961. 294 стр. Цена 1 р. 71 к.

Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. Том II. Фонетика и морфология. Часть 1. Части речи и слово-образование. 1952. 542 стр. Цена 80 коп.

Бокарев Е. А. Цезские (диодойские) языки Даге-стана. 1959. 292 стр. Цена 1 р. 39 к.

Будагов Р. А. Этюды по синтаксису румынского языка. 1958. 233 стр. Цена 82 коп.

Вопросы башкирской филологии. Сборник статей. 1959. 160 стр. Цена 92 коп.

Вопросы грамматики и истории восточных языков. 1958. 244 стр. Цена 96 коп.

Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. 1961. 283 стр. Цена 1 р. 47 к.

Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. 1957. 240 стр. Цена 1 р. 14 к.

Зарубин И. И. Шугнанские тексты и словарь. 1960. 386 стр. Цена 1 р. 81 к.

Кононов А. Н. Грамматика современного узбек-ского языка. 1960. 446 стр. Цена 2 р. 08 к.

Майзель С. С. Изафет в турецком языке. 1957. 186 стр. Цена 86 коп.

Микайлов Ш. И. Очерки аварской диалектологии. 1959. 512 стр. Цена 2 р. 30 к.

Миллер Б. В. Талышский язык. 1953. 266 стр. Цена 1 р. 28 к.

Младописьменные языки народов СССР. Сборник статей. 1959. 503 стр. Цена 2 р. 09 к.

Некоторые вопросы китайской грамматики. 1957. 128 стр. Цена 79 коп.

Пахалина Т. Н. Ишкашимский язык. Фонетика. Грам-матика. Тексты и словарь. 1959. 256 стр. Цена 1 р. 40 к.

Расторгуева В. С. Очерки по таджикской диалек-тологии.

Вып. 1. Варзобский говор. 1952. 206 стр. Цена 77 коп.

Вып. 2. Северные таджикские говоры. 1952. 324 стр.
Цена 1 р. 02 к.

Вып. 4. Южноферганские говоры и говоры Ура-
Тюбинской группы. 1961. 223 стр. Цена 67 коп.

**Севортян Э. В. Фонетика туредского литератур-
ного языка.** 1955. 150 стр. Цена 74 коп.

Скорик П. Я. Грамматика чукотского языка.
Часть 1. Фонетика и морфология именных частей речи.
1961. 448 стр. Цена 1 р. 97 к.

Соколова В. С. Бартагские тексты и словарь.
1960. 196 стр. Цена 1 р.

**Соколова В. С. Рушанские и хуфские тексты и
словарь.** 1959. 336 стр. Цена 1 р. 59 к.

**Соколова В. С. Очерки по фонетике иранских
языков. Часть II.** Осетинский, ягнобский и памирские
языки. 1953. 243 стр. Цена 1 р. 03 к.

Соколова В. С. Фонетика таджикского языка.
1949. 166 стр. Цена 1 р. 26 к.

**Щербак А. М. Грамматический очерк языка тюрк-
ских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана.**
1961. 204 стр. Цена 74 коп.

**Яковлев Н., Ашхамаф Д. Грамматика адыгейского
литературного языка.** 1941. 462 стр. Цена 2 р. 97 к.

**Яковлев Н. Ф. Грамматика литературного кабар-
дино-черкесского языка.** 1948. 372 стр. Цена 2 р. 79 к.

Ваши заказы на книги просим направлять по адресу:

Москва, К-12, Б. Черкасский пер., 2/10.

Контора „Академкнига“, отдел „Книга—почтой“
или в ближайший магазин „Академкнига“

Адреса магазинов „Академкнига“:

Москва, ул. Горького, 6 (магазин № 1); **Москва**, 1-й Ака-
демический проезд, 55/5 (магазин № 2); **Ленинград**, Ли-
тейный проспект, 57; **Свердловск**, ул. Белинского, 71в;
Киев, ул. Ленина, 42; **Харьков**, Горяиновский пер., 4/6;
Алма-Ата, ул. Фурманова, 129; **Ташкент**, ул. Карла
Маркса, 29; **Баку**, ул. Джапаридзе, 13.

При получении заказа — книги, как имеющиеся в на-
личии, так и печатающиеся (по поступлении их в про-
дажу), будут направлены в Ваш адрес наложенным плате-
жом. Пересылка за счет заказчика.

Предварительные заказы на книги принимаются
также местными магазинами книготоргов и потреби-
тельской кооперации.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стро- ница	Строка	Напечатано	Должно быть
16	2 снизу	пājtaḥt	пājtaḥtī
17	4 „	стр. 37	стр. 73
39	12 „	1488	1498
56	13 сверху	اوور	اوور
63	2 „	jān	jān
140	6 снизу	нав 'jīncijāt	нав' jīncijāt
220	11 „	kīlalī	нэчк kīlalī

А. М. Щербак.